

Славянские
народы
Юго-Восточной Европы
и
Россия
в XVIII в.

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**Славянские
народы
Юго-Восточной Европы
и
Россия
в XVIII в.**

МОСКВА
«НАУКА»
2003

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
С 47

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 02-01-16054д.*

Ответственный редактор
доктор исторических наук *И.И. Лещиловская*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Л.В. Горина*,
кандидат исторических наук *А.В. Карасев*

Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. /
Отв. ред. И.И. Лещиловская; Ин-т славяноведения. – М.: Наука,
2003. – 315 с.

ISBN 5-02-008854-4 (в пер.)

В книге впервые дается комплексное освещение взаимоотношений славянских народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII в. Раскрыто влияние России на общественное развитие балканских славян, роль российского фактора в их духовной жизни. Освещается вооруженная борьба балканских славян против Турции в годы русско-турецких войн, их моральная поддержка России. Проанализирована политика России на Балканах в XVIII в. с учетом геополитического положения страны и определена степень ее соответствия направлению исторического развития подвластных Турции славянских народов. Рассматривается переселенческое движение представителей южных славян в Россию. Раскрыто значение взаимосвязей славянских народов Юго-Восточной Европы и России для обеих сторон.

Для историков, преподавателей и студентов вузов, а также всех интересующих историей и культурой XVIII в.

ТП-2003-1-№ 277
ISBN 5-02-008854-4

© Российская академия наук, 2003
© Издательство “Наука”, художественное
оформление, 2003

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношения славянских народов Юго-Восточной Европы и России в разные эпохи всегда были и остаются предметом научного внимания историков и представителей других гуманитарных наук в России и за рубежом. Настоящий труд выполнен в Институте славяноведения РАН при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-01-00101а).

XVIII век занимает особое место в истории отношений славянских народов Юго-Восточной Европы и России. Именно в этот период начались оживление, обогащение этих связей и обретение ими качественно нового характера в результате развития внутренних процессов в жизни этих народов и формирования нового, балканского направления во внешней политике России. Принципиальное значение в этом плане имели победоносные для России русско-турецкие войны, изменившие международную расстановку сил на Балканах и открывшие для угнетенных народов региона реальную перспективу освобождения от власти Турции в опоре на Россию.

Проблема взаимоотношений славянских народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII в. имеет особую актуальность в связи с замалчиванием в последнее время в зарубежной литературе плодотворности этих контактов для обеих сторон и с утверждениями об извечной ориентации балканских славян на Запад.

История взаимоотношений балканских славян и России в XVIII в. получила отражение во многих научных работах в нашей стране и за рубежом. В последние десятилетия в СССР и России вышли обобщающие страноведческие труды, монографии о балканской политике российского правительства, книги и многочисленные статьи, посвященные хронологически или национально ограниченному кругу вопросов, конкретным сюжетам из истории русско-южнославянских связей, наконец, публикации источников. Среди этих работ заслуживают быть отмеченными подготовленный совместно советскими и югославскими историками сборник документов "Политические и культурные отношения России с

югославянскими землями в XVIII в.” (М., 1984), монография А.П. Бажовой “Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в.” (М., 1982), книги “Век Екатерины II: Россия и Балканы” (М., 1998), “Век Екатерины II. Дела балканские” (М., 2000), изданный в 1986 г. Сербской академией наук и искусств сборник статей “Югославянские земли и Россия в XVIII веке”. Это – солидные, углубляющие научное понимание проблемы труды. Но в них либо раскрывается история отношений части южнославянских народов с Россией, либо изучение ограничивается второй половиной XVIII в.

Настоящий труд представляет собой первое комплексное исследование, охватывающее отношения всех балканских славян с Россией; раскрывающее церковные, культурные, политические и зарождавшиеся экономические связи на протяжении целого столетия. Новизной труда является систематическое описание взаимоотношений славянских народов Юго-Восточной Европы и России в тесной связи с балканской политикой российского правительства в XVIII в. Картина русско-южнославянских контактов представлена на фоне важных исторических процессов, протекавших в Австрийской монархии, Османской империи и Венецианской республике, где проживали угнетенные славянские народы, в контексте международных противоречий на Балканах.

Методологической основой коллективного труда является системный подход, который ориентирует применительно к истории на изучение в целостности сложного явления конкретной эпохи, понимание взаимообусловленности и взаимозависимости составных компонентов и рассмотрение его как части макросистемы, в данном случае исторического процесса.

XVIII век в истории российской внешней политики был ознаменован включением в нее Балкан. В труде поставлены исследовательские задачи раскрыть время зарождения и этапы формирования балканской политики России в XVIII в., ее задачи, место славян в круге идей и действий российского правительства, отклики славянских народов Юго-Восточной Европы и их воздействие на внешнеполитический курс Петербурга, значение его политики для судеб России и народов Балкан.

Авторы отошли от устоявшегося в советской литературе тенденциозного положения о корыстных интересах и экспансии царизма на Балканах, но объективно положительном значении результатов российской внешней политики в этом регионе для исторического развития угнетенных славян. В монографии рассматриваются зарождение и развитие балканской политики России, исходя из геополитического положения и вытекающих отсюда коренных интересов крупной страны. Это означает освещение проблемы с учетом географического, демографического, политического, экономического и историко-традиционного факторов. Важное место славянских на-

родов Юго-Восточной Европы во внешней политике Петербурга определялось общностью интересов России и угнетенных славян перед лицом Турции.

В труде раскрываются этапы внешнеполитической деятельности российского правительства на балканском направлении, особенности каждого из них с учетом российско-славянского сотрудничества.

В коллективном труде полномасштабное решение для России жизненно важной черноморской проблемы и освобождение угнетенных народов Балкан от османской власти рассматриваются как взаимосвязанные исторические задачи, предполагавшие в качестве обязательного и необходимого условия ослабление Турции. Это является исходным положением в понимании авторским коллективом балканской политики российского правительства и балканского вопроса в целом.

Преодолев идеологическую ограниченность, авторы определяют начальный момент осознания русской государственной мыслью интересов России на Балканах, выясняют эволюцию взглядов на актуальные задачи и реализацию оценки ситуации во внешнеполитической практике. В книге политика России в Юго-Восточной Европе оценивается с точки зрения как государственных интересов страны, так и потребностей исторического развития балканских славян, с учетом реальных возможностей России для решения черноморской проблемы и помощи славянам на разных этапах развития государства, в условиях сплетения разноплановых международных противоречий в регионе.

В свете этого неизменный внешнеполитический постулат Петра I и Екатерины II – освобождение христиан от власти Турции – выглядит в труде, в противовес бытующим суждениям об извечном лицемерии царизма, как результат глубокого понимания великими государственными деятелями России многоплановости черноморской и тем более средиземноморской проблем.

Ключевым сюжетом для понимания русско-южнославянских связей в первой четверти XVIII в. является Прутский поход Петра I. В труде он освещается в условиях активизации русско-южнославянских отношений, хотя в разгар Северной войны был вынужденным актом царя, продиктованным вызовом Турции. В книге, несмотря на неудачу Прутской кампании Петра I, показано ее вдохновляющее воздействие на психологическую атмосферу в южных славянских пределах. С этого времени в сознании балканских славян прочно утверждается культ Петра I, полководца и героя в борьбе с Турцией.

Балканская политика России не только встречала отклик со стороны славянских народов, но в известной степени получала импульсы от них. Она подкреплялась разными формами русско-южнославянских связей.

Новый подход позволяет глубже осветить предпосылки оживления этих отношений в XVIII в., показать обогащение и взаимозависимость их форм, раскрыть многозначную функцию каждой из них, определить значение связей в целом для исторического развития русского народа и балканских славян в рассматриваемое время.

В коллективной монографии впервые комплексно раскрывается место России в духовной жизни славян Юго-Восточной Европы и взгляд на нее из южнославянского далека.

Сложной научной проблемой остается участие южных славян в русско-турецких войнах в форме вооруженных действий и других акций на местах против турок. Эта сложность заключается в недоступности и нехватке фактического материала и противоречивости самой исторической обстановки. Призывы Петра I и Екатерины II к поддержке балканскими христианами российской армии в ходе русско-турецких войн рассматривались иногда как проявление своекорыстия и авантюризма царизма ввиду последующих за окончанием войн карательных мер турок против повстанцев. Но преобладает в российской научной литературе точка зрения, согласно которой в ходе русско-турецких войн формировалось боевое сотрудничество русских и южных славян, без учета осложняющих его обстоятельств.

Авторы коллективного труда не уходят от противоречий исторической действительности. В монографии раскрывается трудный путь формирования у образованных представителей южнославянских народов понимания национального освобождения от власти Турции через сочетание собственной освободительной борьбы с военной помощью России. Именно так развернулся на Балканах освободительный процесс в XIX в. Не упускалась из виду единоверная Россия и в стремлении славян к достижению равноправного положения во владениях Австрии и Венеции.

Особо показаны в книге противоречивые взаимоотношения Дубровницкой республики и России в XVIII в. до прекращения существования этого государства в 1808 г.

Важное место в труде занимает освещение переселенческого движения славян из австрийских, турецких и венецианских владений в Россию. Раскрываются причины переселения, его этапы, меры российского правительства в отношении переселенцев, их обустройство в южных областях страны. Авторы не замалчивают трудностей вживания переселенцев в российскую жизнь, противоречий в самой славянской среде. Картина миграционного процесса включает исторические портреты наиболее видных славян, рассказы об их судьбах и деятельности в России.

Одной из задач исследования является изучение вклада мигрантов-славян в хозяйственное, военное и культурное строительство России. В книге уделено также внимание связям пересе-

ленцев с изначальной родиной, их участие в национальном культурном процессе. Переселение славян из Юго-Восточной Европы в Россию представлено как форма российско-южнославянских связей.

Композиция труда определяется поставленными исследовательскими задачами. Главы носят проблемный характер. Авторы сочли целесообразным называть столицу Османской империи в соответствии с исторической реальностью Стамбулом, сохранив традиционные в литературе названия города Константинополь и Царьград лишь в цитатах.

Научно-организационная работа проведена О.В. Медведевой.

И.И. Лециловская

ПОЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XVIII ВЕКЕ

СЕРБЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ТУРЦИИ И АВСТРИИ

В XVIII в. сербский народ населял территорию, входившую в состав Османской империи, Австрийской монархии и Венецианской республики. В конце столетия в государстве Габсбургов насчитывалось 650–680 тыс. сербов¹. В Сербии проживало около 1 млн человек и примерно столько же сербов – в других балканских провинциях под властью Порты, а также во владениях Республики Св. Марка². На протяжении веков сербы подвергались чужеземному угнетению. Однако были неодинаковы положение сербского народа в составе разных государств, уровень социально-экономического развития и условия общественной жизни.

В XVIII в. Османская империя все более обнаруживала признаки структурного кризиса. Они получили выражение в разложении основополагающего принципа экономики – абсолютной собственности султаната на большую часть земли, в ослаблении “вертикали власти” и военных поражениях. Разрушительные процессы получили всеобъемлющий характер, но проявлялись они в разных провинциях европейской части империи неодинаково.

На протяжении столетия углублялось размежевание между христианами и мусульманами, и понятие “райя” (подданные) в униженном значении закрепилось за христианским населением османского государства. Ослабление центральной власти сопровождалось анархией, произволом и бесчинствами османов над райей.

Территория расселения сербов в составе Османской империи была разделена административными границами. Ее основная часть входила в Белградский пашалык. Сербь населяли также Боснийский, Лесковацкий и Видинский пашалыки. Но понятие “Сербия” сохранялось в людской памяти и сербской литературе.

В условиях разложения военного позднесредневекового строя Османской империи, в ходе трех австро-турецких войн Сербия подвергалась военным опустошениям, свирепым грабежам османов. Традиционными социальными институтами жизни народа были сельская община, обладавшая правом сбора налогов и распределения повинностей, и патриархальная семья – задруга, в мире насилия

последняя защита и убежище для райи. Они сыграли важную роль в противостоянии угнетению и сохранении этнической самобытности сербов.

Огромную роль у сербов играла православная церковь. В 1766 г. турецкие власти ликвидировали Печскую патриархию – единственную организационную институцию, охватывающую всех сербов. Территория ее юрисдикции была подчинена Константинопольскому патриаршеству, находившемуся в руках греческого фанариотского духовенства. При этом Карловацкая митрополия в Австрийской монархии, распространявшая церковную власть на православное население Баната, Бачки, Барани, Срема, Славонии, Хорватии, Средней части Подунавья до Буды, Сент-Андреи и Коморана, а также Цетинская митрополия стали фактически самостоятельными. На протяжении второй половины XVIII в. нарастали противоречия между местной сербской церковью на Балканах с ее близостью антитурецким настроениям райи и Константинопольским патриаршеством, традиционно придерживавшимся проосманской ориентации.

Сербская церковь на Балканах продолжала играть связующую роль. Поддерживая у сербов сознание их былой государственности, она самоотверженно хранила косовские традиции – традиции героического сопротивления иноземному угнетению, ведущие свое начало с трагической битвы объединенных сербских сил против османских завоевателей в 1389 г. на Косово поле. И хотя позиция высшей православной иерархии в сербской среде на Балканах в отношении османской власти была лояльной или колеблющейся, на местном уровне церковь в общем и целом давала населению антиосманские ориентиры.

Особо следует отметить роль православной церкви в сохранении сербских древностей и реликвий, являвшихся символом былого величия, старины и значимости народа. В сочетании с церковными фресками на сербские темы, иконами с изображениями “своих” святых они выполняли помимо религиозной и национально-воспитательную функцию. Актуальный общественный смысл средневекового культурного достояния сербов осознавался и турецкими властями. Османы периодически разоряли и опустошали сербские монастыри и церкви не только с целью грабежа, но и уничтожения народных святынь. Репрессиям и гонениям подвергались также переписчики книг. Оберегая средневековый культурный фонд, православная церковь поддерживала историческое сознание народа и создавала условия для преемственности историко-культурного развития.

В условиях разделения территории расселения сербов между чужеземными государствами и притом проживания их в ряде земель вперемешку с другими народами, в обстановке исламизации и германизации православная церковь выполняла важную роль по поддержанию у сербов этнического самосознания, чувства общно-

сти исторических судеб, понимания целостности народа. Церковь давала в условиях неистовой анархии, бесконечных кровавых мятежей и произвола турок утешение простым людям и помогала выжить. Но в то же время православная церковь была частью позднесредневековой системы, ей были свойственны по многим аспектам консервативно-охранительные черты и конфессиональная изолированность, хотя сама жизнь побуждала ее приспособляться к меняющимся условиям.

Балканы представляли собой регион с исключительными особенностями социально-экономического развития. Характерной чертой аграрных отношений в Сербии во второй половине XVIII в. было ускорение процесса почитлечения – насильственного захвата, преимущественно мусульманами, земли в полную собственность. Это вело к усилению крестьянских тягот³. Аграрные процессы разворачивались на фоне периодического разрушения сел в ходе австро-турецких войн и эпидемии чумы. Но райя использовала военные передышки и послабления угнетательского режима для наращивания производства земледельческих продуктов и особенно скота.

На особенности османской экономической системы накладывались характерные черты сербской жизни с ее задругой, старинными обычаями хозяйственной взаимопомощи односельчан, общинными интересами. Все это создавало особый социальный мир сербского села.

Важной чертой хозяйственной жизни Сербии была растущая торговля скотом на протяжении XVIII в. с прилегающими землями Австрийской монархии и транзитом через нее со Средней Европой.

В Сербии извечное противостояние сельского мира городу усугублялось тем, что города здесь были средоточием турецкой администрации и войск, склонных ко всякого рода бесчинствам. В них по численности и хозяйственной активности преобладали мусульмане, греки, армяне и другие национальности⁴.

В конце XVIII в. социально-экономический строй Сербии начал претерпевать изменения. Его доминантой было неудержимое втягивание крестьянских хозяйств в орбиту внешнего рынка. Торговля связывала сербское село с набравшей в Европе силу свободной рыночной экономикой.

В Сербии монолитность сербского населения, находившего в патриархальных институтах опору для выживания, общность его интересов перед лицом угнетателей сочетались с появлением в конце века зажиточных крестьян – скупщиков и торговцев скотом. Они выделялись по роду занятий (но не по образу жизни), достатку, положению, пользовались общественным авторитетом и играли ведущую роль в местном самоуправлении. Именно зажиточные скотоводы-прасолы, связанные жизненными нитями с крестьянской гущей, остро ощущавшие всю тяжесть османского произвола на селе, неграмотные, но благодаря своей деятельности располагавшие разным

рода информацией, выдвинулись в Сербии во главу национальной жизни. Этот слой не оторвался от села, но он не укладывался и в его патриархальные рамки.

Развитие городского населения на Балканах протекало в условиях позднесредневековой государственной регламентации всех сторон экономической жизни. Больше свободы и накопления представляла торговля. Во второй половине XVIII в. ряд православных балканских торговцев совершали сделки в Австрии и Германии вплоть до Пешта, Вены и Лейпцига. Они надолго задерживались и даже селились в крупных городах монархии и Адриатического побережья. Их отношения с местными торговцами были сложными – от сотрудничества до конфликтов на конкурентной основе. При этом сербы не порывали связей с родными краями. С 70-х годов под давлением Вены ускорился процесс их перехода в австрийское подданство. Так они сливались с местной торгово-предпринимательской средой⁵. Проживавшие в балканских городах сербские торговцы и ремесленники вели восточный образ жизни, но они были сплочены в рамках церковных общин.

1690 г. стал судьбоносным для большей части сербского народа. Именно тогда 60–70 тыс. сербов, живших под властью султана, в ходе австро-турецкой войны и отступления австрийских войск, спасаясь от насилий и зверств со стороны турок, переселились во главе с патриархом Арсением III Черноевичем в государство Габсбургов. Безудержными и массовыми были эмиграционные волны, связанные с австро-турецкими войнами 1737–1739 и 1788–1790 гг. Сербь населили в основном исторические области Бараню, Бачку, Банат и Срем, в которых истари проживало сербское население. В XIX в. за ними закрепилось название Воеводины.

Эти земли были присоединены к Австрийской монархии в результате войн с Турцией по Карловацкому миру 1699 г. и Пожаревацкому миру 1718 г. Согласно последнему договору, под власть Габсбургов отошла и большая часть Сербии с Белградом. Однако по условиям Белградского мира 1739 г. Австрия утратила их. Сербские поселения сложились также в средней Венгрии, Хорватии и Австрии.

В XVIII в. территория основного расселения сербов в Австрийской монархии имела разное административно-политическое устройство. Районы гражданского управления (так называемый “Провинциал”) входили в состав Венгрии и Славонии. Венгерское королевство, располагая средневековой конституцией, занимало особое положение в государстве Габсбургов. В течение столетия на пограничной с Турцией территории вдоль Савы, Тиссы и Дуная формировалась Военная Граница как область военных поселений. Она подчинялась австрийским властям. После многочисленных реформ статус Границы был окончательно утвержден “Основным законом” 1807 г.

Положение сербского народа в габсбургском государстве определялось нормативными актами—“Привилегиями”⁶. Желая привлечь сербов и заселить опустошенные войной пограничные с Турцией области, австрийский монарх Леопольд I в 1690–1695 гг. даровал православным поселенцам права, согласно которым они находились под защитой монарха и пользовались автономией. Митрополит был признан главой православного населения. “Привилегии” стали основой борьбы между сербами, стремившимися упрочить свое положение в монархии, и Габсбургами с их политикой ограничения привилегий православных исключительно церковными делами. Во второй половине XVIII в. австрийские монархи в обстановке антигабсбургского венгерского восстания под руководством Ракоци II и двух войн с Турцией были вынуждены неоднократно подтверждать права сербов. Но тенденция была к сокращению объема привилегий.

Во второй половине XVIII в. положение сербов существенно изменилось. 60–80-е годы в Австрийской монархии характеризовались реформами “просвещенного” абсолютизма. Они оказали двойственное влияние на развитие сербов. В 1779 г. была издана “Декларатория”, дополненная в 1782 г. консисториальной системой. Вплоть до 1868 г. они определяли положение православной церкви в монархии. В 1781 г. Иосиф II знаменитым декретом “О веротерпимости” провозгласил свободу отправления христианских культов. Декрет не означал равноправия православия и государственного католицизма, но расширял общественные возможности православных подданных.

“Декларатория” свела автономию сербов к церковным и школьным делам, подвергнув их прямому надзору со стороны австрийского государства. Правительственный акт утверждал автокефальность православной церкви в монархии. Ее главой был митрополит, который избирался народно-церковным собранием – церковным и общественным форумом, состоявшим из представителей Провинциала и Военной Границы, и утверждался Веной. Реформы “просвещенного” абсолютизма способствовали секуляризации общественной жизни сербов. В то же время, подрывая и без того ограниченную автономию православного населения, они означали укрепление централизаторского режима и упрочение над сербами власти Габсбургов.

В годы “просвещенного абсолютизма” сербы столкнулись с насильственной германизацией. При Иосифе II немецкий язык стал официальным языком во всем государстве. На Военной Границе германизация местных жителей постоянно была частью австрийской политики. В конце XVIII в. нависла угроза мадьяризации невенгерского населения Венгерского королевства. Несмотря на церковную автономию, сербский народ постоянно подвергался религиозному давлению. На протяжении XVIII в. католическое и униатское духовенство при скрытой, а иногда и явной поддержке государственно-

го аппарата упорно навязывало сербам унию. Это был один из путей упрочения над ними господства Габсбургов.

Поскольку часть территории, на которой проживали сербы, входила в состав короны Св. Иштвана, венгерское дворянство претендовало на полновластное господство над ней.

Наращение государственного бюрократического давления в сочетании с “просвещенными” реформами Марии Терезии и Иосифа II, натиск венгерского дворянства, нажим католической церкви, с одной стороны, и начавшееся национальное пробуждение других угнетенных народов в “лоскутной монархии” – с другой, – все это создавало политический фон национального развития сербского народа под властью Габсбургов.

Особенность положения сербов состояла в том, что они постоянно присутствовали в австро-российских отношениях. Политика венского двора в отношении них зависела от приливов и отливов сотрудничества с Россией. В свою очередь, русские официальные круги строили контакты с этой частью сербского населения с учетом интересов Австрии. Сербские деятели, представлявшие народ вовне, лавировали между дворами.

Переселение в Австрийскую монархию ввело часть сербов в сферу западной цивилизации. Положение их было более стабильным, чем на Балканах. Это благоприятствовало их общественному развитию.

Во второй половине XVIII в. экономическая ситуация на землях основного расселения сербов в монархии характеризовалась нарастающим включением господских владений, имевших средневековую организацию, в рынок, появлением ростков свободного рыночного хозяйства в виде мануфактур, увеличением внутренней и внешней торговли. Начавшийся процесс ломки привычных форм хозяйствования тяжело сказывался на положении зависимых крестьян, столкнувшихся с сокращением старинных угодий и возрастанием повинностей. Полная милитаризация Военной Границы сопровождалась лишением граничар самоуправления, былых хозяйственных свобод, введением дополнительных платежей и отработок⁷.

С 70-х годов XVIII в. Среднее Подунавье постепенно превращалось в житницу Европы. В эти же годы и объем австро-турецкой торговли удвоился, имея тенденцию дальнейшего роста. Основная часть товарного потока Средняя Европа–Восток шла через Земун и Белград. В 1780 г. доходы земунской таможни составляли огромную для того времени сумму – около 100 тыс. форинтов. Сербию и среднедунайские земли монархии экономически связывали как двусторонний обмен, так и международный транзит через них⁸.

Социальная картина сербского населения в Австрийской монархии отличалась от балканской. Самое видное положение занимало в сербской среде высокое православное духовенство. Оно было носи-

телем ограниченной автономии православного населения и организатором противостояния католицизму. Лояльное австрийским властям сербское духовенство в то же время занимало антиосманскую позицию. В течение XVIII в. в Австрийской монархии сложился немногочисленный слой сербов-дворян, получивших (или купивших) дипломы в качестве вознаграждения за заслуги перед короной. Однако, гетерогенные по условиям происхождения и жизни, они не играли самостоятельной общественной роли.

Зато все более уверенно на историческую арену выдвигалась новая социальная сила – сербские городские торговцы и предприниматели. Они занимались разносторонней хозяйственной деятельностью, но главное место в ней принадлежало торговле хлебом и скотом. Среди них имелись денежные люди, располагавшие солидными капиталами и поддерживавшие деловые связи с Риекой, Триестом, Грацем, Веной, Пештом и другими австрийскими центрами, а также городами Османской империи. Деловые сербы держали в своих руках значительную часть торговли с Турцией, Италией и играли важную роль в экономике Венгрии и Хорватии. Они поддерживали тесные контакты с Сербией, носившие главным образом деловой, но также личный и родственный характер. Сербы-горожане проявляли высокую активность в общественных делах в рамках сербских привилегий. Все это делало их значительным фактором национальной жизни⁹.

У сербов в Австрийской монархии, в отличие от Балкан, формировалась национальная интеллигенция. Этому способствовали, в частности, реформы “просвещенного абсолютизма”, которые при всей своей противоречивости благодаря антиклерикальной направленности утверждали светские начала в жизни. Сербская интеллигенция получала образование в протестантских лицеях, в университетах Вены и Пешта, а также Германии (Галле, Лейпциг, Гёттинген), что способствовало ее контактам с представителями европейской прогрессивной мысли. Она сосредоточивалась в основном в Пеште и Нови-Саде. Особый разряд сербской интеллигенции образовывали граничарские офицеры, крепко связанные со своим народом.

Основу социальной пирамиды составлял простой народ – крестьяне и граничары. Как и всюду на исходе позднего средневековья, сербские крестьяне стремились получить землю и освободиться от тягот. Граничары, составлявшие треть австрийской армии, несмотря на милитаристский гнет, находились в более благоприятном положении, нежели крестьяне. Страх перед дворянским произволом был среди сербов-граничар настолько велик, что тысячи из них в связи с демилитаризацией ряда секторов Границы и присоединением их к Провинциалу в середине столетия предпочли переселиться в Россию, нежели оказаться под юрисдикцией венгерских дворянских властей.

Во второй половине XVIII в. ведущие социальные противоречия в Баране, Бачке, Банате и Среме между землевладельцами и военной бюрократией, с одной стороны, крестьянами и граничарами с другой – переплетались с национальными и конфессиональными противоречиями, общей обеспокоенностью сербов своей судьбой, недовольством разного рода. Напряженное состояние общества подогревалось постоянными слухами и известиями о кровавых насилиях над соплеменниками за кордоном.

В XVIII в. между землями с сербским населением, входившими в состав разных государств, поддерживались постоянные связи. Крепли торговые отношения между австрийским Средним Подунавьем, Сербией и Боснией. Массовые перемещения сербов с юга на север и с востока на запад, их смешение способствовали поддержанию в народе сознания целостности. В 1718–1739 гг. и в 1788–1790 гг. часть Сербии находилась под австрийским управлением. Между сербами под властью Турции, Австрии и Венеции существовали обыденные контакты, питавшие на бытовом уровне живую ткань “мира сербов”. Но главное – они сохранили свой язык, этноним, единое религиозное и культурное пространство. Это было залогом сбережения этнической индивидуальности и формирования национальной общности народа, разные части которого в исторических судьбах временно разошлись.

Темпы общественного развития сербов в разных государствах были неодинаковы, что сказывалось на состоянии их духовной жизни в рамках целостного культурного пространства.

Традиционной сферой сербской культуры был фольклор. Его живительные родники находились на Балканах. Отсутствие здесь аристократической среды, консервация патриархальных устоев жизни, удаленность от центров Запада и Востока с их культурными влияниями, живучесть идеалов героического эпоса – все это способствовало сохранению и развитию фольклорной традиции.

В XVIII в. устное народное творчество было живой силой, которая проникала в быт и сознание разных слоев сербского населения независимо от государственных границ, играя этносвязующую роль. Эпическая поэзия, наиболее характерная часть сербского словесного фольклора, создавалась и бытовала в условиях постоянного сопротивления сербов чужеземному угнетению. Поэтому ее пафос составляли ненависть к поработителям, мечта о свободе, беспредельная любовь к родной земле. Трагические песни Косовского цикла с их вечным призывом к отмщению, юнацкие песни, прославлявшие народных героев, цикл песен о богатыре Марко-кравеиче передавали страдания, надежды и стойкость народа, а также стабильность исторической памяти неграмотной части населения. Устная поэзия, несущая общесербские героические идеалы, поддерживала вольнолюбивый дух сербства. Через нее выражалось отношение и к современности. Фольклор, сопровождавший земной путь серба с колыбе-

ли до смерти, проникнутый этическими, эстетическими и историческими представлениями крестьянства, оказывал постоянное влияние на ментальность народа.

Особое место в духовной жизни сербов занимала православная церковная культура. В XVIII в. комплекс церковной архитектуры, культовой живописи, обслуживающего богослужение декоративно-прикладного искусства, а также устных проповедей, наставлявший в вероучении и раскрывавший христианские ценности, оказывал сильное действие на психологию и сознание верующих. Церковная культура была нацелена прежде всего на упрочение православия и его защиту перед лицом постоянной угрозы со стороны католицизма и ислама. Религия в умах и душах сербов, помимо ее основной мировоззренческой функции, сжилась с этнической самоидентификацией. Сбережение в чистоте веры было равнозначно в массовом понимании обеспечению существования народа.

Церковная культура, исполненная верности исторической традиции, являла собой связь времен и духовного пространства сербов. В то же время она характеризовалась конфессиональной замкнутостью, что в определенных условиях неизбежно вело к духовной консервации и застою. Однако ветер перемен затронул и ее, в первую очередь у сербов в Австрийской монархии. При незыблемости религиозных догм и обрядов церковное искусство, преимущественно архитектура и живопись, стало осторожно отходить от обветшалых византийских канонов и приобщаться к барокко. Это означало начавшееся освоение православной церковной культурой современных ценностей европейской цивилизации.

Во второй половине XVIII в. общее оживление жизни сербов получило выражение в подъеме культуры. Заметно увеличилась масса интеллектуальной и художественной продукции, появились неизвестные ранее виды культуры, возросло число светских лиц, занимавшихся творческой деятельностью, получили развитие новые явления в духовной жизни, расширилась сеть распространения духовных ценностей среди населения. За последние два десятилетия XVIII в. было издано сербских книг в 1,5 раза больше, чем за 40 лет до этого. Все это касалось главным образом духовного развития сербов в габсбургском государстве, но ростки свежих ветвей проявлялись и на Балканах, в частности в иконописи. Главное в сербском культурном процессе в рассматриваемое время состояло в наращивании удельного веса и значения светского направления.

Духовные искания образованных творческих сербов получили выход в освоении эстетики барокко, означавшей более глубокое понимание жизни и человека. Тем самым сербская культура приобщалась к магистральному пути общеевропейского интеллектуального и художественного развития.

Изменения жизни и образа мышления обусловили складывание идейно-культурной системы национального Просвещения. С ним

был связан период в развитии сербской культуры с 1783 г., когда в печати выступил писатель Досифей Обрадович, до середины первого десятилетия XIX в., начала и развития антиосманского Первого сербского восстания.

Сербское Просвещение представляло сложную идейную систему, опиравшуюся на достижения отечественной мысли и испытывавшую влияние современных передовых европейских учений. Оно отразило запросы общества на переходе от позднего средневековья к новому времени. Основанная на философии рационализма его доктрина включала идею прогресса, “естественный закон”, утверждавший равенство людей от природы, принцип веротерпимости, критику существующей православной церкви, национальное самосознание. Ее доминантой была великая идея Свободы, трактуемая в философско-нравственном смысле как свобода разума и духа человека. Деятели Просвещения, проникнутые национальным чувством, ставили задачей повышение интеллектуального и нравственного уровня сербов как необходимого условия улучшения мира и достижения благоденствия¹⁰.

Отличительной чертой сербского Просвещения была его направленность на простых людей, на крестьян. Оно вселяло в сербов уверенность в будущем, утверждая право человека на счастье и его способность изменить жизнь к лучшему.

Деятельность представителей сербского Просвещения развернулась в Австрийской монархии. Его глава Досифей Обрадович жил педагогическим и писательским трудом, что означало его востребованность обществом. Его имя было в сербской среде общеизвестно. В 1801 г. А. Стойкович, писатель и ученый, в предисловии к своей “Физике” отмечал, что “серб книги г. Досифея с большой охотой читает”¹¹. Сочинения писателя пользовались почитанием прежде всего среди сербских торговцев и интеллигенции, особенно у молодых образованных сербов, в габсбургском государстве. Почти поголовная неграмотность населения на Балканах была существенным препятствием для распространения здесь передовых идей, выработанных и приспособленных для крестьянского восприятия национальными деятелями Просвещения. И тем не менее в Сербию разными путями проникали книги, в основном учебные и церковные, но также и сочинения Обрадовича. В 1800 г. Лукиан Мушицки, в то время студент в Пеште, а впоследствии видный поэт, отмечал, что книги “нашего милого Обрадовича” “рассеяны по Венгрии, Славонии, даже до Смедерева и Черногории”¹². И все же торговцы Сербии не столько посредством литературы, сколько благодаря личному общению с партнерами в Австрийской монархии были осведомлены о национальных культурных явлениях “за Савой”. Сербское Просвещение внесло вклад в развитие национального культурного пространства сербов на демократических принципах.

В условиях жизни сербов фольклор, православная церковная культура и Просвещение – эти разные по истокам, сущности, временному развитию явления – действовали в конечном итоге в одном направлении поддержания чувства целостности народа, сознания общности исторической судьбы и неприятия османского господства.

Во второй половине XVIII в. у сербов протекал процесс перехода от культуры позднесредневекового характера к национальной культуре нового времени. Его развитие, проходившее неравномерно ввиду неодинаковых условий жизни народа в разных государствах, интенсивно продвигалось в рамках Австрийской монархии. При этом новая культура имела духовное основание в виде этнического самосознания сербов, языка и бытовой культуры на всей территории проживания народа.

Характерной чертой нового духовного уклада у сербов было пронзительное желание образованных людей познать свой народ, его корни, его союзников и врагов, понять пути в будущее. Духовная атмосфера была проникнута разного рода беспокойством, надеждой на помощь и ожиданием перемен. Все это в сочетании с изменениями в международной обстановке на Балканах накладывалось на традиционные русско-сербские связи, усиливая в них антиосманскую направленность, потребность в сотрудничестве и движение к обновлению.

---

¹ Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV, т. 1: Срби у XVIII веку. С. 216.

² Караџић В. Географическо-статистическо описаније Србије // Сабрана дела. Београд, 1969. Књ. 8. С. 156.

³ Историја српског народа. С. 323–325.

⁴ Историја Београда. Београд, 1974. Књ. 1. С. 691, 692, 750; Стојанчевић В. Градови, вароши, паланке и тржишта пред Први српски устанак 1804. године: Културно-историјска проблематика // Градска култура на Балкану (XV–XIX век). Београд, 1984. С. 145, 150, 156, 158, 160.

⁵ Гавриловић С. Прилог историји трговине и миграције Балкан-Подунавље XVIII и XIX столећа. Београд, 1969. С. 10, 11, 12.

⁶ Радонић Ј., Костић М. Српске привилегије од 1690 до 1792. Београд, 1954; Форишковић А. Привилегије срба у Угарској 1740–1790 // Зборник за историју. Нови Сад, 1980. Св. 22.

⁷ См.: Гавриловић С. Урбарилална експлоатација кмета у јужној Угарској XVIII–XIX века // Зборник за историју. Нови Сад, 1982. Св. 25; Он же. Скица за историју аграрних односа од краја XVIII до средине XIX века на подручју данашњег Војводине // Историјски часопис. 1988. Књ. XXXV.

⁸ Гавриловић С. Прилог историји трговине и миграције Балкан-Подунавље... С. 10 и след.

⁹ Историја српског народа. С. 229–230, 269–271, 295, 297.

¹⁰ Подробно о културном развоју сербов см.: Лециловска И.И. Сербска култура XVIII века. М., 1994.

¹¹ Стојковић А. Фисика. В Будиме, 1801. Ч. 1. Предисловие к читателю.

¹² Цит. по кн.: Костић М. Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX в. Београд, 1952. С. 262.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

В XVIII в. Босния и Герцеговина входили в состав Османской империи. Некоторое время после австро-турецкой войны 1716–1718 гг. северные районы Боснии находились в руках Габсбургов. Босния и Герцеговина составляли Боснийский пашалык.

Западная окраина султаната, граничившая с Австрийской монархией и Республикой Св. Марка, пашалык имел стратегическое значение. Во время войн Турции с Австрией и Венецией он становился ареной боевых действий. Босния собственными силами защищала себя от соседей, поставляя при этом центру для отправки на другие театры военных действий десятки тысяч воинов. Это создавало условия для сепаратизма местной мусульманской знати, нередко противостоявшей центральной власти с оружием в руках. Непослушание Боснии Порте особенно проявлялось во время русско-турецких войн, когда турецкая армия остро нуждалась в пополнении.

XVIII столетие в политической истории Боснии и Герцеговины характеризовалось злоупотреблениями и коррупцией властей, произволом над райей, янычарскими бунтами, междоусобицами и кровавыми разборками между военными группировками. Тщетно валии, управители пашалыка, проводившие политику центра, жестокими мерами пытались остановить нарастающий кризис власти и векового устройства и привести к подчинению боснийский еялет.

Босния и Герцеговина существенно отличались от других земель с южнославянским населением в демографическом отношении. Еще в XV–XVI вв. здесь развернулся процесс массового перехода в ислам местных крестьян. Так называемая исламизация провинции – темпы, масштабы и мотивация распространения ислама среди славянского населения – остается исторической загадкой. Исламизация в сочетании с миграционными процессами существенно изменили этнический состав населения Боснии и Герцеговины. Массовое принятие славянским крестьянством ислама означало не просто смену религиозных обрядов, но затронуло и изменило его жизненные устои, открыло воздействию совершенно иной культурной среды, сказалось на духовном облике и бытовой культуре. В Боснии и Герцеговине, наряду с сербами и хорватами, вычленилась и обособилась мусульманская часть славянского населения.

На исходе XVII в. в связи с войной Священной лиги с Турцией произошло массовое переселение католического населения из Боснии в основном в Славонию и, наоборот, бегство мусульман с территорий, перешедших по Карловацкому миру 1699 г. к Австрийской монархии и Венеции, в соседние турецкие провинции¹. Эти процессы увеличили удельный вес мусульманского населения в Боснийском пашалыке. Положение мусульман и христиан здесь, как и всюду в

Османской империи, существенно различалось. В XVIII в. центральная власть ввела дополнительные уничижительные ограничения для христиан.

Социально-экономическое развитие Боснии и Герцеговины в XVIII в. протекало под знаком нарастающего разложения военной системы, сопровождавшегося социальным перерождением верхнего слоя мусульман. Боснийские спахии, составлявшие элитную конницу, неудержимо превращались в читлук-сахибиев. Военные активно включались в хозяйственную и административно-политическую жизнь. Это протекало на фоне общего упадка авторитета центра.

В Боснии процесс почитлечения получил самые грубые формы, выражаясь нередко в насильственном сгоме крестьян с земли. Он захватил главным образом христиан. Увеличение налогов, связанное с ростом военных расходов государства, появление новых и возрастание старых повинностей как результат почитлечения, возведение крепостей с многочисленными гарнизонами в пограничье, терроризирование населения мятежными янычарами, возмещавшими на райе нерегулярные выплаты содержания, – все это тяжким бременем ложилось на народ.

Крестьяне, мусульмане и христиане, отказывались выполнять повинности, сопротивлялись разнузданности мусульманской знати. Социальные бунты, продолжавшиеся иногда по несколько лет, переплетались с волнениями военных, создавая общий хаос. Христиане бежали в австрийские и венецианские пределы, уходили в гайдуки².

При всех политических и социальных перипетиях общее материальное положение Боснии и Герцеговины во второй половине XVIII в. укреплялось. Главное место в хозяйстве провинции занимало скотоводство. Растущий спрос на скот на внешнем рынке, пограничное положение пашалыка создавали условия для экспортной и транзитной торговли.

Босния и Герцеговина являлись хозяйственной базой Дубровника и портовых городов Далмации. В последних десятилетиях XVIII в. боснийские караваны прибывали в Дубровник почти ежедневно. Только из Требине его ежегодно посещали с торговыми целями 150 человек, мусульман и православных. Боснийские местные и транзитные товары, сельскохозяйственные и ремесленные, следовали через адриатические порты в основном в Италию. В свою очередь поступающие в Боснию и Герцеговину колониальная продукция, ткани, рыба, соль и прочее расходились в разные края Балкан. Босния вела также небольшую торговлю с соседними землями Австрийской монархии. Провинция была привязана и к международному торговому пути Белград–Салонки³. Однако турецкая система с ее грабежами и бесчинствами затрудняла реализацию хозяйственного потенциала провинции.

Боснийские города пользовались привилегиями, которые делали их положение в определенной мере автономными. Городские предводители (аяны) распространяли свое политическое влияние и за пределами городов. Главными средоточиями бесчисленного множества ремесел и живой торговли были Сараево, Травник, Мостар и Баня-Лука. Боснийские ремесленники и торговцы были организованы в цехи независимо от религиозной принадлежности. В XVIII в. шел процесс сращивания янычар, которые были расквартированы в городах, с цехами. Эта среда была особенно подвержена мятежам и смутам.

Крупным городом на Балканах был Сараево. Он и Травник попеременно являлись центрами Боснийского пашалыка. В Сараево располагались турецкая администрация, главный лагерь янычар, которых в середине XVIII в. насчитывалось 961 человек. В городе действовали 31 ремесленный цех с 2000 членов и десятков торговых цехов. В сотрудничестве с янычарами они оказывали большое влияние на жизнь города⁴. Хозяйственно-бытовой облик Сараево дополняли постоянные дворы, караван-сарай, кафаны. Многоязычный и социально пестрый Сараево в результате преобладания мусульманского населения, характера хозяйственной жизни и господствующей бытовой культуры был восточным городом. Такова была участь и других городов в Боснии и Герцеговине.

В XVIII в. подавляющую часть сараевских торговцев, которые были связаны с Дубровником, составляли сербы. Ежегодно из Сараево в этот город прибывали 60–80 человек, часть из которых становилась постоянными жителями. Сараевские торговцы селились также в портах Далмации и далее вплоть до Вены, Лейпцига, Нови-Сада. В конце века “сарайлии”, временно или постоянно пребывающие в Дубровнике, участвовали в экспорте боснийско-герцеговинских товаров в Триест, Риеку, Анкону и Венецию. Были среди них купцы, сколотившие солидные состояния⁵.

В церковном отношении христиане Боснии и Герцеговины, как православные, так и католики, составлявшие автономное образование, до 1766 г. подчинялись Печской патриархии, а после ее ликвидации находились в ведении Константинопольской патриархии. Впрочем последняя не проявляла интереса к боснийской пастве. Как и в других землях Османской империи, в Боснии и Герцеговине наиболее униженной частью населения были сербы, хотя их положение здесь было лучше, чем на юге Сербии и особенно в Косово, где они подвергались не только экономическому ограблению, но и физическому уничтожению в результате нападений арбанасов (албанцев) на сербские села, захвата земель и выселения крестьян.

Очагами православия в Боснийском пашалыке были монастыри. Среди институтов, поддерживавших сербов, особое положение занимали церковные общины в городах, которые объединяли торговцев и ремесленников⁶. Православная церковная об-

щина в Сараево, благодаря богатству, численности членов и автономии, пользовалась большим авторитетом среди сербов в Боснии и за ее пределами.

В культурной жизни боснийских христиан заметным явлением была деятельность францисканцев. При католических монастырях создавались школы. Монахи писали хроники, церковные сочинения, издавали рукописи прошлых времен (в основном религиозно-морализаторского содержания) с использованием боснийской кириллицы. Православная культура находилась в традиционном состоянии. Широкое распространение получила в провинции мусульманская культура, оплотом которой были быт, духовные школы и дервишские ордена⁷.

---

¹ Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II. С. 1233.

² *Sučeska A. Neke osobenosti u procesu čitlučenja u Bosni i Hercegovini u XVIII stoljeću // Godišnjak Pravnog fakulteta. Sarajevo, 1973. XXI; Idem. Seljačke bune u Bosni u XVII i XVIII stoljeću // Godišnjak Istorijskog društva Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1969. XVII.*

³ *Винавер В. Дубровник и Турска у XVIII веку. Београд, 1960. С. 71; Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV, т. 1. С. 494, 495; Perić Š. Dalmacija uoči pada Mletačke republike. Zagreb, 1980. S. 155 i sl.*

⁴ Историја народа Југославије. С. 1245; Историја српског народа. Књ. IV, т. 1. С. 437.

⁵ *Винавер В. Сарајевски трговци у Дубровнику средином XVIII века // Godišnjak društva istoričara Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1954; Он же. Дубровник и Турска... С. 71.*

⁶ Историја српског народа. С. 456, 457.

⁷ Историја народа Југославије. С. 1249–1251.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В ДАЛМАЦИИ И БОКЕ КОТОРСКОЙ. ДУБРОВНИЦКАЯ РЕСПУБЛИКА

Далмация и Бока Которская были наиболее обширными владениями Венеции. Население их составляло в 1771 г. 241 558, в 1780 г. – 264 744 и в 1795 г. – 288 320 человек. В начале 80-х годов здесь проживали 212 385 католиков (итальянцы и хорваты) и 51 071 православных (сербы)¹. В Боке Которской две трети населения составляли православные и треть – католики.

Военная, гражданская и судебная власть в Далмации и Боке принадлежала генеральному провидуру, который назначался венецианским Сенатом и находился в городе Задар. Административное деление и управление провинцией было пестрым. В приморских городах и на островах, сохранявших формальную автономию, реальная власть была в руках представителей венецианских властей. В континентальной части провинции, перешедшей к Венеции по Карловацкому миру 1699 г. и Пожаревацкому миру 1718 г., действовала военно-административная система при сохранении элементов

обычных форм общественных отношений. Властные структуры были поражены злоупотреблениями и коррупцией, которые чаще происходили от так называемых “народных” носителей власти, нежели от венецианских чиновников².

Хозяйственная жизнь Далмации была тесно связана с экономикой Венеции, и упадок последней в связи с перемещением морских путей в атлантические просторы оказывал влияние на ее восточно-адриатические владения. Ограничения, установленные центральными властями в отношении торговли Далмации с целью обеспечения полновластного господства Венеции на Адриатике, в свою очередь сдерживали развитие хозяйства провинции. Внутренние районы страдали в конце XVII – первой половине XVIII в. от венецианско-турецких войн.

В первой половине XVIII в. экономика Далмации находилась в состоянии застоя. Но во второй половине столетия наметились некоторые сдвиги в ее хозяйстве. В городах росло число ремесел и ремесленников, появились мануфактуры по производству свечей, ликера, канатов. Железоплавильный завод под городом Синь, на котором было занято несколько сот человек, имел черты фабричного предприятия. На подъеме были судостроение и морское судоходство. С 1789 до 1798 г. только на верфях острова Корчула было построено 59 торговых судов большого и 143 судна малого каботажа, в доках было отремонтировано 641 судно разного водоизмещения. Здесь были заняты 600–700 работников. Строились и ремонтировались суда также на островах Лошинь и Брач, в городах Трогир и Шибеник, на верфях в Боке Которской. В 1771 г. Далмация и Бока Которская имели 378 больших и 2148 малых судов, спустя десять лет их число увеличилось соответственно до 546 и 2756³. Далматинские суда бороздили воды Средиземноморья, выходя и за его пределы. Судовладельцы перевозили свои и чужие грузы.

Во второй половине XVIII в. Венеция по меркантилистическим мотивам ввела некоторые послабления для торговли Далмации. В сочетании с ростом местного производства это способствовало ее подъему. Далматинские товары направлялись в Венецию. Вместе с тем европейскую известность получили местные вино и суда. Особую роль в экономике провинции играла транзитная торговля. Далматинские города, уступая, правда, Дубровнику, становились посредниками между Балканами и Италией. В последние десятилетия XVIII в. боснийские караваны прибывали на далматинское побережье почти ежедневно. Бока Которская была рынком и выходом к морю для Черногории.

Более современные формы приобретала внутренняя и внешняя торговля Далмации. В провинции строились дороги. Появились некоторые виды оптовой торговли, стали работать ярмарки, возводились складские помещения, возникали фирмы, привлекались торговые агенты, было положено начало морскому страхованию товаров

и т.д. Однако плодами хозяйственного оживления провинции пользовалась прежде всего Венеция. Проводя полуколониальную политику в отношении восточноадриатических владений, она бесцеремонно грабила их.

Наиболее крупными городами в Далмации были Задар, Сплит, Шибеник и Трогир с населением свыше 4 тыс. человек каждый. На протяжении XVIII в. росла торговля Сплита, и в 1800 г. она достигла огромной суммы – более 1,5 млн золотых⁴. С 1783 г. в Сплите и с 1789 г. в Шибенике находились российские вице-консулы. Но их служба носила дипломатический характер.

Административным центром Боки Которской был город Котор. Морским судоходством, искусными моряками, но также и контрабандой был известен Пераст. В 1771 г. в Далмации и Боке насчитывалось около 3 тыс. моряков, из них половина приходилась на Боку. В 1781 г. в мореходстве было занято на 500 человек больше. При этом многие бокельцы служили в дубровницком и венецианском флотах. Народная память запечатлела в песнях образы и дела ускоков – перебежчиков из турецких владений, оседавших главным образом в Перасте. Влекомые чувством мести и не в последнюю очередь военными трофеями, они были активными участниками войн с Турцией⁵.

Видную роль в городской жизни Далмации играли дворяне. Они занимали должности, ревностно оберегали свои привилегии и вместе с тем приобщались к предпринимательству, торговле и судоходству. Хозяйственная активность обусловила укрепление торгово-ремесленного слоя в городах. Зажиточные торговцы разными способами приобретали землю, сочетали коммерческие операции с откупами, получая специальные права. Богатые горожане стремились упрочить свое положение и в политической жизни Далмации. Процесс шел в направлении хозяйственного и социального сближения дворян и торговой верхушки. Простолюдины городов были обременены многочисленными общественными обязанностями.

Аграрные отношения в Далмации были запутанными. В приморье и на островах их господствующей формой был колонат. Крестьяне на правах аренды держали участки земли, принадлежавшей дворянам, церкви или богатым горожанам, и обязанности колонов были фиксированы в письменном договоре, заключенном между собственником и арендатором. Эти обязанности были в разных районах неодинаковы.

В 1755 и 1756 гг. генеральный провидур Ф. Гримани в целях урегулирования аграрных отношений в континентальной части Далмации издал “Закон”. Он закреплял государственную собственность на землю на материке и обязанность крестьян и других пользователей за владение ею выплачивать казне десятину в натуре. Сбор ее государство отдавало на откуп. Пользователи государственной земли, в том числе и монастыри, нередко сдавали участки на основе догово-

ра в аренду. Но более тяжким бременем, чем эти повинности, ложились на крестьян разнообразные принудительные работы. На них было занято мужское сельское население от 16 до 60 лет, иногда до четырех дней в неделю⁶.

Обремененность крестьян повинностями усугублялась часто поражавшим село голодом и постоянной угрозой его из-за бесплодия каменистых земель и примитивности их обработки. Особенно трудным было положение сербских крестьян, которые кроме экономической эксплуатации подвергались давлению со стороны господствующей католической церкви и поддерживавших ее венецианских властей. Крестьяне в надежде на облегчение тягот перебирались в Австрийскую монархию и даже в Турцию, отказывались давать землевладельцам арендную плату, сопротивлялись сбору десятины, не подчинялись властям. Открытые волнения нередко подавлялись вооруженной силой. Крупные выступления крестьян произошли в 1704 г.

Вместе с тем шел процесс выделения из сельского населения старейшинской верхушки, обогащавшейся торговлей, откупам. Отдельные зажиточные старейшины пополняли ряды богатых горожан и даже становились дворянами.

Огромное влияние в обществе имело духовенство. В начале 80-х годов XVIII в. многочисленное католическое духовенство насчитывало в провинции 2404 священника и 885 монахов и монахинь, представленных францисканским и доминиканским орденами. Католическая церковь была организована в два архиепископства. Высокое духовенство и монастыри жили за счет приходов от собственной земли и другой недвижимости, сельское духовенство – приношений прихожан. Православная церковь в Далмации находилась в приниженном положении, несмотря на периодически декларируемую Венецией свободу вероисповедания. В провинции насчитывался 221 православный священник и монах. Православная церковь в Далмации подчинялась архиепископу в Венеции и непосредственно управлялась генеральным викарием или администратором. Местное духовенство тщетно добивалось учреждения православной епархии⁷. Церковь испытывала крайнюю нужду в богослужебных книгах, утвари, материальных средствах. Большой проблемой была подготовка священников, которые обучались в местных монастырях. Православное население в Боке Которской находилось под юрисдикцией черногорского владыки.

Далмация, единственная из балканских земель с южнославянским населением, испытывала сильное европейское влияние. В XVI–XVII вв. далматинские города пережили период расцвета, а культурная жизнь в них была отмечена замечательными образцами гуманистической литературы и зодчества Ренессанса.

В XVIII столетие Далмация вступила в состояние культурного застоя, отражавшего общее положение провинции. При этом като-

лическое дворянство и богатые горожане все более обособлялись, усваивая язык и бытовую культуру Италии. Шел процесс романизации зажиточной части хорватского населения приморья. Особенно сильно духовной жизни континентальной, аграрной части Далмации было использование в сельских католических парохиях в богослужении старославянского и даже живого народного языков и в церковной письменности глаголицы, а иногда и кириллицы. Это была сфера традиционной народной культуры, а также церковной и околоцерковной образованности.

С середины XVIII в. стал расти объем книжной продукции хорватов, появились новые виды литературы. К конфессиональной письменности и сочинениям заурядных стихотворцев на итальянском и хорватском языках прибавились книги по актуальным проблемам экономики в духе меркантилизма и физиократии, а также по истории на итальянском языке. Привычный ход литературной жизни был нарушен появлением двух неординарных личностей, творчество которых стало предвестником грядущих духовных перемен.

В 1747 г. францисканец, военный священник Филип Грабовац (1695–1750) издал светскую книгу “Цвет беседы народа и языка иллирийского, или же хорватского”. В стихотворениях и прозе на народном языке Грабовац раскрыл былое величие Далмации. Выразив горечь в связи с ее упадком, автор призвал соотечественников к единению. Патриотическое содержание книги не осталось без внимания венецианских властей. Судьба ее автора сложилась трагически, военный священник был брошен в тюрьму, где вскоре и умер.

С еще большей творческой силой будительско-патриотическую линию в литературе продолжил францисканец А. Качич-Миошич (1696–1760) своей книгой “Приятная беседа славянского народа” (1756). Написанная на языке, близком к народной речи, она была обращена к простому народу. Качич-Миошич в стихотворениях и прозе дал поэтизированную историю южных славян, которых понимал как единое целое, включил в сборник стилизованные “под эпос” свои сочинения и несколько народных песен. Книга, получившая широкий резонанс на славянском юге, оказала большое влияние на развитие литературы и ее языка у хорватов и сербов.

Заметным явлением в культурной жизни Европы стал выход в 1774 г. на итальянском языке, а также в немецком, английском и французском переводах книги итальянского ученого-натуралиста аббата А. Фортиса “Путешествие по Далмации”. В ней были даны географическое и этнографическое описания провинции и опубликована в оригинале и итальянском переводе славянская мусульманская народная песня “Хасанагиница”, получившая широкую известность. Книга Фортиса находилась в русле пробуждавшегося в далматинской образованной среде интереса к народному творчеству и способствовала его вовлечению в современный европейский культурный процесс⁸.

В русле европейских веяний была деятельность культурных обществ (академий) в Далмации. Первое из них с литературной направленностью появилось в Задаре еще в конце XVII в. В 1704 г. группа интеллектуалов основала в Сплите “Иллирскую академию”, задачей которой было культивирование народного языка. Там же в 1767 г. появилась “Сельскохозяйственная академия”, переименованная в 1774 г. в Экономическое общество. Она получила известность в Европе. С 1787 г. в Задаре развернула деятельность “Экономическо-сельскохозяйственная академия”. В следующем году подобного рода общество возникло и в Трогире. Внимание их членов было направлено на развитие в Далмации сельского хозяйства, рыболовства, ремесла и торговли.

В 1781 г. в Задаре было основано военное училище. В городах развивалось архивное дело, в начале века в Сплите была открыта первая в провинции публичная библиотека, появились книжные лавки. В Сплите и Задаре начали работать на постоянной основе итальянские театры. Повышался общий культурный уровень Далмации⁹.

В 1797 г. по Кампоформийскому миру, заключенному между Францией и Австрией, Венецианская республика прекратила свое существование и в числе ее владений Далмация и Бока Которская перешли под власть Габсбургов.

Французская революция и падение Венеции сказались на общественной ситуации в Далмации противоречивым образом. Интеллектуалы были захвачены анархией мнений по поводу будущего провинции. Среди простолюдинов и крестьян близ Шибеника, Сплита, Трогира начались волнения, проявившиеся в непослушании властям, отказах от выполнения повинностей и уплаты налогов, бегстве из армии. Но это было только начало переменчивой судьбы, которая ожидала Далмацию со вступлением в XIX столетие.

В северной Адриатике между Далмацией и Бокой Которской находилась Дубровницкая республика. Ее главный город Дубровник (лат. Рагуза), расположенный в неприступном с суши месте, окруженный богатыми предместьями, занимал исключительное стратегическое положение. В 1526 г. республика подпала под власть Турции. В XVIII в. юридически она находилась в вассальной зависимости от Османской империи, выражавшейся в уплате каждые три года харача-дани в сумме 12 500 дукатов. Но на практике Дубровник самостоятельно жил и строил свои внешние связи.

По государственно-политическому устройству это была аристократическая республика. Общее собрание властелей (дворян) составляло высший государственный орган – Большое вече. Оно избирало из числа своих членов Сенат, который в свою очередь ежемесячно выбирал князя (ректора). Сенату принадлежала полнота власти в период между заседаниями Большого веча.

Богатый и блистательный Дубровник, вечный соперник Венеции, был в XVI–XVII вв. очагом ренессансной культуры на Бал-

канах. Но в 1667 г. город пережил сильнейшее землетрясение, в результате которого он был основательно разрушен, а его жители лишились огромных богатств. Сейсмическая катастрофа, затянувшаяся Кандийская война, опустошительные боевые действия вблизи Дубровницкой республики и на ее территории в конце XVII – первой трети XVIII в. – все это обусловило затяжной упадок, а затем застой хозяйственной, общественной и культурной жизни Дубровника.

Но в середине XVIII в. в ходе войны за “австрийское наследство” (1741–1748), а затем во время Семилетней войны (1756–1763) европейские коммерсанты, ощутив потребность в торговых судах под нейтральным флагом, обратились к флоту Дубровницкой республики. Это вызвало быстрый подъем ее мореходства, не только средиземноморского, но и атлантического. Если в середине века Дубровник имел около 150 судов, то в конце столетия – более 270 с 3 тыс. матросов. Судоходство стало основой возрождавшегося богатства и международного признания республики.

На дубровницких судах перевозились товары, принадлежавшие, как правило, иноземным коммерсантам. Дубровницкие купцы вели слабую торговлю в Боснии, Герцеговине, Сербии и Болгарии. Торговля этих земель находилась в руках местных торговцев, для которых Дубровник являлся транзитным портом. В XVIII в. сельское хозяйство и ремесло удовлетворяли внутренние потребности республики. Недостаток зерна покрывался за счет импорта из Леванта, Южной Италии и Албании. Аграрные отношения строились в форме колоната.

Заметную печать на социальный облик Дубровника налагали судовладельцы и капитаны, подвижные, хорошо информированные, знавшие чужие страны, порядки и обычаи. Но в государственно-политической сфере главенствовали власти, консервативные по образу жизни и мышлению. Большим влиянием пользовалась в республике католическая церковь. Сельское население подвергалось возрастающим поборам. В конце XVIII в. волнения, охватившие Далмацию, перекинулись на дубровницкую житницу Конавле, расположенную на юго-западе республики. Только в 1800 г. крестьянское выступление было подавлено в результате вмешательства австрийских войск.

Духовная жизнь Дубровника развивалась в лоне католической культуры. До ликвидации в 1773 г. ордена иезуитов здесь были сильны их позиции. В администрации и науке господствовал латинский язык, в качестве исключения допускался итальянский. Штокавский диалект, разговорный язык сербов и части хорватов, на котором развивалась словесная культура дубровницкого Ренессанса, оставался уделом повседневной жизни, местного управления и стихотворной культуры. Среди интеллектуалов Дубровника существовало понимание общности славян. Наиболее отчет-

ливо это сознание выразил доминиканец аббат Мавро Орбин в историческом сочинении “Славянское царство” (1601), написанном на итальянском языке. Чувства славянского родства периодически проявлялись в литературе¹⁰.

¹ Perićić Š. Dalmacija uoči pada Mletačke republike. Zagreb, 1980. S. 15, 55.

² Ibid. S. 23 i sl.; *Станојевић Г.* Далматинске крајине у XVIII вијеку. Београд; Загреб, 1987.

³ Perićić Š. Op. cit. S. 122, 124.

⁴ *Фрејденберг М. М.* Дубровник и Османска империја. М., 1989. С. 232.

⁵ Perićić Š. Op. cit. S. 128; *Станојевић Г.* Југословенске земље у млетачко-турским ратовима XVI–XVIII вијека. Београд, 1970.

⁶ Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV, т. 2: Срби у XVIII веку. С. 27.

⁷ Perićić Š. Op. cit. S. 55; Историја српског народа. С. 48 и след.

⁸ *Данилова А. В.* Хорватска култура // Култура народа Централне и Југо-Восточне Европе у епоху Просвјетљенија. М., 1988. С. 150 и след.

⁹ Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. II: От почетка XVI до краја XVIII века. С. 1157–1158; *Perićić Š.* Op. cit.

¹⁰ Историја народа Југославије. Књ. II. С. 1129 и след.; *Винавер В.* Дубровник и Турска у XVIII веку. Београд, 1960; *Foretić V.* Povijest Dubrovnika do 1808 g. Zagreb, 1980. D. 2. Od 1526. do 1808.

ЧЕРНОГОРИЈА

Черногорија, расположена на југо-западе Балканског полуострова, првоначално састојала из петих нахија: Катунској, Пешивацкој, Риекској, Лешанској и Црмничкој (у даљњем Пешивацки соединились с Катунској). Это были исконные черногорские земли, так называемая Старая Черногорија. В ходе антиосманской борьбы ее территория расширялась путем объединения с Брдој. Нахии в свою очередь подразделялись на племена¹.

Гористая черногорская территория была ограждена цепью довольно высоких скал, в некоторых местах покрытых еловыми деревьями, что придавало им черный вид. Отсюда и произошло название Черной Горы (Montenegro). Черногорија граничила с Герцеговиной и Северной Албанией, находившимися в составе Османской империи. Турецкое господство на Балканах нарушило ее традиционные связи с Сербией. Выход к Адриатическому морю ей преграждали Венеция, к которой по Пожаревацкому миру (1718 г.) отошли приморские общины Грбаль, Побори, Маини, Браичи, а после падения Венецианской республики в 1797 г. – Австрия, завладевшая ее землями на Адриатике. Черногорцам некоторое время удавалось сохранить узкую полосу приморья, где располагался монастырь Станевичи – летняя резиденция митрополита.

Юридически Черногорија находилась в составе Османской империи. Порта включила ее в Шкодринский санджак. Однако чер-

ногорцы отказывались признать султанскую власть. В результате борьбы с Турцией им удалось добиться широкой автономии (так называемая филурджийская система). На черногорской территории не было турецкой системы аграрных отношений, а ее жители считались филурджиями – свободными. Согласно султанскому ферману, население освобождалось также от участия в турецких походах. В дальнейшем черногорцам удалось освободиться от такой вассальной обязанности, как охрана границы с Венецией. Так было положено начало фактической самостоятельности Черногории. Однако Порта продолжала настаивать на своем сюзеренитете и требовала уплаты дани. Каждый черногорец вне зависимости от размера его хозяйства обязывался платить налог-харач (по одному грошу с дома), который от имени Порты собирал шkodринский санджак-бег². Но только при помощи карательных экспедиций Османской империи удавалось заставлять Черногорию платить дань. Черногорцы не только продолжали настаивать на своей независимости, но и участвовали в антитурецких войнах европейских государств. Путешествуя в 1698 г. по Адриатике, П.А. Толстой, изучавший морское дело в Венеции, отметил в своем дневнике, что вблизи Котора и Пераста живут “вольные люди, которые называются черногорцы”. Они христианской веры и говорят на славянском языке, никому не подвластны, а воюют то с турками, то с венецианцами³.

Зажатая в горах между Османской империей и Венецией и почти изолированная от внешнего мира Черногория оставалась одной из самых отсталых территорий на Балканском полуострове. Поскольку она не получила международного признания, у нее полностью отсутствовала зафиксированная государственная граница. Неурегулированность государственного положения приводила к пограничным конфликтам. Кроме того, существовала постоянная угроза внезапного нападения со стороны Османской империи. Поэтому черногорцам постоянно приходилось быть на страже.

При слабо развитой экономике в Черногории продолжал сохраняться племенной сепаратизм, на почве которого часто возникали кровопролитные столкновения. В таких условиях возросло значение митрополита, который как глава православной церкви стал фактически правителем всех черногорских земель. Церковная власть митрополита распространялась также на православное население Приморья и Герцеговины. Первоначально митрополиты избирались на общеплеменной скупщине (народном собрании), или, как ее называли, “Общечерногорском зборе”. С избранием в 1700 г. церковным главой Данило Петровича Негоша митрополичий престол становится наследственным в династии Петровичей Негошей. В силу безбрачия митрополиты стали назначать своим наследником племянников, преемственность которых подтверждалась провозглашением на скупщине.

Данило Петрович впервые предпринял попытку добиться политического объединения черногорских племен. Это знаменовало собой начало нового этапа в развитии антиосманской борьбы Черногории – первые шаги к созданию единого независимого государства. Большую роль в этом прогрессивном начинании сыграло установление в 1711 г. политических связей Черногории с Россией, которая стала относиться к союзнику как к фактически независимому государству. Однако в силу целого ряда международных причин она не могла открыто признать ее независимость. Восприятие черногорцев как свободолюбивого, героического народа получило распространение и в среде русского общества.

Турция, захватив плодородные области Зеты, лишила черногорское население возможности заниматься земледелием. Черногорская территория почти сплошь состояла из каменистых склонов и скал. Только в долинах рек имелись небольшие площади плодородных земель – в Црмницкой и частично Риекской нахиях. Самой бедной нахией являлась Катунская, в которой только 2–3% поверхности было пригодно для земледелия. В целом же обрабатываемая земля состояла из маленьких клочков, разбросанных в котловинах и по склонам гор. Чтобы расширить посевную площадь, крестьяне искусственно создавали на каменистой поверхности пригодные для земледелия участки. Из-за недостатка обрабатываемых земель черногорцы были вынуждены заниматься скотоводством. Разводился преимущественно мелкий рогатый скот – овцы и козы. Горные условия благоприятствовали развитию скотоводства отгонно-пастбищного типа.

Недостаток плодородных земель обуславливал тяжелые условия жизни населения. Подавляющее большинство не могло прокормиться за счет своего скудного хозяйства. К тому же небольшие посевы уничтожались во время османских нашествий. Голод заставлял черногорцев добывать себе пропитание в пограничных областях Османской империи и Венеции. Черногорцы совершали набеги в Герцеговину, Северную Албанию и Приморье, угоняя оттуда скот. К этому особенно были вынуждены прибегать жители бедной Катунской нахии. Русский офицер М. Тарасов, посетив по поручению правительства в 1766 г. Черногорию, в “Примечаниях” к своему рапорту отметил бедственное положение черногорцев. “Земледелие, – писал он, – у них по причине каменных гор находится в таком бедном состоянии, что народ с великим трудом едва только нужное может иметь к пропитанию... По причине чего многие из них по неимению у них никаких художеств более в воровстве и грабительстве обретаются”⁴.

Черногорцы угоняли скот прежде всего у мусульманских землевладельцев и нападали на турецкие торговые караваны. Часть добычи они отдавали вдовам и сиротам, чьи родные погибли в борьбе. В таких случаях разбой принимал характер социального протеста про-

тив османского господства. В особенности это случалось тогда, когда черногорцы выступали в защиту своих порабощенных братьев. Но вместе с тем от разбоя страдало и пограничное население.

Общественно-экономические отношения в Черногории представляли собой сложное переплетение разных форм зависимости с многочисленными родоплеменными пережитками. Однако, находясь в окружении экономически более развитых государств, Черногория, хотя и очень медленно, втягивалась в торговлю, которая постепенно подтачивала родоплеменные отношения.

Племенная организация сохранялась в Черногории очень долго. Основу черногорских племен составляло не кровное родство, а территориальная общность, т.е. территориальный принцип, который является одним из критериев государственной организации⁵. Союз черногорских племен представлял собой военно-политическое территориальное объединение. Каждое из этих племен пользовалось самоуправлением. Между ними существовали слабые экономические связи. Медленное развитие торговых отношений способствовало сохранению племенного сепаратизма.

Хотя антиосманская борьба требовала объединения всех сил Черногории, здесь часто возникали межплеменные распри из-за земельных владений и угона скота. Усилению межплеменной розни способствовало сохранение обычая кровной мести. Междоусобицы длились на протяжении всего XVIII в. В особенности отрицательную роль играли возникавшие временами распри между черногорскими племенами, с одной стороны, и соседними брдскими — с другой (впоследствии произошло их объединение с Черногорией). “Племена Катун” бились с племенами Риеки и Црмници, пиперы воевали с белопавличами^{**}, а белопавличи в то же время с катунями⁶. Кровная месть унесла в Черногории больше людей, чем борьба с турками⁷.

Все это использовала Порта для закрепления своей власти над Черногорией. Перелом в межплеменных отношениях произошел только в 80–90-е годы XVIII в. Угроза османской агрессии способствовала консолидации всех внутренних сил для организации отпора⁸.

Значительную роль в жизни каждого черногорца играли общественные единицы или группы людей, основанные на принципе родства: братство и задруга. Наличие родоплеменных институтов являлось спецификой общественно-политического строя Черногории.

Если племя выступало как административно-территориальная единица, то в братствах более длительное время сохранялись кровно-родственные связи. В отличие от племени, где его члены могли свободно вступать в брак, это запрещалось лицам, принадлежащим к одному братству.

---

* Черногорские племена Катунской, Рискской и Црмницкой нахий.

** Брдские племена.

Во владении каждого племени, братства и села находились общинные угодья, которые носили название “коммунци”. В состав этих земель входили пастбища, луга и леса. Общими землями племени могли пользоваться только принадлежавшие к нему братства. Из-за пользования пастбищами и водоемами возникали столкновения, начавшие утихать по мере укрепления в стране государственной власти, которая выступала в качестве арбитра. Территория братства охватывала одно или несколько сел (в зависимости от принадлежности их населения к определенному братству). В некоторых селах имелись церкви. Владея общими пастбищами и другими угодьями, участками леса и водоемами, экономически братства были связаны между собою. Нормы владения и использования коллективной собственности определялись на основе обычного права. Процесс распада коллективной собственности и ослабление обязательной экзогамии братства, превращавшие его в сельскую общину, получили развитие только в XIX в. В XVIII в. все еще сильны были остатки родоплеменных отношений.

Большое значение в общественно-политической жизни Черногории продолжала сохранять общеплеменная скупщина – “Общечерногорский збор” (позднее он получил название Народной скупщины). На нем собирались достигшие совершеннолетия мужчины всех племен для решения важных государственных дел: утверждения митрополита, объявления войны и заключения мира, а также обсуждения других внутренних и внешних вопросов.

Черногория была своеобразным теократическо-патриархальным государством. Хотя верховным правителем являлось духовное лицо, церковная власть не принижала всю ее общественно-политическую структуру, а черногорский народ и его духовенство не отличались особой религиозностью. Судебно-административные функции на местах вершили старейшины (воеводы, сердари и капитаны), а в селах – кнезы. Военное руководство также осуществляли старейшины, которые возглавляли четы (отряды) и бригады в народной войске, организованном по милиционному принципу. Жизнь черногорского общества регулировалась нормами обычного права. Вместе с тем не было препятствий для наиболее активных представителей духовенства участвовать в управлении и антиосманской борьбе.

Столица Черногории Цетине являлась в основном административно-религиозным центром и не играла значительной роли в торговом обмене. Самым большим строением был Цетинский монастырь (возведен в 1483 г.) – основная резиденция митрополита. Расположенный в неприступных горах, он стал не только православным центром, но и надежным убежищем. Монастырь несколько раз подвергался нападению османских войск, разрушался и вновь восстанавливался.

Укреплению власти митрополита способствовало его солидное экономическое положение. Цетинский монастырь не только

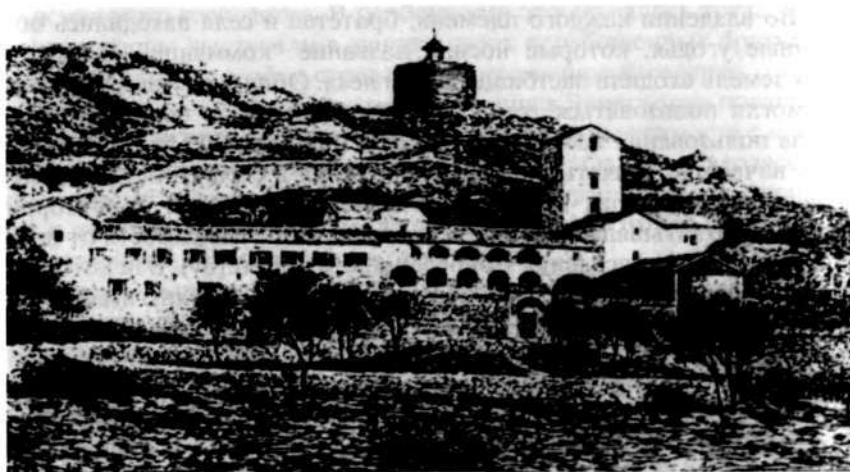

Рис. 1. Цетинский монастырь

сохранил при османском господстве свои земельные владения, но и расширил их в дальнейшем за счет пожалований, покупок, завещаний и присвоения крестьянских земель. Помимо земельных угодий и пастбищ монастырь располагал большим стадом, несколькими мельницами и рыбными запрудами⁹. Земельные владения других монастырей были значительно меньше по размерам. В своих записях М. Тарасов указывает на наличие в черногорских селениях 80 церквей и 12 монастырей с архиерейскими подворьями, в которых было до 28 иеромонахов и монахов¹⁰. Монастыри имели зависимых крестьян, которые несли отработочную и натуральную повинности¹¹.

В ведении митрополита находились не только доходы Цетинской митрополии, но и все государственные средства. Значительную часть бюджета составляла денежная субсидия, выплачиваемая Цетинскому монастырю с 1715 г. русским Синодом (каждые три года по 500 руб. золотом)¹². Относительно доходов самой митрополии известно только, что при митрополите Петре I Петровиче (1784–1830 гг.) они составляли 12 тыс. гульденов*. Доходы в 8 тыс. форинтов поступали также с православных монастырских земель, расположенных в границах юрисдикции митрополии. Владевшие ими монастыри подчинялись митрополиту в силу его церковного права¹³. Сосредоточение в руках митрополита доходов Черногории (сначала церковных, а затем и государственных) создавало некоторую, хотя и крайне ограниченную, материальную базу в организации отпора Османской империи. Для укрепления политической вла-

* 1 гульден = 1 форинту = 60 коп. серебром.

сти митрополит использовал и свой религиозный авторитет среди населения. Право духовной юрисдикции над православным населением в Приморье и Герцеговине способствовало расширению его влияния в соседних землях. Ликвидация в 1766 г. Печского патриаршества способствовала увеличению политического значения Цетинской митрополии: она становится одним из очагов антиосманского сопротивления на Балканах.

Вторым лицом после митрополита был гувернадур (губернатор). Эта должность была учреждена в 1717 г. митрополитом Данило Петровичем для исполнения высших судебно-административных функций¹⁴. В число обязанностей входило также поддержание внешних сношений. Вскоре гувернадур стал претендовать на сосредоточение в своих руках всей полноты власти, а власть митрополита свети к духовным функциям. В Черногории образовались две политические группировки. Во главе одной находились Петровичи, а другую возглавляли Радоничи, из семьи которой избирались гувернадуры. Каждая из этих группировок стремилась возглавить борьбу за осуществление внешнеполитических требований Черногории. В этой борьбе Петровичи стремились ориентироваться на Россию, а Радоничи сначала были связаны с Венецией, а затем – с Австрией, откуда получали денежную плату. В 1768 г. гувернадуру Йовану Радоничу удалось добиться принятия Общечерногорским збором решения об установлении наследственности этой должности в его семействе. Он был провозглашен также “первым и верховным главой” государства. Но ему не удалось стать правителем Черногории. Таковым продолжал оставаться митрополит. Соперничество Радоничей и Петровичей завершилось с уничтожением должности гувернадура (в 1833 г.).

В процессе социального расслоения населения выделились такие влиятельные семейства, как Петровичи, Радоничи, Вукосавовичи, Калуджеровичи и др. Стремясь расширить свои земельные владения, они не упускали случая заключить сделки о купле земельных участков у разоряющихся крестьян¹⁵. Старейшины также имели крестьян. При этом они использовали их экономическую зависимость для укрепления своего положения. М. Тарасовым было отмечено, что на выборах гувернадура или старейшин последние привлекали на свою сторону нуждающихся, так как “бедные обыкновенно из интереса на то согласны бывают, потому что они по часту к начальникам своим прибегают занимать денег, хлеба и прочих необходимых вещей”¹⁶.

По мере усиления расслоения населения и расширения земельных владений старейшин все более широкое значение получают арендные отношения. Старейшины сдавали свою землю в издольную аренду, при которой крестьяне уплачивали ее собственнику половину (или меньше) урожая. Арендные отношения существовали и в скотоводстве (“наполица” и “кесим” – сдача скота на выпас).

Основная масса населения была юридически свободными общинниками. Личную свободу и земельную собственность (хотя и в минимальных размерах из-за недостатка земли в стране) черногорцы отстаивали в ходе борьбы с Турцией. Крестьяне располагали мизерными клочками земли в 1–3 рала (0,18–0,5 га) и небольшим количеством мелкого рогатого скота (1–20 овец).

В Черногории, как и везде на Балканах, сохранялись патриархальные формы ведения хозяйства, к которым прибегали крестьяне во время напряженных полевых работ, когда не могли справиться с ними своими силами. Все они базировались на совместной выручке. Среди них были следующие: “моба” (коллективная помощь), “узаймица” (заемный труд), “спрег” (совместный выпас скота). Старейшины, у которых было больше земли и скота, использовали эти обычаи для эксплуатации крестьян¹⁷.

В Черногории преобладало натуральное хозяйство. Каждая крестьянская семья производила почти все необходимое для своей жизни. Черногорцы сами строили свои незамысловатые жилища и делали несложную домашнюю утварь. Женщины ткали из шерсти грубое сукно, служившее основным материалом для национальной одежды.

Отсталость Черногории сопровождалась малым общественным разделением труда. Здесь не было городов (вплоть до 1878 г.). Все же в сельском хозяйстве произошло выделение областей с ориентацией на развитие его определенных отраслей. В бедной природными землями Катунской нахии получили распространение скотоводство и переработка его продуктов. В других нахиях помимо скотоводства население занималось земледелием, садоводством, огородничеством. Митрополит Петр I Петрович завез из России картофель. В Црмницкой и Риекской нахиях, где имелись плодородные земли и позволяли климатические условия, выращивали виноград, оливковые деревья и существовало производство вина, маслин и пр. Было развито также рыболовство.

Ремесло было примитивным. Ремесленниками были преимущественно выходцы из соседних земель (Северной Албании и Боки Которской).

В связи со слабым развитием ремесла и торговли складывание торговых центров проходило с запаздыванием. Первоначально в качестве такового выдвинулась Риека Црноевича, расположенная на торговом пути, соединявшем Северную Албанию и Герцеговину. В экономической жизни страны продолжали играть большую роль близлежащие города Венецианской республики и Османской империи (Котор, Никшич, Подгорица и др.) Порта пыталась использовать зависимость черногорцев от своих рынков, чтобы оказывать давление на пограничное население, принуждая его к признанию османской власти.

В конце XVIII в. в социально-экономической жизни Черногории произошли изменения. Оживление торговли способствовало усиле-

нию социального расслоения населения и укреплению экономических позиций старейшин, которые поддержали митрополита в его стремлении добиться сплочения внутренних сил Черногории для отражения османской агрессии. Две победы, одержанные в 1796 г. черногорцами вместе с брджанами (при Мартиничах и Крусах) над войсками шkodринского везира Махмуда-паши Бушати, завершили их длительную совместную борьбу за объединение. После этого произошло присоединение к Черногории соседних брдских племен: пиперов и белопавличей, что явилось первым шагом на пути объединения с ней Брды¹⁸.

События 1796 г. утвердили фактическую независимость Черногории, хотя Порта продолжала сопротивляться этому. Но с тех пор ее связь с Черногорией становится номинальной. Черногорцы не только прекратили платить дань Турции, но и освободились от всех обязательств. С этого времени открылся новый этап в истории страны. На повестку дня была поставлена задача создания суверенного Черногорского государства. Юридическим закреплением произошедших в стране социально-экономических сдвигов явилось принятие государственного кодекса Черногории – “Законника общего черногорского и брдского” (1798 г., вторая часть – 1803 г.). Финансовой поддержкой в деле укрепления государственной власти стала установленная Россией в 1798 г. ежегодная безвозмездная субсидия в размере 1 тыс. червонцев¹⁹.

К концу XVIII в. Черногория добилась успехов в деле укрепления своего международного положения и некоторого расширения территории. Упрочение внешнеполитических позиций страны явилось одним из факторов, сделавшим возможным продолжение успешной борьбы за создание своей государственной организации.

---

¹ См.: Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX века. М., 1979; Анишак Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.

² Бурђев Б. Турска власт у Црној Гори у XVI и XVII веку. Прилог једном нерешеном питању из наше историје. Сарајево, 1953. С. 41–43, 93, 95.

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М. 1984. С. 19.

⁴ Прилог уз извјештај М. Тарасова // Русские архивные документы о Черногории (Конец XVII в. – середина XIX в.). Подгорица, Москва, С. 62–63.

⁵ Формирование национальных независимых государств на Балканах (Конец XVIII–70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 165.

⁶ Милаковић Д. Историја Црне Горе. Задар, 1856. С. 238.

⁷ Драгићевић Р. Митрополит Петар I и мирне крвне освете // Записи. Цетиње, 1935. Књ. XIV. Св. 7. С. 260.

⁸ Формирование национальных независимых государств на Балканах... С. 168.

⁹ Црногорске исправе XVI–XIX вијека. Цетиње, 1964. Док. 2, 3, 5 и др.

¹⁰ Прилог уз извјештај М. Тарасова... С. 63.

¹¹ *Станојевић П.* Неки проблеми положаја и улоге цркве и црквене организације у Црној Гори: Осврти на стање у XVIII, XIX и на почетку XX вијека // *Историјски записи*, 1973. Књ. XXX. Св. 3–4. С. 300.

¹² *Ровинскиј П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888. Т. I. С. 518, 524, 525.

¹³ *Ђорђевић В.* Црна Гора и Аустрија у XVIII вијеку. Београд, 1912. С. 150.

¹⁴ *Станојевић Г.* Црна Гора у доба владике Даниле. Цетинье, 1955.

¹⁵ *Никчевић Т.* Политичке струје у Црној Гори у процесу стварања државе у XIX вијеку. Отпор стварању државе. Цетинье, 1958. С. 55.

¹⁶ Прилог уз извјештај М. Тарасова... С. 62.

¹⁷ Основные нормы обычного права общественной жизни Черногории и патриархальные формы ведения хозяйства впоследствии были изучены В. Богшичем [1834–1903 гг.), который включил затем их в Имущественный законник (Општи имовински законик за књежевину Црну Гору. Цетинье, 1888; 2-е изд. – 1898 г.). Родоплеменные институты Черногории наиболее детально рассмотрены П.А. Ровинским. См.: *Ровинскиј П.А.* Указ, соч. Т. II, ч. 1. С. 1–191; *Ђурић-Богетић Љ.* Комунице у Црној Гори у XIX и почетком XX века. Титовград, 1966. С. 9–140.

¹⁸ *Павићевић Б.* Стварање Црногорске државе. 1773–1796. Београд, 1962. С. 268.

¹⁹ *Ровинскиј П.А.* Указ, соч. Т. I. С. 613, 667.

БОЛГАРСКИЙ НАРОД

В XVIII в. болгары компактно населяли территорию, входившую в состав Софийского, Видинского, Никопольского, Силистринского пашалыков Румелийского эялета. Расположенные в непосредственной близости от собственно турецких земель, они являлись форпостом Османской империи. Находившиеся в центре европейских владений султана и вблизи столицы империи болгарские земли были зажаты турками, и развитие их происходило в большей изоляции от европейского мира, чем развитие других балканских провинций Османской империи. Это наложило отпечаток на жизнь болгар в условиях османского владычества и становление их как нации.

Развитию экономики болгарских земель весьма мешали не только существовавшие ограничения для христиан, но и частые австро-турецкие войны, а во второй половине века две русско-турецкие войны, особенно первая (1768–1774 гг.), в ходе которой военные действия велись на болгарской территории.

Процессы, происходившие в Османской империи в рассматриваемый период, в полной мере нашли свое отражение в этом регионе, но имели и специфику. Так, несмотря на крайне неблагоприятные условия, в XVIII в. экономическое развитие болгарских территорий протекало опережающими темпами по сравнению с турецкой Малой Азией, хотя по сравнению с другими балканскими провинциями Османской империи – с опозданием и медленно. Они оказались вовлеченными в сферу формировавшегося европейского рынка с его новыми закономерностями и требованиями. Однако этот процесс в

различных областях болгарских земель проходил по-разному вследствие неравномерности их развития. Первое место как в экономическом, так и в культурно-политическом отношении занимали северо-западные районы благодаря их близости к европейским рынкам и торговым путям.

Элементы новых хозяйственных форм появились еще в первой половине XVIII в., когда углублявшийся кризис Османской империи и ее неудачи в войнах не только ослабили государство изнутри, но и вынудили его открыть свои границы для европейского капитала. Еще в первые десятилетия XVIII в. во внутренней и внешней торговле болгарских земель наступили количественные и качественные изменения.

Именно тогда торговые связи Османской империи, особенно Восточного Средиземноморья и Балкан, с Западной и Центральной Европой расширяются и приобретают более интенсивный характер. В этот период болгарские земли оказались в сфере французского и английского торгового проникновения через греческие порты Салоники и Кавалу. Специальное торговое соглашение, заключенное в 1718 г. в Пожареваце между Австрийской монархией и Османской империей, существенно изменило направление торговых потоков. Если раньше болгарские товары, в основном сельскохозяйственные, предлагались на внешний рынок при посредничестве греческих судовладельцев и купцов, то теперь экспорт болгарской продукции стал осуществляться напрямую болгарскими купцами, которые использовали караванный перевоз и дунайские города Русе, Видин, Свиштов и Никополь. Текстильная промышленность Европы нуждалась в большом количестве хлопка, шерсти (болгарская приравнивалась по качеству к самой ценной – испанской). В первой половине XVIII в. саксонские мануфактуры работали в основном на болгарском хлопке. Шерсть пользовалась весьма большим спросом не только в Европе, но и в расширявшемся ремесленном и зарождавшемся мануфактурном производстве в болгарских землях. Вывоз необработанных и обработанных кож стал важной статьей в торговом обмене на европейском рынке, а необработанная кожа в значительной степени нашла спрос в местном ремесленном производстве. Болгарские торговцы прочно удерживали приоритет в снабжении Стамбула и городов Румелии продовольствием и в вывозе сельскохозяйственной продукции в Центральную и Восточную Европу¹.

Вывоз пшеницы и многих видов продовольствия строго контролировался в Османской империи, тогда как торговля скотом, шерстью, кожами, молочными продуктами не была строго регламентирована. Поэтому интересы предпринимателей-христиан были устремлены к этому виду деятельности. В торговле скотом преуспевали торговцы-христиане, так называемые джелепы.

Подъем экономики на основе роста торговли и увеличение спроса на определенную продукцию сельского хозяйства вызвали

специализацию сельскохозяйственных районов. Районами торгового скотоводства в болгарских землях в XVIII в. были Родопы, Средна-Гора и Восточная Стара-Планина, Пазарджикский, Пловдивский районы специализировались на производстве риса; Тырновский, Габровский, Горнаряховицкий, Врачанский, Ямболский – шелковичных коконов; Карловский, Казанлыкский – розового масла; Мелникский, Пловдивский, Поморский, Варненский, Видинский – вина и ракии; Добруджа становилась областью производства зерна, Северная Фракия – табака².

С Россией торговля Османской империи еще с начала XVIII в. осуществлялась в основном при посредничестве балканских торговцев, которые образовывали свою колонию в Нежине – так называемое “Нежинское братство”. Среди них было немало болгар. Их число увеличилось во второй половине века. Нежинские болгары перевозили товары караванами из Нежина через Молдову и Валахию до Тырново, а оттуда распределяли по другим внутренним областям и городам. Из России ввозили различные виды кож и кожаные изделия, железо, скобяные изделия, соленую рыбу, икру, ткани с золотым и серебряным шитьем, церковную одежду, церковные книги и пр. На Украину и в русские губернии нежинские торговцы везли прежде всего хлопчатобумажные ткани, цветную хлопчатобумажную пряжу, шелк-сырец для русских мануфактур, табак, бакалейные товары, розовое масло, коконы шелкопряда, ковры, персидские шали, бисер и т.д.³

Значительное развитие получили экономические связи между Россией и болгарскими землями после подписания Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г., завершившего русско-турецкую войну. Официальное разрешение свободно торговать в России, данное султанским правительством своим подданным, усилило болгарскую торговую эмиграцию в Россию. Главным центром торговли с болгарскими землями стала Москва, где многие из болгарских торговцев основали свои конторы и торговые дома. После открытия Одесской пристани в 1794 г. болгарские торговцы стали прочно обосновываться в Одессе.

Многие болгарские торговцы переселились в другие страны и открыли свои конторы в крупных европейских городах. В Саксонии, Австрийской монархии, Молдавии и Валахии существовали болгарские торговые колонии, и число их на протяжении XVIII в. постоянно увеличивалось. Их хозяйственная деятельность при более свободных политических условиях способствовала развитию внешнеторговых связей болгарских земель с Европой и имела важное значение для болгарского народа. Во многих отношениях болгарские торговцы, обосновавшиеся за границей, оставались (особенно в первой половине века) тесно связанными с родными местами и живущими здесь родственниками. На родину возвращалось и большое количество полученных денег. Постоянный контакт болгарских торговцев

с крупными экономическими центрами европейских государств дал толчок оживлению хозяйственной жизни на родине, укреплению экономических основ раннего болгарского возрождения.

Полный развал тимарной системы землевладения в XVIII в. имел разнообразные и значительные последствия для болгарских земель. Превращение тимаров в наследственные поместья-чифтлики привело к ухудшению положения крестьянства в наиболее плодородных районах, с одной стороны, а с другой – к переходу немалой части земельных владений (в особенности на севере страны и в балканских предгорьях) в наследственное пользование крестьян. Массовое образование чифтликеров, сопровождавшееся захватом крестьянских наделов, вызвало появление значительного числа обезземеленных крестьян, часть которых оставалась работать в чифтликах на положении исполщиков или батраков. Другие переселялись в города, третьи образовывали миграционные потоки из одной области болгарских земель в другие, а также в соседние балканские провинции и страны: Австрию, Валахию, Молдавию, Сербию и Россию.

XVIII век характеризовался заметными изменениями в жизни болгарских городов. Благодаря притоку крестьянского элемента увеличилось болгарское население, болгары расширили и укрепили свои позиции в городах, где раньше они были слабо представлены. Этот процесс охватил города Подунавья, Дунайской равнины, Добруджи и Причерноморья. С конца XVII – начала XVIII в. болгары стали покупать дома в городах. Болгарские ремесленники, предприниматели, торговцы составляли все более растущую часть их населения. Удельный вес турецкого населения в них соответственно сокращался⁴.

Увеличение торговли между Балканами и Европой вызвало рост ремесленного производства в болгарских землях. Новые потребности активизировали развитие старых и появление новых ремесел.

Ремесленники имели свои цеховые организации – эснафы, в состав которых в ряде городов входили турки и болгары, причем первые играли в них руководящую роль. С возрастанием численности болгарского населения в городах и по мере развития ремесел болгары стали создавать свои отдельные цеховые организации. Этому способствовал и специальный ферман 1773 г.⁵

Благоприятным условием для подъема ремесленного производства и торговли в болгарских землях явилось то обстоятельство, что с 1739 по 1768 г. Османская империя не вела войн с соседями. Именно тогда расширился внутренний рынок и усилились торговые связи. Начался обмен не только между городом и селом, но и между отдельными районами.

Подъем ремесел наряду с оживлением торговли привел к перерастанию многих сел в города (например Котел, Жеравна). Города, куда устремлялось значительное число жителей близлежащих сел,

постепенно стали превращаться в центры экономической и общественной жизни соответствующего района. Такими в течение второй половины XVIII в. становятся Пловдив, Сливен, Неврокоп, Пазарджик, Горна Джумая и т.д. Ряд болгарских городов к концу века становятся не только центрами балканской торговли, но и крупнейшими ярмарками в Европе, причем постоянно действующими (Сливен, Пловдив, Узунджовская и др.). В последней трети XVIII в. русские купцы ежегодно посещали Узунджовскую ярмарку. Варна в это время превратилась в крупный черноморский порт. Франция первой открыла здесь консульство.

Во второй половине XVIII в. в Болгарии появляются первые мануфактуры, в основном шелкопрядильные, по первичной очистке хлопка, по переработке продуктов скотоводства, пошиву одежды из абы (шерстяной ткани). Но это были домашние, рассеянные мануфактуры. Особым бератом болгарам городов Западной и Северо-Западной Болгарии было разрешено производство огнестрельного оружия – явление экстраординарное для Османской империи⁶.

Перемены – в хозяйственной сфере в свою очередь меняли само болгарское общество. Однако этот процесс проходил мучительно в условиях османского владычества. Специфика состояла в том, что болгары были лишены класса, способного представлять этнос, так как болгарская знать была либо физически уничтожена в боях с османами, либо обращена в ислам еще в XIV – начале XV в.

Новые экономические тенденции несли социальное расслоение общества. Ранее оно представляло почти однородную массу, состоявшую главным образом из крестьян, скотоводов, небольшого слоя ремесленников, незначительного числа торговцев и священников. В ходе начавшегося во второй половине XVIII в. процесса расслоения крестьянства постепенно образовался вначале немногочисленный слой зажиточных крестьян, собственников значительных земельных участков. Часть крестьянства, напротив, лишилась земли и была вынуждена искать новые источники существования. Уже в середине века появились крупные болгарские купцы. На базе экономических изменений и расширявшихся связей с европейскими рынками формировалась новая торговая прослойка, получившая в конце XVIII в. юридическое оформление. Для нее был создан статус так называемых европейских торговцев, которые получали султанские бераты, дававшие право свободного передвижения в пределах империи. Это были люди, тесно связанные с европейскими рынками.

Такая торговая прослойка оказалась передовым отрядом болгарского общества эпохи национального возрождения. Именно она с ее широкими международными связями и созданным благосостоянием заложила основы болгарского просвещения XVIII–XIX вв. К ней примыкали владельцы больших мастерских, рассеянных мануфактур, а также солидные торговцы скотом. Все они составили ос-

нову нового социального слоя, который со временем стал выразителем национальных интересов болгар.

В Болгарии османское вторжение привело не только к ликвидации знати, но и к потере в конце XIV в. государственной и церковной независимости. Тырновская патриархия лишилась автокефальности и была подчинена Константинопольскому патриаршеству, которое стало руководить церковно-религиозной жизнью болгар. До 1767 г. над некоторыми болгарскими диоцезами сохраняла свои полномочия Охридская архиепископия.

Идеологической основой господства над болгарскими народами, как и другими покоренными народами, был ислам. Единственным фактором, поддерживавшим у болгар традиции веры и народа, выступала местная христианская церковь. Сохранение своей веры стало одной из основных задач в условиях политического и духовного порабощения.

Сопrotивление натиску ислама объединяло болгар-христиан независимо от их принадлежности к православной или католической конфессиям.

С ослаблением Османской империи возрастали надежды Габсбургов на включение в свои владения балканских земель, в том числе и болгарских. Средством упрочения влияния Австрийской монархии была широко развернутая в болгарских землях католическая миссионерская деятельность. Среди проповедников католицизма были выдающиеся организаторы и политики, крупные деятели западной культуры, подвижники, заботившиеся о просвещении болгар, сохранении славянской грамоты, искренне стремившиеся содействовать освобождению болгарского народа от османского рабства. Однако их конечной целью неизменно были обращение болгар в католицизм и, разумеется, их подчинение (в случае успеха) Габсбургам.

В начале XVIII в. католическая церковь поставила задачу присоединить к себе население с православным исповеданием, пришедшее в Австрийскую монархию в результате большого переселения сербов и болгар в конце XVII в. Православные христиане вели тяжелую борьбу за сохранение своей веры и своей автономии против местных австрийских и венгерских землевладельцев и католического духовенства.

В общественном сознании православных болгар в XVII–XVIII вв. возникли определенные перемены. Греческое духовенство, ставшее по воле османов полновластным хозяином православной церкви на Балканах, проводило по отношению к болгарам жесткую ассимиляторскую политику, в результате чего церковная организация во главе с константинопольским патриархом воспринималась ими как враждебная. Борьба с ней стала особенностью болгарского национально-освободительного движения.

Если до середины XVIII в. критика греческого духовенства со стороны болгар лишь намечалась, выражаясь в первую очередь в

высказываниях книжников о “недостойных” священниках-греках, подстрекавших турок к выступлению против болгарских христиан, то со второй половины XVIII в. она стала очевидной. Причины этого заключались и в ослаблении Османской империи, и в росте экономических поборов в пользу Константинопольской патриархии (торговля духовными должностями, взяточничество стали нормой в греческой духовной среде), и в политике, проводимой патриаршеством по отношению к болгарам.

Османское государство не допускало христиан к управлению, а Константинопольское патриаршество стремилось поставить во главе епархий в болгарских землях греков. За болгарским духовенством были оставлены лишь низшие посты. Православные болгары испытывали двойной гнет: со стороны поработителей-мусульман и греческого духовенства, которое отрицало право болгар на свою церковь, язык и этноним.

При застое болгарского просвещения в условиях нужд торговли знание греческого языка становилось необходимым. Преуспевающая верхушка болгарского общества тянулась к “эллинской” культуре, в результате усвоения которой часть его теряла народное самосознание и растворялась в более развитой и многочисленной греческой среде. Это отвечало интересам и высшей церковной власти, которая уничтожила самостоятельность Охридской архиепископии.

В 1800 г. вселенский патриарх Неофит VII издал распоряжение греческим митрополитам и епископам Болгарии, в юрисдикции которых находились епархии с исконным болгарским населением, о введении греческого языка как возможности во всех школах в болгарских землях. А их паству – болгар – приказал именовать “болгарогласными эллинами”, т.е. греками, говорящими по-болгарски. Так что османское господство в болгарских землях сочеталось со стремлением патриаршества в Стамбуле установить свою доминацию в духовной жизни болгар. Эллинизация наиболее зажиточных и образованных кругов общества обезглавливала болгарский народ и обрекала его на ассимиляцию.

Хранителями и пропагандистами родного языка, традиций, культуры оставались немногие сохранившиеся монастыри и в известной степени низшее духовенство, священники-болгары, тесно связанные с крестьянскими массами. Они не выделялись просвещенностью и не слишком отличались от своих прихожан, но именно они переписывали церковные книги, совершали богослужение на церковнославянском языке. В городах со значительным болгарским населением, в отдельных зажиточных селах и старых уцелевших монастырях вызревали условия для национального и культурного возрождения болгар.

Среди монастырей следует в первую очередь отметить Рильский и афонские монастыри – Святогорский, Ватопедский, Зографский, Хилендарский. В афонских монастырях (особенно в Зографском и

Хилендарском) хранились грамоты болгарских царей, “жития” болгарских святых, иконы. Ежегодно эти два монастыря посещались тысячами паломников-болгар. Данные свидетельствуют о посещаемости Рильского и старопланинских монастырей. Паломники дарили монашеским братствам деньги, церковную утварь, книги. Они восстанавливали монастырские постройки, возводили новые. Пришедшие из разных мест представители разных слоев населения обменивались впечатлениями, новостями, т.е. узнавали друг друга и сближались. Монастыри были таким местом, где болгары приобщались к мысли о народном единстве.

Крупные монастыри были активными распространителями образования. Как и в предыдущие века, в XVIII столетии главной образовательной формой были церковные начальные школы. Многие из них помещались в монастырских кельях и поэтому назывались “келийными”. Обучение в них, будучи сугубо религиозным, велось на церковнославянском языке по богослужебным книгам (Псалтырь, Апостол, др.). Одним из самых известных церковно-просветительных очагов в Западной Болгарии был Рильский монастырь. В XVIII в. школа в нем была двухступенчатая. В “низкой” учились “простым” книгам, а в школе второй ступени – “высоким наукам”: грамматике церковнославянского языка, церковному песнопению и греческому языку. Воспитанниками этого училища были Неофит Рильский и другие видные деятели болгарского Возрождения. Сильным в образовательном отношении был и Зографский монастырь. Имеются сведения, что в нем преподавались иконопись и стенописное мастерство.

Большая часть монахов, получив образование в монастырских школах, направлялись в монастырские подворья в качестве духовных наставников и для обучения грамоте болгар. Значительное число подворьев в десятках болгарских городов и крупных сел имели Хилендарский, Зографский и Рильский монастыри. Таким образом, монахи имели возможность устанавливать связи с самыми широкими слоями болгарского населения всех областей Болгарии.

Именно из монастырской среды вышли первые просветители болгарского народа и видные представители болгарского культурно-национального Возрождения, внесшие большой вклад в развитие болгарской литературы, образования, музыки и т.д.

Накануне Возрождения “келийное” образование было единственным потенциалом болгарского образования. Новые моменты в общественно-экономическом развитии болгарских земель в XVIII в. затронули даже такую консервативную область как “келийное” обучение. Этот век отмечен кульминацией в развитии этой традиционной формы образования и в то же время положил начало ее закату.

Осознание необходимости подъема грамотности болгарского народа привело не только к росту числа “келийных школ” (по неполным данным, в середине века их насчитывалось более 100, а к

Рис. 2. Рильский монастырь

концу столетия – около 200). Расширялась учебная сеть. “Келийные” школы появляются, наряду с крупными селами, даже в мелких. В больших городах содержание обучения в таких школах становится более разнообразным. К концу века в программе утвердились новые предметы: арифметика, история, землеописание⁷.

Нарастающая потребность в знаниях привела к тому, что в селах преимущественно с торгово-ремесленным обликом появились частные “келийные” школы, в которых преподавали священники и отдельные грамотные миряне, чья деятельность требовала знания чтения, письма, а также религиозного культа.

Во второй половине XVIII в. в Самокове и Калофере в подворьях женских монастырей открылись первые школы для девочек, ставшие колыбелью женского образования в Болгарии⁸.

Новым моментом в развитии образования в болгарских землях в конце XVIII – начале XIX в. стал нарастающий интерес болгарских общин к организации так называемых общинных келийных школ, для которых строились специальные здания. Не монастыри, а общины стали организаторами учебного дела. Это свидетельствовало о том, что светское просвещение становилось осознанной общественной потребностью. В 1792 г. появился первый букварь для обучения детей на церковнославянском языке, который использовался в болгарских школах. Его издал в Вене Марко Тодорович, “булгар родом из Разлога”⁹.

“Келийные” школы при всем их несовершенстве в условиях османского господства и засилья греческой культуры были активным средством сохранения народного сознания болгар. Они берегли болгарскую письменную традицию и язык, поддерживали религиозные чувства болгарина и осознание его этнической принадлежности.

Несмотря на османское нашествие, нанесшее тяжелый удар по культурному развитию болгар, литература в Болгарии продолжала жить. Она сосредоточилась в монастырях. Именно ей принадлежит большая роль в подготовке и подъеме национально-культурного движения, явившегося первым шагом на пути национального освобождения.

В начале XVIII в. в болгарской литературе обособились три потока: болгар-католиков, православных болгарских авторов, работавших вне Османской империи, и книжность в самой Болгарии, которая была определяющей для национального развития болгар.

Контактам между этими потоками препятствовали сложности политического, религиозного и организационного характера. Трудно-преодолимым было их существование на трех языках: международном латинском, церковнославянском в русской редакции и на традиционном языке книжности XVIII в. на народно-разговорной основе.

В среде болгар-католиков большое развитие получили хроники, написанные на латинском языке. В них прослеживалось переселение болгар в Австрийскую монархию и самым подробным об-

разом отразилась политическая, церковная и культурная борьба, которую нужно было вести болгарам-католикам в новых поселениях. Самым ярким выразителем их идей в первой половине XVIII в. был Крыстю Пейкич.

Созревание политических планов, связанных с Россией, нашло отражение и в творчестве этого литератора. В своей книге “Гармония между христианскими восточными и западными церквями” К. Пейкич подчеркнул общие моменты между православной и католической церквями и выразил мнение, что схизма между ними играет отрицательную роль в освобождении балканских народов, ибо разъединяет усилия России и Австрии¹⁰. Усиливавшийся политический престиж России способствовал тому, что не только православные болгары, но и католики связывали с ее мощью свои политические планы.

Православные болгарские литераторы в эмиграции в XVIII в. утверждали общеславянское сознание православных христиан. Это было результатом прежде всего устойчивой церковнославянской письменной традиции на Балканах и ее непрерывающихся связей с европейскими центрами православной письменной культуры – Россией, Молдавией и Валахией.

Наиболее известным представителем этого направления в болгарской литературе в первой половине XVIII в. был Партений Павлович, который с 1737 г. и до конца своей жизни (1760 г.) оставался в Австрийской монархии как церковнослужитель.

Но главная заслуга в деле национального культурно-просветительного развития болгарского народа принадлежала болгарской книжности внутри страны. В XVIII в. болгарские книги распространялись старым примитивным способом – переписыванием. Болгарам не позволялось открывать свои типографии в болгарских землях. Мастерские по переписыванию книг находились главным образом в монастырях. По своему жанру и тематике это были в основном литургические книги.

Помимо них в XVIII в. получили дальнейшее развитие появившиеся в предыдущем веке дамаскины – рукописные сборники религиозно-нравоучительных сочинений. В них включались переводы из сборника “Сокровище” греческого проповедника XVI в. Дамаскина Студита (отсюда наименование этих сборников), жития, поучения, проповеди, религиозные рассказы из фольклора. В состав этих сборников проникали иногда и апокрифические (запрещенные официальной церковью) сочинения. В списках различных авторов нередко отражены патриотические взгляды составителей, современные события, черты болгарского быта. Но наиболее характерной особенностью дамаскинов было широкое использование народного языка.

Разговорная речь на протяжении XVIII в. совершенствовалась как инструмент литературного творчества. Изложение на “простом

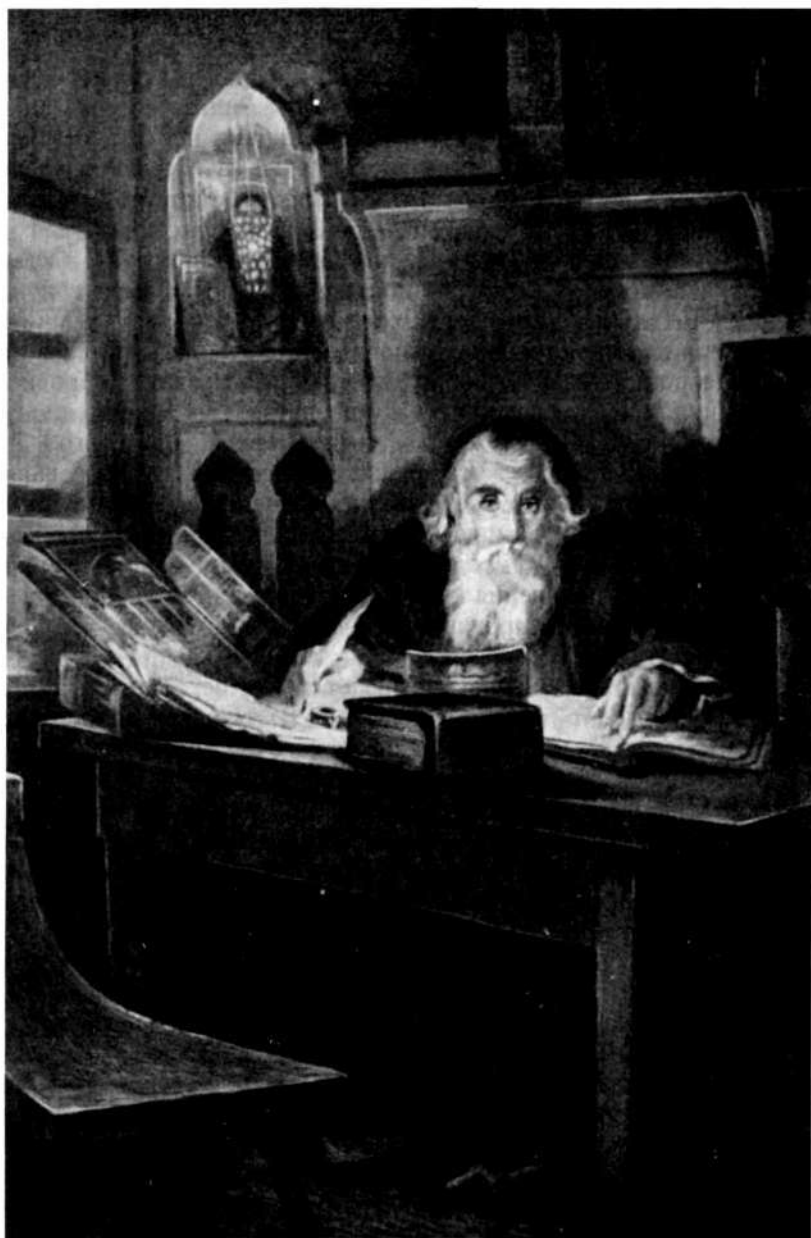
языке”, “по-простому” стало культурной программой всей болгарской книжности XVIII в.

Подлинным пропагандистом создания литературы для народа на максимально доступном ему языке был монах Рильского монастыря Иосиф Брадатый, сам сочинивший дамаскины в несколько тысяч страниц. Он стремился приблизить книжный язык к живой речи. И. Брадатый – центральная фигура в развитии болгарской книжности. В свои сборники, созданные в 1740–1757 гг., он включал не только традиционные жития христианских мучеников, но и краткие рассказы, поучения, содержавшие определенные моменты нового, просветительского характера: речь идет о распространении образования в народе, о школе, о воспитании детей, об учителях, их культуре и поведении, обязанности активно участвовать в народном образовании, о церковных книгах, духовенстве и пр. Болгарские исследователи отмечают, что уже в произведениях И. Брадатого и его круга содержатся многие важные мысли, касающиеся образования болгарского народа. В них раскрывается новое отношение к культуре, просветитель предвосхищает тенденции эпохи болгарского Возрождения. К концу XVIII в. в общественной жизни Болгарии создаются условия для появления книг, о которых мечтал И. Брадатый. Сам тип литературного произведения – беседы, поучения – стал самым распространенным¹¹.

Историографическая традиция ведет отсчет истории болгарского Возрождения с 1762 г. – даты написания “Истории славяноболгарской о народе и царях” монахом афонского Хилендарского монастыря Паисием. “История славяноболгарская” была качественно новым явлением в болгарской литературе. Это первая попытка дать характеристику состояния болгарского общества середины XVIII в., оценку положения болгарского народа и определить стоявшие перед ним задачи. Труд Паисия написан человеком, горячо любящим свою родину, народ и язык.

Для того чтобы доказать, что болгарам можно и нужно гордиться своей историей, Паисий с пафосом повествовал в своем сочинении о героическом прошлом болгарского народа, о расцвете его культуры в эпоху Первого Болгарского царства. Мрачными красками рисовал он картину турецкого завоевания Балканского полуострова. Причиной гибели самостоятельности болгарского и других балканских государств автор усматривал в их междоусобной борьбе. Говоря о тяжелой судьбе болгар под османским игом, он прямо указывал на главную причину плачевного состояния болгарской культуры: “Болгария находится среди турок, близко к Царьграду, и поэтому болгары столь угнетаемы и унижаемы турками. Поэтому не могут воспринять они ни искусство, ни книжную ученость”¹².

Вторую причину историк видит в засилье греческого духовенства: “Некоторые русские и сербы издеваются над болгарами, называя их простаками и невеждами... Но пусть эти русские и сербы благо-

Рис. 3. Паисий Хилендарский. Художник И. Мрквичка

дарят Бога, что охранил их от агарянского рабства и от власти греческих архиереев...”¹³

В “Истории” отражена социальная дифференциация современного Паисия общества. Он пишет, обращаясь к читателю: “Или ты стыдишься своего рода и языка перед учеными и торговцами, потому что болгары неученые и нет среди них много торговцев и ученых... Но большинство их простые крестьяне и земледельцы, пастухи и неграмотные ремесленники?” Тех же, кто стыдится называть себя болгаринном и поносит свой родной болгарский язык, которые “обращаются к чужой культуре и чужому языку,.. учатся читать и думать по-гречески”, Паисий называет “отцеругателями” и приводит в пример самих греков. “Почему же ты, глупый человек, – пишет он, – стыдишься своего племени и тянешься к чужому языку? Но, говорят, греки умнее и культурнее, а потому, говорят, лучше следовать грекам. Однако посмотри, неразумный: много есть народов мудрее и славнее греков, но разве какой-нибудь грек оставит свой язык, и учение, и народ, как ты, безумный, оставляешь, не получая никакой прибыли от греческой мудрости и культуры?”¹⁴

Напоминая о фактах героической истории Болгарии, о былом величии Болгарского государства, Паисий стремился пробудить национальное самосознание болгарского народа, его национальное достоинство. Необходимо отметить, что он апеллирует уже к “болгарскому роду”, “болгарскому народу”, подчеркивая общие черты, присущие болгарам. С позиции патриота он начертал программу действий. Первое – борьба за национальное просвещение: “Ты, болгария, не заблуждайся, знай свой род и язык и учи свой язык!”. Второе – необходимость церковно-национальной самостоятельности. В своем труде историк показал роль болгарской церкви в укреплении болгарской державы; там и тогда было сильное болгарское царство, когда существовал союз между болгарскими царями и болгарской церковью¹⁵. Правда, нигде в своем сочинении он не говорил о необходимости борьбы против османского ига. Но самое сопоставление былой храбрости, воинственности и государственной мощи болгар в прошлом с их тяжелым и унижительным положением в настоящем приводило к выводу, что они могут и должны освободиться от иноземного ига.

Четкая идейная направленность на пробуждение болгарского национального самосознания и активное противостояние духовному натиску греческой культуры – главная ценность “Истории славяно-болгарской”. Труд Паисия выразил стремление формирующейся болгарской нации. Он отвечал потребностям становления национального самосознания и стал знаменем рождавшейся национальной идеологии.

Призыв Паисия: “Болгарин, знай свой род и язык!” – нашел горячий отклик как у современников, так и у их потомков. Еще до конца XVIII в. “История славяноболгарская” была многократно перепи-сана от руки и имела широкое хождение среди болгар.

Первая перепись “Истории” Паисия была сделана в 1765 г. священником Софронием, до пострижения в монахи носившим имя Стойко с добавлением отчества Владиславов, родом из богатого болгарского города Котел. Ревностный последователь учения Паисия, позднее он стал одним из наиболее активных деятелей болгарского национально-освободительного движения и выдающимся литератором. В конце XVIII в. он был рукоположен в сан епископа Врачанской епархии на севере страны и приобрел широкую известность под своим монашеским именем. Его деятельность открыла новый этап в истории взаимодействия болгар с Россией – этап непосредственных политических контактов. Однозначно прорусская позиция Софрония нашла свое отражение и в его литературном творчестве, особенно в 1804–1811 гг.

Близкие по задачам и содержанию к “Истории” Паисия были “Зографская история” неизвестного автора (известна по переписи 1785 г., но некоторые историки считают, что она написана раньше труда Паисия)¹⁶ и “История в кратце о болгарском народе словенском” иеромонаха Спиридона (1762 г.). Но они не стали такими популярными и распространенными, так как первый автор ограничился только фактами болгарской истории, а Спиридон поставил перед собой (под влиянием Паисия) задачу написать историю болгарского народа, “чтобы он не был совершенно забыт”¹⁷. На протяжении XVIII в. жил и творил Теодор Врачанский. В своих произведениях он направлял стрелы против османских угнетателей, а также уделял большое внимание воспитанию и обучению подрастающего поколения, просвещению широких народных масс. Он был первым болгарским книжником, который поместил в своем объемистом сборнике (1762 г.) тексты из “Номоканона”, очень нужной книги, содержащей нормы управления церковной и гражданской жизнью. Она имела значение для социальной организации болгар в первые десятилетия Возрождения¹⁸.

К концу XVIII в. произошло смещение центра духовной жизни с Афона внутрь страны, в Рильский монастырь. В это время особое значение имела Рильская книжная школа. Наиболее ярким ее представителем был Никифор Рильский. Именно в его переписи 1772 г. автором “Истории славноболгарской” указан Паисий Хилендарский. Никифор Рильский вошел в историю болгарской литературы как автор произведений на родном народном языке. В его сборники включены жития Иоанна Рильского, Петки Тырновского, Кирилла Философа и многих других известных болгар¹⁹.

Хотя крупные монастыри оставались на протяжении XVIII в. главными очагами болгарской книжности, во второй половине века книжное дело вышло из их стен. Книжными центрами становятся крупные города и села с болгарским населением, такие как Котел, Жеравна, Елена, Тырново, Свищов, Лом, Видин, Враца, София и многие другие. Часто в приписке о месте написания рукописи указа-

ны и некоторые малоизвестные села (например, село Рельово в Самоковской околии). Переписчиками и составителями рукописей становились местные священники или светские лица – грамматики.

В конце XVIII в. все большее внимание уделялось знанию истории Болгарии. Дисциплиной “Церковная история” никогда не пренебрегали в “келийных” школах. Но в конце XVIII в. возник интерес к широкой истории – от Троянской войны, о которой рассказывали многие народные книги, до русской и болгарской истории.

О подъеме интереса к прошлому отечества говорит и тот факт, что в это время началась запись народных песен, сохранившаяся в рукописях того времени²⁰.

Наиболее показательным этот интерес был выражен Атанасием Нековичем, который по настоянию болгарских торговцев в Буде подготовил и отпечатал книгу “История славяноболгарского народа” (1801 г.), которая представляла переработку разделов по болгарской истории из многотомного труда Йована Раича с добавлениями и уточнениями из новых русских изданий²¹.

Вторая половина XVIII в. была достаточно бурной в болгарских землях. Центральная власть становилась все более бессильной против наступавшего хаоса в провинциальном управлении. Она была не в состоянии ни ограничить произвол местных властей, ни справиться с гайдуцким движением, которое на протяжении почти всего периода османского господства было одной из форм сопротивления болгарского населения гнету турок. Гайдуцкое движение возникло стихийно, без какого бы то ни было внешнего влияния, как реакция на невыносимые грабежи и насилия. Убийство кого-либо из родственников, поруганная честь семьи или оскорбление личного достоинства являлись причинами того, что многие молодые люди уходили в горы, которые были основными районами деятельности отрядов гайдуков. Густые леса и неприступная местность помогали им в неравной борьбе. Отряды состояли обычно из 10–15 человек, но были и численностью в 40–50 и более. Каждый отряд избирал воеводу и знаменосца из числа самых опытных и храбрых гайдуков. Отряд действовал обычно в каком-нибудь одном определенном районе, где гайдуки хорошо знали местность и имели связи с населением. Особенно важную роль играла в болгарском гайдуцком движении Стара-Планина.

Гайдуки не ставили перед собой никаких политических задач. Их целью была месть за совершенные по отношению к ним несправедливости тем туркам и болгарам-чорбаджиям*, которые особенно беспощадно грабили и притесняли беззащитное население.

Народ смотрел на гайдуков как на своих единственных защитников. Сохранилось много песен и преданий, прославляющих их под-

---

* Болгары – крупные торговцы и откупщики, сросшиеся с османским режимом. Многие из них, особенно чорбаджи в Северных Родопах, приняли ислам.

виги и упоминающих многих воевод-гайдуков, среди которых были и девушки: Мануш, Страхил, Чавдар, Наню Стоян, Боянка, Тодорка, Рада и др.²²

Разложение османского военного государства в XVII–XVIII вв. способствовало усилению гайдуцкого движения. С ростом числа безземельных крестьян, наиболее интенсивном с середины XVIII в., гайдуцкое движение как средство самозащиты и мести усилилось и к рубежу XVIII–XIX вв. достигло своей кульминации. К этому времени относится появление гайдуцких чет, воеводы которых выдвигали лозунг образования “Болгарской державы”²³.

Нередко вспыхивали крестьянские бунты и мятежи, поводом к которым были конкретные беззакония и насилия. Они имели место в Старозагорской (1751 г.), Силистринской (1759 г.), Белослатинской (1766 г.), Русенской (1787 г.) околиях и прочих местностях²⁴.

Но настоящим бедствием для болгар стали в самом конце века и на рубеже XVIII–XIX вв. достигшие неслыханных масштабов бесчинства кирджалиев и междоусобная война местной знати (аянов). В этот период политический кризис в империи достиг своего апогея. Из подчинения вышли целые области. Так, в 1792–1807 гг. на севере страны существовало отпавшее от султана владение османского военачальника Пазванд-оглу с центром в Видине. Кроме него активную борьбу вели Кара-евренский спахия Юмер-Драза, Такакчия в Эдирне (Адрианополе), Кушанджи-Али около Свиштова и другие. Силы мятежных пашей в конце XVIII в. настолько возросли, что с ними вынуждены были считаться даже правительства Австрии, Франции и России, которые при определении своей политики в отношении Порты принимали в расчет и поведение пашей и аянов²⁵.

Положение мирного населения еще больше ухудшали наводнявшие болгарские земли банды кирджалиев. По своей сути кирджалийство было массовым разбоем, всегда в той или иной мере существовавшим в Османской империи, но достигшим крайней степени в годы упадка империи – в период русско-турецких войн и аянских мятежей. Их использовали в качестве наемников и правительство, и мятежные аяны. Особой жестокостью отличались главари Кара-Фейзи, Дели-Кадир, Кара-Мустафа. Хорошо вооруженные конные банды кирджалиев носились по всей Болгарии, предаваясь безудержному разгулу, грабежам и насилиям. Ими были сожжены богатые болгарские города и села Арбанаси, Панагюриште, Колпривштица, Калофер, Трявна, Елена, Габрово. Той же участи едва не подвергся Котел, но его жители оказали упорное сопротивление.

Османское правительство было бессильно в борьбе с кирджалиями. Необходимость защитить себя от произвола кирджалиев, банд Пазванд-оглу и прочих мятежных аянов заставляла болгар братья за оружие, и, случалось, они одерживали верх. Например, жители города Врацы отбили нашествие Пазванд-оглу. При явном бессилии центральной власти организацией самообороны занималось само

население обычно под руководством местной болгарской общины, где таковая имелаась. В других местах она возникала спонтанно в зависимости от конкретных нужд населения. Старые церковные общины, как и новообразованные, обрели новое содержание в качестве органов местного самоуправления. Целые болгарские общины вынуждены были отбивать нападения банд кирджалиев, чтобы спасти себя от поругания и физического истребления (Разград, Стара-Загора, Котел, Елена, Тетевен, Габрово и др.)²⁶.

В борьбе с сепаратизмом провинциальной знати султанское правительство пыталось опереться на болгарское чорбаджийство. В конце XVIII в. болгарам было разрешено создавать вооруженные отряды во главе с местными старейшинами для обороны против кирджалиев. Но и сепаратисты стремились привлечь на свою сторону болгар, раздавая им оружие и подталкивая их к сопротивлению властям. Хот эти действия и имели противоречивые последствия, они в определенной мере способствовали росту социально-политической активности болгарского населения.

Кирджалийские банды, которые одерживали верх над султанскими войсками, вынуждены были отступать перед дружным отпором христиан. В тот самый момент, когда паши и беи вели унижительные переговоры с бандитами, осыпая их подарками и золотом, болгары под руководством своих старейшин зачастую гнали их от своих городов и сел²⁷.

Войны и неурядицы, от которых больше всего страдали христиане, заставляли их искать спасение на землях соседних государств. Бегство болгар в сопредельные страны, начавшееся сразу после порабощения, усиливалось во время русско-турецких войн, а в период кирджалийских бесчинств и местных усобиц превратилось в массовое переселение.

---

¹ История на България. София, 1985. Т. V. С. 71; *Гандев Хр.* Търговската обмяна на Европа с българските земи през XVIII и началото на XIX век // Проблеми на Българското възраждане. София, 1976. С. 395–415.

² *Дойнов Ст.* Българското националноосвободително движение: 1800–1812 гг. София, 1979. С. 25–27; *Радкова Р.* Същност и характерни черти на Българското възраждане // България 681–1981: Сб. София, 1981. С. 193–194.

³ История на България. Т. V. С. 45; *Хаджиниколов В.* Българо-руски стопански отношения и връзки до Освобождението ни от турско иго // Труды на Вишнй икономически институт “Карл Маркс”. София, 1957. Т. 1. С. 60–61, 83–84.

⁴ *Гандев Хр.* Проникването и укрепването на българите във Видин в края на XVII и през XVIII в. // Известия на етнографски институт с музей. София, 1961. 4. С. 9; История на България. Т. V. С. 53.

⁵ *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX вв. М., 1976. С. 177–197; *Въвъзова-Каратеодорова К.* Капитан Георги Мамарчев. 1786–1816. София, 1986. С. 19.

⁶ *Литранди И.П.* Обзорение пространства, служившего театром войны России с Турцией с 1806 по 1812 г. СПб., 1854. С. 64.

- ⁷ *Димитров А.* Училището, прогресът и националната революция. Българското училище през Възраждането. София, 1987. С. 23.
- ⁸ История на България. Т. V. С. 108.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Пейчев Б.* Съчинението на Пеячевичи и Кръстю Пейкич // Чипровци, 1688–1988. София, 1971. С. 104.
- ¹¹ *Ангелов Б.* Из историята на руски-български връзки. София, 1972. С. 89–90.
- ¹² *Ангелов Б.* Съвременници на Паисий. София, 1963. Т. I. С. 41–56; *Диневков П.* Първи възрожденци. София, 1944. С. 54–62; *Петканова-Тотева Д.* Дамаскините в българска литература. София, 1965. С. 85–169.
- ¹³ *Паисий Хилендарски.* Славянобългарска история / Под ред. на Пётр Диневков. София, 1972. С. 42–44.
- ¹⁴ Там же. С. 212–218.
- ¹⁵ Там же. С. 172–175.
- ¹⁶ *Гандев Хр.* Фактори на Българското възраждане // Проблеми на Българското възраждане. С. 70.
- ¹⁷ *Златарски В.* История во кратце о болгарском народе славенском. Сочинися и списася в лето 1792 Спиридоном иеросхимонахом. София, 1974. С. 34; *Ангелов Б.* Съвременници на Паисий. София, 1964. Ч. II. С. 105–114.
- ¹⁸ *Ангелов Б.* Съвременници... Т. II. С. 88.
- ¹⁹ Там же. С. 125.
- ²⁰ *Качановский В.* Памятники болгарского народного творчества // Сборник западнобългарских песен. СПб., 1882. Вып. I. С. 21.
- ²¹ История на България. Т. V. С. 151.
- ²² *Дойнов Ст.* Българите и руски-турските войни. 1774–1856. София, 1987. С. 61; *Димитров Дм.* Болгарское переселение в Украину и Крым (к истории южнославянских передвижений XVIII–XIX вв.) // Сборник работ студентов и аспирантов Ленинградского историко-лингвистического института. Л., 1931. С. 3.
- ²³ История на България. Т. V. С. 96.
- ²⁴ *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1990. С. 61–70; *Димитров Дм.* Указ. соч. С.3.
- ²⁵ *Ихчиев А.Д.* Турски държавни документи за кърджалите. София, 1906. Кн. XXII. С. 32.
- ²⁶ *Дойнов Ст.* Българите... С. 57–60; *Мутафчиева В.* Феодални размирици в Северна Тракия през края на XVIII и началото на XIX в. // Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762–1862). София, 1962. С. 208.
- ²⁷ *Дойнов Ст.* Българите... С. 61.

БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

РОССИЯ И ТУРЦИЯ: НАЧАЛО ПРОТИВОБОРСТВА

Связи России с южными славянами уходят в глубь веков. Князь Владимир воспринял “греческую веру”, а посредниками явились южные славяне. Библия и богослужебные книги пришли к нам на старославянском языке, получившем название церковнославянского, – его близость с разговорным языком населения способствовала осознанию этнического родства со многими единоверцами на Балканах и укрепляла идею единства православного мира.

После падения Константинополя великий князь Иван III взял себе в жены племянницу последнего императора Софью (Зою) Палеолог; в дальнейшем Москву провозгласили третьим Римом, наследницей Византии как главы православия. Сама идея возрождения христианской империи, центра и светоча истинной веры, была несовместима с тем, что миллионы христиан, обитавших на землях павшего “второго Рима”, подпали под мусульманское иго, заключала в себе освободительное начало и освящалась религиозным долгом.

Но в реальной жизни Иван III Васильевич жестко и жестоко проводил курс на объединение русских земель вокруг Москвы, сокрушая сопротивление вполне христианских князей, а его союзником выступал крымский хан Менгли-Гирей.

Сотрудничество с ним могло носить лишь временный и преходящий характер. В 1475 г. в Крыму высадились турецкие войска, ханство превратилось в вассала Османской державы, а Черное море – в ее внутреннее озеро.

Более беспокойного соседа, чем крымские татары, трудно себе даже представить. Разбойничьи набеги на порубежные земли они превратили в свою государственную политику, грабя соседей, сжигая города и села, а жителей уводя в полон для продажи на невольничьих рынках Востока (по подсчетам, только в первой половине XVII в. – 200 тыс. человек). Княжеская, а потом царская власть шла на разорительные траты, содержа Засечную черту – систему укреплений из лесных завалов и крепостей на стратегически важных путях по всему порубежью. Гиреев задабривали “поминками” (подарками), а по сути дела данью и немалой. “Поминки” принимались –

набеги продолжались. А к югу от черты лежало Дикое поле – широкая полоса плодороднейшего чернозема, не знавшая сохи пахаря и заросшая травой в полроста человека. И никакие набеги не могли превратить “вторжения” земледельца на эти земли и его усилий превратить Дикое поле в обрабатываемое и цивилизованное. Это не воспринималось как пологизование на нечто чужое. В историческом сознании не только в России, но даже в Польше Причерноморье воспринималось как древнерусское владение. Опубликованный в конце XVI столетия трактат Ю. Верещинского был озаглавлен: “Верный путь к скорейшему и простейшему заселению пустых земель в русских краях...”¹

Движение на юг выступает как закономерность российской истории, и инициатива принадлежала пахарю. Южное направление внешней политики зародилось не только в царском тереме, но и в крестьянской избе. Отнюдь не случайным представляется эпизод, произошедший в 1637 г. и поднявший на ноги дипломатию России, Турции и Польши: донские казаки лихим налетом захватили крепость Азов в устье Дона. В ожидании неизбежного ответного удара со стороны османов они сели в осаду и послали гонца к царю Михаилу Федоровичу с радостной вестью о присовокуплении города к его владениям. В Посольском приказе и Боярской думе были как громом поражены: еще не зажили раны “Смутного времени”, недавно неудачей закончилась очередная война с Польшей, Смоленск вернуть не удалось, а тут атаманы вовлекают в ссору с Османской империей. На созванном Земском соборе голоса разделились, но возобладало мнение благоразумных и осторожных: конфликт надо загасить.

Пять лет продолжались переговоры с Высокой Портой, столько времени потребовалось, чтобы распутать завязанный предприимчивыми донцами в одночасье узел.

А между тем...

В апреле 1641 г. из Стамбула отплыла флотилия – “55 катарги великия и 120 фуркатя малейшия с мнози челевеци. Такожде послал цар Турецки и до хана Крымского ныне знову таковым заповед, або пошел с всъей своих войска татаров крымских...”. Крепость осадили, но донцы стояли крепко и отбили все атаки².

Ведение переговоров наталкивалось на трудности невероятные. Представление о дипломатической неприкосновенности было довольно зыбким, и через Польшу царские гонцы пробирались под видом иконописцев. Случалось нечто и похуже этих мелких неудобств: запорожцы, не уступавшие в предприимчивости донским казакам, однажды перебили переправлявшихся через Донец “басурманов”, оказавшихся членами турецкого посольства. Помогало то, что дьяков и дворян сопровождали молдаване, чтобы “их в дороге к своей земле оберегати и промышляти, как бы мы до Царьграда дойти здорово”.

Молдавский господарь Василе Лупу очутился в двойственном и щекотливом положении: как турецкий вассал, он отправил под Азов отряд своих войск, а как христианский князь, мечтавший об освобождении родины, он всячески содействовал москвитам. В Яссах посланцы находили кров и (что особенно важно) их снабжали советами, как себя вести – здесь хорошо знали обстановку в Стамбуле и царившие там нравы. Однажды В. Лупу снабдил царевых людей даже дополнительными “поминками”, на которые так падки османские вельможи. Царь Михаил Федорович благодарил его за оказанные услуги: “А меж нас с братом нашим Ибрагим-салтановым величеством учинится крепкая дружба и любовь твоим радением, и нам, великому государю, от тебя Василия воеводы то будет в приятельство и любовь”³.

Лишь в 1643 г. Боярской думе, задобрив донских казаков ружьями, порохом, свинцом на пули и сукном на кафтаны, удалось уговорить атаманов покинуть полуразрушенный Азов. До крайне нежелательного вооруженного столкновения с турками тогда дело не дошло. Оно разразилось позже, и наступательной стороной выступила Высокая Порта.

Паломничество балканских христиан в Москву не прекращалось и в самые тревожные годы, и к традиционным просьбам – о “милостыне” и предоставлении убежища, добавилась новая – о покровительстве народам и их желании перейти под высокую царскую руку. В 1656 г. Алексей Михайлович внял мольбам молдавского господаря Георге Штефана, бояр и духовенства и дал согласие на принятие Молдавского княжества в подданство на условиях внутреннего самоуправления⁴.

Последствий эта акция не имела, петиция осталась пылиться в сундуках Посольского приказа. Шла война с Польшей (1654–1667 гг.), а в 1656–1658 г. и со Швецией, не хватало еще вступать в столкновение с Турцией. Польша не смирилась с воссоединением Украины с Россией (или, как это официально именовалось, – с вхождением в состав Московского государства войска запорожского). Не желала остаться в стороне и Высокая Порта, воспользовавшись для своего вмешательства рознью в казацкой старшине. С помощью Юрия Хмельницкого турки захватили Южную Украину. Гетман Петр Дорошенко признал себя подданным султана. Власть в Подолии перешла в руки османов, установивших свое господство над всем правобережьем Днепра. В Москву поступали обидные письма от восточных христиан. В послании иерусалимского патриарха Досифея говорилось: “Татары – горсть людей, и хвалятся, что берут у вас дань, а так как татары – подданные турецкие, выходит, что и вы – турецкие подданные”⁵. Ради того, чтобы откупиться от крымцев и избавиться от их набегов, им ежегодно посылали “мягкой рухляди” (мехов) на 30 тыс. рублей (для сравнения скажем, что на содержание царского двора уходило 60 тыс.). Но набег не прекращались, и положение становилось нетерпимым.

В 1676 г. вспыхнула война с Турцией, продолжавшаяся пять лет и в целом успешная для русского оружия. Граница устанавливалась по Днепру, Турция признала воссоединение Левобережной Украины с Киевом с Россией и запорожских казаков – ее подданными.

В 1683 г. Австрия и Речь Посполитая вступили в войну с Османской империей. В 1684 г. к ним примкнула Венецианская республика. Образовалась Священная лига. Со времени крестового похода 1444 г. не возникало столь мощной антитурецкой коалиции. Москва поспешила в 1686 г. к ней примкнуть. В 1687 г. состоялся первый крымский поход московской рати. Князя Василия Васильевича Голицына словно бы злой рок преследовал: нестерпимая жара томила ратников, татары подожгли сухую траву, степь пылала. Потеряв десятки тысяч людей, войско повернуло назад. В 1689 г. князь вторично попытался пробиться к Крыму, но убоился штурмовать укрепления Перекопа. Царевна Софья попыталась наградить своего фаворита неизвестно за какие заслуги. Юный Петр отказался подписать соответствующий указ. Он обретал самостоятельность.

---

¹ Аршакова Л.М. Турецкий вопрос в польской публицистике конца XVI века. М., 2000. С. 8.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 18. 1641. Д. 10. Л. 1.

³ РГАДА. Ф. 89. 1642. Д. 2. Л. 39–40.

⁴ Bezviconi G. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse. București, 1962. P. 93.

⁵ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 58.

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ, ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО И МИР С ТУРЦИЕЙ

Азовские походы Петра I (1695–1696 гг.) окружены легендой: начало великих дел. Так называется великолепный фильм Сергея Герасимова. Но они же показали невероятную трудность взятой царем на себя задачи. Итоги кампании 1695 г.: взяты две “каланчи” (башни, закрывавшие выход с Дона в Азовское море), трофей – одно знамя, одна пушка, один пленный. Всю следующую зиму на верфях в Воронеже стучали топоры, визжали пилы, на воду спускался один корабль за другим. Город был взят штурмом с суши и с реки, в Москве предавались торжеству. Но ведь Азов – всего лишь провинциальная крепость на далекой периферии Османской империи. Сколько их предстояло штурмовать, чтобы пробиться к открытому морю – Кинбурн, Очаков, Хотин, Бендеры, Измаил, Брэила (Браилов), Джурджу...

Умом государственного мужа Петр сознавал: необходима европейская акция, следует влить свежие силы в Священную лигу для достижения цели. Прозорливость молодого царя, его умение масштабно мыслить и ставить стратегические задачи на много лет вперед

проявились в том, что он уже тогда включал в состав антиосманских сил балканские народы. Прорыв к Черному морю мыслился в сочетании с богоугодным делом, освобождением христиан Юго-Восточной Европы. Патриарху Адриану он писал о трудах своих (10(21) сентября 1697 г.): “чиним не от нужды, но добраго ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли возвращаясь против врагов имени Иисус Христа победителями, а христииян, тамо будущих свободителями, благодатию Его быть...”¹

Великое посольство 1697–1698 гг. – выдающееся событие в летописи сношений России с Западом, по словам британского историка Г. Маколея, – “эпоха в истории не только его страны, но и нашей и всего человечества”².

Но не следует забывать, что непосредственной целью посольства являлось упрочение антитурецкого союза, “подтверждение древней дружбы и любви, ослабление врагов Креста Господня, султана турецкого, хана Крымского и всех бусурманских орд”³. Посольство информировало союзников об успешных операциях русских войск в низовьях Днепра, о взятии Таванской крепости. 11 сентября 1697 г. великий полководец Евгений Савойский разгромил османскую армию в сражении при Зенте. Петр заподозрил, что австрийцы воспользуются победой для заключения мира на благоприятных для себя условиях при том, что Россия оставалась еще очень далека от желаемого результата: “султан мыслит иметь миру”, дабы “себе отдохновение учинить и связь христианских государей прервать”⁴.

Усилия посольства были направлены на то, чтобы предотвратить пагубное развитие событий и не допустить заключения преждевременного мира. Оно развернуло кипучую деятельность по приглашению в Россию так необходимых ей специалистов, в первую очередь военных и морских. Характерно, что предусматривался набор офицеров и матросов из южнославянских земель, явно в предвидении сражений на море. В малоизвестные еще балканские края отправился первый эмиссар.

Вторым октября 1697 г. помечен интересный документ – “Наказные статья” капитану Г.Г. Островскому. В головах дьяков, их сочинявших, царил еще полный туман, что видно из места назначения – велено ехать в “земли и места ближе и податнее до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли”. Словакия, как известно, располагается в сотнях верст от Балкан, страны Шклявонии вообще не существовало. Запрашиваемые сведения свидетельствовали об отсутствии у Посольского приказа сколько-нибудь определенного представления, что же это за места: “Приехав, в тое Шклявонскую землю, проведать, под которым она государем, и много ль в ней городов и знатных мест, и многолюдная ль она, и какие в ней люди: служилые ль или купецкие, или пахотные...” Далее следовала конкретика: “есть ли в ней капитаны, порутчики, шиперы, боцманы, штирманы и матрозы”. Островскому поруча-

лось проведать, “славенского языка и иных языков вышние начальние люди есть ли”, и разузнать, на каких флотах они служили для последующего найма⁵.

До Далмации, скрывавшейся под именем Шклявонии, Островский так и не добрался и собирал сведения, сидя в Венеции, на другом берегу Адриатического моря: “А народ шклявонской говорит по-русски и к морскому пути и к бою зело искусны, в морском плавании и в бою венетов” лутче...”⁶ Правда, дальше следовало уточнение насчет языка: “А те склявоны говорят по-словенску и русским людем говорить с ними, приобывчвса, мочно”. К вербовке моряков Островский не прибег, поскольку никто из опрошенных им в Черном море не побывал и с его условиями знаком не был. С порученной ему задачей он не справился, “по данным ему статьям в Шклявонию не ездил, быв в Венеции толко, возвратился без дела”⁷, – констатировали в Посольском приказе.

Большой познавательный интерес представляют путевые дневники стольника П.А. Толстого, в будущем видного дипломата и графа, направленного в страны Средиземноморья изучать морское дело. Таинственная Шклявония исчезает. Он посетил и подробно описал Дубровник (Рагузу). “Рагузяне, – по его словам, – капитаны морские, и астрономы, и маринары. Строение домовное имеют каменное, самое малое и нужное; также хлеба и скота имеют мало, только забавляются фруктами...” “А говорят все славенским языком, а италийанской язык все знают”. В самом городе Толстой посетил два католических монастыря, монетный двор, дворец администрации, был принят главой республики, ректором (“князем”), который усадил Толстого в “креслы” и говорил с ним “словенским языком”⁸.

Дневники Толстого можно рассматривать и как заметки любознательного путешественника, и как соображения разведчика на далекое будущее. Он писал о стратегическом значении Дубровника: “Фортеца каменная и зело изрядная и крепкая; от проезжей башни, которая к морю, есть порт, то суть пристанища судам. И в которое место суды входят; на том месте от башни до стены положена чель железная великая, которая возбраняет вход всяким судам неприятельским в тот вышепомяненный порт”. Отметил наблюдательный стольник и особенности государственной политики республики: “Войны никогда рагузяне ни с кем не имеют, дают дары цесарю римскому, и королю гишпанскому, и князю венецкому, и салтану турецкому”. Такая предусмотрительность позволяла им обходиться без большой военной силы – “пехоты для караулов 500 человек солдат, тутошних жителей”⁹.

9 июля 1698 г. произошло событие, знаменательное в истории российско-южнославянских связей: на богослужение в церкви по-

---

* Т.е. венецианцев.

сольства в Вене пришел патриарх Арсение III Чарноевич – личность незаурядная. В ходе войны Священной лиги против османов сербы турецких владений выступили на австрийской стороне и, по свидетельству Чарноевича, выставили до 10 тыс. бойцов “конного и пешего войска”. Когда же военное счастье улыбнулось туркам, произошел исход 40 тыс. семей с детьми, скотом и домашним скарбом, всего “до 100 тысяч душ православных христиан” на север от Дуная и расселение их “за Будином” (Будой), где “и прежде сего они, сербы, живали ж” (1690–1691 гг.). Возглавил переселение патриарх Арсение.

Австрийский монарх Леопольд I принял их благосклонно, обещал предоставить землю, уважать православную религию, позволить жить по прежним законам и обычаям. Он был заинтересован в заселении пограничной с Османской империей зоны. После султана Сулеймана Великолепного (1520–1566) турецкий натиск на Европу ослабел, линия границы застыла, но столкновения в порубежье не прекращались. В турецкой историографии оно красочно именуется “порогом взаимного страха”. И мусульмане, и христиане совершали набеги на соседей, редкое сельское население жило в постоянной тревоге. Приход тысяч испытанных бойцов позволял австрийским властям укрепить рубежи, и сербам предоставили “привилегии” – никаких налогов, ничего, кроме пограничной службы.

Чарноевич передал Великому посольству две челобитные с жалобой на нарушение обещанного. Сербы, жаловался патриарх, покинули родные места, “цесарское величество” обещало предоставленные мигрантам “земли не отымать и в вере их насилия никому не чинить”. А ныне “цесарские владетели и езуиты принуждают их утеснением к уни и накладывают на них многие лишние дани”¹⁰. Арсение просил выступить в защиту поправных прав и добиться у монарха подтверждения их привилегий. Челобитные от людей попроще рисовали тягостную картину жизни в опустошенном войной порубежье. И.И. Варадин жаловался: “И пришедши на тот наш Варатград, турки с венграми и татарами разбойнически места наши около града разорили и вотчины мои, не точию мои, но и прочих господ иных, порубили, а иных в полон взяли”¹¹.

Петр убедился, что Россия в глазах южных славян, причем и тех, кого судьба привела в католическую державу Габсбургов, – опора и оплот, что к ней обращены взоры в надежде на достижение достойной и равноправной жизни.

Но Чарноевич выступил со своим ходатайством в неблагоприятный для себя момент – Великое посольство пребывало в глубокой тревоге. Победа под Зентой давала Австрии, Речи Посполитой и Венеции шансы на славный и выгодный мир. Охотников продолжать войну с турками не обнаруживалось. Просьба российской стороны “позадержаться” с миром, “чтобы могли все довольство воспринять”, не встретила отклика¹². Посольство открыло неприятную для

себя истину: Россию использовали, но с ее интересами не считались, что сказалось даже в том, как оно узнало о начавшихся мирных сношениях. Грамота римского цесаря, как тогда называли австрийского монарха, с изложением турецких условий, была послана в Москву, хотя заведомо было известно, что Петр путешествовал по Европе. Посольство узнало о ней со слов польско-саксонского посланника в Нидерландах Хр. Бозе и из копии, присланной из Варшавы резидентом А.В. Никитиным¹³. Царь спешно отправил Леопольду I послание с выражением надежды, что его пожелания “презренными” не останутся. Скоро ему пришлось убедиться в обратном. Послы поспешили в Вену. Переговоры с австрийской стороны вел канцлер чешский граф Фр. Кинский. По его словам, цесарь влез “в великие долги, а поляки и венеты ненадежны”¹⁴. Впрочем, послы не нуждались в объяснениях – Европа готовилась к очередному переделу сфер влияния, вошедшему в историю под именем войны за испанское наследство (1701–1714 гг.). Французский король Людовик XIV, используя родственные связи своей давно умершей жены, собирался посадить на освобождающийся испанский престол своего внука. Австрия, Англия и Голландия готовились выступить против, и не было силы, способной заново склеить Священную лигу.

Фр. Кинский умело использовал упущения молодой и неопытной московской дипломатии. Так, Россия, приступив к военным операциям еще в 1687 г., заключила формальный союзный договор с Австрией и Венецией лишь в феврале 1697 г., не оговорив при этом запрета на заключение сепаратного мира. Статья 3-я пакта предусматривала обязанность “о предложенных статьях (неприятелем условиях. – *Авт.*) иным союзником немедленно ведомо чинити, и купно всех тем разговором объяти и вместити, и им о всем, что ни есть делалось бы, от времени до времени ведомость чинити...”¹⁵. Иными словами, предусматривались консультации между участниками лиги, но не больше – никакого согласия по условиям замирения. Когда Петр, участвовавший в переговорах инкогнито, выразил удивление, что “основание мира положено по воле одного цесарского величества, а надо было то учинить с общего совету всех союзников”, Кинский ответил – каждый может выразить свои пожелания на конгрессе¹⁶. Воспользовался хитрый политик и явной несоразмерностью выдвинутых царем условий, чтобы прочесть россиянам кое-что из азов дипломатии. Петр предлагал уступить ему крепость Керчь как залог лояльности татар. Кинский дал понять, что бессмысленно требовать от неразгромленного неприятеля незавоеванных земель. Пусть царь завоюет Керчь – тогда сможет и настаивать на принципе *uti possidetis* (“чем владеешь”).

Послы пришли к выводу: “Цесарь для Гишпанского королевства и французской войны спешит, и их союзников, неудовольствованных оставляет”¹⁷.

С просьбой о личном свидании с Леопольдом Петру пришлось обращаться трижды, прежде чем удалось заручиться согласием. Австрийцы оговорили условия: четверть часа на беседу, никаких дел, этим занимаются министры, лишь обмен любезностями. В зал монархи вошли с разных сторон, двинулись навстречу друг другу, остановились у окна и проявили живейший интерес ко взаимному здоровью. Первый монарх Европы не произвел на Петра впечатления: невысокий, хилый, дряхлый, с неприятно отвисшей нижней губой и преисполненный сознания собственного величия.

Пребывание в Вене оставило у посольства тяжелый осадок; Россию явно не считали равней. Попытка возродить Священную лигу закончилась полнейшим фиаско.

Совсем иные перспективы нащупало Великое посольство на северном, балтийском направлении. Могущество Швеции тревожило соседей. Замячила возможность сотрудничества с Данией, Саксонией, Польшей, Пруссией, чтобы совместными усилиями если не изгнать, то потеснить шведов в Прибалтике и в Германии. Что касается южного направления, то важно было добиться возможно более благоприятного и длительного мира с Турцией. Патриарха Арсение Чарноевича одарили соболями и обещали помощь. Позднее посол П.Б. Возницын в своих демаршах хлопотал "о волности, и о уделе земли, и о свободе веры сербскому патриарху и всему тому народу, так ж и о свободе деспота Георгия Бранковича, которой за караулом в Вене..."¹⁸ Вице-канцлер граф Кауниц отделялся пустыми обещаниями. Условий для энергичного вмешательства в пользу сербов не существовало. Вектор российской политики переместился с юга на север, на Балтику, важно было сохранить добрые отношения со спесивым Леопольдом, вокруг цесаря российские дипломаты ходили на цыпочках, вежливые демарши результатов не приносили.

Встревоженный вестями о волнениях стрельцов, Петр заспешил домой. Но как он ни торопился, задержался на несколько дней в Рава Русской и Томашеве (Томашуве-Мазовецком) для свидания с курфюрстом саксонским и польским королем Августом II. Молодые монархи приглянулись друг другу, пиروвали от зари до зари, прерываясь на смотры собранных войск. Петр мастерски бил в драгунский барабан. Во время прогулки по лагерю царь, как всегда небрежно одетый в поношенный кафтан, повздорил с неким шляхтичем, тот выхватил саблю из ножен, и не сдобровать бы будущему великому императору, если бы не быстрота ног...¹⁹

Атмосфера загула создавала у окружающих обманчивое впечатление, присутствовавшие не осознали, что в августе 1698 г. в Рава Русской были заложены основы союза трех стран: России, Польши и Саксонии – против Швеции. Петр покидал городок в восторге от своего нового друга. Август II, прозванный Сильным, легко гнул подковы, превзошел на ниве галантных походов

Дон Жуана, незаконнорожденных детей раскидал по всей Европе, но он же был посредственным правителем, бездарным полководцем и вероломным союзником. Знал бы царь о советах Августу II его доверенного лица И.Р. Паткуля: надо “крепко связать руки этому могущественному союзнику (Петру. – *Авт.*), чтобы он не съел перед нашими глазами обжаренного нами куса, т.е. чтобы не завладел Лифляндиею”²⁰.

На август и ноябрь 1699 г. падает заключение союзных договоров с Данией и Польшей. Вслед за ними последовал указ о формировании тридцати новых полков.

Но руки у Петра были связаны, следовало добиться урегулирования с Турцией.

На конгрессе в городе Сремски-Карловци (1698–1699 гг.) российские союзники добились крупного успеха. Цесарь присоединил к своим владениям Центральную Венгрию и Трансильванию, Речь Посполитая – Подолию, Венеция – Морею (южную часть Балканского полуострова). Россия осталась если не в стороне, то на обочине конгресса, ее предоставили самой себе. Вена была заинтересована в продолжении русско-турецкой войны, тем самым обеспечивался ее тыл в предстоящей схватке с Францией.

Трудная задача заключения “пристойного и нам потребного во всех наших ползах и прибытках мира” с Турцией была возложена на думного советника П.Б. Вознищину. В числе желательных условий значились: уступка Керчи; запрет татарских набегов; свобода торговли сухим путем и морем “до Константинополя..., до Кафы, и до Синопа, и до Трапезона”. Не были забыты южные славяне и прочие христианские народы Османской империи: “Греком, Сербом, Болгаром, Словаком и иным всем, тоуж веру употребляющим, да будет всякая свобода и волности без всякаго отягчения и лишних податей...”²¹.

Документы свидетельствуют об осознании стратегических задач российской политики в южном направлении на столетие вперед. Вице-адмирал Корнелий Крюйс обратил внимание посольства на желательность, “дабы все корабли московские свободно и без помешательства во все турецкие пристанища” (порты) заходить могли²².

Вознищину удалось добиться лишь перемирия на два года. Нечего было и думать о войне на Балтике без заключения на юге мира с Высокой Портой. В Стамбул снарядили посольство во главе с опытным дипломатом Е. Украинцевым. В помощь ему дали думного дьяка И. Чередеева.

Прибыли дьяки на место на корабле “Крепость” 3(14) сентября 1699 г. Девять месяцев длилось их “сидение” в османской столице. Султан считался “тенью Аллаха на земле”, спорить с его уполномоченными не полагалось, перечить им – тем более. О программе-максимум, включая уступку Керчи, послы на сей раз не пикнули, и без того “камней притыкания”, как тогда выража-

лись, было предостаточно. С потерей Азова турки смирились. Удалось избавиться от унижительных “дач” (даии) крымскому хану. Правда, ведший переговоры с османской стороны высокообразованный грек Александр Маврокордато советовал все же подносить время от времени “подарки”: “и псов кормят же, чтоб были сыты и голодом не издыхали”. Попытка добиться свободы суходохода по Черному морю натолкнулась на жесткий отпор: султан бережет его “как чистую и непорочную девицу, к которой никто прикасаться не смеет”²³.

Основной спор завязался вокруг днепровских городков, селений близ устья реки, занятых русскими войсками уже после взятия Азова. Обе стороны сознавали их большое стратегическое значение; отстояв их, Россия обеспечивала контроль за выходом из Днепра в Черное море и вместе с тем получала плацдарм на подступах к Крыму. Украинцев старался придать интересам России оборонительный характер: здесь удобно сдерживать татарские набеги. Турки возражали: еще удобнее использовать городки как базу для наступления на Крым, всего несколько переходов до Перекопа. Ведавший иностранными делами реис-эфенди отвечал “с великим гневом”: султан никого на свете не боится, и вообще Бог создал турок “со всеми творить войну и побеждать мечем”. Произошла резкая перепалка. Территория, занятая городками, осталась у Османской империи, сами они подлежали срытию, от Перекопа до Азова и от Запорожской Сечи до Очакова – “земли пустые и порожные и всяких жильцов лишены да будут”²⁴. Полоса плодороднейшего в мире чернозема не подлежала хозяйственному освоению.

К концу переговоров послы измаялись, мучила жара, раздражали бесконечные проволочки турецкой стороны. Много хлопот доставлял капитан корабля “Крепость” П. Памбург, один из авантюристов, которые тогда стаями слетались в Россию. Прибытие в Стамбул он отметил пушечным салютом, перепугавшим обитателей Серая. Затем пошли жалобы: “француженка-шинкарка” потребовала денег за трапезы, а Памбург надавал ей пощечин и прогнал с глаз долой. На “Крепость” явились негоцианты, пытавшиеся получить с Памбурга причитавшиеся им долги. По приказу капитана на них набросилась “челядь” и солдаты, наломали им бока, сорвали парики и заодно пошарили в карманах. Памбург пригрозил им в случае нового визита повесить их на реях. С трудом, совместными усилиями послов и турецких властей, удалось вывести “Крепость” в устье Босфора, и выходки буйного капитана прекратились²⁵.

А царь сгорал от нетерпения и требовал: “Толко конечно учина мир: зело-зело нужен”. В то время Петр вводил в заблуждение шведов, заверяя их в своей готовности подтвердить “вечный мир”²⁶.

Следует сказать, что все эти годы шведы вели себя предупредительно. Король Карл XI незадолго до своей кончины (1697 г.) решил подарить царю в знак добрых отношений 300 пушек. Выразить благодарность за щедрый дар российской стороне пришлось уже его сыну, Карлу XII, вступившему на престол в апреле 1697 г. “под правительством и предстоятельством” бабки и пяти советников – его считали недорослем, нуждающемся в руководстве. Никто тогда не предполагал, что три года спустя юнец проявит себя как выдающийся полководец. Вдобавок к полученным тремстам пушкам россияне заказали еще 288, так что шведы способствовали вооружению будущего неприятеля. Инициатива разрыва с ними принадлежала Петру²⁷.

2(13) июля 1700 г. мир с Турцией сроком на тридцать лет был подписан. 8(19) августа гонец привез весть о нем в Москву. На следующий день наспех собранная и плохо подготовленная армия двинулась в поход на Балтику – навстречу нарвскому поражению.

Петра неудача не обескуражила. Зиму он провел в лихорадочных трудах по восстановлению военной силы. Невиданно быстро Россия стала брать реванш, уже осенью 1701 г. обозначился крупный успех Бориса Петровича Шереметева. Продолжалась остро ощущаться нехватка офицерских кадров. Апрелем 1702 г. помечен Манифест с призывом к “искусным особам” в “военном состоянии” из иноземцев прибывать в Россию и “в войске нашем служить”, с тем чтобы привести оное “под правое и порядочное обучение” и обеспечить “пристойное управление”²⁸. Оригинал манифеста написан по-немецки, он явно предназначался иноземцам на Западе; вряд ли можно говорить о наличии среди южных славян сколько-нибудь значительного числа специалистов нужной квалификации. В отношениях с ними наступил определенный спад, и на то существовали веские причины. Условием *sine qua* pop во время Северной войны являлась лояльная позиция Вены. Поступавшие от “австрийских славян” жалобы на нарушение их прав и наступление на православие без отклика не оставались, в Польском приказе сочинялись вежливые ходатайства, реального эффекта не имевшие.

Тревожно складывались отношения с Высокой Портой. В Стамбуле не простаки сидели, прозвучавшие уже заявки на Керчь и свободу судоходства по Черному морю показывали, как далеко зайдут московские притязания. Соблазн воспользоваться занятостью Петра на Балтике и в Польше и ударить в незащищенное мягкое южное подбрюшье России был велик. В Стамбул снарядили посла, опытного и рассудительного мужа Петра Андреевича Толстого. Главное, что ему предписывалось в “тайных статьях”, разведать, собирается ли султан “государство в покое или в войне содержать”²⁹. Путь его лежал через Молдавию. В Яссах господарь просил его ходатайствовать перед царем о принятии княжества в русское подданство. Тол-

стому пришлось его разочаровать: “невозможно принять и иметь его за подданного, ... потому что он подданный салтанский”³⁰. Поощряя умеренных в Диване, раздавая соборей и золотые, Толстой способствовал сохранению мира на южном порубежье. Турки сидели смиренно, “скудости ради денежной и внутренних настроений”³¹.

Контакты с южными славянами приняли несколько односторонний характер, с Балкан прибывали просители и жалобщики. Сетовали на покушения на святую православную веру, стремление распространить ислам, оскудение церквей и монастырей. Просили прислать богослужебные книги, иконы, церковную утварь и денег, дабы содержать в порядке и благолепии храмы Божьи и не позволить упасть в нищету духовенству.

Та же тональность звучала в прошениях, поступавших от сербов из габсбургской монархии: “езуиты” и прочие враги православия смущают паству и побуждают ее принять унию. Незадолго до своей смерти Арсение Чарноевич (29 октября (9 ноября) 1705 г.) скорбно писал: “Ден же и ноц бегающе с своим осиротелым народом от места на место, акы корабл в пучинах великаго окиана, бегствуемо, ждуще, когда зайдет солнце и преклонит се ден, и мимоидет тьмная нощ...”³².

Ситуация на южных рубежах резко изменилась – и к худшему после полтавской виктории, как это ни покажется странным. Проницательный Петр Андреевич объяснял причину в письме к канцлеру Г.И. Головкину: “Не извольте удивлятися, что я прежде сего, когда король швецкой был в великой силе, доносил, что не будет от Порты противности к стороне царского величества. А ныне, когда шведы разбиты, сомневаюся. И сие мое усумнение от того исходит, понеже турки видят, что царское величество ныне есть победитель сильного короля швецкого и желает скоро совершить свой интерес в Польше, а потом уже, не имея никакого препятствия, может начать войну и с ними, с турками...”³³

Вскоре Толстой на собственном печальном опыте убедился в обоснованности своих предчувствий. Укрывшийся в Бендерах после полтавского поражения Карл XII соблазнял Диван шведской помощью и содействием своего ставленника на польском престоле Станислава Лещинского в случае нового турецкого столкновения с Россией. Крымский хан жаловался на оскудение после прекращения московской дани и рвался в поход. Мнение “мужей меча” в совете возобладало, и в ноябре 1710 г. шейх-уль-ислам дал фетву на войну с Россией. Толстого на дряхлой кляче провезли через Стамбул и бросили в подземелье Семибашенного замка. Петр приложил прямо-таки отчаянные усилия, чтобы предотвратить военные действия. Он согласился пропустить Карла XII в Швецию с отрядом в 500 человек и турецкой охраной в 5 тысяч, был готов отвести войска от границы, лишь бы прийти к “приятному примирению”³⁴. Готовность к уступкам не помогла. В декабре крымская конница двумя лавами дви-

нулась на Харьков и Левобережную Украину. Набег удалось отбить, но Петру пришлось расстаться с надеждой на сохранение мира. В феврале 1711 г. он нехотя подписал манифест о войне. Прежний план кампании 1711 г. пришлось, ломать. Фельдмаршал Б.П. Шереметев получил приказ двинуться с армией в 40 тысяч пехоты и сабель в Молдавию. Противник собрал втрое ббльшие силы, не считая татарской кавалерии.

- ¹ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. С. 194.
- ² Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 107.
- ³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VIII. С. 542; Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971. С. 28; Письма и бумаги... Т. I. С. 205, 209, 211, 213.
- ⁴ Письма и бумаги... Т. I. С. 210.
- ⁵ Там же. С. 199–201; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 11, 12.
- ⁶ Там же. С. 14.
- ⁷ Письма и бумаги... Т. I. С. 650.
- ⁸ Политические и культурные отношения... С. 16, 17.
- ⁹ Там же. С. 17.
- ¹⁰ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8. С. 1374–1375; Политические и культурные отношения... С. 21, 22.
- ¹¹ Политические и культурные отношения... С. 22, 33.
- ¹² Письма и бумаги... Т. I. С. 259.
- ¹³ Богословский М.М. Петр I. М., 1941. Т. 2. С. 413, 416.
- ¹⁴ Письма и бумаги... Т. I. С. 257, 261.
- ¹⁵ Памятники дипломатических сношений... Т. 8. С. 417.
- ¹⁶ Богословский М.М. Указ. соч. Т. 2. С. 486.
- ¹⁷ Письма и бумаги... Т. I. С. 260, 262; Богословский М.М. Указ. соч. Т. 2. С. 489.
- ¹⁸ Памятники дипломатических сношений... СПб., 1868. Т. 9. С. 534.
- ¹⁹ Богословский М.М. Указ. соч. Т. 2. С. 556.
- ²⁰ Молчанов Н.Н. Указ. соч. С. 150.
- ²¹ Письма и бумаги... Т. I. С. 295–299, 304–310, 557; Памятники дипломатических сношений... Т. 9. С. 206–207.
- ²² Памятники дипломатических сношений... Т. 8. С. 1373.
- ²³ Богословский М.М. Указ. соч. М., 1948. Т. 5. С. 108.
- ²⁴ Там же. С. 110, 113; Текст Константинопольского мирного договора: Письма и бумаги... Т. I. С. 368–376.
- ²⁵ Богословский М.М. Указ. соч. Т. 5. С. 181–182.
- ²⁶ Письма и бумаги... Т. I. С. 333, 310, 353.
- ²⁷ Памятники дипломатических сношений... Т. 8: Указатели. С. 145, 146, 149, 151.
- ²⁸ Письма и бумаги... СПб., 1889. Т. II. С. 46–48.
- ²⁹ Там же. С. 30.
- ³⁰ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 132.
- ³¹ Орешкова С.Ф. Указ. соч. С. 67.
- ³² Политические и культурные отношения... С. 26.
- ³³ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 164.
- ³⁴ Письма и бумаги... М., 1962. Т. XI, вып. 1. С. 85–86.

ТРАГЕДИЯ НА ПРУТЕ

Прутский поход задает историку много загадок: почему царь вместо осторожной обороны безоглядно ринулся в неведомую даль? Как полководец Петр отличался осмотрительностью и сугубой осторожностью, и пример тому дает Полтава. Всем памятна строка Пушкина:

Швед, русский – колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон.

Менее известно язвительное высказывание Василия Осиповича Ключевского насчет тридцати тысяч “отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда двадцатисемилетний скандинавский бродяга”, т.е. Карл XII. Налет художественного преувеличения в этих словах есть, но они содержат и долю истины. Петр целый год водил неприятеля по России прежде, чем дать генеральное сражение, на поле боя смерть изрыгали всего четыре шведские пушки (против 72 русских). Полтава уникальна в том смысле, что царь ввел в дело всего половину своих войск, вся вторая линия оставалась в резерве. И вместе с тем – победа, предрешившая исход войны. По сравнению с этим Прутский поход и по потерям, и по результатам представляется полной противоположностью.

Царя мучили предчувствия. А.Д. Меншикову он писал о “безвестном и одному Богу ведомом пути”, в который он пускался будто навстречу собственной гибели. Именно тогда он учредил Правительствующий Сенат и повелел “Сенату всяк да будет послушен так, как нам самому”. Он оформил церковным браком (хотя пока и тайным) свою многолетнюю связь с бывшей лифляндской крестьянкой Мартой Скавронской, ставшей в России Екатериной Алексеевной, заметив: “Еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы сжали сироты останутся, лучше бы могли житие иметь”¹.

Нам представляется обоснованным мнение Н.Н. Молчанова: царя увлек поток просьб о помощи, доносившихся с Балкан и сопровождавшихся заверениями, что едва российское воинство вступит на погранные османами земли, как последует общий взрыв недовольства. Депутации в своих ходатайствах рисовали соблазнительную перспективу военной прогулки, “невероятно преувеличивая размеры освободительного движения и преуменьшая трудности, которые ожидают русскую армию. Рисовалась фантастическая картина, на которой предстоящие события изображались так, что простого появления русских войск будет достаточно, чтобы турецкое господство было сметено всеобщим восстанием измученных сербов, черногорцев, болгар, валахов и молдаван”².

Бояре и духовенство двух Дунайских княжеств давно стучались в российские двери. Валашский господарь Константин Брынковяну

имел в Москве своего уполномоченного Г. Кастриота. Еще в 1698 г. тот ходатайствовал от имени своего князя: “Унговлахийское государство в глубине несчастья, тиран Агарянский грозит передать его в пленение татарам, если жители не исполнят тяжких требований его, а с другой стороны немцы нудят их разными вымыслами поддаться цесарю, говоря, что сила турецкая сокрушена от оружия их”. Неизвестно, однако, чье иго хуже и тяжелее. В Венгрии и Трансильвании паписты и иезуиты “беснуются на православных более, чем на турков”. Достаточно трех- или четырехтысячного войска, чтобы добиться освобождения. “Просим, чтобы государь Российский принял нас под свою державу в подданство”; на Валахию зарится Вена, но, кляся Кастриот, “все мы готовы соединиться и будем прославлять имя всемирного самодержца, Российского государя, а не цесарево”³.

В Петербурге ходатаем по делам южных славян выступал купец из Дубровника Савва Владиславич-Рагузинский, горячий и нетерпеливый поборник их освобождения с опорой на Россию. По некоторым сведениям, он участвовал в составлении грамоты к черногорцам и всем христианам Балкан, с которой Петр обратился к ним 3(14) марта 1711 г.

Грамота – документ примечательный, отражает уровень знаний элиты российского общества о положении южных славян, понимания ею задач в завязавшемся противоборстве с Османской империей и роли, которая отводилась в нем балканским народам. Начиналось обращение с идеологического обоснования необходимости свержения “ига тиранского турецкого салтана”, “понеже турки варвары, христовой церкви и православнаго народа гонители, многих государств несправедливо завоеватели и многих церквей и монастырей разорители”, кои, “яко волцы, овец расхищали и стадо христианское разоряли, и толкые христианские провинции в подданство несправедно привели, яко и доньне тиранством и мучением оных разоряют и в поганскую магометанскую веру насильно приводят”.

Далее следовала основная часть: “И сего года весною намерение имеем, дабы не токмо возможи нам противу неприятеля-бурсурмана с воинством наступати, но и сильным оружием в средину владательства его входим и утесненных православных христиан, аще Бог допустит, от поганскаго его ига освободить...” С сею благородною целью “всем добрым, чистым и кавалерским христианским сердцам должно есть, презрев страх и трудности, за церкву и православную веру не токмо воевати, но и последнюю каплю крове пролить...” Царь свидетельствовал свое бескорыстие и стремление утвердить правое дело: “...Мы себе иной славы не желаем, токмо да возможем тамошня народы христианския от тиранства поганскаго избавити, православныя церкви паки украсити и животворящий крест возвысити”⁵.

Цель была обоснована широкомасштабно: “Аще будем единокупно, кийждо по своей возможности, трудиться и за веру воевати,

то имя Христово вьще прославится, а поганина Магомета наследницы будут прогнаны в старое их отечество в пески и степи аравийския” (хотя тюркские племена пришли из иных степей и песков, а именно среднеазиатских). Но главное заключалось не в мелких фактических погрешностях, а в том, что поставленная цель – изгнание турок из Европы – ни в малой степени не соответствовала сложившейся ситуации, силам и возможностям России, поглощенной войной со Швецией, даже если бы южные славяне “единокупно” ее поддержали.

Вместе с тем грамота заключала нечто знаменательное – царь иной славы не желал, только как избавить христиан от “тиранства поганскаго”. Воззвание полезно сопоставить с двумя другими документами весны 1711 года, и тогда проступят контуры стратегической линии России на юго-востоке Европы на многие десятилетия вперед.

13 апреля, находясь в Луцке, царь подписал “Диплом и пункты” молдавскому князю Дмитрию Кантемиру, выразившему желание “со всею землею и народом волоским быть под протекциею нашего царского величества”. Петр выражал согласие: принц “с сего времени под защищением нашего царского величества, яко верным подданным надлежит, и вечно”⁶. Пункты составил сам Кантемир, и они выражали чаяния элиты молдавского общества. Царь гарантировал самоуправление княжества (“...вся правительственная власть будет при князе волоском”, по “прежнему обыкновению да имеет, без всякого возобновления законов их”). Престол в Яссах становился наследственным в роде Кантемиров. Так проявилась черта, ставшая традиционной для России – уважение к законам, нравам, обычаям, образу жизни и культуре присоединяемых народов⁷.

Другой документ – обращение к жителям Дунайских княжеств и другим христианским народам – грекам, сербам, болгарам, славянам (так в тексте. – *Авт.*), албанцам с призывом “совокупляться” с русскими войсками и “на неприятеля креста Господня воевати за отечество, за честь и привращение древних свобод и вольностей”, за “освобождение церкви и веры святых православных от гонения бусурманского”. Петр от себя свидетельствовал: “в сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель и городов и сокровищ по Божьей милости предовольно имеем...”

Далее следовал важнейший принципиальный постулат о возрождении, под российским покровительством, попранной османскими завоевателями государственности христианских народов: “Позволим под нашею протекциею избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли, но содержим их яко под протекциею нашею”⁸.

Очевидно, “Диплом и пункты”, выданные князю Дмитрию Кантемиру, Петр считал моделью будущих отношений со всем балканским христианским миром.

Из Юго-Восточной Европы поступали бодрящие вести. Господарь Валахии Константин Брынковяну заверял, что стоит царю появиться на Дунае – и поднимутся жители Дунайских княжеств, сербы, болгары, греки и албанцы. Полтавскую битву он воспринял как сигнал к действию и обязался выставить двадцатитысячную подмогу в случае прихода российских войск. Кантемир обещал примкнуть к армии с отрядом в 10 тысяч и вдобавок поставлять ей продовольствие и фураж⁹.

Черногорцы с восторгом восприняли царскую грамоту от 3(14) марта 1711 г. Воззвание исходило от Петра, увенчанного славой полтавского триумфа. В послании царю собравшиеся на скупщину черногорцы заверяли: “Вся наша братия, православныя христиане, сербы и болгары, готовы все за церковь святую восточную, мать нашу и за святые места, и за православие, а наипаче за тебя, великого государя, готовы все военным на неприятеля итти и д(у)ши свои положить”. Черногорские старейшины свидетельствовали: “...У нас ест доста чловеци за войску избраних воин, кои могу послужити вашему величеству”¹⁰.

Прочные связи еще со времени Великого посольства поддерживались с сербами в габсбургской монархии. От них поступали жалобы на “кривды”, чинимые властями, и просьбы – иметь их, сербов, “за своих подданных и верных”. Но обострять отношения с новым римским цесарем Иосифом I, с которым перед кампанией 1711 г. пытались заключить оборонительный союз, было в высшей степени неблагоприятно, поэтому в Посольском приказе намеки на подданство не замечали. Но заверения, что сербы “всегда готовы служить против бусурман без всякой платы жалованья, никакого ружья не требуя, но токмо за одно православие”¹¹, принимались с признательностью. Они были подтверждены в 1710 г. сотником Б. Поповичем.

Царь воспрянул духом. Сообщая фельдмаршалу Шереметеву о достигнутой с Д. Кантемиром договоренности, он выражал уверенность: “Такоже и Мултянский господарь вскоре таковым трактатом с нами обяжется”. Жребий был брошен в расчете на массовый подъем “турецких христиан”. Царь полагал: князья Молдавии и Валахии “с войсками нашими совокупятся и весь народ свой многочисленный побудят к восприятию оружия против турок, на что глядя сербы (от которых такое же прошение и обещание имеем), также и болгары и иные христианские народы против турок восстанут, и оные к нашим войскам совокупятся, иные же внутри их турской области возмущение учинят...”¹² Первые же взятые в походе пленные, очевидно, со страху, клялись, что “турки не имеют куражу и сами себе пророчествуют гибель”. “В уши царя и его

главнокомандующего со всех сторон жужжали о страхе османов перед русскими войсками”, – замечает Н.И. Павленко¹³.

В действительности все пошло вкривь и вкось.

30 мая войска Шереметева переправлялись через Днестр и вступили на молдавскую землю. В Яссах их встретили колокольным звоном, господарский диван принял присягу царю. Но множились тревожные признаки. Страшная жара предвещала засуху. Фельдмаршал в тревоге писал: “зело имею всякую печаль, что хлеба взять весьма невозможно”. Не удалось воспрепятствовать переправе главных сил великого везира Балтаджи Мехмеда-паши через Дунай, как то предусматривалось планом кампании. Турки заподозрили валашского господаря К. Брынковяну в измене, тот оробел и не решился выступить навстречу русским, а потом их же обвинил в промедлении: поскольку войска не прибыли вовремя, он свободен от принятых обязательств. Он же воспрепятствовал сербам из Баната (по некоторым данным, их насчитывалось 19 тысяч) переправиться через Дунай и соединиться с Петром¹⁴.

На военном совете с участием Петра обсуждался вопрос – не повернуть ли назад? Роковое решение принял царь. Войска двинулись вниз по течению реки Прут, окруженные роем неуловимых крымских всадников. У местечка Станилешти они были окружены. В “Истории Свейской войны” царь определял свои силы в 38 246 человек и еще около 5 тыс. молдавских добровольцев. У турок – 120 тыс. плюс 70-тысячная крымская конница¹⁵.

9 июля последовала атака янычар, с тяжелыми для них потерями отбитая. Но в осажденном лагере – ни хлеба, ни воды, солнце палило беспощадно. Царь отправил к везиру подканцлера П.П. Шафирову, опытного и выдержанного дипломата. Петр шел на далеко идущие уступки, свидетельствовавшие о его душевном состоянии. Он полагал, что османы не оставят своими заботами шведов и включат соответствующие пункты в свои требования, и готовился отдать им не только Азов и Таганрог, но и почти все завоевания в Прибалтике, лишь бы сохранить выход к Финскому заливу с Петербургом. В случае нужды он соглашался отдать за это Псков и “иные провинции”. 11 июля царь отправил Шафирову в османский лагерь записку: “Ставь с ними на все, чего похотят, кроме шклафства”. И дай нам знать конечно сего дни, дабы свой дисператный путь могли, с помощью Божьей, начать” (решение было, в случае турецкого отказа, прорываться)¹⁶.

Везир о настроении царя не знал. Шафиров благоразумно выслушал его претензии и, отталкиваясь от них, повел торг. О шведских интересах Мехмед-паша на заикнулся: османы не желали выступать гарантами будущего русско-шведского урегулирования, шалый Карл XII и без того доставлял им много хлопот своими интри-

* Т.е. рабства, плена.

гами, и они стремились сбрызнуть его с рук. 12(23) июля Шафиров подписал мир, немедленно утвержденный царем. По Прутскому договору Россия теряла Азов, обязалась скрыть Таганрог и Каменный Затон и отказывалась от вмешательства в польские дела¹⁷.

Карл XII, пребывавший неподалеку, в Бендерах, узнав о замирении, вскочил на коня и прискакал в турецкий лагерь, когда последние русские полки, под барабанный бой, выходили из окружения. Перед шатром Мехмеда-паши разыгралась драматическая сцена: Карл в ярости кричал и, топая ногами, требовал дать ему 20 тысяч янычар — и он приведет царя Петра пленным. Паша невозмутимо отвечал, что Коран запрещает подчинять правоверных команде гяура.

Прутский мир отбросил Россию на южном направлении к границам конца XVII столетия, страна лишилась выхода даже к мелководному Азовскому морю. Выстроенные в Воронеже с великими усилиями и жертвами корабли сгнили. Понадобилось полвека и еще две кровавые войны, чтобы добиться отмены условий договора.

Жесткие условия мира пришлось еще отстаивать. Взятые в качестве заложников П.П. Шафиров и сын фельдмаршала Б.П. Шереметева Михаил вместе с П.А. Толстым три года вели в Стамбуле трудные переговоры. В султанском Диване одерживали верх то “ястребы” во главе с крымским ханом, настаивавшие на возобновлении военных действий против России, то умеренные. Мнение последних, поощряемых щедрыми “подарками”, возобладало. Адрианопольский договор 1713 г. подтвердил основные положения Прутского договора. А воевать решено было с Венецией ради возвращения утраченной Мореи.

Стремительное и роковое развитие событий в мае–июле 1711 г. перечеркнуло планы широкого сотрудничества с южнославянскими народами, молдаванами и валахами. Донесения о том, какие южные славяне “внутри турецкой области возмущение” учинили, стали поступать уже после того, как остатки армии Шереметева, устлав молдавские дороги трупами солдат (ежедневно во время страшного марша умирало 500–600 человек, общие потери в кампании превысили 27 тыс.)¹⁸, 1 августа переправились через Днестр. Петр, отслужив молебен, поехал на воды в Карлбад (Карловы Вары) лечиться и приходил в себя от пережитого.

Черногорцы начали восстание немного раньше, разгромили крупный турецкий отряд у города Гацко. Движение охватило Старую Сербию, Герцеговину, Северную Албанию. Руководивший повстанцами полковник российской армии серб М. Милорадович писал русскому торговому консулу в Венеции Д.Ф. Боцису: “И все люди помянутых земель мне поддались, и указом его царского величества до сего времени послушны были, и для веры возстали, и за оную с великим войском бились, и многия турецкия mosque*^{*}

* Мечети.

раззорили, и великий округ Турецкой области взяли. Многие деревни сожгли, многия дестрикты пустыми учинили, много турецких голов назад принесли, многих склавами учинили. В Албании и Эрцоговине многия города осадили и турков в конфузию привели... Но города от платежа салдатам, без пушек, пороху и ядер взять не можно"¹⁹.

Мы позволили себе привести эту длинную цитату, ибо она говорит о многом, и прежде всего о массовости движения, охватившего, по словам М. Милорадовича, 29 800 человек²⁰. Однако плохо вооруженные повстанцы не смогли взять ни одного города. Восстание сопровождалось присущими междоусобным войнам ужасами, жертвами которых стали мусульмане. И, главное, разгорелось оно слишком поздно, когда русские войска уже ушли за Днестр. Черногорцам пришлось отбивать наступление турецких карателей на собственные земли. В то же время восстание продемонстрировало могучий потенциал освободительного движения.

При медлительности тогдашней связи черногорцы долго не ведали о случившейся на реке Прут трагедии. 18(29) августа консул в Венеции Боцис сообщал: "Из негромонтанов (т.е. черногорцев. – *Авт.*) собралось до сего времени с лишним десять тысяч". А капитан И. Сумила в июле–августе передавал в острова Св. Мавры о готовности жителей "пролить кровь свою за христианство и за царя"; он брался собрать 10 тыс. греков, только "чтоб за то не разорили дома и пожитки с людьми нашими"²¹.

Но "крепкие войски" сражались в Финляндии, Прибалтике, Польше и Германии, далеко-далеко от Дуная. В конце 1711 г. канцлер Г.И. Головкин, пересылая Милорадовичу 3 тыс. червонных, просил воздержаться от военных действий и не играть с огнем²². Новых репрессий предотвратить не удалось, в 1714 г. Черногория подверглась нашествию Нумана-паши и опустошению. В следующем, 1715 г. в Петербург прибыл митрополит Данило Негош с ходатайством об установлении протектората над Черногорией и предоставлении ей денежной помощи. И на то, и на другое он получил согласие. При этом Петр советовал черногорцам сохранять мир²³.

Российско-южнославянские связи продолжали развиваться, приобретая новые формы. На первый план выступило переселение в Россию сербов и других южных славян, спасавшихся вместе с семьями как от расправ османских властей, так и от неудобств, связанных с жизнью в габсбургских владениях.

¹ Павликено Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 411; Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 283.

² Молчанов Н.Н. Дипломатия... С. 281.

³ Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 472–474.

⁴ Кочубинский А. Сношения России при Петре I с южными славянами и рунами. М., 1872. С. 3. Обращения были также направлены Сенату Рагузской

(Дубровницкой) республики и “бею Авраму, пребывающему в Варне”. См.: Письма и бумаги Петра Великого. М., 1962. Т. XI. С. 151–152, 185.

⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 29–30.

⁶ Письма и бумаги... Т. XI, вып. 1. С. 172–176.

⁷ Там же. С. 363.

⁸ Там же. С. 226–227.

⁹ Семенова Л.Е. Русско-валашские отношения в конце XVII–начале XVIII в. М., 1969. С. 102; *Istoria României. București*, 1964. V. 3. P. 210; История МССР. Кишинев, 1965. Т. 1. С. 308.

¹⁰ Кочубинский А. Сношения России... С. 41.

¹¹ Там же. С. 25–27; Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII века. М., 1971. С. 96.

¹² Молчанов Н.Н. Указ. соч. С. 265.

¹³ Пауленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 83.

¹⁴ *Bezvisoni G. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse. București*, 1962. P. 128–133; Кочубинский А. Указ. соч. С. 27.

¹⁵ Письма и бумаги... М., 1964. Т. XI, вып. 2. С. 36.

¹⁶ Письма и бумаги... Т. XI, вып. 1. С. 317, 562–571.

¹⁷ Текст Прутского договора см.: Там же. С. 322–323.

¹⁸ Там же. С. 576; Молчанов Н.Н. Указ. соч. С. 265.

¹⁹ Политические и культурные отношения... С. 40.

²⁰ Там же. С. 41. По мнению автора, царю сообщались преувеличенные данные о возможной поддержке со стороны местного населения. Если подсчитать все, что сулили Петру, создается впечатление о всеобщем восстании. Так, валашский господарь К. Брынковяну обещал поставить 20 тыс. бойцов (по другим сведениям – 10 тыс.), но вообще уклонился от выступления. Сербы Австрии сулили, по одним сведениям, 10 тыс. человек, по другим – 20 тыс.; власти воспрепятствовали их походу, и до Петра добрались 148 человек. См.: Кочубинский А. Указ. соч. С. 22; Письма и бумаги... Т. XI, вып. 1. С. 31–33; Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига в XVI–нач. XVIII в. М., 1958. С. 98.

²¹ Письма и бумаги... Т. XI, вып. 1. С. 423–424.

²² Там же. С. 429.

²³ Политические и культурные отношения... С. 53, 64; Кочубинский А. Указ. соч. С. 88.

УПРОЧЕНИЕ СВЯЗЕЙ С ЮЖНЫМИ СЛАВЯНАМИ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ ПЕТРА I

Петр I скончался в страшных мучениях под утро 28 января (8 февраля) 1725 г. Цесаревича Алексея он предал казни за измену своему делу, двое других сыновей умерли во младенчестве, и трон стал игралищем противоборствовавших вельможных клик. Наступила пора “случайностей” на престоле (выражение В.О. Ключевского), титана сменили пигмеи. Внешняя политика утратила присущий ей прежде динамизм. Екатерина I, сняв траур по супругу, пустилась в загул, пировала и танцевала чуть ли не до дня своей кончины. Государственные интересы бывшая портомоя Марта Скаврнская сводила к семейным и заявляла, что всем пожертвует ради любимой дочери Анны, выданной

замуж за герцога Голштинского Карла Фридриха. Сей последний считал, что в приданое за женой помимо червонных, соболей и драгоценностей получил российскую армию, да еще и флот. Он жаждал вернуть в свое владение Шлезвиг, отторгнутый у герцогства коварными датчанами, и, разумеется, с помощью российских пушек и штыков. Императрица восприняла эту идею. На Балтике принялись снаряжать флот, на сухом пути готовили в поход 40-тысячный Экспедиционный корпус. А за спиной Дании маячила Великобритания.

В мае 1726 г. у Ревеля (Таллина) показалась англо-датская эскадра в 31 вымпел, в условиях мира блокировавшая запертый в гавани российский флот. Екатерина с большим чувством собственного достоинства обвиняла британцев в попрании норм международного права. А Верховный тайный совет негласно обсуждал вопрос о затоплении в случае необходимости кораблей на ревальском рейде – сопротивляться англо-датской армаде не представлялось возможным. К счастью, осенняя непогода заставила незваных пришельцев повернуть домой. Но Екатерина от своего не отказалась. В 1727 г. британские паруса вновь замаячили на Балтике. Смерть императрицы избавила Россию от опасной авантюры. Карла Фридриха Голштинского, прочно осевшего в Петербурге, с соблюдением должного decoruma выдворили из России¹.

Недоросль Петр II с упоением предавался охоте, свора его собак насчитывала 600 голов. К государственным делам интереса он не проявлял, да и годы были не те.

Затем произошло сказочное вознесение на престол Анны Иоанновны, жизнь которой прежде складывалась уныло и убого: выдали ее замуж за герцога Курляндии Фридриха Вильгельма, свадьбу сыграли столь бурно, что супруг, не выдержав попойек, скончался на почтовой станции по пути в Митаву. Грозный “батюшка-дядюшка” Петр I не позволил Анне вернуться в Петербург, а еще лучше – переселиться в уютную Москву, и потянулись долгие годы вдовства в захудалой Митаве с постоянными унижительными просьбами о деньгах. И сказочное превращение в 1730 г. в императрицу Всероссийскую.

Говорить о государственном кругозоре полуграмотной Анны Иоанновны беспредметно, не то ее занимало, губернаторы по ее распоряжениям занимались поисками карлиц, шутов и стариц поболтливее – монархиня страсть как любила сплетни. Находила Анна Иоанновна время и для знакомства с протоколами страшной Тайной канцелярии, куда людей волокли при малейшем подозрении в оскорблении царского величества. Анна Иоанновна обладала богатой статью, твердой рукой и метким глазом. Отсюда – дань охоте. Но, поскольку выезжать в чистое поле и лес было лень, царница палила из окон дворцов по несчастному зверью, которое тогда водилось в изобилии². Жалко братьев наших меньших, ставших жертвами августейшей Артемиды.

Может быть, оно и к лучшему, что ничтожества, занимавшие престол, в сферу внешних дел вмешивались редко, да и то, для того чтобы поставить подпись под соответствующим указом. Но эта сфера не осталась без руля и без ветрил. Отечественная историография, избавившись от синдрома обязательной сокрушительно-разгромной критики всех деяний самодержавия, обнаружила, что среди “птенцов гнезда Петрова” имелись люди европейского кругозора, способные здраво взвесить геополитические интересы России и определить геостратегические направления ее внешней политики.

Но прежде всего о положении страны под утро 28 января (ст.ст.) 1725 года, когда оборвалась жизнь Петра. Произошел колоссальный рост могущества державы и ее роли в международных делах. Но какой ценой? Ни одна держава не может воевать почти сорок лет без ущерба для себя. Исследователь эпохи Е.В. Анисимов констатирует: “Петр разорил собственную страну ради создания новой армии”. “Истощение народного хозяйства, сотни тысяч беглых на Дон и в Польшу, опустевшие деревни, гигантские недоимки в сборах налогов, бунты и мятежи – такова картина страны в конце петровского царствования”³.

Правительство Екатерины I постыжилось снизить подушную подать с 74 до 70 копеек в год, простило недоимки, вернуло из ссылки политических заключенных; попыталась ограничить расходы на армию. Здесь Верховный тайный совет потерпел фиаско: во главе Военной коллегии стоял светлейший князь Александр Данилович Меншиков, герцог Ижорский, генерал-фельдмаршал, интимный друг Екатерины I и по совместительству первый казнокрад в государстве. Провели ревизию трат Военной коллегии в 1724–1727 гг. Нашли, как деликатно выразился П.А. Толстой (тогда начальник Тайной канцелярии), “несоответствие”: из выделенных 17 млн рублей ведомство смогло отчитаться в трате 10 млн⁴. Александр Данилович, естественно, выбрался сухим из воды, никто не смел потребовать наказания царицына любимца.

Иностранные дипломаты доносили из Петербурга: “Все в России в страшном расстройстве... Денег никому не платят, и Бог знает, до чего дойдут финансы, каждый ворует, сколько может”⁵. Но ропота в стране они не отмечали – наконец-то воцарился покой (как тогда называли мир).

В наследии Петра обнаружились излишества внешнеполитического плана. Завоеванные в персидском походе каспийские провинции (Астрабад, Гилян, Мазандаран, Дербент, Баку) оказались тем “жерновом на шее, который России тащить не под силу”⁶. Жители разбегались, шае не собирались, никакого дохода, одни убытки, стычки с персами не прекращались. Солидный экспедиционный корпус – 10 пехотных, 7 кавалерийских полков (там служили и сербы) поглощал массу средств. В непривычном климате (“злой воздух”, как тогда говорили) солдаты маялись от болезней. Возникло

уникальное в международной жизни положение: Верховный тайный совет мучился над вопросом – как бы избавиться от завоеванного. Казалось, все проще простого – вернуть провинции Персии. Здесь, однако, царила междоусобица, она находилась в состоянии войны с Турцией, причем неудачной, существовало реальное опасение, что прикаспийские земли окажутся в руках Османской империи, от чего упаси Боже! Поэтому процедура передачи завоеванных территорий Персии, в которой утвердился Надир-шах, растянулась на десять лет. В 1735 г. российские войска отошли на линию реки Терека.

Еще больше заботили европейские дела. Сложившаяся ситуация диктовала необходимость осмотрительности, сдержанности, воздержания от акций, могущих повлечь за собой крупные внешнеполитические осложнения. После победы в великой Северной войне и Ништадтского мира распался союз с Данией, Саксонией, Польшей и Пруссией. Могущества России соседи боялись, способствовать его дальнейшему возрастанию не желали, смерть Петра встретили со вздохом облегчения, перестав ощущать его тяжелую руку. В Копенгагене, сообщал посланник, при вести о кончине царя “подлые с радостью опились было”. Россия очутилась в неприятном положении международной изоляции. Выход из нее виделся в заключении союза с ведущей европейской державой. Выбор пал на Австрию. Вице-президент Коллегии иностранных дел А.И. Остерман в обоснование этой ориентации писал о совпадении “натуральных интересов” двух государств и первым среди них называл “убавление турецких сил”⁶ – мнение о неотвратимости нового движения на юг, к Азову и дальше, укоренилось в политическом сознании.

Именно Остерману, который в течение пятнадцати лет возглавлял Коллегию иностранных дел (канцлер Г.И. Головкин слыл посредственностью и в счет не шел) принадлежит заслуга разработки внешнеполитической концепции послепетровского времени. Он, по замечанию Г.А. Некрасова, усвоил “основные элементы внешнеполитической системы” Петра⁷. Андрей Иванович сочетал в себе добродетели и пороки века Просвещения, был образован, начитан, знал много языков, обладал умом острым и аналитическим. Он принадлежал к числу тех иностранцев, для которых Россия стала не второй, а единственной родиной, взял в жены девицу из семейства Стрешневых и пустил здесь корни. Взятки он не брал и, невиданное дело, отказывался даже от традиционных щедрых подношений при заключении международных договоров. И в то же время он был честолюбив, тщеславен, мстителен, находился в центре придворных интриг и нажил себе множество врагов. Ответственности и связанной с нею кары он боялся в такой степени, что его привычка “заболеть” в тех случаях, когда надо было ставить подпись под “опасной” бумагой или принимать нежелательного поселителя, вошла в поговорку. У него случались даже “провалы в памяти”, если вспоминать следовало нечто из того, что следовало забыть.

Но даже крайняя предусмотрительность не спасла Андрея Ивановича от беды. После смерти Анны Иоанновны он сделал ставку на правительницу Анну Леопольдовну, не сумел оценить шансы Елизаветы Петровны на престол и стал жертвою мстительности “кроткая Елисавет”. После переворота 25 ноября 1741 г., учиненного гренадерской ротой Преображенского полка (308 солдат без единого офицера, из них пятая часть принадлежала к дворянскому сословию), он оказался в опале, был судим и приговорен к смерти за “государственную измену”.

Старика возвели на эшафот, сорвали с него парик и лисью шубейку, положили его голову на плаху. Палач полез за топором, хранившимся по обычаю в мешке, сшитом из медвежьей шкуры, и тут вестник зачитал указ императрицы, заменявший казнь на вечную ссылку. У эшафота стояла группа измученных допросами “сообщников”. Выделялся один фельдмаршал Б.Х. Миних: в парадной шинели, при орденах, гладко выбритый, надушенный, в напудренном парике, он стоял как на смотру, а на обратном пути в темницу вынул кошелек и раздал конвоирам золотые⁸.

Но то было на закате карьеры и жизни. А в 1726 г. Остерман подал в Верховный тайный совет записку из рода тех, которые ныне именуются “ситуационным анализом”, ратуя за долговременный и прочный союз с Австрией и обосновывая свою точку зрения совпадением интересов двух монархий по ряду ключевых проблем. Общность стратегических целей двух стран существовала прежде всего на турецком направлении. За плечами Габсбургской монархии – два века борьбы против османской экспансии в Европе. И уже после Карловацкого мира 1699 г. она успела в 1716–1718 гг. повоевать еще раз с Турцией. Великий полководец принц Евгений Савойский увенчал свой последний поход победоносным Пожаревацким миром, завоевав Северную Сербию с Белградом, часть Боснии и Валахии. В Вене были убеждены: счета с османами еще не сведены. Характерно, что присяга очередного римского императора из дома Габсбургов включала обязательство борьбы с “неверными”⁹.

А за спиной повелителя мусульман стоял христианнейший король Франции, претендовавший на гегемонию в Европе в противоборстве с теми же Габсбургами. Колоссальное усиление России при Петре привело к подрыву французского влияния на континенте, и прежде всего по всей дуге российского пограничья – в Швеции, Польше и Турции. “Россия в отношении к равновесию на севере достигла слишком высокой степени могущества”¹⁰, – говорилось в инструкции послу И.Ж. Шетарди (1740 г.). Во имя величия Франции Россию следовало отстранить от европейских дел, а еще лучше – ужать ее до пределов царства Алексея Михайловича. В отпоре галльским притязаниям заключался второй интерес союза самодержавия с Габсбургами, традиционными антагонистами Бурбонов.

В 30-е годы ситуация складывалась крайне тревожно для России. В Стокгольме влиятельная “партия шляп”, представлявшая высшее дворянство и офицерство, вынашивала планы реванша. В Польше король Август II доживал последние годы, а дальше что? и, что еще важнее, – кто?

На юге Турция одержала победу над австрийцами в войне 1737–1739 гг. и вернула себе утраченные сербские и валахские территории. Лишь в сотрудничестве с Веней Петербург мог удержать завоеванные при Петре позиции на Балтике и в Центральной Европе, возобновить движение на юг, и труды Остермана по утверждению союза с ней высоко оценены отечественной историографией (за исключением советского периода): Остерман – “умнейший и опытнейший государственный человек в делах внешних и внутренних” (С.М. Соловьев); “Результаты работы Остермана для империи были совсем не плохи” (Е.В. Анисимов)¹¹.

Хотя острие австро-русского альянса было направлено против Турции, смерть Августа II в 1733 г. вынесла на поверхность польские дела; началось систематическое вмешательство в них соседей, увенчавшееся тремя разделами Речи Посполитой. Е.В. Анисимов пишет о позорной в них роли России. “Ликвидация суверенного государства есть разбойничья акция”, – жестко констатирует Н.И. Павленко. Но тут же оговаривается: однозначной оценке разделы не поддаются, отмечая положительное значение “вхождения в Россию этнические близких русским украинцев и белоруссов”¹².

Касаясь польских сюжетов, следует иметь в виду еще и другое. Речь Посполитая с готовностью предлагала себя на роль барьера на пути России в Европу. Петр I был лояльным и преданным союзником Августа II, выгнал из Польши шведского ставленника Станислава Лещинского и восстановил на престоле своего, как он считал, друга Августа. Признательности, помимо словесной, он не дождался. Варшава уклонилась от гарантии российских приобретений в Прибалтике и сама питала аннексионистские планы в отношении Лифляндии, не признала императорского титула царя.

Уход Августа II в мир иной внес большие осложнения в обстановку. Шляхта и магнаты в громадном большинстве выступили в поддержку кандидатуры беглого Станислава Лещинского¹³, который четверть века сидел на французских хлебах. По причинам, до сих пор непонятным историкам, французы женили своего пятнадцатилетнего короля Людовика XV на двадцатидвухлетней Марии Лещинской, по тогдашним понятиям – старой деве. А королеве следовало быть дочерью владетельного монарха, а не нахлебника, что придавало бы дополнительную стимул стремлению Парижа утвердить Станислава на троне в Варшаве. Возвращение Лещинского на престол означало, по мнению Вены и Петербурга, превращение Польши во французскую марионетку и было для них совершенно неприемлемо. Российский Кабинет министров констатиро-

вал (июнь 1733 г.): Станислав, “русскому государству отъявленный неприятель, так тесно связан с французскими, шведскими и турецкими интересами, что, кроме злых поступков, ожидать от него ничего нельзя”. Императрица Анна Иоанновна обратилась к кардиналу-примасу с посланием, предупредив его: “Ни мы, ни другие соседние державы избрания оного Станислава или иного такого кандидата, который бы в той же зависимости и интересах быть имел, ... никогда допустить не можем”¹⁴.

Предупреждение не подействовало. А ведь внешне поляки совету, избери не столь однозначную для соседей фигуру, возможно, российско-польские отношения пошли бы по иному, гораздо менее болезненному для обоих народов руслу. Тревожным сигналам не вняли. Лещинский тайно, переодетый приказчиком, пробрался на родину. 11 сентября 1733 г. на рыцарском коло в Варшаве 60 тысяч конников в блестящих доспехах избрали его на престол. Но четыре тысячи – и среди них фигуры значительные, епископ Познанский, князья Любомирские, Сапеги, Радзивиллы, Огинские, – переправились через Вислу и, под сенью 20-тысячной армии фельдмаршала П.П. Ласси, высказались в поддержку кандидатуры саксонского курфюрста Августа¹⁵. Лещинский “во всякой скорости”, как писали русские источники, бежал в Данциг (Гданьск), под защиту крепостных стен и в ожидании французского флота с десантом. Тот прибыл, но не в нужном числе кораблей, и быстро покинул балтийские берега. Лещинскому пришлось бежать в Пруссию, переодетый для разнообразия в крестьянскую одежду. И уже делом техники и больших денежных вливаний явилось добиться утверждения Августа III на престоле. Как писал российский посланник Г.К. Кайзерлинг, в Варшаве слова и представления “суть пустые чаши, которые, если золотом не наполнены, у поляков впечатления и звука не производят”¹⁶.

Война за польское наследство, по словам Е.В. Анисимова, плавно перешла в новое столкновение с Османской империей¹⁷. Высокая Порта нервно реагировала на упрочение российских позиций в Центральной Европе. Военные действия в 1735–1739 гг. развертывались в целом успешно для российского оружия. Дважды полки под командованием Б.Х. Миниха и П.П. Ласси врываются в Крым и по тогдашнему варварскому обыкновению опустошали его, взяли крепость Азов, Очаков, Кинбурн, Хотин, в 1739 г. переправились через Днестр, вступили в Молдавское княжество и в сражении при Ставучанах разгромили 90-тысячную армию Вели-паши, обратив ее в бегство при минимальных потерях с российской стороны (100 человек убитыми и ранеными). Явственно проявилось превосходство регулярной армии над средневековым войском янычар и конников-сипахи. Но цифры павших в одной битве не должны вводить в заблуждение насчет потерь, больше не в сражениях, а в походах по выжженной солнцем степи при острой нехватке воды и фуража для конницы. Педантам-генералам не пришлось в голову совершать марши в ус-

ловнях ночной или утренней прохлады, шли знойным днем, 100 тыс. солдат и офицеров расстались с жизнью, причем лишь десятая часть их пала в боях¹⁸. Мимо минусов четырех кровопролитных кампаний проходить нельзя. Воинских лавров Миних и Ласси не завоевали, Крымский полуостров так и не был занят, крепости Очаков и Кинбурн оставлены из-за трудности их удержания. Лишь в 1739 г. было решено перенести центр операций на балканское направление, войска переправились через Днестр. О настроениях в Дунайских княжествах можно судить по тому, что валахи не стали дожидаться прихода армии на Дунай. В 1737 г. бояре и высшее духовенство обратились к Анне Иоанновне, прося освободить их “от тяжкого и тиранского ига турецкого” и привести в российское подданство. Османь замучили их “суровостию варварскою, ругая чистую и непорочную нашу православную веру, и другими тятчайшими и несносными утеснениями”¹⁹. Осуществить высказанные в петиции пожелания оказалось за пределами возможностей царской власти.

Процесс мирного урегулирования нельзя записать в актив российской дипломатии. Во время переговоров в Немирове в 1737 г. она предъявила туркам явно неприемлемые для тех требования – перехода к России Крыма, Кубани и земель, “до реки Дуная лежащих”, превращения Молдавии и Валахии в независимые княжества “под протекцией ее императорского величества”. Последний пункт закономерно связан с упомянутым обращением валахских бояр и церковных сановников. Запросы явно не соответствовали достигнутому на поле боя результатам, и переговоры зашли в тупик. Видимо, необоснованные надежды возлагались на вступившую в 1737 г. в войну Австрию. Ожидаемого эффекта ее вмешательство в конфликт не оказало, австрийские войска терпели поражение за поражением. В то же время Вена настороженно и недоброжелательно следила за прорусскими настроениями у сербов, так что руки российской дипломатии здесь были связаны.

Карл VI Габсбург обратился к “турецким христианам” с призывом к восстанию, обещая им свободу вероисповедания и привилегии на габсбургских землях. Военные операции развернулись на территории, населенной сербами, командование неоднократно обращалось к ним с манифестами, в которых посулы перемежались с угрозами. Как писал митрополит Нови-Пазара Евфимие Дамианович, сербам предлагалось подняться “противу турка под кондициями: послушающим воздаяния милостиваго восприятия, непослушающим же – разорение и смерть равно с неприятелем...”²⁰

Восстание охватило Старую Сербию (ныне обычно именуемую Косово), Северную Албанию и частично Герцеговину. Повстанцам удалось взять Нови-Пазар. На войну были брошены сербские граничарские полки численностью в 30 тысяч. Но за первоначальными успехами начались неудачи. Турки зашли в тыл царской армии, последовало ее отступление, повстанцев бросили на произвол судьбы.

Пренеприятнейшим сюрпризом для Петербурга явилось вступление австрийцев в сепаратные переговоры с турками. Посланник в Вене Л. Ланчинский, сообщая о “мирной неогциации”, изъяснялся отнюдь не дипломатическим языком: “вскрылось зело гнило, неслыханно и таково, что добрая союзническая верность и здешнего двора честь повреждена и репутация оружия ногами попрана”²¹. Австро-турецкий стговор увенчался подписанием мира, по которому Вена рассталась со своими владениями в Сербии и Валахии, а османские каратели приступили к расправе над мятежными сербами. В январе 1738 г. патриарх Арсение IV Йованович Шакабента извещал императрицу: “Мы с народом нашим пограничным, от стран турецких обретающимся, как с оружием так и с пищею, армее потребною, востал. И ежели бы изменническим фелтмаршалским обманом и подобных ему прельщены не были, то сами б народы наши в Сербии, Албании и вольныя не токмо из Сербии, Боснии и Албании, но и изо всей Македонии турок собственным своим оружием прогнали. Яко же и нынешней войны ббольшее число турок от оружия сербского, нежели от немецкого, пропало”. В итоге сербы “злою и нечаянною смертию от турков пострадали”, 12 тыс. душ “мужеска и женска пола... иные вырублены, иные же в полон введены”²².

Арсение IV вторил митрополит Евфимие Дамианович: 6 тыс. душ его паствы, “от турецкого меча кровию своею защитившеся и избавл(я)шеся, в мнимое утешение цесарских границ прибегохом, иде же скитаемса в крайней бедности, се уже 9 месец томимы гладом, к смерти зрим прежде времени”²³.

Уже не первая трагедия, связанная с австро-турецкими войнами, привела к горькому разочарованию в державе Габсбургов и усилила тягу сербского и болгарского народов к России.

Кампанию 1739 г. российские войска фактически вели в одиночестве. Впервые после Прутского похода Петра они пришли в соприкосновение с “турецкими христианами” и убедились, что имеют в их лице прочную опору. Делегация молдавских бояр и духовенства встретила Б.Х. Миниха на берегу реки Прут, в тех местах, где произошла трагедия 1711 г., и вручила командующему петицию императрице Анне Иоанновне: “Мы себя повергаем в высочайшую Вашего императорского величества, нашей все милостейшей государыни, протекцию и ее справедливые сонзволения за наши законы приемлем”²⁴. Миних высказал императрице свои соображения: “Понеже здешняя молдавская земля весьма преизрядная и не хуже Лифляндии, и люди сей земли, видя свое освобождение от варварских рук, приняли высочайшую протекцию со слезною радостию, и поэтому весьма потребно эту землю удержать...”²⁵.

Ничего этого не произошло. Австрийское дезертирство с поля боя и нависшая угроза войны со Швейцией побуждали Петербург спешить с заключением мира.

По причинам, которые аршином здравого смысла не измерить и умом не постичь, переговоры с Высокой Портой поручили вести в качестве посредника французскому послу в Стамбуле Луи Вержену, который свел итоги четырех кровопролитных и в целом успешных кампаний почти что к нулю: Россия вернула себе Азов, но без права его укреплять; земля к югу от бывшей крепости, гласил Белградский трактат, “имеет остаться пустая и между двумя империями барьером служить будет”. Особо оговаривалось, “чтобы Российская держава ни на Азовском, ни на Черном море никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и построить не могла”²⁶. Россия застряла у Азовского мелководья, не имея даже права спустить на воду лодку. Фельдмаршал Б.Х. Миних назвал подписанный мир “срамным”, по меланхолическому замечанию С.М. Соловьева, Россия заплатила жизнью 100 тыс. солдат за срытие азовских укреплений²⁷. Задачи, стоявшие перед страной – добиться прекращения набегов крымской конницы, обеспечить выход к Черному морю и свободы судоходства по нему – были отложены в долгий ящик.

А Петербург стал готовиться к войне с третьим участником Восточного барьера, Швецией (1741–1742), вполне удачной, но с балканскими делами не связанной. Двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) завершилось под звуки пушечной канонады Семилетней войны (1756–1763 гг.). Южное направление внешней политики переживало своего рода мораторий.

А Европа в 40-е годы стала ареной австро-прусского противостояния, вошедшего в историю под названием войны “За австрийское наследство” (1740–1748 гг.). Молодой, хищно агрессивный прусский король Фридрих II проявил в ней талант выдающегося полководца и, по ходу дел, бесцеремонного до цинизма дипломата. Он присоединил к своим владениям богатую, плодородную Силезию и поставил под угрозу всю хрупкую систему равновесия в регионе, чем задел и российские интересы²⁸. Союз с Австрией был подтвержден в 1746 г., но помышлять об активных действиях на Балканах и вступать в новое противоборство с Портой стало на том этапе беспредметным. Военные ресурсы и дипломатические усилия были устремлены на запад. Отсюда – сдержанность и осторожность в сношениях с Османской империей и опасения, как бы пылкие балканские сердца не вовлекли Россию в нежелательный конфликт. Сошлемся на письмо резидента в Стамбуле А.А. Вешнякова черногорскому митрополиту Саве Петровичу (1745 г.): “Я безсумнеен, что ваше преосвященство мудрым вашим руководством и духовными христианскими увещаниями паствы вашей христиан воздержите от всего того, еже может подавать причину к отмеждию от турецкой стороны, как того естественное благоразсудство и мудрость требует...”²⁹

Это не значит, что связи с южными славянами оборвались; они продолжались и развивались, но импульс исходил со стороны славян. Жалобы на притеснения шли потоком, причем даже больше из

владений “пресветлого римского цесаря”. В феврале 1728 г. митрополит Мойсей Петрович писал Петру II: “А мы ныне, то есть сербославенский народ... великие имами наложи и несносные и прамие кривоты и напасти, под коими скритое творится насилие вере православней, дабы мы от нужди хотяли быть униати...”³⁰. Положение не изменилось при “милостивой кралице Марии Терезии”: “Преодолевает иных злоба... а наипаче zde, в Егарском граде, не дают нашим людям домови и виногради купити, ни же литанию носити, ни же церковь правити уже разоренну, – жаловался печский архиерей Парфений Павлович. – А ныне сербов до проклятой унии вяким начинном обратити покушаются”³¹.

Гонение на православную веру воспринималось как посягательство на культуру народа, его самобытность и этническое лицо. Многолетние хлопоты посольства в Вене увенчались изданием в 1752 г. распоряжения Марии Терезии о запрещении преследований православия³², что не означало их прекращения, ибо одно дело – указ, а совсем другое – реальное положение дел на местах при произволе администрации, недружелюбном отношении венгерского дворянства и непрекращавшихся попытках католической церкви распространить свое влияние на переселенцев с помощью унии. Росло стремление избавиться от тягот и неурядиц под сенью великой единой державы.

Для России сербы из габсбургской монархии были желанными подданными, они представляли своего рода военное сословие, неся пограничную службу, привычные к военному делу, превосходный материал для укрепления беспокойного южного порубежья империи. Их были готовы встретить с распростертыми объятиями. Решением Верховного тайного совета от 18(29) мая 1727 г. был образован Сербский гусарский полк. Жалованье солдатам и офицерам выдавалось по австрийским нормам. Первоначальный состав – 340 человек. Полк нес службу на Украине, а в 1730 г. был переброшен в Персию (459 офицеров и солдат). В августе 1733 г. от его командира майора И. Стоянова поступила челобитная с просьбой об отводе земель на Украине: гусары “от 729 года поныне чрез неперменные дальним расстоянием походы пришли в крайнюю скудость и имения своего разорение...” В том же году полк совершил утомительный переход из Персии в Ригу, позднее участвовал в войне за польское наследство (1733–1735 гг.). О тяжести понесенных потерь можно судить по тому, что в строю осталось 197 человек. Но поступали пополнения, и в 1738 г. списочный состав насчитывал 796 солдат и офицеров³³. В полк входила и “воложская команда”. В свою очередь, немало сербов служило в других частях, сформированных из балканских выходцев. В 1743 г. в штатах гусарских полков числилось: в сербском – 829, венгерском – 488, молдавском – 806 человек³⁴.

А от сербов из Австрийской монархии продолжали поступать предложения, от которых разгорались глаза у Елизаветы Петровны

и ее приближенных. Полковник И. Хорват обещал привести на Украину конный полк в тысячу сабель, и за свой счет, и еще пехотный полк в 2 тыс. штыков уже за счет российской казны³⁵. По указу от 13(24) июля 1751 г. Хорвату передали высочайшее благоволение и заверили его в готовности принять “сколько бы из их сербского народа в нашу империю перейти похотело, всех оных, яко единовременных с нами”³⁶. Сквозь высокопарные официальные формулировки проступало воодушевление, с которым царица откликнулась на возможность населить южное порубежье приученными к военному делу людьми, близкими русским по языку и культуре, что облегчало их вовлечение в жизнь страны. Такой же отклик встретила весть о желании 5 тыс. черногорцев переселиться в Россию: “Выход сюда таких людей в разсуждении их храбрости и к войне сильности служит к пользе высочайших наших интересов”³⁷.

Царица все же сомневалась, что ее сестра Мария Терезия готова так просто потерять десятки тысяч столь нужных ей самой подданных, представлявших превосходный военный материал. Свои сомнения она поверила бумаге, адресованной послу в Вене М.П. Бестужеву-Рюмину: “Когда до того пришло, что венский двор самопроизвольно лишает себя храброго сербского войска, то всемерно мы не можем инако как прилежное старание прилагать, дабы оное себе получить”. В такое легкомысленное отношение венцев к воинской силе не верилось, и царица сама себя уговаривала, авось сойдет: “И по толь искренней натуральной и всегда твердо соблюдаемой между обоими императорскими дворами дружбе мы чаять не можем, чтоб ея величество императрица-королева некоторому приумножению наших легких войск препятствовать похотела”³⁸. Но на всякий случай текст указа послали в посольство “цифирью” (шифром).

Действительность оказалась гораздо скромнее ожиданий: правительство Марии Терезии спохватилось, что упускает самую боеспособную часть граничар Южной Венгрии и начало чинить препятствия их отъезду в Россию. Лишь первая партия из 276 человек получила паспорта без всяких проволочек.

Вслед за Хорватом свои услуги по вербовке гусар предложил полковник И. Шевич, также выхлопотавший себе чин генерал-майора. В представленном им списке пожелавших прибыть в Россию поражает скромное число солдат по сравнению с господами офицерами. В прибывшей с ним первой партии из 178 человек на 13 офицеров приходилось 22 рядовых. И уже в оторопь приводит перечень обслуживающего персонала, на содержание которого испрашивались средства. Так, подполковник Я. Шевич вез с собой 38 человек; еще можно понять наличие в его свите камердинера, дворецкого, лекаря, но скороход и четыре пажа (!). На 13 офицеров не слишком высокого ранга приходилось 163 “души” obsługi. В бумагах появилась странная формула: такой-то (ямярек) “себя

называет” (следует звание), что наводит на мысль о “самопроизводстве” в офицеры для получения соответствующего жалования. Так поступили некоторые писари³⁹.

Но выйдем на свет из легкой тени российско-южнославянских отношений. Полки из южных славян стали весомым фактором в обороне порубежья страны. В апреле 1753 г. Сенат, “по рассуждению генералитетском и Военной коллегии”, принял решение о строительстве новой оборонительной линии от владения реки Самары в Днепр до Бахмута через верховья рек Сейжаровки, Миуса и Белой протяжением 220 верст. Обустроивалась военная граница, отсюда и указание – поселить на ней десять полков. От нее на расстоянии “не далее 80 верст” располагалась старая линия, на которой оставались девять полков для “сикурсировани(я) к новой линии и наитвержее охранение той Украйны служить может”. И. Шевичу и другому сербскому военачальнику, тоже “пожалованному” чином генерал-майора, Радко Прерадовичу, с их “командами” отводился участок в сто верст от Бахмута до реки Луганки. В августе 1754 г. последовала промемория Военной коллегии за подписью Василия Ивановича Суворова, отца великого полководца, с уточнением района размещения сербских поселенцев в Бахмутской провинции. Войскам Донскому и Запорожскому и слободским полкам строго предписывалось “никакого наималейшаго помешательства и новопоселенным людям никаких обид” не чинить. На карте появилось название – Славяносербия⁴⁰.

Отношение между тремя сербами в генерал-майорском звании сложились далеко не безоблачные, каждый стремился занять место повыгоднее под лучами царских милостей, никто не желал служить под командой другого. И. Шевич, подчеркивая заслуги своей семьи, с гордостью носил “портрет” Петра I, будто бы врученный его отцу самим царем за участие в прутской кампании. А в Сенат пришла жалоба прапорщика Вулина, утверждавшего, что портрет пожалован его деду, Шевич же взял его на время и пользуется им в своих целях. Вулин уличал Шевича и в другом – тот-де ввел Сенат в заблуждение, сообщив, будто бы из своих средств оплачивал переезд в Россию многих гусар, тогда как те “письменно ж показывают, что они вышли собою и своим коштом и просят о определении их к Прерадовичю, а другие – к Хорвату”⁴¹.

Но это не более чем теневые блики на общем фоне российских связей с южными славянами Австрийской монархии. В землях Османской державы центром притяжения к России продолжала оставаться Черногория. В основе сношений с нею лежало страстное стремление черногорцев утвердить свою самостоятельность и желание Петербурга обрести точку опоры на Балканах, притом что после войны 1735–1739 гг. сохранение мира с Высокой Портой являлось условием *sine qua* пол российской внешней политики. Отсюда настоятельные советы благоразумия, обращенные к вечно мятеж-

ным юнакам, которые без отклика все же не оставались. Так, старейшины писали русскому поверенному в делах в Стамбуле А.М. Обрескову (май 1751 г.) с несвойственным им смирением: они – “ни же мятежники, но его (султана. – В.В.) подданные и даем собираемые подати, как явствует из данных нам квитанцией и описей е.в. от мусасилей в платеже податей, кроме что аги и прочие здешние турецких городов турки, желая показать нас мятежниками, убивство чинят, в плен берет, дома грабят, скот отгоняют, землю, от которой пропитание имели и подати платили, насильно владеют. Словом сказать, все отняли”⁴².

Митрополит Василие Петрович знакомил русских официальных лиц с героической историей Черногории, слегка ее приукрашивая: 1712 г. – нашествие Ахмеда-паши, отбитое с большими для него потерями; 1714 г. – нашествие Дусмана-паши со сотысячным войском; “пятую часть Черныя Горы выжегши и многих в полон взявши”, он все же вынужден был отступить; 1716, 1726, 1739 гг. – новые бедствия обрушились на многострадальную землю. Затем митрополит излагает просьбу “оному народу повсегодно на воинское содержание какую-либо сумму денег” присылать. Владыка с гордостью подчеркивал: “...оной черногорский принципат никому не подвластен, как точию самой ея и.в., самодержице всероссийской”. “Почему бы к оному нашему народу, – рассуждал далее преосвященный, – в случае с турки войны все окрестные славяносербские народы присовокупились, и отдали б себя под протекцию всероссийскую”. Видимо, с целью обосновать широкую программу, проступавшую в его послании, он направил в Коллегию иностранных дел записку (июль 1753 г.) с фантастическим описанием “принципата Черногории”, включив в нее албанские земли и принадлежавшее Венеции и Турции побережье Адриатики⁴³.

Преосвященный Василие поставил в трудное положение Коллегию иностранных дел, санкционировать его пожелания значило воевать с Высокой Портой. Ответ ему был составлен в тщательно взвешенных выражениях, чтобы и черногорцев не разочаровывать и не отшатнуть их, и с Османской империей в ссору не вступать, крайне нежелательную в виду надвигавшейся в центре Европы войны: “По его же прошению о защищении Черной горы от султана турецкаго, дабы на оную не воевал, не оставится во особое уважение принять и при надежном случае в пользу черногорскаго народа при Порте Оттоманской заступление учинить”⁴⁴. Ходатайство о принятии Черногории под российское покровительство со включением ее в императорский титул было принято к сведению, но не оглашено в документе международного характера. И уж совсем негоже было конфликтовать с союзной Австрией из-за пропуска южных славян в Россию; владыке было обещано “пристойное домогательство” перед Веной, что и было осуществлено в ноте от 8(19) марта 1754 г. Характерны

формулировки о государственной принадлежности желавших переселиться: говорилось о “разных черногорских фамилиях” и людях “из народов тамошней околичности, греческую веру исповедующих (которые все в совершенной свободе, а ни под какую державою не состоят)”⁴⁵.

6(17) октября 1758 г. последовал важнейший указ Елизаветы Петровны об установлении Черногории ежегодной субсидии (“знатного пенсионера”) в 15 тыс. рублей в уверенности, что “ожидаемая от черногорского народа для здешних интересов польза” оправдывает затрату столь нешуточных средств. В Цетине направили советника Пучкова – не только для передачи денег, но и с целью прекращения розни и раздоров между племенами, установления между ними “добраго порядка и согласия” и введения “воинским делам прилежащими необходимо нужного регулярства и доброй дисциплины” – иными словами – введения по крайней мере элементов организации в черногорское войско, отличавшееся пылкой отвагой и полным отсутствием дисциплины.

Указ имел долговременный стратегический характер, Черногория рассматривалась как зона российского влияния, как важный центр предстоящего процесса освобождения. Акт не был привязан к определенной дате. Россия, поглощенная Семилетней войной, нуждалась в мире на южных рубежах. Отсюда замечание – “нынешние обстоятельства требуют Оттоманскую Порту всячески менажировать” (т.е. вести себя крайне осторожно). Понятно, почему миссия Пучкова проводилась в глубоком секрете. Ему надлежало “тамошним... начальникам накрепко” рекомендовать “о сей нашей к черногорскому народу показанной милости не разглашать”⁴⁶.

Коллегия иностранных дел и Синод не оставляли своим вниманием и единоверцев, живших в венецианских владениях на побережье Адриатики. Там враги православия прибегли к из ряда вон выходящей уловке для смущения православных душ. Сава и Василие Петровичи сообщали в апреле 1762 г.: “Ныне вздумали венециани и начели российским печатом на славенски церковные книги печатит униятски, чтобы российского имени не било в славенском здешнем народе, черногорском и делматинском, сербском и болгарском и харвацком”. Венеция “ухитрила” и такое “лукавство” учинить: униатского священника выдали за православного, добились его утверждения в епископском сане Константинопольским патриархом. “Но они, наши православни бедни христиани, оного еретика-униата грека никаким образом за своего архиерея не хотят примить...”⁴⁷ Следовала просьба о помощи в защите святой веры.

Такие дела творились на территории Республики Св. Марка, хотя еще в 1758 г. российская дипломатия добилась от нее заверения о веротерпимости.

- ¹ Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 110; Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739. М., 1976. С. 57–73.
- ² Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб., 1997. С. 110.
- ³ Там же. С. 35, 36.
- ⁴ Анисимов Е.В. Россия без Петра. С. 61, 95, 104.
- ⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. X. С. 141.
- ⁶ Анисимов Е.В. Россия без Петра. С. 107, 122; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 67.
- ⁷ Некрасов Г.А. Указ. соч. С. 307.
- ⁸ Bain R.N. The Daughter of Peter the Great. St. Clair Shores, 1969. P. 110.
- ⁹ Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 253.
- ¹⁰ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 651.
- ¹¹ Там же. С. 262; Анисимов Е.В. Женщины... С. 119.
- ¹² Анисимов Е.В. Женщины... С. 360–361; Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999. С. 290–291.
- ¹³ Некрасов Г.А. Указ. соч. С. 216.
- ¹⁴ Анисимов Е.В. Россия без Петра. С. 396; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 332.
- ¹⁵ Анисимов Е.В. Россия без Петра. С. 399–400; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 347.
- ¹⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 699.
- ¹⁷ Анисимов Е.В. Россия без Петра. С. 408.
- ¹⁸ История СССР. М., 1967. Т. III. С. 350.
- ¹⁹ Виноградов В.Н., Семенова Л.Е. Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII – начале XX в. // Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. М., 1982. С. 21–22.
- ²⁰ Анисимов Е.В. Россия без Петра. С. 420; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 105.
- ²¹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 459.
- ²² Политические и культурные отношения... С. 98, 99.
- ²³ Там же. С. 106.
- ²⁴ Istoria României. Bucureşti, 1964. Vol. III. P. 472; Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 55–56; Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. М., 1986. С. 54–59.
- ²⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 454.
- ²⁶ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 31, 34.
- ²⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 649.
- ²⁸ Соловьев С.М. История России... М., 1963. Кн. XI. С. 278–279.
- ²⁹ Политические и культурные отношения... С. 127.
- ³⁰ Там же. С. 75.
- ³¹ Там же. С. 111.
- ³² Там же. С. 76.
- ³³ Там же. С. 76, 93, 101, 103.
- ³⁴ Там же. С. 125.
- ³⁵ Там же. С. 149.
- ³⁶ Там же. С. 144.
- ³⁷ Там же. С. 171.
- ³⁸ Там же. С. 144.
- ³⁹ Там же. С. 161–162, 173, 183.

40 Там же. С. 180–184, 200–201.

41 Там же. С. 183, 192.

42 Там же. С. 143.

43 Там же. С. 185, 186, 187–190.

44 Там же. С. 196.

45 Там же. С. 197.

46 Там же. С. 233–235.

47 Там же. С. 262.

ВОЙНА 1768–1774 гг. И СУДЬБЫ ЮЖНОГО СЛАВЯНСТВА

Екатерина II при восшествии на престол (28–29 июня (9–10 июля) 1762 г.) унаследовала систему прочно налаженных связей с южными славянами, прежде всего с черногорцами, сумевшими отстоять свою фактическую самостоятельность. Цетинскому монастырю выплачивалось установленное еще Петром I пособие (правда, скромное). Митрополит Василие с гордостью вспоминал то время: в помощь царю митрополит Данило “саблю на бедро и крест на перси яко начальник и повелитель” возглавил восстание народа черногорского. Изумленный его отвагой, султан пытался сломить его уступками, предложив самую малую дань (харач), по 5 копеек с души. Но черногорцы не пожелали “своему государю всероссийскому неверны явиться или изменчески”¹.

Василие Петрович, муж в преклонных годах и обремененный болезнями, прибыл в Россию провести остаток дней своих. Он был принят Екатериной, а по кончине прах его был предан земле с соблюдением всего положенного по сану обряда, о чем свидетельствовало благодарственное письмо черногорских старейшин².

Поступавшие на имя Екатерины прошения офицеров южнославянского происхождения о производстве в следующий чин свидетельствовали о том, что новообразованные гусарские полки прочно вошли в состав российской армии. Случались и вести неприятные. Самым днем переворота, приведшим Екатерину на престол, 28 июня (9 июля) 1762 г., помечен доклад комиссии по расследованию злоупотреблений генерал-поручика И. Хорвата, управлявшего Новой Сербией.

Самый примечательный документ начала царствования Екатерины II, относящийся к южным славянам, – доклад Сената о предполагаемой командировке в Далмацию поручика И. Кончаревича (не позднее 4 июля 1763 г.). Повод представляется самым обыденным – много местных жителей выразило желание переселиться в Россию; важны соображения, высказанные в связи с поступавшими прошениями. Коллегия иностранных дел полагала, что следует действовать с “осторожностью”. Важно “не отнимать охоты к выходу в здешнюю империю желающим из сего народа

людem". А далее следовало большое "но": "Коллегия иностранных дел в поданном в Сенат доношении мнение свое представляет, что как напредь... в деле принятия в Россию далматского народа с осторожностью поступлено было в разсуждении других держав, так и ныне по тем же обстоятельствам с неменьшею осторожностью поступать надобно". Переселенцам поэтому сниматься с места "не вдруг во многом числе, но малыми партиями" и называться "вольными людьми" при проходе через земли "венского двора". И принимать их надобно "скрытно"³.

В словах – "в разсуждении других держав" – заключалась суть дела. Россия после Семилетней войны находилась в сложнейшей международной обстановке. Рассматривать связи с южными славянами вне сферы большой европейской политики, в которую мы вступаем, просто беспредметно.

"Редкий государь восходит на престол с такими миролюбивыми намерениями, с какими взошла на русский престол Екатерина II"⁴, – заметил Сергей Михайлович Соловьев. Война истощила страну, действующая армия восемь месяцев не получала жалования, в казне – хоть шаром покати, а указов на выдачу денег скопилось на 17 млн рублей. Императрица писала посланнику Г.К. Кейзерлингу в Варшаву: "Мои сундуки пусты, и останутся пустыми до тех пор, пока я не приведу в порядок финансы..."⁵ Огромная империя при блаженной памяти царице Елисавет управлялась на глазок. В Сенате не нашлось карты и никто не мог сказать, сколько же городов на Руси. Екатерина извлекла из ридикюля 5 рублей и послала за картой в Академию наук, оттуда принесли атлас. Господа сенаторы определяли доходы казны в 16 млн рублей ежегодно, по проверке оказалось – 28 млн.; остальное, видимо, разворовывалось. 150 тыс. монастырских крестьян "отложились от послушания", волновались приписанные к заводам крепостные.

Екатерина не стала рвать заключенный ее злосчастным супругом Петром III мир с Пруссией. Она мечтала о пяти годах покоя для упорядочения государственных дел: "Мир нужен этой обширной стране. Мы нуждаемся в населении, а не в опустошениях"⁶.

Не вышло. Всплыл "вечный" польский вопрос. Европа с тревогой ждала смерти короля Августа III, два католических двора, Габсбургский и Бурбонский, готовили своего ставленника. Екатерина и Фридрих II Прусский в противовес договорились о том, чтобы посадить на трон в Варшаве природного поляка (и бывшего фаворита царицы) Станислава Понятовского. Союз с Пруссией императрица собиралась обратить себе на пользу и при возможной войне с Турцией. На этот случай она выговорила у Фридриха ежегодную субсидию в 400 тыс. рублей.

Понятовский при содействии энергичного посла генерал-поручика князя Н.В. Репнина, не жалевшего денег на подкуп сеймовых посланцев, был избран под именем Станислава-Августа. Екатерина по

неопытности вообразила, что создались условия при содействии Пруссии для решения наболевшего вопроса о правах диссидентов, православных и лютеран. Речь шла о прекращении гонений на “греческую” церковь, допущении некаатолической шляхты к государственным и судебным должностям и предоставлении ей небольшого числа мест в сейме. Царица ошиблась. Сейм отверг эти в общем достаточно скромные требования. Смириться с подобным афронтом императрица не пожелала, это означало серьезно подорвать свою еще не устоявшуюся репутацию в стране: царица-немка равнодушна к судьбе единоверцев. Последовало направление войск в Польшу, вооруженное вмешательство в ее внутренние дела, национальный протест, гражданская война и как результат тяжелейшие международные осложнения: Речь Посполитая являлась центральным звеном направленного против России сооруженного французской дипломатией Восточного барьера (другие его участники – Швеция и Турция).

Хозяйничанье российских войск в Польше серьезно встревожило османов: в Стамбуле опасались ослабления традиционного союзника и вспомнили о Прутском договоре 1711 г., по которому Петр I обязался не вмешиваться в польские дела. Высокая Порта потребовала вывода российских войск из Речи Посполитой. Тон великого везира в объяснениях с резидентом А.М. Обресковым становился все более грозным. В октябре 1768 г. последовало объявление войны, Обресков со своими сотрудниками был брошен в подвалы Семибашенного замка. Дорогу в Сераль “украсили” шестью с отрубленными головами вечно буйтовавших черногорцев, как своего рода предупреждение райе – пребывать в покорности.

Турки, по мнению тогдашних наблюдателей, могли выставить на поле боя 400 тыс. пехотинцев и кавалеристов плюс 100 тыс. крымских татар, русские – 180 тыс. человек, многие полки находились в Польше. Современники, учитывая прошлый опыт, полагали, что шансов на победу больше у Порты: трагедия Петра I на реке Прут в 1711 г.; почти безрезультатный Белградский мир после трех лет в целом успешных военных операций. В январе 1769 г. конница хана Крым-Гирея совершила опустошительный рейд по Украине, разграбив множество селений, уведя с собой в полон почти 16 тыс. душ. Османский флот безраздельно господствовал в Черном море. В 1769 г. султан заключил союз с Барской конфедерацией (1768–1772 гг.), сражавшейся с российскими войсками в Польше. Стороны обговорили свою добычу в случае победы: Высокая Порта приобретала “воеводство Киевское”, конфедераты зарились на Смоленск, Стародуб и Чернигов⁷.

Мрачные тучи заволокли международный горизонт. Дипломатия французского короля Людовика XV открыто подстрекала османов. Послу в Стамбуле Ш.Г. Вержену предписывалось: “Единственной целью Ваших усилий должно быть вовлечение турок в

войну... Нас не интересует конечный успех, но само объявление ее и ход позволят нам приступить к разрушению зловещих замыслов Екатерины”⁸.

На севере затаилась дважды разбитая в XVIII столетии, недвольная и настороженная Швеция с границей в 30 верстах от Петербурга, от которой можно было ожидать всяческих каверз.

Фридрих II Прусский вступил в союз с Екатериной, чтобы вырваться из международной изоляции и с дальним прицелом на раздел Польши. “Россия – это страшное могущество, от которого через полвека будет трепетать вся Европа”⁹, – писал он брату Генриху. Способствовать ее усилению в результате войны с Турцией Берлин не собирался. “Союзнические” маневры Фридриха в 1768–1774 гг. сводились к тому, чтобы схватка завершилась с наименьшим ущербом для Высокой Порты и с минимальными выгодами для Петербурга. В узком кругу Екатерина именовала “потсдамского философа” адвокатом турок.

Габсбургская монархия с конца XVII столетия, со времени Священной лиги, являлась стратегическим партнером России. Через сто лет ситуация изменилась кардинально. На российскую армию гофкригсрат прежде смотрел как на вспомогательную силу для достижения австрийских успехов; теперь эта армия прорывалась к Дунаю, т.е. на подступы к Балканам, которые венский двор считал зоной своего влияния. От габсбургской дипломатии можно было ожидать всяческих интриг, и она с лихвой оправдала самые мрачные опасения.

Лояльно держались одни британцы, кровно заинтересованные в торговле с Россией и традиционно враждебные Франции. И тогда родилась дерзкая мысль – отправить флот из Балтики в Средиземное море, повторить легендарную морскую битву при Лепанто (1571 г.), в которой испанцы и венецианцы пустили на дно 200 турецких галер, нанести удар в “мягкое подбрюшье” Османской империи. Сент-Джеймский кабинет предоставил английские порты в распоряжение российской эскадры и разрешил вербовать моряков. Статс-секретарь лорд Рошфор делился с послом А.И. Мусиным-Пушкиным сокровенной мечтой: “Как бы я желал, чтобы мы были в войне с Францией! Два соединенных флота наделали бы прекрасных вещей!”¹⁰ Петербургу было не до того, чтобы к двум имевшимся фронтам, турецкому и польскому, брать на себя и третий.

Морская экспедиция А.Г. Орлова и адмирала Г.А. Спиридова увенчалась блистательной победой: в Чесменском сражении 26 июня (7 июля) 1770 г. в Эгейском море между островом Хиос и материком турецкий флот был уничтожен. Корабли под Андреевским флагом господствовали в Восточном Средиземноморье, блокировали берега, и моряки пришли в соприкосновение с греками, южными славянами и православными албанцами, населявшими побережье.

На сухопутье кампания 1769 г. велась сравнительно вяло, шло накопление сил. Но летом 1770 г. фельдмаршал П.А. Румянцев нанес турецкой армии поражение в трех битвах: при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. Бросок на Балканы стал реальностью, южные славяне воспряли духом: наконец-то появилась сила, способная принести освобождение, армия, от штыковых ударов которой врассыпную бежали отборные османские полки! Среди населения распространялась грамота Екатерины II от 29 января (9 февраля) 1769 г. к “христолюбивым обществам единоверных нам благочестивых святых восточных церкви греческих и славянских народов”. Царица с похвалою отзывалась, “с коликою ревностию и с коликим мужеством” оные народы всегда защищали “истинное свое благочестие и древнюю их, от предков унаследованную вольность”. Царица объявляла о стремлении подать “руку сильной помощи”, чтобы вырвать их “из челюстей тяжкой неволи”.

“Вы же, благочестивые греческие и славянские народы, естли хотите низринуть с себя и попрать несносное иго злочестивых агарян, естли хотите воздвигнуть для себя и для потомков своих церковь христову на камени твердом” и распространить “до высочайшей степени” свою древнюю вольность, должны использовать “случай удобнейший” для достижения цели. Поэтому, призывала императрица, ударяйте “на общего нашего врага согласными сердцами и совокупными силами, продолжая и простирая ополчение и победы ваши даже до самага Константинополя, яко древней греческих императоров столицы и града, святыми местами препрославленнаго, кои на небо вопиют! Изжените оттуда остатки агарян со всем их злочестием и возобновите православие в сем ему посвященном граде! Слава сия вам теперь предлежит, и всевышний будет вам, конечно, сам невидимый и непобедимый вождь!”

Но кроме покровительства Всевышнего в противоборстве креста и полумесяца наличествовал и такой фактор, как соотношение сил сторон. В грамоте Екатерины указывалось, что “вся громада неверных будет в удалении в нашей стороне”, т.е., выражаясь прозаическим языком, османские войска будут заняты боями с российской армией, и вообще “число благочестивых обывателей как на твердой земле, так и на островах Архипелага несравненно везде превосходит число неверных...”

Заканчивалась грамота совсем не на той возвышенной ноте, с которой она начиналась, о Константинополе больше не упоминалось, зато концовка содержала два важных положения: “все те народы, кои в настоящей войне составят... общее с нами дело”, признавались “верными и неложными друзьями империи нашей”. Из сего следовало, что мысль о включении их в состав России отсутствовала и предполагалось их самостоятельное существование в дальнейшем. И, наконец, царица заверяла южных славян, что при восстановлении мира о них не забудут и выговорят в их пользу достаточную безопасность и другие выгоды “с полною для благочестия свободою”¹¹.

Конец обращения отражал конкретную и достаточно скромную программу мира, выработанную Советом при высочайшем дворе. Обсудив, “к какому концу вести войну и, в случае наших авантажей, какие выгоды за полезные положить?”, Совет пришел к выводу: следует настоять на свободе плавания по Черному морю и для того добиться учреждения порта и крепости, с Польшей установить такую границу, чтобы “навсегда спокойствие не нарушалось”. Желательно приобрести остров в Эгейском море для создания там базы¹².

В победоносном 1770 г. наступила известная эйфория: победа близка, перспективы сотрудничества с южными славянами и греками выглядели радужными. На фоне успехов рождались планы-мотыльки, увядавшие до того, как приступали к их осуществлению. Фаворит императрицы Григорий Григорьевич Орлов, не отягощенный стратегическими талантами, как, впрочем, и всякими иными, в мае 1770 г. предложил смелый проект: после взятия Бендер отправить “корпус пехоты к Варне для овладения сим пунктом и переезда с помощью флотилии нашей морем к Константинополю, дабы получить там скорый и славный мир”. Екатерина одобрила авантюрный замысел. Но опытные мужи в ее Совете отложили план в долгий ящик: “Ничего утвердительного о сем полагать не можно и потребно на то время по важности материи...”¹³

Поддался на какое-то время соблазнительной вере в легкую победу П.А. Румянцев. В ответ на обращение сербских кнезов он обещал им (25 марта (5 апреля) 1770 г.): “Имейте и вы надежду, что вскоре достигнет власть оружия воюющих во имя Христа спасителя и до ваших православных областей на помощь и отраду сословию правоверных, точно не преставайте ополчаться против турка”. Фельдмаршал надеялся: “Везде мы поспеем в союз и подкрепление ваше, а вы ищите токмо удобности и мне давайте знать о своих намерениях и где можем соединить наши обоюдные деяния”¹⁴. Мыслился общий фронт российской армии и южных славян. Не получилось, до населенных ими краев Румянцев не добрался.

Неугомонный Г.Г. Орлов в 1772 г. вновь высказал свою идею. На этот раз фельдмаршал дал ему отпор: “Для осуществления столь дерзкого проекта нужно по крайней мере удвоить Дунайскую армию”¹⁵.

В непосредственное соприкосновение с южными славянами и греками пришли не солдаты Румянцева, а моряки с эскадры А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова. В Морее их ждал восторженный прием, к ним стекались добровольцы. Были сформированы два совместных легиона для операций на суше. Удалось очистить от турок Каламе, Наварин, Нистру, в Морее разгорелось восстание. Был занят порт Миссолонги, но на этом успехи и кончились¹⁶. Численность добровольцев не могла заменить организации, дисциплины и вооружения, которого не хватало. Десант эскадры состоял из 2,5 тыс. пехотинцев и не мог стать ядром и связующим

звеном разрозненных повстанческих отрядов. Их участники в большинстве своем полагали, что добыча является составной частью военных действий. Призывая под свои знамена “храбрых всегда в военных делах христианского закона славян, греков, македонцев, албанцов и румелиятов”, адмирал Г.А. Спиридов специально оговаривался: он обращается к тем, кто “сребро и золото за малое дело ставит”, гонится за военной славой и вольностью, а не за постыдной и безгрешной добычей, кто готов довольствоваться “самым необходимым для себя содержанием” и тратить деньги “не на пьянство и не на картежную и косяную игру... и мотовство, но на самую нужду, без чего пробыть нельзя...”¹⁷

Османское командование сосредоточило в Морею крупные силы, включая отряды албанских беев-мусульман, русские войска были отеснены к Наварину, повстанцы рассеялись. Десант погрузился на суда, и эскадра покинула порт в конце мая 1770 г., а Морею подверглась разгрому исламской солдатни.

У обеих сторон, и греческой, и российской, остался горький осадок. Командование начинало постигать особые свойства своих балканских союзников, отважных в бою, но лишенных всякого навыка к дисциплине и непривычных к строю и упорядоченным операциям. Неудача в Морею явилась первой и самой значительной, но вовсе не единственной в ходе архипелагской кампании. Так, в августе 1773 г. провалилась попытка высадить десант у Станчио и Будрума; участвовавшие в высадке православные албанцы (900 человек) и славяне (300), по объяснению контр-адмирала А. Елманова, “оставили одних регулярных с неприятелем”¹⁸.

С течением времени сложилось мнение: поднимать восстание можно только при наличии поблизости армии П.А. Румянцева и опоре на нее. Влиятельные сербские князья Авраам Рашкович и Иосиф Хаджилазич “со всеми жителями” обращались к фельдмаршалу: “Наша надежда только на вас, пресветлое солнце, думайте только, как пройтить Дунай, где и мы сами будем с вами кровь проливать, чему клянемся перед живым Богом и перед честным его крестом...”¹⁹

Но “пройтить Дунай” и соединиться с сербами было затруднительно не только по причинам воинским.

Зондажи Екатерины в Вене насчет предлагаемых условий мира приносили самые неутешительные результаты. Выдвинутые ею требования – отторжение Крыма от Османской империи и превращение его в самостоятельное ханство, провозглашение независимости Дунайских княжеств – были сочтены неприемлемыми. Канцлер В.А. Кауниц отвечал: “Мир на таком основании даст России громадное могущество, а империи Османской падение в перспективе, более или менее отдаленное, но неизбежное”²⁰. Затем поступило предупреждение: венский двор “не может долго оставаться зрителем”.

На деле позиция габсбургской монархии ничуть не походила на созерцательную. В Трансильвании, близ фланга Дунайской армии, концентрировался ударный кулак – 9 венгерских пехотных полков, 8 австрийских, 16 кавалерийских, 3 гусарских, всего 60 тыс. штыков и сабель. У Румянцева под знаменами насчитывалось всего 45 тыс. солдат и офицеров. Соправитель Марии Терезии, ее сын Иосиф II по целым дням пропадал на “гульбище” в Пратере, наблюдая за учениями войск. Брату Леопольду он писал: “Если русские прорвутся через Дунай и пойдут к Адрианополю, то для нас наступит время двинуть войска на Дунай для отрезания им обратного перехода, во время которого армия их может быть уничтожена”²¹.

Эта опасная перспектива прямо влияла на сношения России с южными славянами. Раздражать Вену принятием на службу сербов из австрийских пределов, поощрять повстанческое движение в соседних с габсбургскими владениями краях, которые Вена считала зоной своего влияния, было равносильно политическому безумию. Фактор – “в рассуждении других держав”, необходимость крайней осторожности в сношениях с южными славянами, о чем Сенат предусмотрительно предупреждал еще в 1763 г. – стал определяющим.

В декабре 1771 г. до Коллегии иностранных дел по каналам тогдашних спецслужб дошли ошеломляющие сведения – оказывается, Габсбурги успели заключить с султаном союзный договор. Послу, князю Д.М. Голицыну поручили перепроверить неприятную информацию. Князь не поспешил и раздобыл текст конвенции (“которую надежным способом получил я... Ест ли истину сказать, так за деньги”). Обнаружилось, что еще 7 июля 1771 г. (н. ст.) австрийский интэрнунций в Стамбуле И.А. Тугут подписал с реис-эфенди соглашение, по которому Вена обязалась добиться от России “путем переговоров или силою оружия” заключения мира с возвращением Турции занятых неприятелем “крепостей, провинций и территорий”. Собираясь лишить Россию земель, завоеванных кровью, австрийцы за свои “услуги” выговорили себе лакомый кусок – Олтению (Западную, или Малую Валахию) и субсидию в 20 тыс. кошельков (или 4 млн пиастров). Отсюда и название конвенции – “субсидная”²². На севере, в Швеции, король Густав III совершил государственный переворот (август 1772 г.) и восстановил абсолютную власть монарха; Екатерина опасалась, что ее двоюродный брат по матери воспользуется ее трудным положением и развяжет войну.

Самого худшего – военных действий на двух фронтах – удалось избежать с помощью крупного внешнеполитического маневра: Петербург дал согласие на раздел Польши и тем самым смешал все фигуры на дипломатической шахматной доске. Внимание Вены с Балкан переместилось в Речь Посполитую. Следует сказать, правда, что и до этого антироссийская прыть Иосифа II не разделялась многими даже в его ближайшем окружении. Генералы размышляли: удар по армии Румянцева, даже успешный, а дальше что? Ринуться на Моск-

ву – пример Карла XII не вдохновлял: в бескрайних российских просторах можно было и заблудиться. Мария Терезия чуть ли не ежедневно ссорилась с сыном; старая дама дважды потерпела поражение от прусского короля Фридриха II, а он числился союзником Екатерины и мог, пока австрийцы будут блуждать в российских лесах и болотах, отхватить в свою пользу Чехию. Самого Иосифа II терзали сомнения, и он не спешил с ратификацией “субсидной” конвенции (хотя первые 4 млн пиастров австрийцы успели получить). А тут Петербург поманил “пристойным приобретением”. Первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел Н.И. Панин в письме, отправленном князю Д.М. Голицыну по почте (т.е. для прочтения его венскими шпионами) рассуждал: “Не лутче ли будет и для венского двора сделать приобретение и вместо того, чтобы заводить оной в неизвестную и опасную войну, увеличить без всяких дальностей часть свою на щет Польши”²³.

В 1772 г. сделка была оформлена, и в Петербурге поздравили себя с “переменной мыслью венского двора”. Поторопились: оный двор изменил лишь форму противодействия, отказавшись от военного противостояния, но не от мысли – всеми иными путями мешать России.

К внешним осложнениям добавлялись внутренние трудности. Страна от войны устала, один рекрутский набор следовал за другим, всего под знамена призвали 300 тыс. человек. В 1771 г. в Москве разразился чумной бунт, успокаивать умы в первопрестольной отправился Григорий Орлов; весной следующего года произошли казачьи волнения на Дону, в сентябре 1773 г. вспыхнуло Великое Пугачевское восстание, под знамя мнимого Петра III стекались крестьяне, казаки, рабочие уральских заводов, башкиры и татары. Кампания 1773 г. на Дунае решающего успеха не принесла. Румянцев полагал, что его сил “едва достанет... на защиту себя и удерживаемого края против стремлений неприятельских”. В Петербурге его предупреждениям не вняли и предписали перенести военные действия на правый берег Дуная. Прибывший к армии А.В. Суворов разбил турок под Тутраканом (Туртукаем). Сам фельдмаршал с корпусом в 13 тыс. человек осадил крепость Силистру. Осаду пришлось снять, и не по причине сопротивления османов: засуха выжгла поля, нехватка продовольствия и фуража заставила Румянцева покинуть правобережье. Нужно вдвое, втрое больше людей для достижения победы, писал он Екатерине²⁴.

Стало ясно, что призывы к балканским христианам простирать “ополчение и победы... до самого Константинополя” и изжечь “оттуда остатки агарян” относятся к области утопии, время широковещательных манифестов прошло.

Все это не значит, что связи с южными славянами и другими балканцами прервались и их оставили на произвол судьбы. Сношения стали более тесными – как-никак, армия располагалась в Ду-

наших княжествах; шел поиск реальных путей к освобождению с опорой на великую православную державу.

Выдающуюся роль в этом процессе сыграл Алексей Михайлович Обресков, бывший резидент в Стамбуле. Мы "оставили" его брошенным в подвалы Сембашенного замка. Позднее дипломата долго возили в обозе османской армии. Понесенные поражения и крайнее истощение сил сделали турок более миролюбивыми, они передали Обрескова российской стороне. Испытания его не сломили, вместо вполне заслуженного отдыха он включился в мирные переговоры (август 1772 – март 1773 г., Фокшаны и Бухарест).

Скромный провинциальный дворянин не мог по своему рангу возглавить российскую делегацию. На эту должность определили князя Григория Орлова. Дипломатическими способностями он не блистал, столь необходимым на Востоке терпением не обладал и своим "колобродством" (выражение Н.И. Панина) только портил дело, по счастью, недолго: до него дошел слух, что его "случай миновался" и Екатерина обзавелась новым фаворитом. Г.Г. Орлов сорвался с места и, загоня лошадей и обгоня фельдъегерей, поскакал в Петербург. В столицу его не пустили и посоветовали заняться поправкой здоровья где-нибудь на зарубежных "водах". Нового дилетанта на пост первого уполномоченного на переговорах Екатерина назначать не стала, вся их тяжесть легла на плечи А.М. Обрескова. Добиться триумфа ему не удалось: турки не желали расставаться с жемчужиной своей империи, с Крымским ханством. Но, выражаясь бюрократическим языком, был наработан и в принципе согласован большой материал для будущего договора.

Османская империя в то время обладала никем не оспариваемым статусом великой державы, постороннего вмешательства в свои внутренние дела она не допускала, о возможности прямого, зафиксированного в международном акте права покровительства царей над подданными султана Обресков даже не заикался (по словам дипломата, "точное требование одного дозволения не можно утверждать на каком-либо праве"²⁵).

Именно Обрескову с его громадным опытом удалось нащупать ту брешь в османской обороне, через которую российское влияние могло проникнуть на Балканы под флагом религиозного покровительства христианским народам.

Султан считался духовный владыкой всех мусульман (халифом); логично было распространить этот статус и на царя по отношению к православным и признать его особые права в этом плане. Заслуга императрицы состояла в том, что она сразу же поняла и оценила инициативу своего представителя: "... апробуя придуманные вами самими и реис-эфендию предложенные артикулы сверх инструкции, признали мы в оных плод персонального вашего усердия"²⁶.

Оставалось добиться торжества на поле боя, чтобы зафиксировать в мирном договоре идею религиозного покровительства, что и

осуществил Румянцев. Пренебрегая советами петербургских стратегов – сосредоточить силы на осаде крепостей, он переправил армию на правый берег Дуная и двинул ее к Балканскому хребту. 9(20) июня 1774 г. А.В. Суворов, имея 17 тыс. солдат, обратил в бегство 40-тысячный корпус неприятеля. Сам Румянцев двинулся к Шумену (Шумле), где засел великий везир. Тот не стал дожидаться штурма и 5(16) июля прислал гонца в ставку фельдмаршала с просьбой о перемирии. Командующий ответил: “О конгрессе и тем более о перемирии я не могу и не хочу слышать”, возобновлять бесконечную переговоры он не стал и дал туркам на размышление краткий срок – 5 дней²⁷. Срок был выбран не случайно – на 12(23) июля падала печальная годовщина Прутского мира 1711 г., Румянцев хотел вычеркнуть навязанные тогда условия мечом.

Договор был подписан на окраине деревни Кючук-Кайнарджи 10(21) июля генерал-поручиком Н.В. Репниным, Ресми Ахмедом-эфенди и Ибрагимом Мюнибом-эфенди. Царице фельдмаршал рапортовал коротко: все свершилось “без всяких обрядов министеральных, а единственно скорою ухваткою военною, с одной стороны превосмогающею, а с другой – до крайности угнетенною”²⁸. На самом деле “обряды” все же имели место и основной блок статей был согласован ранее А.М. Обресковым и османскими уполномоченными.

Кючук-Кайнарджийский мир составил эпоху в истории России и Балкан. Удалось решить вековую задачу приобщения к державе пояса плодородных причерноморских земель, добиться свободы торгового судоходства по древнему Понту Эвксинскому, Босфору и Дарданеллам, прорубить окно к Средиземному морю, обеспечить на будущее вывоз сельскохозяйственной продукции обширного южного региона. Крым был отторгнут от Османской империи и объявлен независимым ханством, разбойничьи набеги его конницы прекратились, безопасность южных рубежей империи обеспечена.

С Кючук-Кайнарджийского мира пошел отсчет совершенно новых отношений между южными славянами и Россией, да и со всеми христианскими народами Юго-Восточной Европы.

В договоре положению христиан посвящалось 6 статей (1, 7, 14, 16, 17 и 25). В них говорилось об амнистии всем, кто поднял оружие против Высокой Порты или вообще проявил нелояльность султану. Османские уполномоченные упорно противились принятию этого положения (“Сие есть то же самое, что и сказать им (т.е. поднявшим оружие христианам. – В.В.): вы и в другой раз так и поступайте, и вместо наказания награждены будете”). Отстоять туркам свою позицию не удалось. Артикул не только свидетельствовал о заботе России о судьбе своих сторонников, но и служил заявкой на будущее, молчаливым заверением, что их в беде не оставят. По словам А.М. Обрескова, “сие служить может и на будущие всякие несчастные случаи”, “ревность и преданность не должны приводить к жертвам”²⁹.

Статья 14 предоставляла России право построить в Стамбуле церковь, “которая всегда под протекциею оной империи министров остаться имеет и никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет”.

Статью 7 следует привести полностью: “Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного; равным образом дозволяет министрам российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в четырнадцатом артикуле церкви, так и служащих в оной разные представления и обещает принимать оные в уважение яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно дружественной державы”.

В статье 16, посвященной островам Архипелага, говорилось: “...Христианский закон не будет подвергаться ни малейшему притеснению, так, как и церкви оного...” В соответствии с артикулом 16, касавшимся Дунайских княжеств, Высокая Порта обязывалась “не препятствовать, каким бы то образом ни было, исповеданию христианского закона, совершенно свободного там”.

Наконец, в Договоре говорилось о праве России выступать перед Портой в пользу населения тех территорий, которые в ходе войны были заняты русскими войсками и возвращены по условиям мира Турции. Это были Дунайские княжества и острова Архипелага³⁰.

Кючук-Кайнарджийский договор впервые на международном уровне признавал право России на покровительство части балканских христиан. Но Екатерина II, исходя из идейного постулата о роли России как защитницы всех православных и реально опираясь на военную мощь страны, понимала и реализовала в дипломатической практике это право расширительно. Конечной целью покровительствующей державы являлось обретение христианами равноправия. Это означало крах системы турецкого господства, зиждившегося на религиозной основе. Покровительство России христианам на Балканах и обязательство Порты защищать христианскую церковь стали важными обстоятельствами на пути южных славян к освобождению. Под знаком Кючук-Кайнарджийского мира отношения России с южными славянами развивались вплоть до Крымской войны.

---

¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 279–280, 283.

² Там же. С. 284.

³ Там же. С. 273–275

⁴ Соловьев С.М. История падения Польши // С.М. Соловьев. Соч. в 3-х томах. Ростов-на-Дону, 1997. Т. 2. С. 209.

⁵ Там же.

⁶ Сборник императорского русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1874. Т. 10. С. 330; Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 537–545, 577, 621; Екатерина II. Соч. М., 1990. С. 472.

- ⁷ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 131.
- ⁸ Подразумевались внешнеполитические дела. См.: Valloton H. Catherine II. P., 1955. P. 192.
- ⁹ Соловьев С.М. Соч. М., 1994. Кн. 14. С. 377.
- ¹⁰ Там же. С. 372.
- ¹¹ Политические и культурные отношения... С. 291–293
- ¹² Архив государственного совета. (Далее: АГС). СПб., 1869. Т. 1. Стб. 7.
- ¹³ Там же. Стб. 49.
- ¹⁴ Политические и культурные отношения... С. 296.
- ¹⁵ Цит. по: Стегний П.В. Первый раздел Польши и русская дипломатия // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 117.
- ¹⁶ Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 153–155.
- ¹⁷ Политические и культурные отношения... С. 300.
- ¹⁸ Там же. С. 305–310.
- ¹⁹ Цит. по: Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 105.
- ²⁰ Цит. по: Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 459–461.
- ²¹ Архив внешней политики Российской империи (Далее АВПРИ). Ф. Сношения с Австрией. 1770. Д. 507. Л. 50; 1771. Д. 513. Л. 2; Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 382–384.
- ²² Сб. РИО. СПб., 1876. Т. 19. С. 259; АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 42. Л. 6.
- ²³ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 12.
- ²⁴ Век Екатерины II... С. 114.
- ²⁵ Там же. С. 111.
- ²⁶ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 348; Она же. Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 274.
- ²⁷ Цит. по: Петров А.М. Война России с турками и польскими конфедератами. СПб., 1874. Т. 5. С. 189.
- ²⁸ Румянцева П.А. (Документы). М., 1953. Т. 5. С. 766
- ²⁹ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир. С. 221, 245.
- ³⁰ Там же. Приложения. С. 351, 352.

ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ЕКАТЕРИНЫ II

В 1778–1779 гг. императрица окунулась в центральноевропейские дела: разразилась ссора между “старым Фрицем” и Иосифом II в связи с дележом баварского наследства. После смерти курфюрста Максимилиана III его зять Иосиф II потребовал себе от преемника более трети баварской территории. Подобного усиления Австрии и перекоса баланса сил в “Священной Римской империи германской нации” Фридрих стерпеть не мог. Он выступил под благовидным предлогом – защиты того, что именовалось “германской конституцией” (иными словами, решений Вестфальского конгресса 1648 г., разбившего страну на сотни независимых кусков и кусочков). Король, видимо, забыл, что смолоду только то и делал, что оную конституцию нарушал, развязав три войны и поживившись за счет соседей. Практически он вел дело к тому, чтобы уменьшить габсбургские притязания и обеспечить себе территориальную компенсацию.

Фридрих заручился поддержкой саксонского курфюрста и в июле 1779 г. начал военные операции.

Война вошла в историю под именем “картофельной”. Прусское войнство, вторгшееся в Чехию, мыкалось в непролазной осенней грязи, снабжение разладилось, солдаты перешли на подножный корм и мёрли от дизентерии. Ничего похожего на стремительные атаки Семилетней войны!

Обе стороны пригласили Россию и Францию выступить посредниками при улаживании ссоры. Князь Н.В. Репнин, назначенный выполнить высокую миссию от петербургского двора, по пути в Тёшен (место конференции) заехал в Бреславль (Вроцлав) к Фридриху. Он увидел маленького сморщенного старичка, прикованного к креслу жестоким приступом подагры, закутанного в одеяло, поверх которого лежали изуродованные ревматизмом руки. На победоносного военачальника старичок не смахивал. Репнин отличался решительностью на поле боя и жесткостью за столом переговоров. Королю он не приглянулся, генерал, по его словам, прибыл “диктовать Германии законы по поручению своего двора”. Но дело свое Николай Васильевич знал и вместе с французским уполномоченным уговорил драчунов пойти на компромисс. Иосиф II удовлетворился приобретением округа Инн, Пруссия обещали графства Аншпах и Байрейт после прекращения рода их правителей, что ожидалось. Тёшенский акт подтвердил “слово в слово” Вестфальский мирный договор 1648 г., обрекший Германскую империю на бессилие под флагом независимости всех ее членов, даже самых крошечных. Россия и Франция взяли на себя роль арбитров в европейских делах. Екатерина заняла первенствующее положение в ареопаге монархов. В Европе ее сочли ровней французскому королю, традиционно занимавшему первое место в монархической табели о рангах¹.

Тогда же внимание российской дипломатии впервые обратилось за океан, и не по собственной инициативе. Екатерина не проявляла ни малейшего желания ввязываться в крупномасштабный конфликт во имя сохранения за британской короной ее владений в Америке. Когда же дело дошло до “созрелой кризисы” (выражение посла в Лондоне А.И. Мусина-Пушкина) и стали проявляться явные признаки мятежа, британскому поверенному в делах в Петербурге Р. Гэннингу было предписано, как бы “невзначай”, затронуть вопрос о посылке за океан на два года целого российского корпуса (20 тыс. солдат) с выплатой по 7 фунтов стерлингов (35 рублей) за каждого – англичане не скупились.

Императрица пыталась отделаться привычными любезностями, выразила пожелание “скорейшего окончания несогласий с американцами”, тогда никакие войска не потребуются. Сент-Джеймский кабинет продолжал нажим. Пришлось дать отказ. Н.И. Панин от близких людей не скрывал возмущения: Джон Буль воображает, будто “гниinei достанут ему всегда союзников”, и не сознает, что

“знатные державы” нельзя ставить на одну доску “с мелкими германскими князьями, обихшими кровь подданных своих ставить в цену и продавать за наличные деньги”². Американцы высоко оценили оказанную им услугу: “Мы немало обрадовались узнать из достоверного источника, что просьбы и предложения Великобритании русской императрице отвергнуты с презрением”, – писал Джордж Вашингтон³. На прежде безоблачные англо-русские отношения набрела тень.

Взаимное отчуждение двух правительств возросло с опубликованием Екатериной принципов вооруженного нейтралитета на море (февраль 1782 г.) Поводом послужил захват британским флотом, блокировавшим побережье восставших колоний, торговых судов нейтральных стран, включая российские. Корабли и их грузы подвергались конфискации, все это смахивало на разбой. Изданная императрицей декларация провозглашала право нейтральных государств торговать с воюющими всеми товарами, за исключением оружия и боеприпасов. Этот документ лег в основу кодификации международного морского права, к нему присоединились Дания, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия и Королевство обеих Сицилий, образовавшие Лигу вооруженного нейтралитета. Соединенные Штаты Америки и воевавшие на их стороне Франция и Испания признали его принципы. А между лондонским и петербургским дворами пробежала черная кошка, что нашло отражение и на далеких Балканах в годы четвертой по счету в XVIII столетии войны с Турцией.

* * *

Екатерина – на вершине славы и власти. Триумфальный мир заключен, козни венского двора развеяны, супостат Людовик XV скончался от оспы, его внук и наследник ищет сближения. Императрица – арбитр в Европе. После подавления пугачевского восстания дворянство сплотилось вокруг “казанской помещицы”, робкая вельможная оппозиция во главе с Никитой Ивановичем Паниным, сторонником ограничения абсолютистских порядков и предоставления знати некоторых властных прерогатив, замолкла.

Сказанное выше не значит, что российская дипломатия перенесла все свое внимание на Запад и даже на проблемы глобальные и предала забвению Юг. Высокая Порта не желала смириться с потерей Крыма, вокруг контроля над ханством, обретшим статус самостоятельности, завязалась схватка двух держав. Обе опирались на своих ставленников из рода Гиреев – Шагина (Россия) и Девлета (Турция). Самодержавию пришлось поддерживать своего кандидата силой штыков. В августе 1778 г. у берегов Крыма появилась турецкая эскадра. Войсками, расположенными на полуострове, командовал тогда Суворов. Он воспротивился высадке турок на землю, сославшись на сведения о появлении в Малой Азии чумы и потребовав сорокадневного карантина. Османскому адмиралу пришлось повер-

нуть назад. Лишь в марте 1779 г. удалось добиться подписания “изъяснительной” Айналы-Кавакской конвенции, в которой подтвердились все условия “без повреждения” Кючук-Кайнарджийского мира. Султан признал Шагин-Гирея ханом Крыма.

1780 год принес Екатерине приятный сюрприз: в союзники к ней запросился не кто иной, как император “Священной Римской империи германской нации” Иосиф II, ее прежний непримиримый антагонист. Печальный опыт с баварским наследством убедил его: на западе путь к расширению для Габсбургов закрыт, оставалось юго-восточное направление. Но и здесь после Кючук-Кайнарджийского мира стало очевидно: прорыва России на Балканы остановить невозможно, рассматривать регион как сферу исключительного австрийского влияния беспредметно. Значит, надо войти с Екатериной в долю.

В 1780 г. скончалась Мария Терезия. Добродетельная дама недолюбливала Екатерину с ее чередой фаворитов и не допускала чрезмерного сближения с петербургским двором. После ее смерти сын обрел свободу маневра и решился на переориентацию всей восточной политики.

В том же году царица совершила вояж в Могилев. Там ее поджидал “граф Фалькенштейн”, – Иосиф путешествовал инкогнито. Из Могилева любознательный граф проследовал в Петербург, и в ходе бесед с государыней были заложены основы союза двух государств.

Впрочем, само это состояние не было новинкой в отношениях между двумя странами: начиная с 1726 г. Россия вплоть до 1762 г. почти перманентно числилась австрийским союзником. Итог оказался разочаровывающим: Вена с отнюдь не похвальным постоянством стремилась использовать российскую армию, а заодно и дипломатию в своих интересах, особенно в годы Семилетней войны. “И Франция, и Австрия готовы были использовать в полной мере военные ресурсы России ради достижения собственных целей, – констатировал американский историк Р. Бейн, – и крайне сдержанно относились к возможной награде для своего лояльного и усердного союзника”⁴. После войны Екатерина выразилась твердо и решительно: “Время всем покажет, что мы ни за кем хвостом не тащимся”. Н.И. Панин говорил вежливее, но по существу то же самое: “Мы за тверделому в делах австрийскому самовластию и воле следовать не будем...”⁵ Руль внешней политики был повернут в сторону сотрудничества с Пруссией.

Союз 1782 г. совершенно не означал “возвращения на круги своя”, роли сторон переменились. Иосиф II выступал просителем и ведомым, Екатерина – ведущей. Акт был учинен в форме обмена письмами идентичного содержания между монархами (послания датированы маем 1781 г.) Венценосцы поклялись не жалеть усилий для поддержания мира в Европе; если же (от чего Боже упаси) один из них подвергнется нападению, другой окажет помощь корпусом

в 10 тыс. человек пехоты и 2 тыс. кавалеристов. Обязательства отпадали, если бы Россия подверглась агрессии в Азии, а Австрия – в Италии. Важнейшее положение договоренности заключалось в ее секретной статье: Иосиф за себя и своих преемников признал Кючук-Кайнарджийский мир и “Изъяснительную конвенцию” 1779 г. В случае нарушения их Портой он обязывался в трехмесячный срок объявить ей войну и выставить на поле боя силы, равные российским⁶.

Подписание договора совпало с двадцатилетием царствования Екатерины: новый триумф одержан! Волны лести подступали к подножью трона, и императрица с удовольствием в них погружалась. Все ей удавалось, голова слегка кружилась. В этой атмосфере упоения успехами родился загадочный “Греческий проект”.

Можно, конечно, проследить его предысторию, упомянуть, что черновик сочинил Александр Андреевич Безбородко⁷. И все же не случайно на свет божий проект появился в виде личного письма Екатерины Алексеевны Иосифу II 10(21) сентября 1782 г. именно в условиях союза двух христианских государств, объединенная мощь которых представлялась неодолимой.

Начиналось послание с пространного изложения претензий к Высокой Порте: та чинит препятствия проходу российских кораблей через Босфор и Дарданеллы, подстрекает крымских татар к восстанию, нарушает автономные права Дунайских княжеств. Затем следовало заверение в своем традиционном миролюбии: “Я не добиваюсь ничего, выходящего за рамки, установленные договорами”. Однако на всякий случай ей и Иосифу благоразумно заранее позаботиться насчет возможности войны и подписать “секретную конвенцию о вероятных приобретениях, которых мы должны домогаться у нарушителя мира” (т.е. Высокой Порты). Императрица с оптимизмом взирала на международную ситуацию: Дания – верный союзник, Швеция выступить не посмеет, престарелый Фридрих Прусский учтет опыт “картофельной войны” и не решится бросить вызов России и Австрии, Англия и Франция воюют друг с другом, им не до далекой Юго-Восточной Европы, так что ничто и никто союзникам не помешает.

Далее Екатерина, заверив адресата в своем “безграничном доверии”, нарисовала мрачную картину развала Османской империи: центральная власть ослабела, местные правители, аяны своевольничают, бандиты грабят города и села, не разбираясь, где живут христиане, а где мусульмане; некогда грозные янычары переродились и думают о своих доходах от ремесла и торговли, и все, кто может, занимаются казнокрадством⁸.

Самое время, полагала Екатерина Алексеевна, создать между тремя державами – Российской, Австрийской и Османской – некий барьер в виде государства, от них независимого в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии. Отдавая дань моде на все античное, госуда-

рыня предлагала назвать его Дакией, по имени некогда существовавшего племенного союза гето-даков, предков румын. Во главе создаваемой державы следует поставить монарха-христианина, на верность которого можно положиться. Дакия никогда не должна объединяться ни с Австрией, ни с Россией; последняя на Дакию не зарится, ее притязания ограничиваются крепостью Очаков на Днепровском лимане и полосой земли между реками Буг и Днестр.

Далее следовало главное: если, с помощью Божьей, удастся избавить Европу от врага имени христианского (т.е. изгнать турок в Азию), “в.и.в. не откажется помочь мне в восстановлении древней Греческой монархии на развалинах павшего варварского правления, ныне здесь господствующего, при взятии мною на себя обязательства поддерживать независимость этой восстановленной монархии от моей”. За сим излагалось сокровенное: она хотела бы возвести на престол в Константинополе своего второго внука Константина при условии, что он никогда не посягнет на российский престол. Со своей стороны цесаревич Павел Петрович и великий князь Александр дадут клятву не претендовать на греческий трон⁹.

Письмо от 10(21) сентября 1782 г. заголовка не имело, но его не случайно нарекли “Греческим проектом” – возрождение Греции представляло его сердцевину. Европа грезила Древней Элладой, ее культурой, достижениями философской мысли, ее поэзией и драматургией, изучала опыт Афинской демократии. Эллинофильство вошло составной частью в идеологию Просвещения. Видные представители многочисленной греческой диаспоры обращались к императрице с призывами к освобождению от гнета османов, и свои внешнеполитические замыслы Екатерина облекала в греческие одежды. Второму внуку она дала небывалое у династии Романовых имя Константин, которое носили одиннадцать византийских императоров. Младенец еще пребывал в пеленках, а одописец В. Петров приветствовал его в тяжеловесных виршах: “Гроза и ужас чалмоносцев, / Великий Константин рожден!” Дитя выкормила кормилица-гречанка, он выучил греческий язык, его воспитывали как кандидата на престол возрожденной Греции.

Адресат, получив послание Екатерины, восторга не выразил. Международный горизонт не представлялся Иосифу столь уж безоблачным, страх перед прусским нашествием его преследовал всю жизнь. Ни преклонные лета Фридриха, ни родство с французской королевой Марией-Антуанеттой не дают ему ни малейших гарантий от осложнения отношений с Францией и Пруссией, полагал он.

Но охота пуще неволи. В свете феерических российских успехов вставать на пути Екатерины и сопротивляться проникновению России на Балканы представлялось бессмысленным. Оставалось присоединиться, потребовать себе компенсацию, и тут просвещеннейший из монархов не поскромничал: в письме от 13 ноября (н.ст.) он наметил для себя следующие приобретения: крепость Хотин с окрестно-

стями, Малую Валахию до реки Алута (Олт), Видин, Орсову и Белград. Оттуда он проводил прямую линию до Дринского залива Адриатики, предназначая себе земли до обозначенной границы. Поскольку в их числе оказывались и венецианские владения, он предлагал возместить Республику Св. Марка островом Крит и некоторыми территориями в Греции¹⁰.

В Петербурге открытия Иосифа встретили прохладно – он предлагал и на предполагаемые земли Греческой монархии. Впрочем, каких-либо реальных последствий обмен письмами не имел, никакой конвенции не появилось, сам Иосиф в письме брату Леопольду выражал надежду, что удастся осуществить без войны программу-минимум: образовать Дакию, предоставить России Очаков, а Австрии – Северную Сербию. Леопольд счел и этот замысел предельно опасным: “Нет таких приобретений, которые могли бы возместить ущерб, причиненный европейской войной”¹¹.

Нет свидетельств, позволяющих утверждать, что сама Екатерина собиралась дать ход своему замыслу. В переписке с Потемкиным она рассуждала вполне реалистично: “Политический состав Оттоманской империи разными обстоятельствами еще отдален от конечного разрушения”¹². Фельдмаршал полагал естественной границей России Черное море. О.П. Маркова справедливо считает, что рассуждения о разделе Турции были лишены черт реальной политической программы, настолько они не соответствовали существовавшей геостратегической обстановке. Испускать дух Османская империя не собиралась, большинство держав метили ей в лекари, а не в могильщики. Все это делает “Греческий проект” загадочным, и пороков таинственности с него не спадает, несмотря на многочисленные обращения историков к нему.

Логично предположить, что каскад успехов вскружил голову императрицы: прорыв на Балканы, арбитраж в австро-прусском споре о баварском наследстве, Лига вооруженного нейтралитета, – было от чего вознестись в мечтаниях. Первый монарх Европы, римский цесарь, прицепился к ее внешнеполитической колеснице – почему бы не подумать об изгнании “нечестивых агарян” в Азию?

С мыслями, возвышенными, но химерическими, в проекте соседствовали соображения вполне земные: зашли в тупик попытки создать в Крыму лояльный по отношению России режим, Шагин-Гирей оказался зыбкой опорой, против него в 1782 г. восстали два брата. В Петербурге стали задумываться о смене вех в Крымской политике. В декабре самодержица обратилась к Г.А. Потемкину с секретным рескриптом. По ее подсчетам, казна потратила в Крыму без всякого результата 7 млн рублей, были принесены бесчисленные жертвы людьми. Вывод: следует привести ханство в подданство, желательно мирным путем, что и было осуществлено в апреле 1783 г.¹³ Противодействия со стороны Вены не последовало. Не без влияния обещанных в проекте соблазнов Иосиф II не только смирился с вхожде-

нием Крыма в Россию, но и прислал положенные поздравления¹⁴. Закинув в Вене сети обещаний, царица подорвала там позиции противников раздела Турции во главе с канцлером В.А. Кауницем, который, по ее словам, “ужом и жабою вертится и прыгает”, противодействуя ей.

В советской историографии проект долгие годы считался символом агрессивного экспансионизма самодержавия: «Царизм разрабатывал планы широких захватов на Дунае и на Балканах, выражением которых явился известный “Греческий проект”»¹⁵. В западной литературе он и поныне представляется символом необузданной российской тяги к захватам. На самом деле собственные претензии Екатерины ограничивались Очаковым и полосой земли до реки Днестр.

Однозначной оценке проект не поддается. Многими своими чертами он тяготел к прошлому и был навеян воспоминаниями о величии Византии. Екатерина предоставляла Иосифу карт-бланш в приобретении балканских территорий (во всяком случае, гласно не возражала против его разыгравшегося аппетита). Греческие увлечения в проекте доминировали в ущерб идее славянской взаимности, в нем отсутствовавшей, императрица как бы забыла обращения к ней южных славян. Этим проект отличается в худшую сторону от программной грамоты Петра I к балканским христианам (8 мая 1711 г.), в которой содержалось важнейшее положение о возрождении их государственности: “позволим под нашу протекцию избрать себе начальников от народа своего и подтвердим их права и привилегии”¹⁶.

Но при всем своем несовершенстве, при явном пренебрежении сложной конфигурацией этнических разграничений на Балканах, при очевидном благоволении к грекам в ущерб славянам документ содержал основополагающие идеи отказа от прямых завоеваний в регионе в пользу создания или возрождения там христианских государств под покровительственной дланью самодержавия. В этом смысле проект послужил отправной точкой комбинации по территориально-государственному переустройству Балкан, которыми богат XIX век.

А в присоединенном Крыму, по берегам Ахтиарского залива, самой природой созданного для якорной стоянки, сооружался городок Севастополь. Визжали пилы, стучали топоры, на верфях закладывались корабли Черноморского флота. Осваивалось южное порубежье России. Светлейший князь Потемкин-Таврический, генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний, обладал (когда не погружался в меланхолию) кипучей энергией. Край заселялся, вспахивалась тучная черноземная целина, возводились города, обустроивались села. В своих планах светлейший порой удалялся в заоблачные выси. В Екатеринославе собирались открыть университет, театр, музыкальную академию, биржу, дом призрения. Заложили собор – пространнее храма Св. Петра в Риме. Фельдмаршал хвастался: повсюду – стада “руноносного скота”, “хлебопашество год от года усиливается, виноград венгерский дал уже перво-

плод”, вино делают “лучше прежнего”, “прежде десяти лет шелку будет больше, чем пеньки”¹⁷. Много было показного, даже показушного, но много было и дела. А в Петербурге саксонский посланник, и носа не совавший в Новороссию, сочинил легенду о “потемкинских деревнях”, и она прочно, на века, вошла в историческое сознание.

В 1787 г. императрица согласилась на просьбу фельдмаршала – посетить южные земли. Знаменитое, почти легендарное путешествие в Крым началось в январе. Кавалькада состояла из 120 саней. В городах государыню встречали колокольным звоном, хлебом-солью, молебнами и балами. По вечерам, когда ранняя мгла окутывала землю, на обочинах дороги пылали костры из целых стволов деревьев. Екатерина захватила с собой послов Великобритании, Франции и Австрии. Английский историк Г. Томсон сочла все предприятие смесью политического тура, увеселительной прогулки и дипломатического конгресса¹⁸.

В путь, но сепаратно, из Вены, собрался и “граф Фалькенштейн”, он же Иосиф II. Ехал архискромно, в сопровождении одного генерала и двух служителей. Встреча с Екатериной произошла близ Кременчуга. Цесарь пребывал перманентно не в духе. В Венгрии и Австрийских Нидерландах нарастало недовольство его централизаторскими и унификаторскими реформами, жители не желали смириться с ломкой традиционной системы управления. Иосиф писал канцлеру В.А. Кауницу: “Императрица умирает от желания возобновить дело с турками, она не прислушивается ни к каким доводам, самолюбие и везение ослепляют ее в такой степени, что она верит, будто способна в одиночку осуществить все желаемое”¹⁹, и не прислушивается к его опасениям насчет позиции Пруссии и Франции. Но римский цесарь был в союзе ведомым. В Херсоне австрийские путешественники проехали под аркой с надписью по-гречески: “Путь в Константинополь”, из окон дворца в Севастополе наблюдали маневры судов под андреевским флагом.

Вскоре по возвращении царицы в Петербург последовал неприятный сюрприз. Высокая Порта предъявила ультиматум: вернуть Крым Османской империи и признать недействительным Кючук-Кайнарджийский договор. Посланник Я.И. Булгаков счел излишним отправлять ноту Екатерине и был со всем составом миссии препровожден в Семибашенный замок, скорбное пристанище многих его предшественников. 13(24) августа Порта объявила России войну.

Гроза, как всегда, грянула не вовремя. Севастопольская эскадра насчитывала два линейных корабля и два фрегата, у турок – 24 линейных корабля (правда, среди них восемь обветшавших и к плаванию не пригодных). В манифесте императрицы от 7(18) сентября 1787 г. встречается многозначительная фраза: миром 1774 года Россия доказала, “что и в счастливой войне не приобретение, но оборона и спокойствие государства нашим было предметом”²⁰. Ни намека на “Греческий проект”!

¹ *Asprey R.B. Frederik the Great: The Magnificent Enigma.* N.Y., 1986. P. 617–623; *Aretin K. Das Reich und die europäische Politik 1763–1806 // Europa und "wir".* Budapest, 2000. S. 22.

² У шести немецких князей Великобритании заполучила 36 тыс. наемников. См.: *История внешней политики России: XVIII век.* М., 1998. С. 217; *Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость.* М., 1976. С. 33.

³ *Болховитинов Н.Н. Указ. соч.* С. 33.

⁴ *Bain R.N. The Daughter of Peter the Great.* Saint Clair Shores, 1969. P. 289.

⁵ *Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II.* СПб., 1890. С. 45.

⁶ *Arneht A. Joseph II und Katharina von Russland: Ihre Briefwechsel.* Wien, 1869. S. 72–88.

⁷ См. раздел: *Предыстория Греческого проекта (Г.Л. Арш) // Век Екатерины II. Дела балканские.* М., 2000. С. 209–213.

⁸ *Arneht A. Op. cit.* S. 144, 148, 152.

⁹ *Ibid.* S. 153, 154.

¹⁰ *Ibid.* S. 169–175.

¹¹ *Fejtő F. Un Habsburgh revolutionnaire. Joseph II, portrait d'un despot éclairé.* P., 1953. P. 251.

¹² *Маркова О.П. О происхождении т.н. Греческого проекта // История СССР.* 1958. № 4. С. 58 (то же в сб. ст.: *Проблемы методологии и исследования внешней политики России.* М., 1986).

¹³ *Fisher A. The Russian Annexation of the Crimea.* Cambridge, 1971. P. 83.

¹⁴ *Arneht A. Op. cit.* P. 202.

¹⁵ *Очерки истории СССР: XVIII век. Вторая половина.* М., 1956. С. 323.

¹⁶ *Письма и бумаги императора Петра Великого.* М., 1962. Т. XI, ч. 2. С. 227.

¹⁷ *Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1785–1806.* М., 1960. С. 256–260; *Ключевский В.О. Русская история.* М., 1993. Т. 3. С. 480.

¹⁸ *Thompson H. Catherine the Great.* L., 1947. P. 187.

¹⁹ *Брикнер А.Г. История Екатерины II.* М., 1991. Т. 2. С. 408.

²⁰ *Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II.* СПб., 1880. Т. 1. С. 56, 61, 105.

УКРЕПЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ РОССИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

17(28) февраля 1788 г. императрица подписала грамоту к именитым представителям и “всем обитателям славного рода славянского, сербским, черногорским и прочим”, обещая им “полное от оружия нашего покровительство”. Екатерина призывала их: “Вспомняв дела славных предков ваших, нам единоплеменных, соберитесь единомысленно, идите на встречу наших полков, ополчите тут же храбрые земли вашей войски и содействуйте всеми вашими силами нашему оружию на поражение повсеместно турков”.

Употребляя современный язык, мы назвали бы документ рачочным; слишком сложное создалось положение, чтобы обращаться ко всему южному славянству с одними и теми же рекомендациями. Отсюда – отдельная грамота самодержицы черногорцам (14(25) марта) и подготовленная для адмирала С.К. Грейга прокла-

мация к грекам и славянам¹. Обращает на себя внимание и отсутствие особых призывов к болгарам, связи с ними далеко отставали по своей интенсивности от прочно налаженных отношений с сербами, молдаванами и валахами. Болгарские земли располагались близ центра Османской империи, и длань турецкого господства ощущалась здесь особенно тяжело.

Двору приходилось считаться с наличием австрийского союзника, проявлявшего глубокий и отнюдь не бескорыстный интерес к славянским проблемам и явное поползновение на их земли. В 1718–1739 гг. Габсбурги владели значительной частью Сербии с Белградом и думали восстановить здесь свое господство, о чем свидетельствовало письмо Иосифа II Екатерине от 13 ноября 1782 г. Царица не отвергла его претензий. Многие князья и церковные лица Белградского пашалыка продолжали ориентироваться на Австрию в надеждах на освобождение, и австрийские власти развернули кипучую деятельность по вербовке сторонников, их агенты загодя исколесили с этой целью Сербию. Воодушевленное успехом пропаганды, австрийское командование составило дерзкий план захвата Белграда еще до официального вступления своей страны в войну. Завербованные в городе люди должны были открыть ворота высадившемуся с Дуная десанту, но два раза разыгравшаяся на реке буря разметала лодки с солдатами. Зато полным успехом увенчалась кампания по привлечению как “своих”, так и “турецких” сербов во фрайкоры – добровольные формирования².

Развертывать агитацию в сербских землях значило входить в конфликт с союзником, что начисто исключалось. Иное дело – Черногория. Правда, эпопея, связанная со Степаном Малым (правителем-самозванцем, выдававшим себя за царя Петра III), сильно подпортила ее сношения с Петербургом, Синод перестал выплачивать субсидию Цетинскому монастырю, в Черногории развернулась усобица между сторонниками митрополита Петра I Петровича Негоша, ориентировавшегося на Россию, и гувернадура Й. Радонича, склонявшегося в сторону Австрии и стремившегося в дополнение к административным функциям сосредоточить в своих руках и политическую власть, оставив в ведении митрополита лишь духовные дела. В борьбе победу одержал Негош. Он живо откликнулся на призыв Екатерины (“И естыли благочестие, неверными погружаемое, свобода, от них угрожаемая и угнетаемая, безопасность и покой, ими нарушаемая, вдохнут в вас ревность разделить с нами подвиг противу врага имени христианского...”)³. В Черногорию отправились российский эмиссары, встретившие там австрийскую миссию в сопровождении батальона солдат (400 штыков), обоза с ружьями, порохом, свинцом и зерном и с казною в 100 тыс. дукатов⁴. Преданный друг и союзник Екатерины Иосиф II явно стремился распространить свое влияние в Цетине.

Самые большие надежды в Петербурге возлагались на подъем освободительного движения южных славян, греков и православных албанцев, населявших побережье Адриатического и Ионического морей, и понятно, почему: опыт показал, что восстание имеет шанс на успех лишь при опоре на российское оружие, а в Петербурге собирались повторить славную Архипелагскую экспедицию и снаряжали в поход эскадру с Балтики. Загодя в Триест отправили офицера в высоком ранге, генерал-поручика И.А. Заборовского, которому поручили сношения с балканскими народами. Императрица подробно обрисовала его задачи: “для нанесения чувствительнейшего удара неприятелю умножить” экспедиционный корпус “воинством, в Далмации, Албании и Греции набираемым”; эскадра снабжается знатным количеством “различного оружия для сих набираемых войск”, из расчета 10 тыс. добровольцев⁵. В помощь Заборовскому отрядили несколько лиц, хорошо знавших местную обстановку. Подполковника М.К. Ивелича рекомендовали направить в “Славонию” (имелись в виду западные области Балкан) для набора там тысячи человек, которых ему надлежало “привести в близость Рагузы” (Дубровника) ко времени прихода кораблей (намечался сентябрь 1788 г.). Поскольку же “случиться может, что один человек не успеет в наборе толикого числа в краткое время”, Ивелич мог воспользоваться услугами “одного из славонских графов Буровича”. Разыскать графа можно с помощью “аббата Дель-Турко”, проживающего во Флоренции.

Такой же отряд в тысячу человек следовало набрать из православных албанцев, воспользовавшись услугами консулов П. Бичилли и Сатира (правильно – албанца П. Бацилли и грека Л. Сотири). “Оба они сверх того послужить могут к возбуждению химариотов, эпиротов и других на действия противу неприятеля”.

“По прибытии вашем в Триест, – говорилось в рескрипте И.А. Заборовскому, – надлежит вам осведомиться о всех новостях из Далмации, Албании и прочих мест и об успехах посланных для набора войск и других приуготовлений”. Генерал-поручику предписывалось направить в Черногорию к митрополиту и “чинам тамошним” надежных людей с грамотой императрицы и собственным письмом. Далее следовало замечание, свидетельствовавшее о глубоком знании ситуации: возбуждать пылких черногорцев следовало умело, действуя с “крайней осторожностью”, дабы они ненароком не обрушились на владения паши Шкодерского Махмуда Бушати, который поднял мятеж против султана, и его рассматривали как возможного союзника: нельзя подавать “способов самим доброжелателям и союзникам нашим друг друга ослаблять или истреблять”.

О позиции Дубровницкой республики в рескрипте говорилось отдельно. Туда следовало послать человека “верного и тамошния обстоятельства знающего с грамотою нашею”. От республики требовалось соблюдение благожелательного нейтралитета и помощь в морских перевозках.

В особой “полномочной грамоте” адмиралу С.К. Грейгу от 5(16) июня 1788 г. подчеркивалось, что наступил благоприятный момент для “исторжения” христиан “из челюстей тяжкой неволи и сокращение нечестия магометанскаго в тесные пределы”. В обращениях своих флагман должен был обещать тем, “кои усердием... к защите веры и отечества, приверженностью к нам и храбростию против общего врага нашего” отличатся, особливую царскую милость и награждение. По окончании войны, – заверяла их императрица, – она употребит старания, “дабы свобода, покой и благоденствие их наилучшим по возможности образом обеспечены и утверждены были”⁶. В этих словах – “по возможности” – суть. Опыт войны 1768–1774 гг. сказывался, российская дипломатия мыслила реалистически даже в пропаганде.

Особо следует отметить то, что предписывалось адмиралу Грейгу для личного сведения и исполнения: “Отнюдь нет нашего намерения присвоить сие (т.е. балканские земли. – В.В.) под обладание наше, а все желания наши к тому устремлены, дабы доставить им свободу полную в исполнении веры их и отправлении публичном обрядов оной и восстановить гражданскую вольность и безопасность”. В занятых областях предписывалось не приводить жителей к присяге, а брать с них клятву, что они “за веру и вольность свою подвизаются”⁷.

Знакомство с документами 80-х годов наглядно показывает, какой длинный и плодотворный путь прошли в своем развитии российско-южнославянские связи – от поисков неведомой “Шклавонии” в начале века до глубокой осведомленности о ситуации в разных частях региона, у разных народов и “племен”. Донесения И.А. Заборовского и генерал-майора Д. Неранчича можно назвать ситуационным анализом того времени.

Д. Неранчич – автор записки, озаглавленной “Мнение... о черногорцах и прочих соседственных им народах”. Черногорцы, по его словам, могли выставить “по нужде собственной” для защиты от нападения 7–10 тыс. бойцов. В случае нашествия у них поднимается стар и млад – 40 тыс. человек. Неранчич полагал возможным “учредить 3 тысячи лутчаго” войска, с которым можно было бы вести операции “миль на несколько” от рубежей Черногории. Каждому рядовому этой своего рода гвардии надлежало, по прикдам Неранчича, выдавать в месяц немалую сумму – “по 5 гульденов цесарских или по толику ж числу турецких левов”. Он надеялся, что к ним присоединятся “другие соседственные народы, как-то албанцы и прочие”. При обороне границ самой Черногории можно полагаться на 10 тыс. бойцов, которым “необходимо снабдение припасами, как то: порохом и свинцом, а на содержание всех сих 10 тыс. войск с их начальниками не выйдет более по примерному положению, как 50 тыс. рублей с небольшим на каждую тысячу” (в год).

Упомянул Д. Неранчич и албанцев, “живущих между границ венецианских со стороны Парги, Привизи и близ лимана Ларти” (которых он уподоблял запорожцам), “кои служат обоим сторонам за деньги”, преимущественно на кораблях. Их, числом до 3 тыс., можно нанимать на российский флот. Турки воспользуются их отсутствием и прибегнут к репрессиям, что вызовет месть албанцев. Они “для освобождения кровных не пощадят жизни” и будут вовлечены в общее антиосманское движение⁸.

Черногория мыслилась как центр освободительных процессов общеполитического масштаба.

Большой интерес представляют донесения И.А. Заборовского, они в высшей степени аналитичны. В первом из них, датированном 5(16) июля 1788 г., он отмечал: “В наборе войск никаких еще нет успехов ни в Далмации, ни в Славонии. Хотя народы сии совершенно преданы нам, но до прибытия флота обнаружить себя боятся турков и венециан”. Горький опыт восстания 1769 г. давал себя знать, население проявляло благоразумную осторожность. “Разгузцы (жители Дубровника. – В.В.) изъявили готовность свою служить нам во всем, с тем, однако ж, чтоб сие скрыто было от турков”⁹.

Письмо И.А. Заборовского А.А. Безбородко от 25 сентября (6 октября) весьма значительно по содержанию. Звучит тот же мотив: “Все христианские народы в Албании, в Далмации и в самой Морее с крайнею нетерпеливостию ожидают прибытия флота, чтоб вступить в службу нашу и напасть на турок, безпрестанно их терзающих”. Но “все вообще как турецкие, так и венецианские подданные опасаются принимать службу нашу до прибытия флота”, а пока что “все здешние дворы толиким объята страхом со стороны Порты, что с неодолимою строгостию стараются наблюдать неутралитет”. Предусмотрительный и расчетливый генерал счел неблагоприятным заранее тратить крупные суммы и предложил всем, “на коих возложено вербование”, отказаться от всякого принуждения. “Сим способом предварил я излишняя издержки казны, кои бы должно было употребить столь рано на их содержание...” Тогда же Заборовский предписал направленному в Боснию и Герцеговину М.К. Ивеличу ограничиться составлением сведений о числе воинов, готовых вступить на русскую службу. Он несколько запоздал, Ивелич завербовал уже отряд в 1300 человек, закупил продовольствие и договорился с властями Дубровника об аренде пяти судов¹⁰.

Полная неудача постигла союзные дворы в попытке привлечь на свою сторону шкодерского (по документам – скутарийского) пашу Махмуда Бушати, а соблазн был велик. Владыка Северной Албании располагал войском в несколько десятков тысяч человек, в большинстве христиан, в 1787 г. он поднял восстание и разгромил османских карателей. Посланнику в Венеции А.С. Мордвинову поручалось “изыскивать способ скорейшего с пашою скутарийским сношения”. Зондаж породил надежды: Махмуд ставил условием сво-

его сотрудничества субсидию в 60 тыс. червонных и прибытие к албанскому побережью шести линейных кораблей и шести фрегатов, обещаая “внести в море оружие” и “открыть удобный путь войскам российским в Константинополь”¹¹.

Радужные ожидания не сбылись. Немало людей в окружении Махмуда выступали за примирение с Портой. Существуют причины подозревать самого пашу в лицемерии. Представитель России и черногорский митрополит вступили в сношения с ним. В июне 1788 г. Иосиф II направил в Шкодер миссию во главе с де Броньяром с поручением уговорить Бушати вступить со своими силами в Боснию. Тот согласился и получил 50 тыс. дукатов на расходы. Едва миссия покинула город, как подверглась нападению, сам Броньяр и два офицера были убиты.

Г.Л. Арш считает спорным вопрос о том, стали ли австрийцы жертвами вероломства Махмуда-паши или же погибли в результате провокации сил, добивавшихся примирения с султаном¹². Суть дела это не меняет. Австрия и Россия прекратили с пашой всякие сношения, а халиф “простил” его и возвел в сан сераскера (главнокомандующего) Албании.

В целом российская политика в отношении южных славян и балканцев вообще отличалась взвешенностью и целеустремленностью. Содействие со стороны христианского населения бралось в расчет, но значение его не преувеличивалось: “Народы, единоверные с нами, восстанут против турков, но их присоединенное пособие не составит нужной силы, буде мысли простирать на потрясение монархии турецкой”¹³, – рассуждал Совет при высочайшем дворе в начале войны. Союзные отношения с Габсбургской монархией сужали зону возможного сотрудничества, исключая из нее основную массу сербского населения. Четко осознавался тот фактор, что выступление южных славян имело шансы на успех только при опоре на армию.

Особые расчеты связывались со второй архипелагской экспедицией. Высаженный с кораблей десант (10 тыс. штыков) вместе с десятью тысячами местных добровольцев образовал бы сильный корпус, который опирался бы на цепь захваченных крепостей и поддержку флота и пользовался бы симпатиями населения. Его появление на важнейших операционных линиях османской армии, вблизи жизненно важных центров империи, могло изменить весь ход военных операций в пользу России.

Продуманность планов командования прослеживается на примере Черногории. При всей своей легендарной отваге ее сыны привыкли воевать в родных горах. Видимо, сознавал это и митрополит Петр I Петрович Негош. Поэтому к обычной просьбе – прислать пороху, свинца, ружей и зерна, он добавлял пожелание о прибытии в Цетине двух российских батальонов (приблизительно 1500 человек), что позволило бы образовать мобильный отряд в 4,5 тыс. человек (принимая цифру Д. Неранчича – 3 тыс. добровольцев)¹⁴.

Но в Черногории оказались не россияне, а австрийцы (400 солдат и офицеров). После коварного убийства их эмиссаров в Шкоде-ре они вовлекли черногорцев “в дело” против Махмуда-паши. Первоначально удалось достичь успеха, но в дальнейшем, как писал Заборовский, “сии действия черногорцев прекращены по причине не-искусства их сражаться на ровном месте, а паче потому, что цесарцы их оставили, отступя на венецианския границы”¹⁵ и “мимоведомо” для своих союзников-южных славян, что произошло 7(18) сентября 1788 г. и объяснялось общим крайне неудачным для австрийской армии ходом операций (о чем ниже).

Война выдалась для России невероятно трудной. Планы взаимодействия с южными славянами, греками и албанцами строились в расчете на прибытие к берегам Балканского полуострова эскадры адмирала С.К. Грейга. Этот замысел рухнул, британский кабинет отозвал своих офицеров с российской службы и отказался предоставить свои порты для стоянки кораблей под Андреевским флагом. Без санкции “владычицы морей” поход в Средиземное море превращался в авантюру. А в июле 1788 г. шведский король Густав III спровоцировал третью по счету в XVIII столетии войну с Россией. Кораблям Балтийского флота вместо плавания в теплые южные края пришлось сражаться под хмурым родным небом.

Перебраться через Дунай полкам Г.А. Потемкина удалось лишь в марте 1791 г., за три месяца до окончания войны. Вступить в контакт с сербами, черногорцами, боснийцами, не говоря уже о греках, так и не удалось. Крупных восстаний (за исключением зоны, занятой австрийской армией) удалось избежать, – к счастью, ибо их потопили бы в крови османские каратели. Произошли отдельные вспышки. Так, по донесению М.К. Ивелича, герцеговинцы и черногорцы под его предводительством “храбро поражая турков, 6 раз одерживали над ними победу, выжгли многия их селения и получили множество скота себе в добычу”¹⁶. А потом пришло распоряжение И.А. Заборовского – оставить из набранных лишь 100 славян, “искусных в мореплавании”. Покидая Герцеговину, Ивелич заверял жителей, что уезжает на краткий срок. Те, “через разныя внушения недоброхотов стали было приходить в отчаяние, и роптать за то, что, быв приглашены мною вооружиться противу неприятеля и вступив уже с ним в военные действия, отъезжаю я навсегда в Россию, оставляя их тому же самому неприятелю жертвою не только без всякой помощи, но и без всякаго впредь для них ободрения”. Ивелич выступил с “ободрением” и заверял их в покровительстве императрицы¹⁷. А что он мог еще сказать? В отместку османы разорили много герцеговинских селений, больше всего пострадали Никшич, Дробники и Пипери.

К концу 1788 г. относится записка вице-канцлера И.А. Остермана и А.А. Безбородко (соавтора Екатерины по составлению “Греческого проекта”): “мир есть необходимо нужен”, главное условие –

подтверждение прежних трактатов, т.е. в первую очередь Кючук-Кайнарджийского; залог территориальных приобретений – в занятии земель: “Никто добровольно не отдаст своего... Надобно многое из завоеванного возвратить, чтобы удержать малое”. Следует взять крепость Очаков, утвердиться на Черном море, присоединить междуречье Буга и Днестра¹⁸.

Утвердиться оказалось нелегко. Для военных действий предназначались две армии – Екатеринославская (свыше 80 тыс. штыков и сабель) под командованием Потемкина и Украинская (30 тыс. солдат и офицеров) во главе с Румянцевым. Первой поручалось занятие полосы земли до Днестра, штурм Очакова, выход в Бессарабию, второй, по сути дела вспомогательной, – обеспечить взаимодействие с австрийцами и следить за Польшей. Налицо была явная дискриминация старого и прославленного фельдмаршала в пользу царицына любимца.

Сразу же выявилось такое крупное и стратегическое преимущество османов, как господство на море – 16 линейных кораблей на плаву (еще шесть не покидали стоянок по причине ветхости) против двух линейных кораблей и трех фрегатов севастопольской эскадры. Потемкин направил их в район Варны, и там корабли стали жертвой страшной черноморской боты (сентябрь 1787 г.). Главнокомандующий впал в отчаяние: “Бог бьёт, а не турки”, – жаловался он императрице¹⁹. Предстояло в ходе войны построить и снарядить флот.

Сотрудничество с австрийцами на поле боя не заладилось с самого начала, союзники придерживались доктрины, которую можно назвать антисуворовской. Близкий к цесарю генерал И.Ф. Ласси мнил себя теоретиком и даже сочинилopus под заглавием “Замечания о военном искусстве”, который злые языки называли пособием по тому, как лудрить и носить парики, расчесывать бубли и застегивать гетры. В основу стратегического замысла Ласси положил несколько своеобразный принцип: как избежать столкновения с основными османскими силами и направить их против русских? Иосиф, назначивший сам себя, с пагубой для дела, главнокомандующим, в глубине души сознавал, что слава полководца достигается победоносным наступлением. Но, свидетельствует его биограф, “вместо того, чтобы следовать советам русских и сосредоточить силы для фронтальной атаки, послушался Ласси и выбрал ведение осадных операций”²⁰.

Екатерина тревожилась: “Союз должен быть распоряден с постановлениями, сходными с нашими интересами, а не по дудке и прихотям той или иной нации, еще менее по их предписаниям”. Так “распорядиться” не удалось. Иосиф II выставил немалые силы – 125 тыс. пехоты и 22 тыс. кавалеристов, но растянул их на громадном пространстве от Днестра до Адриатики, что позволило туркам легко проникать сквозь негустую завесу австрийских войск. Совместно с русскими удалось занять Хотин, но в Белграде осажденные сидели насмерть, а корпус Юсуфа-паши прорвался в Банат. Иосиф снял оса-

ду Белграда и бросился на выручку своим. В деле при Лугоше (Лугоже) 10(21) сентября 1788 г. он потерпел поражение (по словам Потемкина, его “чуть было самого в куче не застрелили”)²¹.

Сам Потемкин в июне месяце приступил к осаде Очакова, 6(17) октября последовал штурм, проведенный мастерски, победителям досталось 310 пушек и 4 тыс. пленных. На том кампания и завершилась. Союзники остались недовольны друг другом. Иосиф упрекал Потемкина в медлительности, а тот австрийцев – в пренебрежении интересами русских: те “заняли все лучшие места, а я жмусь с войсками как нищий. Разве русские люди свиньи, что должны терпеть всякую нужду?”²².

Корпус Юсуфа-паши удалось все же вытеснить из Баната, но на том активная фаза операций австрийской армии и завершилась. Иосиф отбыл с театра военных действий, прекратил погоню за полководческими лаврами, заключил с турками бессрочное перемирие. В Вене монарха ждали испытания иного рода: ткань его державы трещала по швам в Бельгии и Венгрии. Мадьяры отвергали введенную цесарем централизованную административную систему, не желали примириться с введением немецкого языка как официального вместо латыни. Население саботировало поставки продовольствия для нужд армии. По стране рыскали прусские агенты, соблазняя жителей независимостью.

Немногочисленные габсбургские войска были выведены из населенных сербами районов Османской империи, сражавшиеся вместе с ними фрайкоры были оставлены на произвол судьбы и на расправу карателей.

Весной 1789 г. Украинская армия добилась ряда успехов, очистив Нижний Дунай и заняв крепость Галац. На том карьера Петра Алексеевича Румянцева завершилась. Потемкин тяготился выдающимся подчиненным, и того уволили в отставку под благовидным предлогом заботы о его здоровье. В объединенной Дунайской армии Суворову предоставили 3-ю дивизию в составе пяти пехотных и девяти конных полков при 30 пушках. С этими скромными силами он добился основных результатов в кампании 1789 г.

Австрийцы вновь появились на поле боя, и не по своей воле. На смену немощному султану Абдул-Хамиду I пришел молодой, энергичный, честолюбивый, реформаторски настроенный Селим III. Начинать царствование с заключения неблагоприятного мира он не желал и прервал перемирие с австрийцами. Ситуация на театре военных действий складывалась тяжелая, но не катастрофическая для Высокой Порты. Цепь крепостей – Килия–Исакча–Тулча, Брэила (Браилов) и твердыня Измаила охраняли течение великой реки. На третий год войны операции не были перенесены на правый берег Дуная.

Суворов во взаимодействии с австрийским корпусом принца Ф.И. Саксен-Кобургского нанес туркам поражение в битве при Фокшанах (21 июня (2 июля)). Эти же войска разгромили и обратили в

бегство 90-тысячную армию великого везира в сражении при Рымнике (в австрийской историографии – при Мартиновичах) 11(22) сентября. Государыня, по ее словам, осыпала полководца алмазами, он стал кавалером Георгиевского креста 1-й степени и графом двух империй – Российской и Германской.

Сам Потемкин потратил несколько месяцев на осаду Бендер, которые и взял на капитуляцию (3(14) ноября), избежав кровопролитного штурма. Попутно были заняты Хаджибей (нынешняя Одесса) и Аккерман.

Австрийцы, воодушевленные победой под Рымником, подступили к Белграду. Комендант крепости не стал испытывать судьбу и капитулировал. Принц Ф.И. Кобург, возведенный в фельдмаршалы, занял Бухарест.

В рядах российской армии со славою служило немало южных славян. С присоединением Крыма отпала угроза татарских набегов и необходимость держать южное порубежье на военном положении. Гусарские полки – Сербский, Венгерский, Ахтырский, Черный, Желтый, Болгарский, Македонский – были влиты в регулярную армию.

Несмотря на успехи на поле боя, 1790 год начался при мрачных предзнаменованиях. Заключенный еще в 1788 г. англо-прусский союз грозил расползтись по всему западному порубежью России, взлета могущества ей не прощали. Берлинский двор заключил союзы с Польшей и Турцией. Последней обещали вернуть Крым. Реально вырисовывалась угроза войны с коалицией держав: Швеция–Великобритания–Пруссия–Речь Посполитая–Османская империя. Генералы короля Фридриха-Вильгельма II сосредоточили на границе с Россией и Австрией по 40 тыс. пехоты, еще 100 тыс. держали в резерве. С берегов Дуная на север спешно перебрасывались полки потемкинской армии. Сам фельдмаршал выработал оборонительный вариант кампании 1790 г. на юге и предлагал скрыть крепости Аккерман, Очаков, Бендеры – для их защиты потребны 20 тыс. человек, а где их взять? Потемкин полагал, что без серьезных уступок Пруссии беды не миновать. Императрица упрямылась: “Законы принимать от прусского короля мне не сродно, а России – тем менее”²³. Отношения между нею и светлейшим князем вступили в теневую полосу и не выходили из нее до самой его смерти.

Ситуация скатывания к европейской войне еще больше осложнилась и запуталась с кончиной монарха Иосифа II, последовавшей 9(20) февраля 1790 г. Его брат и наследник Леопольд, не мешкая, призвал к себе британского посла и выразил желание заключить мир с Турцией, назвав союз с Россией “несчастьем”²⁴.

Справедливости ради надо сказать, что положение в державе Габсбургов смахивало на отчаянное: восставшие бельгийцы, воодушевленные Французской революцией, изгнали австрийскую армию

из своей страны, Венгрия – в открытом неповиновении, повсюду – недовольство военными налогами, из войны с Османской империей не выбрались, на границе с Пруссией пришлось сосредоточить армию в 135 тысяч.

В июне–июле 1790 г. в силезском городе Рейхенбах (ныне – Дзерженов в Польше) состоялась конференция представителей Габсбургской монархии, Великобритании, Голландии и Пруссии для улаживания разногласий между двумя немецкими дворами. Екатерина при приглашении пренебрегла. Над собравшимися витала тень Французской революции, под Людовиком XVI и Марией Антуанеттой шатался трон; нависшая над старыми режимами угроза заставила собравшихся переступить через разногласия. Австрия обещала выйти из войны с Турцией ни с чем (мир был подписан в августе 1791 г.). Пруссия согласилась содействовать восстановлению власти Габсбургов в Бельгии; в декабре того же 1790 г. австрийские войска заняли Брюссель.

Австро-турецкое примирение происходило на фоне расправы османов с сербским повстанческим движением. Население скрывалось в горах, бежало в австрийские пределы, сдавалось на милость победителя. По Систовскому (Свиштовскому) трактату Австрия отказалась от притязания на сербские земли и признала Черногорию турецкой областью, а Высокая Порта обещала амнистию населению (что не означало окончания расправ).

Так завершился еще один этап борьбы сербского народа за свое освобождение. В 1788–1791 гг. война в Белградском пашалыке и Боснии велась главным образом силами фрайкоров. Ее трагический конец способствовал изжитию иллюзий насчет возможности добиться свободы с опорой на Габсбургскую монархию и упрочению ориентации на Россию.

Ну, а Россия после Рейхенбахской конференции осталась одиношенька против всех. В Коллегию иностранных дел явились послы Великобритании и Пруссии с вопросом – а не последует ли ее императорское величество благому примеру союзника и не заключит ли мир на основе *status quo ante bellum*?

Ответом явилось напряжение военных усилий. В августе порвалось шведское звено коалиции. Король Густав III, потерпев поражение на суше, понеся тяжелые потери в морских боях и столкнувшись с недовольством в ригсдаге и офицерских кругах, пошел на мировую, отказавшись от своих реваншистских претензий. В низовьях Дуная удалось взять три крепости – Килию, Тулчу и Исакчу. Севастопольская эскадра была поставлена под командование Федора Федоровича Ушакова, тогда еще контр-адмирала. Корабли под его вымпелом завоевали господство в море. А в декабре пала твердыня Измаила. Опять накануне зимы, и войска разошлись на зимние квартиры, турки же получили передышку в несколько месяцев на восстановление сил.

На европейском горизонте мрачные тучи все сгущались. В Портсмуте снаряжалась могучая, в 36 линейных судов, эскадра для похода на Балтику. К российским рубежам подтягивались все новые полки прусской армии. В конце марта 1791 г. британский премьер В. Питт-младший отправил в Берлин на согласование текст ультиматума двух держав России – отказаться от присоединения Очакова и междуречья Буга и Днестра. Предусматривался жесткий срок его принятия – десять дней, а затем разрыв отношений и война. В королевском дворце Сан-Суси потирали руки от удовольствия.

Затея с походом против России сорвалась. Опытный В. Питт не учел уже тогда весомого фактора – настроения общественности. Торгово-промышленные круги не желали упускать выгоднейшую торговлю, обыватель не понимал и не принимал войны из-за притупившегося в далеком европейском углу Очакова, в парламенте разыгрались бурные сцены, оппозиция уличала кабинет в пренебрежении национальными интересами, публицисты навострили перья. В. Питт отступил, планы тогдашних ястребов рухнули, флот был разоружен, а ультиматум отозван с полпути из Берлина. В мае в Петербург прибыл некий “путешественник” Фолкнер (по камер-фурьерскому журналу – Фальконер). Любопытнейший иностранец приступил к беседам с вице-канцлером И.А. Остерманом, затем последовал его прием у императрицы (чего, случалось, месяцами добивались полномочные послы). У него обнаружили верительные грамоты, он преобразился в дипломата и выразил согласие на основные российские условия мира, на установление границы с Высокой Портой по Днестру. Пруссакам, оставшимся с носом, пришлось присоединиться к достигнутой договоренности.

Наконец-то, после почти четырех лет испытаний, Россия осталась один на один против Османской империи. Генерал-аншеф Николай Васильевич Репнин (Потемкин еще в феврале уехал в Петербург) с успехом провел весенне-летние операции. В марте состоялся первый “поиск” на правый берег Дуная, в котором участвовал тогда еще генерал-майор Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Он разбил 15-тысячный турецкий корпус при Бабадаге 27 июня (7 июля). Репнин дал решающий бой под Мачином, разгромил 80-тысячную группировку великого везира и запер ее остатки в крепости. Довершил кампанию 1791 г. адмирал Ф.Ф. Ушаков, разметав и обратив в бегство османский флот в сражении у мыса Калиакрия (Калиакра) в Болгарии.

Великий везир, запертый в Мачине, запросил мира. Вступить в переговоры Репнин отказался наотрез: или капитуляция, или уничтожение укрывшихся за крепостными стенами остатков вражеских сил. 31 июля (11 августа) в Галаце был подписан прелиминарный мирный договор, содержавший основные условия окончательного урегулирования, которым предстояло заняться фельдмаршалу Потемкину. Но тот прибыл к армии тяжело больным и 5(16) октября

скончался. Завершить переговоры Екатерина поручила А.А. Безбородко. 29 декабря 1791 (9 декабря 1792) г. мир был подписан в Яссах. С русской стороны подпись поставили генерал-поручик А. Самойлов, генерал-майор И. де Рибас и статский советник С. Лашкарев, а с турецкой – реис-эфенди Абдулла-эфенди, Ибрагим Исмет-бей и Мехмед-эфенди. Высокая Порта признала вхождение Крыма в состав России, отказалась в пользу последней от междуречья Буга и Днестра. На Кавказе границей осталась река Кубань²⁵.

Что касается балканских дел, то Порта торжественно подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского мира и последующих соглашений между двумя странами, Днестр становился границей между ними, Молдавия и Валахия остались в Османской империи, но с подтверждением всех ранее оговоренных автономных прав.

По распространенному в историографии мнению, “мир не был адекватен затраченным на войну человеческим и материальным усилиям”. После серии блистательных побед, навеки прославивших российское оружие – незначительные “по сравнению с понесенными ею жертвами территориальные приращения”. Поэтому “Ясский мир ни в коей мере нельзя признать блестящим”²⁶. Что же, действительно, Россия оплачивала большой кровью каждый шаг в отстаивании своих геополитических интересов.

Конечно, не скромными земельными приращениями определяется значение Ясского мира; его сущность – в подтверждении и утверждении прежде всего завоеванного и достигнутого, которое стало необратимым. Закреплялась безопасность южной границы. Подтверждалось покровительство народам Юго-Восточной Европы, оставшимся под властью Высокой Порты. Ни ей, ни ее европейским покровителям не удалось поколебать основы балканской политики России. Связи с южными славянами окрепли, в их среде усилилась ориентация на православную державу, после перенесенных испытаний упало значение Габсбургской монархии как центра притяжения сербов. По Систовскому миру венский двор признал черногорцев подданными султана, что вызвало негодование в маленькой свободолюбивой стране и укрепило веру в то, что лишь в опоре на православную державу можно отстоять свою самостоятельность.

Отзвуки военного лихолетья еще долго отзывались в российско-южнославянских связях. Несмотря на провозглашенную в мирном договоре амнистию повстанцам, на них обрушились репрессии властей.

В 1796 г. черногорцам пришлось снова давать отпор нашествию. Карателями командовал Махмуд-паша Бушати, стремившийся заслужить прощение за прошлые грехи. Отважные горцы проявили присущую им храбрость и в боях при Мартиничах, Спуже и Круссах разгромили турок и албанцев. Восшествие на престол Павла I митрополит Петр I счел подходящим поводом для того, чтобы в поздравлении поделиться своими тревогами и заботами и произвести

зондаж насчет настроений царя (письмо от 3(14) сентября 1797 г.). Беспокоил его прежде всего заключенный между Францией и Габсбургами Кампоформийский мирный договор. Победоносный, не достигший еще 30 лет генерал Бонапарт одним росчерком пера ликвидировал Венецианскую республику, насчитывавшую полторы тысячи лет истории, аннексировал Ионические острова, а Далматинское побережье Адриатики передал австрийцам. Петр I Петрович писал: “аустрийская власть” (характерен язык!) простерлась “до самих пределов Черные горы”²⁷. Негош пытался было воспрепятствовать занятию Боки Которской, но потерпел неудачу.

Павел живо откликнулся на обращение митрополита. Импульсивность его натуры сказывалась в его внешнеполитических акциях, и между строк его грамоты старейшинам, датированной 30 апреля (11 мая) 1798 г., проступает сочувствие и поддержка дела южных славян: “Усмотрев же ваше прошение о подтверждении вам императорскаго нашего благоволения и о неоставлении вас и всего черногорскаго и бердскаго славяносербскаго общества нашим императорским покровительством по единоверию и уважению к вашей храбрости и заслугам, восхотели мы подать вам... новыя удостоверения, что мы не перестанем принимать участие в жребии вашем...”²⁸

Некоторые обстоятельства побуждали относиться к ходатайству Негоша с особым вниманием. Зловредный Бонапарт, сообщал консул с острова Корфу, совращал балканцев “демократическими мыслями”, он разослал “во все острова востока, бывшие перед тем венецианскими, повеление, дабы дать жителям Морей, Кандии, Албании его намерение касательно сей любезной стороны и предлагал свои войска для возвращения вольности потомкам Ликурга...”²⁹ Логично было предположить, что соблазнам подвергнутся и славяне. Митрополит Петр Негош, хоть и не потомок Ликурга, с посланием Наполеона ознакомился, и российская консульская служба раздобыла его письмо генералу³⁰. Хотя демарш последствий не имел, следовало быть начеку.

Павел с подчеркнутым вниманием отнесся к прошениям черногорцев, на полях против каждого из них монаршья рука начертала: “Выдать”, “Послать грамоту в требуемом смысле”, “Отправлять”, “Дать крест”. Цетинскому монастырю выслали “милостинныя деньги” за 6 лет вперед, установили ежегодную пенсию или пособие “для случающихся общенародных их надобностей” в тысячу червонных (3 тыс. рублей). Архимандриту Вукотичу, посланцу Негоша, пожаловали “золотой крест с такою же цепочкою на шею”, его снабдили церковными книгами и утварью на сумму в 2 тыс. рублей. Послу в Вене, посланникам в Стамбуле и Неаполе, консулу в Рагузе (Дубровнике) было предписано оказывать содействие черногорцам³¹.

Грамота Павла от 30 апреля (11 мая) 1798 г. содержала многозначительную фразу: “...Мы не престанем принимать участие в жребии вашем, поколику нам положение наше дозволит”³². Ситуация в

регионе развивалась по сценарию, еще незадолго до того немислимому: в 1798 г. Россия и Османская империя вступили в оборонительный союз, формально договор был подписан в 1799 г. по новому стилю, что не могло не сказаться на связях с южными славянами.

И тут нам придется совершить краткий экскурс в историю отношений между дворами стамбульским и парижским, которые тесно сотрудничали с 1536 г. Христианнейшие французские короли натравливали “неверных” сперва на Австрию, потом на Россию. В XVIII в. держава султанов являлась южным бастионом сооруженного на российских рубежах Восточного барьера, о чем свидетельствовали четыре ее войны с Россией. Французская революция в этом плане восприняла традиции королевской власти: никакой войны султанским дворцам! Немногочисленным ее сторонникам в Стамбуле было предписано вести себя скромно и проявлять величайшее уважение к исламу; якобинский клуб отказался признать своим филиалом появившееся на берегах Босфора Народное общество. В декабре 1792 г., отправляя в Турцию нового посла, министр иностранных дел П.М. Лебрен снабдил его инструкцией вполне в духе короля Людовика XV: “Никогда еще не создавалось условий, более способствующих тому, чтобы Порты нанесла разящий удар для отмщения... позорному миру, который Великий сеньор был вынужден заключить с императрицей Екатериной”. В уме министра рисовалась картина: соединенный французо-турецкий флот одерживает верх над российским в Черном море, османы возвращают себе Крым и Херсон³³. Осенью 1796 г. в Стамбул прибыла миссия генерала Обера дю Байе из специалистов по кораблестроению и оружейному делу, которая привезла пушки нового образца, ружья и боеприпасы³⁴.

О тревоге, которую внушали Петербургу военные приготовления Порты и ее возможное сотрудничество с Парижем, позволяет судить рескрипт, данный Павлом адмиралу Ф.Ф. Ушакову 13(24) мая 1798 г.: “Коль скоро получите известия, что французская военная эскадра покусилася войти в Черное море, то, немедленно сыскав оную, дать решительное сражение”³⁵.

Все далеко идущие ходы французской дипломатии разрушил молодой генерал Наполеон Бонапарт, добившийся у Директории санкции на экспедицию в Египет (1798–1799 гг.). Из нашего далека она представляется грандиозной авантюрой: французский флот был пушен на дно адмиралом Г. Нельсоном в битве при Абукире; армия (36 тыс. человек) загублена. С собой при отплытии во Францию Наполеон захватил всего двести отборных гренадеров. Остатки экспедиционных сил сложили оружие перед англичанами.

Египет входил в состав Османской империи, так что произошло неспровоцированное нападение на территорию старого французо-го друга и традиционного союзника. Султан Селим III оставил прежнюю осторожно-выжидательную позицию и бросился в объятия Павла I. “Реальная опасность потерять свои владения, а может быть и

независимость, привела Османскую империю к союзу с Россией, – пишет В.И. Шеремет. – Стремление оградить свои политические и экономические интересы на Ближнем Востоке и борьба с растущим влиянием идей Французской революции привели Россию к союзу с Османской империей”³⁶.

Еще 24 августа (4 сентября) 1798 г., до подписания формального договора, к устью Босфора прибыла эскадра Ф.Ф. Ушакова, на следующий день корабли бросили якорь на рейде Стамбула. Селим III встретил адмирала, разгромившего его флот в 1791 г. в сражении при Калиакрии, со “многими учтивостями” и подарил украшенную бриллиантами табакерку. И началась архипелагская эпопея; корабли штурмовали бастионы, французские гарнизоны Ионических островов сдавались один за другим.

А в Стамбуле дипломаты корпели над составлением оборонительного договора, подписанного 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.). Стороны признали необходимым считать Черное море закрытым для военного флота любого третьего государства. Россия гарантировала Османской империи целостность ее владений³⁷.

Понятно, что заключение союза отразилось на состоянии российско-южнославянских отношений. С одной стороны, он не позволял открыто поощрять движения, направленные на развал Турции, с другой – побуждал султана обращаться в высшей степени осторожно и внимательно со своими христианскими подданными. Поскольку Россия формально, а Турция фактически вступили во вторую антифранцузскую коалицию (Великобритания, Габсбургская монархия, Неаполитанское королевство и др.), нельзя было портить отношения с венским двором. Поэтому в депешах и в обращениях к южным славянам рассеивались их опасения и тревоги, а резидентам предписывалось внимательно следить за ситуацией, дабы вовремя дипломатическими мерами предупредить конфликты властей с православными подданными. Посланнику в Стамбуле В.С. Томаре царь выражал уверенность, что Порты больше не руководствуется “прежними правилами лютоости в разсуждении християн, не будет притеснять народ черногорской”, и одновременно поручал дипломату в необходимых случаях “заступление дружеское” и “свойственное по единоверию нашему участию о пользе сего народа”³⁸. Самим черногорцам Павел обещал дипломатическое заступничество: “Не полагаем мы, – говорилось в грамоте от 11(22) января 1799 г., – чтоб со стороны римского императора и Порты Оттоманской могли чинимы быть вам какия-либо притеснения в законных правах ваших, о чем мы, тщаяся о благосостоянии вашем, повелели послу нашему в Вене и министру в Константинополе к упомянутым державам отозваться”. Особо подчеркивалась роль эскадры Ушакова как фактора смягчения напряженности: “Тем менее можете вы теперь подвержены

быть какой-либо опасности и потому еще, что флот наш, обретающийся ныне в Средиземном море для действий противу народа, покушающагося везде истреблять законныя правления и — что еще больше — ищущаго вредить вере христианской (т.е. французов. — *В.В.*), не оставит в нужде всякую вам дать помощь”³⁹.

Действительно, завершающие годы XVIII столетия выдались на Балканах сравнительно тихими в смысле междоусобиц. А в Петербурге росло предчувствие великой схватки с Наполеоном и в связи с этим выгодность установления добрых отношений со “слабым соседом” на юге, Османской империей, что прикрывало ранее самые опасные рубежи⁴⁰.

¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 334–336, 339–340.

² Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000. С. 197–200.

³ Политические и культурные отношения... С. 340.

⁴ Там же. С. 339.

⁵ Там же. С. 336–337.

⁶ Там же. С. 343, 344.

⁷ *Петров А.Н.* Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880. Т. 1. С. 25 (Приложения).

⁸ Политические и культурные отношения... С. 351–353.

⁹ Там же. С. 345.

¹⁰ Там же. С. 354, 361.

¹¹ Век Екатерины II. С. 253.

¹² Там же. С. 255.

¹³ Архив Государственного совета (Далее: АГС). СПб., 1869. Т. 1. Стб. 502.

¹⁴ Политические и культурные отношения... С. 340, 354.

¹⁵ Там же. С. 354–355.

¹⁶ Там же. С. 360. Рапорт М.К. Ивелича от 11 ноября 1790 г.

¹⁷ Там же; *Бажова А.Л.* Россия и югославы в конце XVIII–начале XIX в. М., 1996. С. 29–30.

¹⁸ *Григорович А.* Канцлер князь А.А. Безбородко в связи с событиями его времени // Сборник императорского русского исторического общества (Далее: Сб. РИО). СПб., 1881. Т. 29. С. 520–521.

¹⁹ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 61, 105; Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. М., 1997. С. 232.

²⁰ *Fejtő F.* Un Habsburg revolutionnaire. Joseph II, portrait d'un despot éclairé. P., 1953. P. 310.

²¹ *Петров А.Н.* Указ. соч. С. 114, 180–182; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 844.

²² *Шахмагонов Н.Ф.* От Очакова до Измаила. М., 1991. С. 30; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 844.

²³ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 397.

²⁴ Архив внешней политики Российской империи (Далее: АВПРИ). Ф. Сношения с Австрией. 1790. Д. 192. Л. 3–4.

²⁵ АВПРИ. Ф. Сношения с Турцией. 1791. Д. 33. Л. 1–11; Восточный вопрос в конце XVIII–начале XX в.: Документы и материалы. Бендеры, 1999. С. 31–38.

²⁶ *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 1999. С. 247–428; Очерки истории СССР: XVIII век. Вторая половина. М., 1956. С. 387.

²⁷ Политические и культурные отношения... С. 375.

- 28 Там же. С. 377.
- 29 Бажова А.П. Россия и югославыне... С. 24.
- 30 Там же.
- 31 Политические и культурные отношения... С. 384–385.
- 32 Там же. С. 377.
- 33 *Sorel A. L'Europe et la revolution française.* P., 1922. P. 2. P. 303–304.
- 34 Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997. С. 43.
- 35 *Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота.* М., 1956. С. 146.
- 36 Александр I... С. 46.
- 37 Там же. С. 48.
- 38 Политические и культурные отношения... С. 387.
- 39 Там же. С. 385.
- 40 Александр I... С. 44.

ЦЕРКОВНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ

РОССИЯ И ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ СЕРБСКОГО НАРОДА

Место и роль российского фактора в духовной жизни сербского народа в XVIII в. определялись процессами, протекавшими в России, ее внешней политикой на балканском направлении, с одной стороны, этническим родством и религиозным единоверием русских и сербов, традиционностью их культурных контактов и потребностью сербов в условиях перехода к новому времени в преодолении позднесредневековой культурной самодостаточности и восприятии достижений родственной православной культуры – с другой. Сложный процесс духовного взаимодействия русского и сербского народов протекал на фоне развития целостной европейской цивилизации.

XVIII век в истории взаимоотношений сербов и России занял особое место. С петровского времени началось противостояние России и Турции и продвижение Московского государства к Черному морю, что пробудило интерес к судьбам христианских народов Балкан. С энергичной внешней политикой Россия возрастало место и значение православных народов в ее целях и планах. Внешнеполитическая стратегия петербургского правительства предполагала укрепление связей с антиосманскими силами на Балканах. В свою очередь благодаря росту военной мощи и международного веса России сербы постоянно обращались в Петербург и его представителям в Вене за покровительством и поддержкой в своем стремлении освободиться от османского гнета и оградить себя от экономических, политических и религиозных притеснений в австрийских и венецианских владениях¹. В XVIII в. российско-сербские связи получили новую прочную основу благодаря общности интересов России и сербского народа на ослаблении Османской империи.

Уже в первой половине века российское правительство, исходя из государственных интересов, шло навстречу, насколько позволяла международная обстановка, предложениям и просьбам о поддержке, поступавшим из южнославянских земель. Это были дипломатическое давление в защиту православного населения Балкан, шаги по ограждению интересов единоверцев под властью Австрии и Венеции, материальная поддержка, поощрение переселенческого движе-

ния в Россию². Чайния сербского народа, его укреплявшаяся вера в Россию стали субъективной предпосылкой российской доминанты в сербской духовной жизни в XVIII в.

Важным обстоятельством, определившим ориентацию сербов на Россию, была православная религия. В позднее средневековье и на переходе к новому времени она пронизывала духовный мир народа, сливаясь с его этническим самосознанием. Сербь жили в условиях постоянного давления со стороны ислама и католицизма. Религиозная самозащита была спутником их жизни, и покушение на православие воспринималось массовым созданием как угроза самому существованию народа. Только великая Россия представлялась сербам оплотом и гарантом сохранения православия.

В XVIII в. близкие процессы протекали в культурном развитии русского и сербского народов. С начала столетия благодаря преобразовательной деятельности Петра I Россия вступила на путь реформ, означавших, в частности, ограничение роли и влияния церкви в жизни государства, ускорение развития светской культуры, включение России в целостную европейскую цивилизацию. С середины века актуальной стала задача разработки и развития русского национального литературного языка.

В первой половине XVIII в. в жизни сербов безраздельно господствовала православная церковь. Но и у них, особенно у той части народа, которая переселилась с Балкан в Австрийскую монархию и оказалась в окружении западного мира, нарастал процесс обмирщения общественного сознания, что было необходимым условием формирования светской профессиональной культуры. Новые условия жизни и национальная консолидация сербов настоятельно требовали перехода литературы от многоязычия к одной модели языка. Однотипность задач в области культур, хотя и развивавшихся с разной степенью итенсивности, мощный культурный потенциал России способствовали явлению российского феномена в сербском культурном процессе.

Русско-сербские культурные связи имели устоявшуюся традицию. Она основывалась на этническом и религиозном родстве народов, общих византийских духовных истоках и церковнославянском языке. В XVII в. сербские духовные лица из разных краев Балкан регулярно приезжали в Россию за “милостыней” и субсидиями для своих церквей и монастырей. “Хождение” в Россию позволяло им лично общаться с русскими. В свою очередь российские монахи, иконописцы и торговцы посещали земли, где жили сербы. Консервативное сознание сербов отводило традиции особое место и значение в жизни. То, что переходило от поколения к поколению, поддерживалось и сохранялось потомками как знак непрерывности времен и сопричастности к истории народа. Русские были для сербов исконными участниками культурного сообщества. В обстановке затянувшегося культурного застоя, вызван-

ного неблагоприятными обстоятельствами жизни сербов на протяжении ряда веков, традиции русско-сербских связей поддерживали духовную жизнь сербского народа.

В первой половине XVIII в. в культурном комплексе сербов господствовали церковная культура и фольклор. Церковные зодчество, литература, живопись и убранство особенно были открыты для русского и украинского влияния.

Сербский народ вступил в XVIII в. без собственной печатной базы, при скудном книжном фонде. Он периодически истреблялся османами в основных хранилищах – православных монастырях и крупных церквях, подвергавшихся беспощадному ограблению. Местная церковь испытывала постоянную нужду в богослужебных книгах, немногие грамотные домочадцы – в утешении души религиозным и занимательным чтением.

В Австрийской монархии бежавшие с Балкан сербы оказались в новой социокультурной обстановке. Очень скоро духовные пастыри осознали необходимость распространения грамотности среди народа как условия включения сербов в систему новых отношений и противостояния католицизму. Книги и школы стали непреложным требованием времени.

В первой половине XVIII в. российская книга заняла исключительное место в духовной жизни сербского народа. Книги из России поступали к сербам разными путями. Их приносили путешествующие монахи, десятки и сотни богослужебных изданий направлял безвозмездно петербургский Синод отдельным монастырям и церквям. Вместе с тем прибыльной и бойкой была и торговля российскими книгами. Центром ее на Балканах до середины XVIII в. был Адрианополь. Австрийские власти нередко запрещали ввозить российские книги на свою территорию. Но контрабандная торговля не прекращалась.

Потребителями российских книг выступали в первую очередь сербские монастыри и церкви, а также богатые торговцы и ремесленники в австрийских пределах. В XVIII в. сербская церковь официально признавала только российские богословские и обрядовые издания, опасаясь скрытой униатской пропаганды. В 1732 г. 104 церкви и священники в Среме имели 1146 книг, в том числе 681 российскую. В 1753 г., согласно переписи, в монастырских библиотеках того же края насчитывалось 852 российских издания³. Личные библиотеки в несколько десятков томов с преобладанием российских изданий были нередким явлением у сербов в австрийских владениях, что при дороговизне книг и характере чтения в то время представляло немалое достижение.

Книжный фонд, формировавшийся из российских поступлений, складывался под влиянием потребностей сербской церкви, вкусов немногочисленных читателей, а также репертуара российских издательских центров⁴.

Основную часть российского рукописного и печатного фонда составляли библейские и литургические книги, русские версии византийской патристики, агиография и патерики. Среди них был древнейший российский памятник такого рода “Патерик печерский”. В сербских библиотеках имелись сочинения представителей русской и украинской культуры второй половины XVII – начала XVIII в, писателей “киевской школы” Симеона Полоцкого, Исаи Копинского, Иоаникия Галятовского и др. Литература “киевской школы” сообщала широкий круг знаний, вводила в атмосферу европейского стиля барокко и своим полемическим пафосом была актуальна в борьбе сербов против католицизма.

Особое место занимали книги церковного сановника, выдающегося публициста петровского времени, писателя Феофана Прокоповича. Сербь располагали Регламентом Духовной коллегии (Синода), составленным им по указанию Петра I в 1721 г., сочинением “Правда воли монаршей” (М., 1722), букварем “Первое учение отроком” (1720). Феофан Прокопович, один из образованнейших людей своего времени в России, сторонник политики Петра I, внес в свои произведения страстную убежденность в необходимости преобразований, в пользу знаний и развитии светского образования.

Важное место среди книжной продукции, поступавшей из России, занимали учебники. В 1724 г: по просьбе белградского митрополита Мойсея Петровича (Белград и часть Сербии находились тогда под властью Австрии), стремившегося наладить школьное дело во вверенной ему епархии, из России было отправлено ему 400 букварей (очевидно, Феофана Прокоповича) и 100 учебников грамматики русского церковнославянского языка, написанной Мелетием Смотрицким с дополнениями Ф. Поликарпова. В 1754 г. православные монастыри в Хорватии получили от Синода 426 российских книг, в том числе 100 букварей. В 1761 г. монастырю Гомирье было отпущено 503 книги, в том числе 120 букварей и 100 “азбук” ученых⁵.

Книжный фонд пополнялся также за счет перепечатки и переписки сербами российских религиозно-просветительных книг и учебников. Русские учебные книги стали первыми печатными пособиями в сербских школах. По букварю Прокоповича сербская молодежь обучалась грамоте в австрийских владениях вплоть до школьной реформы Марии Терезии в 70-е годы XVIII в. Он стал образцом при составлении в дальнейшем сербских пособий такого рода. По грамматике Смотрицкого сербы учились книжному языку весь XVIII в.

Русские версии европейской средневековой историко-беллетристической литературы удовлетворяли потребности грамотных сербов в развлекательном чтении. Русские переводы были посредниками в знакомстве сербов с хронографами и западной историографией. Во многих монастырских библиотеках имелись известные в свое время книги Цезаря Барония, Ф. Стратемана, С. Пуфендорфа, Мав-

ро Орбина. Пробуждавшийся интерес сербов к естественнонаучным вопросам также удовлетворялся русскими изданиями сочинений Б. Варения, Х. Гюйгенса и др.

В первой половине XVIII в. сербы получили из России готовый запас литературы. Она снабжала их печатной продукцией церковного и светского содержания основных издательских центров страны. Российская литература была основным источником христианского учения, сообщала разнообразные знания, поставляла материал для занимательного чтения и в условиях религиозного давления служила сербам средством сохранения этнической самобытности. Но эта литература была на русском церковнославянском и архаичном русском языках, что сужало сферу ее социального функционирования.

С помощью России получило развитие школьное дело у сербов. Традиционно православная молодежь обучалась грамоте в отдельных монастырях, исполняя одновременно обязанности слуг, или у случайных учителей кое-где при церквях и общинах.

В 1718 и 1721 гг. митрополит Мойсей Петрович тайно обращался к Петру I с прошением о помощи церквям и в устройстве школ. В 1724 г. Синод удовлетворил эти ходатайства. К сербам был отправлен синодальный переводчик Максим Суворов. В 1726 г. он открыл в Сремски-Карловцах "славянскую школу". Суворов привез учебные книги и ввел методику общеобразовательной школы. Однако постоянный недостаток средств, а также распри среди сербского духовенства крайне затрудняли его работу. В 1731 г., наладив дело и подготовив смену, Суворов покинул Сремски-Карловцы. В 30-е годы у сербов в Австрийской монархии учительствовали в разное время выпускники Киево-Могилянской академии. Среди них был Мануил (Михаил) Козачинский, оставивший заметный след в сербской культуре не только преподавательским, но и писательским трудом⁶. Учителя из России содействовали переходу сербов в австрийских владениях от доморощенной грамотности к школьному образованию.

Уже в первой половине XVIII в. сербская молодежь стала отправляться для обучения в Российскую империю, прежде всего в Киево-Могилянскую академию, авторитетное высшее православное учебное заведение. В период с 1726 до 1762 г. в ней учились несколько десятков сербов из Австрийской монархии, Далмации и из глубин Балкан. Среди них были ученики М. Суворова и М. Козачинского⁷.

В их числе находился Йован Раич (1726–1801). В 1772 г. он принял монашеский постриг, получил сан архимандрита и достиг видного положения. Раич считался у сербов непререкаемым авторитетом в области богословия, был крупным церковным писателем. Но подлинным вкладом в сербскую культуру стали его аллегорическая поэма "Бой змея с орлами" (Вена, 1789), написанная на народном языке сербов и воспевшая победы русского и австрийского оружия над Турцией, и фундаментальный труд "История разных славенских на-

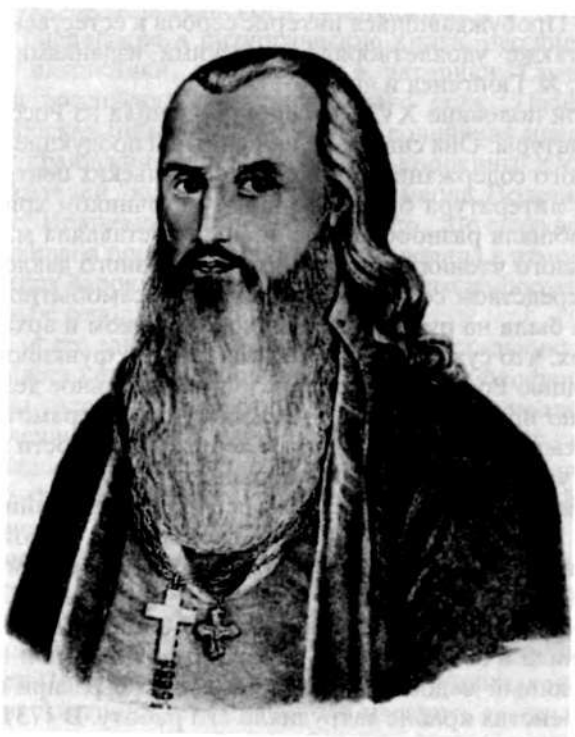

Рис. 4. Йован Раич

родов наипаче болгар, хорватов и сербов из тмы забвения изята и во свет исторический произведенная” (Вена, 1794–1795. Ч. I–IV). “История” была написана на архаичном русском языке.

Потребности сербов в сближении с Россией, использование ими русского и украинского опыта, распространение российских книг и деятельность учителей из России привели к изменению языковой ситуации в сербской литературе. К 40-м годам XVIII в. церковнославянский язык русской разновидности с сербскими элементами, вытеснив местный вариант этого языка, стал господствовать в сербской церкви, литературе и школе. В светские книги вошел также архаичный русский литературный язык. Вместе с тем создавались произведения и на народном языке сербов⁸. В донациональную пору, при том что грамотность была достоянием узкого круга сербов, литературно-языковое сообщество русских и сербов облегчало восприятие сербскими “книжными людьми” российской печатной продукции, чтобы использовать ее для развития собственных духовных сил.

Связи с Россией сказались на развитии сербской общественной мысли. Исключительное влияние на зарождение раннего рационализма у сербов оказал “Духовный регламент” Феофана Прокопови-

ча. Вплоть до последней четверти XVIII в. замечательные умы у них формировались на лучших образцах русско-украинско-белорусской барочной литературы.

В первой половине XVIII в. сербское изобразительное творчество на профессиональном уровне было ориентировано на российские образцы. Из России нескончаемым потоком поступали к сербам иллюстрированные издания, гравюры и иконы, выполненные в мастерских Кинешмы, Шуи, Палеха, Мстеры и Холуя. В 20–60-х годах XVIII в. в Карловацкой митрополии работали русские и украинские иконописцы. Местные зографы стихийно переносили образцы и способы русской и украинской церковной живописи на сербскую почву.

По примеру Петра I, который указом от 1707 г. отделил церковную живопись от самоделок, что открыло путь для вхождения в нее барокко, карловацкий митрополит Арсение IV Шакабента в 1743 г. издал соответствующее постановление. Оно запрещало “неискусным богомазам” заниматься иконописью и предписывало сербам пройти курс обучения у российского мастера Василиевича в Сремски-Карловцах. Это способствовало распространению в сербском церковном искусстве восточноевропейского барокко, сочетавшего европейские новации с византийскими традициями.

В середине века в Карловацкой митрополии сложилось поколение светских художников-“живописцев”. Это были ремесленники, имевшие в городах мастерские с многочисленными учениками и составлявшие своего рода цехи. Они получили профессиональные знания у русских и украинских иконописцев на месте. Отдельные мастера “для лучшего обучения” отправлялись в Киево-Печерскую лавру. Киевские монахи обучали иконописи в своих кельях. В 1763 г. при лавре была создана единая Художественная школа.

Эти мастера, особенно С. Тенецки и Н. Нешкович, внесли значительный вклад в развитие сербской церковной живописи. Тенецки, получивший, возможно, художественное образование в Киеве, был приверженцем русско-украинского церковного барокко. Время побуждало сербскую церковную живопись к обновлению, и путь к нему пролегал через российский опыт. “Живописцы”, в первую очередь Тенецки и Нешкович, обслуживая городскую клиентуру, положили также начало светскому направлению в сербской живописи.

В середине XVIII в. новая эстетическая концепция четко проявилась в культовом зодчестве и интерьере. С 60-х годов в сербских церквях появились высокие иконостасы с рядами икон, сложившиеся под влиянием русского православного храма⁹.

Около середины XVIII в. потребность сербов в тиражировании книг и графических произведений вызвала к жизни новую разновидность изобразительного искусства – резцовую гравюру на меди. Ее основоположником был Х. Жефарович, родом из Македонии, зограф и живописец. Ему принадлежала большая часть

гравюр с изображением гербов и канонизированных сербских средневековых властителей в первой светской печатной книге у сербов “Стематография. Изображение оружий иллирических” (Вена, 1741 г.), а также живописные и другие графические работы. Гравюры Жефаровича, отмеченные ранними барочными приемами, несли на себе печать русского влияния, в том числе манеры известного мастера И. Зубова, но также и венской художественной атмосферы¹⁰.

Российская струя была заметной в сербской литературе. В первые десятилетия XVIII в. ее творцами были церковные лица и она носила рукописный характер. Плодовитым сербским книжником был священник Гаврил Стефанович Венцлович (ок. 1680 – ок. 1749 г.). Он “переводил” богословские сочинения с русского церковнославянского языка на сербский его вариант.

Распространенным видом словесной культуры были проповеди, обращенные к народу. Сербские книжники, прежде всего Венцлович, переводили, нередко на народный язык, сочинения видных российских проповедников и следовали их мастерству при составлении оригинальных наставлений и бесед. В XVIII в. по примеру русского богослужения стали практиковаться устные проповеди сербских священников в церквах. По распоряжению карловацкого митрополита Павле Ненадовича читались духовные наставления Симеона Полоцкого¹¹.

В 1733 г. появилась первая историческая драма на сербскую тему в стихотворной форме. Это была “Траедокомедия” М. Козачинского, повествующая на основе народных преданий об убийстве королем Вукашином царя Уроша, последнего представителя династии Неманичей. Жанр трагикомедии впервые использовал Феофан Прокопович в своем сочинении “Владимир” (1705 г.). Козачинский следовал за ним и в выборе стиля, и в обращении к истории. Он показал восхождение, славу и падение средневекового Сербского государства. Драма была проникнута чувством покаяния за тяжкие ошибки предков – раздоры и насилия. По чисто литературной традиции она тяготела к русской и украинской литературе, но по тематике и постановке вопросов была частью сербской книжной культуры.

Драма была написана тринадцатисложным силлабическим стихом. С 30-х годов XVIII в., когда российские учителя стали обучать сербскую молодежь правилам силлабической версификации на русском церковнославянском языке, тринадцатисложный стих прочно вошел в сербскую литературу, знаменуя повышение профессионализма поэтического творчества.

В 1734 учебном году драма была представлена в Сремски-Карловцах на школьной сцене согласно требованиям поэтики украинского и русского школьного театра начала XVIII в. Так было положено начало школьному театру у сербов¹².

В первые десятилетия XVIII в. появился новый жанр сербской стихотворной литературы – анонимные городские песни, сохранившиеся в рукописных сборниках. Они испытали разнородные влияния, в первую очередь русской поэзии и сербского народного творчества.

Сербская певческая культура, в свою очередь, развивалась под сильным воздействием русского и украинского искусства. В XVIII в. у сербов получили распространение канты – многоголосные песни религиозного и светского содержания. Многочисленные певцы исполняли российские и сербизированные канты. Пользовался популярностью трехголосный виватный кант во славу Петра I с идентичным русскому канту текстом, но с иной мелодией. Из России поступали к сербам также печатные и рукописные музыкальные сборники, певческие книги, собрания духовных хоровых концертов¹³. Бытование таких сочинений свидетельствовало о развитой сербской певческой культуре в Австрийской монархии.

В первой половине XVIII в. культуры русского и украинского народов были источником, из которого сербы в значительной мере черпали необходимый материал для наращивания и развития своей культуры после длительного “оскудения”. Отношения сербов с Россией в духовной сфере носили характер большей частью заимствования произведений русской и украинской литературы, учебников, педагогической методики, изобразительных приемов и т.д. Через Россию открывалось “окно в мир” для сербского искусства. Российский компонент был не спорадическим и частным явлением, но постоянно действующим обстоятельством сербского культурного процесса.

С 60-х годов XVIII в. духовная жизнь сербов в условиях проявления рыночных законов, в первую очередь в Австрийской монархии, начала обретать черты, свойственные новому времени с его неодолимой тягой к свободе. Меняющаяся действительность неизбежно выводила сербов из конфессиональной замкнутости и порождала потребность приобщения к европейской цивилизации, хотя религиозное недоверие к Западу в силу давления католицизма оставалось.

В 60-е годы активизировалась политика России на Балканах. Ее успешные войны против Турции, рост российского международного могущества и влияния на балканские дела, заступничество петербургского правительства за христиан перед Портой – все это делало притяжение православных народов к России всеобъемлющим и устойчивым. В свою очередь, и в русском обществе под влиянием русско-турецких войн, с одной стороны, и развития национального самосознания, с другой – пробуждался интерес к жизни, культуре и борьбе родственных народов. В глубине взаимного тяготения заключалось существенное отличие русско-сербских культурных связей от контактов сербов с западным миром.

Во второй половине XVIII в. взаимодействие сербов с русской духовной жизнью протекало в условиях новых исторических задач, перемены в культурной ситуации и перераспределения международных сил на Балканах.

Церковные связи развивались в устоявшихся формах. Как и прежде, сербские монастыри получали из России денежные средства, книги и утварь. В 1782 г. Синод выдал только монастырю Раваница в Среме “жалованья” в размере 1190 руб. Архимандрит монастыря Крупа в Далмации Г. Зелич в 1789 г. привез из России четыре больших ящика книг, выделенных ему Синодом и купленных за свой счет, 1500 руб. “милостыни” и дорогие подарки¹⁴.

И. Раич, С. Вуяновски “переводили” русские церковно-проповеднические сочинения, осуществлялась перепечатка русских церковных книг. Молодые сербы с Балкан, из Далмации и Габсбургской монархии легально и нелегально уезжали учиться в российские семинарии, духовные академии и другие учебные заведения. По российскому образцу карловацкий митрополит С. Стратимирович организовал учебный процесс в основанной им в Сремски-Карловцах семинарии. Церковная культура носила устойчивый характер, создавая впечатляющий фон вечно живой традиции. Церковные связи с Россией способствовали упрочению положения сербов в условиях иноземного господства. На Балканах они имели не только культурное, но и политическое значение.

Растревоженное время проявило себя в сербской культуре в формах барокко. Это означало приобщение сербов, в первую очередь в Австрийской монархии, к общеевропейскому руслу культурного развития. Пути проникновения барокко в сербскую культуру первоначально шли из Греции и России, а затем из Австрии¹⁵.

Проявившись в виде элементов еще в конце XVII в., барокко у сербов, отражая напряженное состояние общества, достигло зрелости в 60–70-е годы XVIII в. Оно получило наиболее сильное выражение в церковной архитектуре и интерьере, живописи, графике и литературе. Освоение сербами барокко не означало полного разрыва со старыми ценностями. И в этом отношении, особенно на раннем этапе, велика была роль России как непререкаемого авторитета в православном мире и потому главного камертона эстетического настроения сербов. Российский пример наглядно показывал возможность и допустимость отхода от обветшалых византийских канонов, не нарушая основ религии. Показательно, что ранее всего отреагировало на новые веяния сербское церковное искусство.

Наиболее крупным именем в сербской культуре барокко был Захария Орфелин (1726–1785 гг.), первый светский деятель, писатель, историк, гравер, журналист, педагог. Отличаясь широтой кругозора и многоплановостью дарования, Орфелин выступил основателем ряда отраслей культуры у сербов и первым мыслителем с рационалистическим видением мира. Он стал предтечей сербского

Просвещения. Как творческая личность Орфелин сформировался под идейно-художественным влиянием прежде всего русской культуры и в своей деятельности следовал ее образцам, индивидуально освоенным и переработанным.

Петровская эпоха, полная драматизма и противоречий, озаренная гением русского царя, вдохновила сербского деятеля на создание своего главного сочинения – знаменитого двухтомного исторического труда “Житие и славные дела государя императора Петра Великаго”. Орфелин издал его, как, впрочем, и другие свои произведения, анонимно в Венеции в 1772 г. Анонимность изданий была распространённым явлением в Венеции во второй половине XVIII в.

Опираясь в первую очередь на русские источники и литературу, писатель выразил новый взгляд на исторический путь и современное ему положение России, сосредоточив основное внимание на преобразовательной деятельности Петра I, выведшего страну, в понимании автора, в ряд просвещенных государств Европы. Сербский автор использовал российский опыт в качестве аргументации необходимости обновления жизни. На русском материале заявила о себе у сербов историография нового типа, основанная на критическом методе и проникнутая концепцией, отличной от провиденциализма средневековых хронографов.

Орфелин следовал по русскому пути в литературно-языковом вопросе. Во второй половине XVIII в. все сильнее ощущалось несоответствие разноязычия сербской литературы интеллектуальному и национальному развитию сербов. Орфелин, желая приблизить литературу к читателям, пытался решить эту задачу на основе русской практики употребления литературно-языковых “стилей” путем использования в разных литературных жанрах различных типов языка¹⁶. Его главные сочинения – единственный выпуск журнала “Славено-сербский магазин” (Венеция, 1768) и “Житие” были написаны на русском литературном языке с сербизмами. В поэтическом творчестве он прибегал к народному языку сербов (“Плач Сербии”. Венеция, 1762). Орфелин же положил у сербов начало переходу от церковного к гражданскому шрифту в светской печати, введенному в России Петром I.

3. Орфелин существенно обогатил сербскую литературу, ввел в нее новые поэтические жанры – сонет, элиграмму, оду, опираясь на русские оригиналы. Одним из первых у сербов он применил силлаботонический принцип стихосложения. Из русских изданий писатель почерпнул нравоучительные материалы для “Магазина”, положив тем самым начало светской морализаторской прозы у сербов. Он обращался также к русской церковной литературе.

Орфелин был самым талантливым сербским гравером XVIII в., работавшим в стиле барокко. Его графические работы и тематически, и по образному строю во многом были связаны с Россией. Одна из самых известных его резцовых гравюр “Богоматерь винчанская”

Рис. 5. Петр I. Гравюра З. Орфелина

была репродукцией иконы Владимирской богородицы, которая часто копировалась сербами. Вершиной сербской барочной гравюры на меди стали иллюстрации, выполненные Орфелиным к варианту его исторического труда с названием «История о житии и славных делах ... Петра Перваго». Гимн Петру I получил графическое воплощение в 72 резцовых гравюрах. При создании поясного портрета Петра I в латах и с Андреевской лентой сербский мастер опирался на гравюры первоклассного русского мастера Е.Р. Чемесова и француза К. Руа. Они, в свою очередь, использовали портрет Петра I, выполненный маслом в 1717 г. художником Ж.М. Наттье в Амстердаме. Петровские медали, карты и другие гравюры Орфелин сделал по немецким изданиям первой половины XVIII в.¹⁷ История иллюстрированного издания не выяснена, предположительно гравюры были сделаны сербским деятелем на исходе 1779 г. Прошлое и действительность России во многом питали барочную графику сербов.

Орфелин первый создал ряд учебных пособий для сербской молодежи и выступил в печати по вопросам практической педагогики.

И в этой области он ориентировался в первую очередь на русские издания. Таковы были выпущенные им в Венеции “Латинский букварь” с кратким словарем (1766 г.), пособие “Первые начатки латинского языка” (1767 г.), содержавшее латинскую грамматику со словарем и учебными диалогами, и букварь русского церковнославянского языка (1767 г.).

Русская периодика стала источником материалов и образцом формы для первых сербских изданий такого рода, связанных с деятельностью Орфелина. В 1766 г. он выпустил календарь, составленный по русскому образцу. В нем он привел, в частности, библиографические сведения о сербских книгах, а также о русских изданиях, вышедших в Петербурге, популяризируя их тем самым в сербском обществе. При создании “Славено-сербского магазина” Орфелин опирался на русскую литературно-научную периодику. Он использовал “Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие” – периодическое издание Петербургской академии наук, выходившее в 1755–1764 гг. под редакцией историка, члена Академии наук Г.Ф. Миллера, а также другие русские журналы: “Невинное упражнение” – литературно-философское издание, выпускавшееся Е.Р. Дашковой под редакцией поэта И.Ф. Богдановича, и “Свободные часы” (1763 г.) под редакцией писателя М.М. Хераскова. Формат “Магазина”, расположение материалов в нем, даже бумага напоминали русские издания¹⁸.

Орфелин напечатал в “Магазине” наставления Феофана Прокоповича царскому отроку в основах православной религии; поучения молодому человеку, желающему определиться на военную службу; нравоучительную восточную притчу; исторический источник; сонет, эпиграммы; медицинские и практические советы и библиографию. Сербский автор поместил, в частности, библиографические данные о катехизисе Феофана Прокоповича, дополнив их его биографией на русском языке, написанной Г.Ф. Миллером.

Благодаря творчеству З. Орфелина, активно и творчески использовавшего русские источники, был сделан шаг к стадильной синхронизации сербской культуры с общеевропейским интеллектуальным и художественным процессом.

С начала XVIII в. до 80-х годов Россия оказывала монопольное влияние на духовное развитие сербов. Но жизнь в государстве Габсбургов и логика культурного процесса побуждала мыслящих сербов к познанию европейского мира и вхождению в него. В свою очередь, австрийская политика, направленная на ослабление связей сербов с Россией, предусматривала культурную переориентацию православных подданных на Вену. Этой задаче служило, в частности, учреждение Марией Терезией в 1770 г. в столице типографии Й. Курцбека с монопольным правом на издание книг кирилловской печати в течение 20 лет. Одновременно был наложен запрет на ввоз книг из России, хотя в 1780 г. было сделано послабление для церковной ли-

тературы. Школьная реформа, унифицировавшая образование и учебники в государстве, поставила препон поездкам учителей и использованию учебников из России. Мария Терезия распорядилась также, чтобы сербы обучались богословию в пределах монархии.

Вена, где духовная жизнь протекала под знаком зрелого барокко, стала главным проводником западных ценностей в среду сербов. Но это не означало духовного отрыва их от России, тем более на Балканах. Это был сложный процесс обогащения сербской культуры, проистекавший из их геополитического положения между Западом и Востоком Европы, на перекрестке католицизма и православия.

Глубинные процессы, а также внешние импульсы вызвали у наиболее образованной части сербского народа в габсбургском государстве потребность в новых ценностях, общественных ориентирах и идеалах. Ответом на нее стало национальное Просвещение. Верные библейской истине “вначале было Слово” его носители, являя новый тип мышления, видели свое призвание в том, чтобы научить каждого человека в отдельности и общество в целом “разумно” мыслить. Это должно было поднять сербов на уровень цивилизованных народов Европы.

Мыслитель, писатель, педагог Досифей Обрадович (ок. 1740–1811 гг.), впервые выступив в печати в духе “здравого разума” в 1783 г., возглавил новое культурное направление у сербов и стал одним из наиболее ярких и крупных представителей Просвещения на Балканах. Вокруг него сложилась группа сербских интеллектуалов в Австрийской монархии. Это были образованнейший серб своего времени, собиратель и первый издатель сербского фольклора Йован Мушкатирович, лучший сербский переводчик XVIII в., популяризатор естественнонаучных знаний Эмануил Янкович, видный поэт и прозаик сербского классицизма, ученый-физик Атанасие Стойкович, автор географических трудов, переводчик, ближайший соратник Обрадовича Павле Соларич.

Сербское Просвещение развивалось в широком западноевропейском и русском духовных контекстах. Оно представляло собой сложную культурную систему, опирающуюся на достижения сербского духовного развития и вобравшую в себя основополагающие принципы просвещенческих западных учений и идей русской рационалистической литературы.

При широте и многоликости контактов сербского Просвещения с окружающим миром оно многими нитями было связано с Россией. Еще в юности, в бытность монахом в монастыре Хопово в Среме, Досифей Обрадович получил начальные знания из книг Симеона Полоцкого, Иоаникия Галятовского, Стефана Яворского, а также из античных, византийских и западноевропейских сочинений в русских переводах. И хотя впоследствии Обрадович критически высказывался относительно церковной литературы, именно знакомство с

Рис. 6. Досифей Обрадович. Художник А. Теодорович. 1818 г.

лучшими образцами русско-украинско-белорусской барочной книжности заложило основы его самообразования. “Имея непрестанно в голове и на сердце Киев, Москву и Россию”, вспоминал Обрадович, он проникся желанием отправиться для обучения именно в Россию. В 1760 г. он бежал из монастыря. Однако Семилетняя война помешала ему попасть в Россию. Расширению общеобразовательных знаний Обрадовича способствовало его знакомство во время пребывания в Черногории с комплектом русского журнала “Ежемесячные сочинения”¹⁹. Духовному регламенту 1721 г., как и вообще преобразовательной деятельности Петра I будущий глава сербского Просвещения был обязан пробуждением критического взгляда на действительность. Реформаторская направленность Духовного регламента оказала влияние прежде всего на его позицию в церковно-религиозном вопросе, который занял принципиальное место в сербском Просвещении. Положения Духовного регламента обогатились в его сознании сведениями и постулатами, почерпнутыми из западноевропейской философской и прочей литературы²⁰.

Завершилось складывание в общих чертах просвещенческой системы мировоззрения Обрадовича во время его пребывания в начале 80-х годов в Германии, где он слушал лекции в университетах Галле и Лейпцига.

В 1783 г. Досифей Обрадович выступил в печати как убежденный сторонник Просвещения. Его главными сочинениями были “Письмо Харалампью”, “Жизнь и приключения Димитрие Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем, им самим написанные и изданные” (Лейпциг, ч. I – 1783, ч. II – 1788 г.), “Советы здравого разума” (Лейпциг, 1784). “Басни” (Лейпциг, 1788), “Собрание разных нравоучительных вещей на пользу и увеселение” (Вена, 1793), “Этика” (Венеция, 1803) и др.

Распространяя и разъясняя основополагающие ценности Просвещения, сербский писатель выразил прежде всего критическое отношение к существующей сербской православной церкви. Он выступил за ограничение ее функций религиозной сферой, удешевление культовой практики и ее приближение к пониманию простого человека, нравственное оздоровление духовенства, ограничение числа и затем ликвидацию монастырей и пр. Многие идеи Обрадовича, в том числе осуждение суеверий и предрассудков, убежденность в пользе знаний, перекликались с положениями Духовного регламента. Но сербский писатель под влиянием требований жизни и принципов Просвещения пошел значительно дальше Феофана Прокоповича в своей программе приоритетного развития светского образования, перехода литературы на народный язык и общей демократизации и гуманизации культуры.

Практическим выходом культурной концепции главы сербского Просвещения стало начало реформы литературного языка сербов – перевод светской литературы на народный язык и гражданскую азбуку. Обрадович, преодолевая многоязычие сербской литературы, в формировании единого языка шел по пути развития современного русского литературного языка, который прокладывали А.Н. Радищев и Н.М. Карамзин. Это явилось самым крупным событием в культурном развитии сербов в XVIII в., возвестившим о национальной консолидации народа.

Разворачивая программу интеллектуального и нравственного подъема сербов, Обрадович и его сподвижники проявляли широкий взгляд на культурный процесс в Европе. При этом ввиду сходства ситуации у сербов и русских в лоне православного сообщества и в силу культа России среди сербов ее культурные новации приобретали для сербских деятелей особое значение. “И то, что в наши времена просвещение за одно столетие больше, нежели в древности за шесть, преуспеть может, – писал П. Соларич, – нам свидетельствует Россия”. Начиная свое главное дело – реформу литературного языка сербов, Досифей Обрадович в 1783 г. утверждал: “Московитяне все свои лучшие книги на своем диалекте и гражданскими буквами печатают”²¹. Ссылки на Россию были наиболее убедительным и доходчивым аргументом представителей сербского Просвещения в обоснование своей новаторской деятельности.

Но все же современную ему русскую литературу, хотя он полгода жил в 1788 г. на западе России в Шклове Могилевской губернии, Обрадович знал недостаточно. Вне поля его зрения остались М.В. Ломоносов и Н.И. Новиков, Я.А. Козельский и Д.И. Фонвизин.

Русские сюжеты были широко представлены в сочинениях Обрадовича. Особенно много русского материала имелось в его "Баснях", наиболее зрелом и известном произведении, вышедшем из печати вскоре после возвращения писателя из России. Обрадович многократно обращался в своих произведениях к Петру I и его реформам, упоминал Екатерину I, Елизавету, Екатерину II, отмечал военные успехи России в противоборстве с Турцией и т.д. Й. Мушкатинович в своем собрании "Притчи, или по-простому пословицы, также сентенции или речения" (Вена, 1787) среди сербских поместил и русские пословицы и поговорки. Ссылками на петровскую политику он обосновывал в книге "Краткое размышление о праздности" (Вена, 1786) целесообразность сокращения у сербов из экономических соображений числа церковных праздников.

Обращение деятелей сербского Просвещения к прошлому и настоящему России, идейно-тематически обогащая сербскую литературу, способствовало более глубокому пониманию самой сербской жизни, задач национального развития и путей их решения. Русский материал служил делу изменения массового сознания сербов в духе новых общественных идеалов.

Жизнь России затрагивалась в сочинениях и других сербских деятелей, находившихся как в русле Просвещения, так и вне его. Заметное влияние русская поэзия наряду с немецкой и венгерской оказала на проникновение к концу столетия в сербскую литературу классицизма. Стихотворение А. Стойковича "На смерть бессмертного Иоана Рајича" (Будим, 1802), ставшее одной из вершин сербской классицистской поэзии, было написано нерифмованным гекзаметром, который использовал Радицев в стихотворении "Оснадцатое столетие" (1801 г.), и интонационно перекликалось с ним. В первых десятилетиях XIX в. главный представитель сербского классицизма Лукиан Мушички в одах, составивших большую часть его поэтического творчества, следовал путем своего любимого поэта Г.Р. Державина. Сербские классицисты переводили псалмы в духе Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, Державина²².

К концу XVIII столетия существенно изменилась литературно-языковая ситуация как у русских, так и у сербов. Общая основа на церковнославянском языке русской редакции и архаичном русском литературном языке утрачивала свое значение, хотя у сербов продолжали издаваться произведения и на них. Литература сербского Просвещения была на народном языке сербов с примесью книжных элементов. Упрочивались позиции "смешанного" ("славяносербского") языка, который включал в разных пропорциях компоненты трех типовых систем. Русско-сербские литературные связи неизбеж-

но перестраивались в соответствии с задачами национального развития. Тенденция была такова, что сербский культурный фонд на церковнославянском и русском архаичном языках, столь сближавших ранее письменность сербов и русских, в лучшей своей части становился наследием национальной сербской культуры.

Культурное взаимодействие сербов с Россией развивалось в разных формах. Это касалось и мира книг. Во второй половине XVIII в. книжный поток из России в Австрийскую монархию достиг невиданных ранее размеров, несмотря на чинимые австрийскими властями препятствия, изменился и состав книг. В 1762 г. из России только монахи монастырей Гомирье и Крупа провезли транспорт с 733 книгами, а затем еще пять телег с книжной продукцией²³. Венецианский издатель Теодосие и Курцбек перепечатывали с коммерческими целями русские церковные книги и учебные пособия. Сохранялась также практика переписывания русских книг, особенно пособий по риторике и поэтике. Все это увеличивало массу русской книжной продукции у сербов.

В конце XVIII в. на сербском книжном рынке обращались тысячи российских изданий, церковных и светских. Книготорговец Д. Каулици в Нови-Саде предлагал сербским читателям собрание сочинений М.В. Ломоносова, журналы Н.И. Новикова, учебники, педагогическую, хозяйственную, нравоучительную, философскую и художественную западную литературу в переводе на русский язык, в том числе книги Дж. Локка, И.П. Ланге и др.

В библиотеке свободомыслящего темишварского епископа Петра Петровича, советника Венгерской придворной канцелярии, имелись собрание сочинений А.П. Сумарокова, книги, характерные для издательской деятельности Российской академии наук, Московского университета и Н.И. Новикова. Петрович располагал также русскими изданиями сочинений А.Ф. Прево, К.М. Виланда, Ж.-Ж. Руссо и других западных авторов. Среди книг были "Переводы из энциклопедии" (М., 1767. Ч. 1–3), составленные М.М. Херасковым извлечения из знаменитого собрания Д. Дидро с включением статей Ф. Вольтера, П.А. Гольбаха, Руссо. Сербы были знакомы также с сочинениями по стихосложению А.А. Кантемира и В.К. Тредиаковского и с их переводческой деятельностью²⁴.

Во второй половине XVIII в. сербы получали из России литературу, отражавшую российскую и западноевропейскую жизнь с ее проблемами, противоречиями и исканиями. Выполняя возрастающую познавательную функцию, русская книга оставалась также средством противостояния сербов денационализации в условиях угнетения, она участвовала в формировании сербской читательской публики, ее литературных интересов и вкусов.

Особое место в развитии русско-сербских культурных связей занимали сербские интеллектуалы, переселившиеся в XVIII в. из разных краев проживания сербов в Россию. Не порывая связей с сопле-

менниками, П. Юлинац, Г. Трлаич и др. участвовали в сербском литературном процессе, привнося в него полученные в России знания и приемы, занимались переводом (или языковой переделкой) русских и переведенных на русский язык западных сочинений, отправляли книги и т.д.

На протяжении XVIII в. влияние России на духовную сферу сербов носило постоянный характер, определив многие ее черты. По словам В.О. Ключевского, «влияние наступает тогда, когда общество, его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость учиться...»²⁵ Россия оказала воздействие на развитие сербской архитектуры, живописи и графики, литературы, музыкального искусства, книжного дела, церковного и светского характера.

Связи с Россией способствовали общему увеличению объема сербской культуры, расширению ее отраслевой дифференцированности, освоению ею интеллектуальных и художественных достижений человечества в прошлом и настоящем. Российский фактор был мощным стимулом духовного подъема сербов на переходе от позднего средневековья к новому времени. Сербский народ вступил в XIX в., располагая культурой, отмеченной типовыми чертами нового времени, в значительной мере благодаря опоре на Россию и ее поддержке.

Но при этом сербская культура, переживая мощное влияние России, не была простым подражательным комплексом, но представляла духовный мир творчески переработанных в соответствии с сербскими условиями и потребностями идей, знаний и приемов, пришедших извне.

Первое сербское восстание 1804–1813 гг. открыло новую эпоху в историческом развитии сербов. Оно сопровождалось кризисом сербского Просвещения и переходом к новой стадии культурного развития народа со своими задачами, идеалами и внешними связями, хотя отголоски Просвещения еще долго будут давать о себе знать.

---

¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 21–22, 25–26, 36–37, 75, 98–99, 111, 138, 248–249, 252.

² Там же. С. 51–53, 138–139, 215–217, 252, 256.

³ *Костић М.* Књиге, књижарство и књижнице Срба у XVIII веку // Српска штампана књига 18. века. Каталог. Београд, 1963. С. 14, 15.

⁴ О распространении российских книг у сербов см.: *Бошков М.* Руска штампана књига у нашем XVIII веку // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1973. Књ. XVI, св. 2.

⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876. Ч. IV. С. 128; Политические и культурные отношения... С. 260–261, 267.

⁶ Политические и культурные отношения... С. 62–63, 77 и след.; *Кулаковский П.А.* Начало русской школы у сербов в XVIII веке. СПб., 1903.

⁷ Политические и культурные отношения... С. 167, 193–194, 261; *Петров Н.П.* Воспитанники Киевской академии из сербов с начала синодального периода и до царствования Екатерины II (1721–1762) // Известия ОРЯС. СПб. 1904. Т. IX, кн. 4. С. 6, 7.

⁸ *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988; *Гудков В.П.* Сербская лексикография XVIII века. М., 1993.

⁹ *Јовановић М.* Руско-српске уметничке везе у XVIII веку // Зборник Филозофског факултета. Београд, 1963. Књ. VII, св. 1; *Давидов Д.* Иконостаси варошких црква Сремске архидијецезе у XVIII веку // Градска култура на Балкану (XV–XIX век). Београд, 1984. С. 244–245.

¹⁰ *Јавановић М.* Указ. соч. С. 387–389; *Давидов Д.* Српски бакрорези 18. века. Нови Сад, 1983.

¹¹ *Павић М.* Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век). Београд, 1970. С. 40.

¹² Там же. С. 147; *Ерчић В.* Мануил (Михаил) Козачинскиј и његова Трагокомедија. Нови Сад; Београд, 1980.

¹³ *Петровић Д.* Српска музика и руско-српске културне везе у XVIII веку // Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986.

¹⁴ Политические и культурные отношения... С. 327; *Зелић Г.* Житие. В Будиме, 1823. С. 88, 108, 208, 223, 233, 280–281.

¹⁵ *Васић П.* Поствизантијско сликарство у Србији у XVIII и XIX веку // Градска култура на Балкану (XV–XIX век). Београд, 1984. С. 223.

¹⁶ *Толстой Н.И.* Указ. соч. С. 181, 189, 192.

¹⁷ *Давидов Д.* Бакрорезне илустрације Захарије Орфелина у Историји Петра Великог // Зборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1974. Т. 10.

¹⁸ *Бошков М.* Захарија Орфелин и књижевност руског просветиљства // Зборник за славистику. Нови Сад, 1974. С. 50, 51, 71.

¹⁹ *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Београд, 1961. Т. 1. С. 151–153.

²⁰ О влиянии реформ Петра I на зарождение рационализма у сербов см.: *Деретић Ј.* Доситеј Обрадовић према “Историји” Јована Рајића // Ковчежић. Београд, 1960. Књ. III. С. 28; *Mokiter J.* Petar Veliki u srpskoj književnosti XVIII veka // Studia slavica. Budapest, 1965. Т. XI. F. 3–4.

²¹ *Соларич П.* Ново гражданско землеописание. У Венецији, 1804. С. XIII–XIV; *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. 1. С. 65.

²² *Павић М.* Историја српске књижевности класицизма и предромантизма. Класицизам. Београд, 1979. С. 239, 240, 254, 288, 360, 389.

²³ Там же. С. 145.

²⁴ *Бошков М.* Руска штампана књига... С. 561–563.

²⁵ *Ключевский В.О.* Соч. М., 1989. Т. 3. С. 241.

РОССИЯ В СОЗНАНИИ СЕРБОВ

Отношение сербов к России в XVIII в. определялось исконным сознанием родства сербов и русских, внешнеполитическими успехами российского правительства на балканском направлении, его разнообразной помощью сербскому народу, влиянием русской культуры и деятельностью российских эмиссаров. Многофакторное воздействие на сознание сербов формировало на протяжении XVIII в. общественное восприятие России как родственной внешней опоры.

Простые люди выражали свои чувства, думы и чаяния в народной песне. При этом сфера ее функционирования у сербов охваты-

вала все слои общества на территории расселения народа. Со времени Прутского похода Петра I жизнь и деятельность русского царя, сразившегося с турками, стала темой южнославянских словесного фольклора и литератур. Одну из народных песен о Петре I, бытовавшую в Черногории, опубликовал З. Орфелин в своем труде "Житие и славные дела... Петра Великого". Народно-поэтическая, а также письменная традиции представляли Петра I как военного героя, щедрого благотворителя и покровителя христиан.

Городские песенные рукописные сборники, столь распространенные у сербов в XVIII в., включали наряду с анонимными оригинальными сочинениями русские народные песни, а также светские и церковные произведения, нередко в адаптированном виде. Среди них были оды в честь Екатерины I и Елизаветы, "Песнь о русиском рату бившая с турками при граде Хотине", "Песнь славнаго орла российскаго" (в честь победы над Швецией), "Радуйся Россие" и др.¹ Эти сочинения прославляли царствующий дом, военные победы России и мощь государства.

В XVIII в. главную роль в формировании представлений сербского народа о России играла местная православная церковь. Ее позиция в отношении России определялись единоверием сербов и русских, традиционностью церковных связей между ними и потребностью в помощи Петербурга для улучшения положения самой церкви и сербов в целом.

По свидетельству Досифея Обрадовича, в бытность его в монастыре Хопово в середине XVIII в. среди православных монахов в Среме постоянно велись разговоры о России, где в то время царствовала Елизавета, дочь почитаемого сербами Петра I². Как уже отмечалось, на протяжении XVIII в. церковные иерархи из разных краев проживания сербов постоянно обращались к российскому правительству и видным официальным лицам с прошениями о помощи. Карловацкие митрополиты и епископы просили о защите от всевозможных притеснений православного населения, о присылке церквям книг и утвари, о налаживании школьного дела, монастырская братия взывала о поддержке разоренных монастырей. Из балканских провинций Турции потоком шли прошения о защите и освобождении от власти османов, о переселении сербов в Россию. Сербские князья Рашки в своем обращении от 1784 г. возвеличили Екатерину II до степени "защитницы рода человеческого"³.

Ожидания, возлагавшиеся Цетинской митрополией на Россию, в силу особого положения Черногории и совмещения в руках митрополитов церковной и государственной власти, были шире и основательнее. Уже Данило Петрович Негош, будучи в 1715 г. в России, ходатайствовал перед Петром I об установлении российского покровительства над Черногорией. Владыка Василие Петрович, трижды посетивший Россию в 50–60-е годы, обращался к петербургскому правительству с далеко идущими планами. В 1765 г. митрополит

Сава Петрович в донесении в Коллегию иностранных дел величал Екатерину II как “истинную защитницу греческого православия”, хлопотал не только о “награждении святых церквей”, но и о том, чтобы “народ снабдеть и законом утвердить и от честаго турецкаго нападения и тиранства вечно освободить”⁴. Черногорские митрополиты, колебавшиеся в первой половине XVIII в. в антиосманском противостоянии между Венецией, Австрией и Россией, с середины столетия связывали с Россией не только церковные интересы, но и государственное строительство, и полное освобождение Черногории от власти Порты.

Многочисленные и постоянные обращения православной церкви и близких к ней видных лиц к петербургскому правительству с ходатайствами о помощи и защите сербского народа от притеснений иноземных властей были знаком глубокого доверия к России и надежды на нее в трудных условиях выживания. Сербская церковь в повседневной жизни разными путями привносила в сознание народа образ России как оплота православия, мощной державы, противостоявшей Турции и заинтересованной в улучшении жизни и освобождении от власти Порты христианских народов.

В сербской светской литературе в широком значении слова, воплотившей идейные искания XVIII в., получило выражение разное видение и понимание России.

В 1741 г. в книге “Стематогрфия” была предпринята слабая попытка создать образ Москвы. Издание опиралось на одноименный труд хорватского историка и гравера Павле Риттера Витезовича, вышедший на латинском языке (Загреб, 1700, 1702; Вена 1701). Идейным вдохновителем сербского варианта был глава Карловацкой митрополии Арсение IV Йованович Шакабента. Книга была выполнена в технике резцовой гравюры на меди. Большую часть графических работ сделал Х. Жефарович, работавший совместно с венским мастером Т. Мессмером, стихотворные тексты и переводы на русский церковнославянский язык с сербизмами принадлежали митрополичьему секретарю Павле Ненадовичу Младшему. В книге изображение российского герба сопровождалось словами:

Двое главним брлем злѣтим Мѡсква украшѣнна,
К народу, к супостатом оком приложена.
Народ держит правилно, мечем супостати
Побеждает, от страха враг не смеет стати⁵.

Москва, олицетворявшая Россию, представляла в ореоле силы и справедливости. Жефарович подписался в книге “иллирико-рассианский общий зограф”, выражая тем самым духовную общность южных славян с русским народом.

Много внимания уделил России Герасим Зелич в сочинении мемуарного жанра “Житие” (Буда, 1823). Оно было создано на основе записок автора, дважды посетившего Россию в 80-е годы XVIII в.

Тональность воспоминаний характеризовалась традиционностью ее восприятия.

В 1782 г. иеромонах известного монастыря Крупа в Далмации Зелич учился иконописи в Киево-Печерской лавре. Из-за болезни глаз он вынужден был оставить учебу и для получения средств на обратную дорогу весной 1783 г. с разрешения российских властей в течение трех месяцев собирал “милостыню” на Украине. Второй раз Зелич в сане архимандрита посетил Россию в 1787–1788 гг. с целью сбора “милостыни” для монастыря. На этот раз он объездил центральные районы страны. Активный и наблюдательный серб, получивший широкие возможности для ознакомления с Россией, нарисовал в своей книге многокрасочную картину страны.

Г. Зелич отметил в “Житии” природно-климатические, этнографические и бытовые особенности России. Южанин по происхождению, он с интересом замечал, что здесь в течение полугода лежит снег, достигающий сажени в высоту, и все реки замерзают. Образно выглядят в его книге бескрайние Донские степи, создающие впечатление соединения земли с небом. Зелич подробно описал калмыцкую орду, юрты, облик женщин, быт. Россия в сочинении далматинского архимандрита выглядела необъятной суровой и необычайной страной.

Зелич посетил многие российские города, длительное время жил в некоторых из них. Он рассказал читателю о Петербурге, подробно описав одну из главных его достопримечательностей – памятник Петру I. “Я видел в Петербурге все достопамятные места, – вспоминал автор, – и нагляделся на всевозможные красоты и великолепия”⁶.

Но еще больше Зелича поразила Москва, “этот славный, еще с давних времен царствующий город”. “Невозможно описать красоту и размеры этого города”, – признавался архимандрит. Он утверждал, что видел много крупных городов на свете, в том числе Царьград, Салоники, Венецию, Милан, Париж, Вену, Варшаву и другие. “Все они – прославленные и знаменитые города, – продолжал автор, – но ни один не может сравниться по величине и красоте с Москвой”. В пылу восторга сербский автор относил основание Москвы ко времени за несколько сот лет до рождения Христа. Зелич особо выделил Кремль, восхищенно живописал бесчисленные церкви, отмеченные богатством и великолепием, изложил печальную историю Царь-колокола, который он назвал первым среди “редких и удивительных творений” в Европе и пр.⁷ Зелич на эмоциональном уровне был столь захвачен Москвой с ее православным сиянием, что не удержался от преувеличений ни в части ее размеров, ни в части времени возникновения, ни в части эстетического сравнения с другими городами Европы.

На страницах книги разбросаны замечания автора о многих других городах России, их расположении, архитектурных памятниках, особенностях хозяйства, исторических событиях.

В России Зелич посещал официальные учреждения, встречался с государственными и церковными деятелями, высокопоставленными чиновниками, представителями аристократии и рядовыми людьми. В "Житии" нарисованы словесные портреты отдельных, лично знакомых автору исторических лиц.

Прежде всего в книге неоднократно говорится о Петре I. Зелич упомянул о его победе под Полтавой в 1709 г. над шведским королем Карлом XII, к числу заслуг царя отнес основание Кронштадта, с замыслами Петра I связал Крымскую кампанию Екатерины II. Подготовку к ней автор наблюдал в Херсоне в 1783 г. Петр I изображен в мемуарах Зелича в соответствии с народной и литературной традициями как гениальный полководец и военный стратег. Мемуарист подчеркнул преемственность внешней политики Екатерины II и Петра I.

Книга Зелича проникнута глубоким почитанием Екатерины II. Он видел императрицу и был даже жалован к ее руке. Это событие подробно описано в "Житии". Оно случилось в начале 1787 г. в Киеве, где Екатерина II побывала проездом в Крым, по окончании литургии в Успенском соборе Киево-Печерской лавры. Церковная служба с участием императрицы привела далматинского архимандрита в восторженное состояние, которое передалось и в его мемуарах⁸.

Зелич высказался и о внешней политике Екатерины II. Будучи в 1785 г. в Константинополе, он убедился, что "турки в то время много почитали русских, потому что сильно боялись их, помня еще, как фельдмаршал Румянцев за Дунаем разбил великого везира; а в Архипелаге под городом Чесмой... князя Орлов и Долгорукий сожгли флот"⁹. Далматинский автор признавал величие победы России в наиболее масштабной по результатам войне с Турцией 1768–1774 гг.

Считая оправданной крымскую политику Екатерины II, поскольку ее задачей было избавление России от татарских набегов, Зелич с особым одобрением писал о бескровном присоединении Крыма к России и мирном уживании с тех пор на полуострове православия и ислама. Мемуарист бегло коснулся также русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и последующего состояния русско-турецких отношений. С постоянством и непреложностью Зелич выражал чувство удовлетворения действиями российского правительства, направленными на укрепление положения страны.

Из окружения Екатерины II Зелич неоднократно встречался с Г.А. Потемкиным. Сербский автор описал его внешность: "Он был невысок ростом, но достаточно крепким, плотным, красив лицом, очень гостеприимным, особенно в отношении духовных лиц, потому что в молодости думал стать монахом". Высоко оценивая его государственную и полководческую деятельность, Зелич писал о "гремущей в России и во всей Европе славе этого князя"¹⁰.

С теплотой и сердечностью Зелич рассказал в своей книге о встречах с русскими на личностной основе. Будучи в 1787 г. в Петербурге на пасху, он был приглашен на обед ко многим высокопоставленным лицам и купцам. Их расположение “к иностранным персонам церковного сана, – вспоминал он, – невозможно подробно описать и невозможно в это поверить тому, кто не бывал в России”¹¹.

Посещения России оставили глубокий след в сознании и душе Зелича. Он сохранил на всю жизнь благодарные и трепетные чувства от пребывания “в этой благочестивой и богатой, гостеприимной и щедрой империи и среди ее народа”¹².

Мемуарное сочинение Зелича для сербских читателей второй четверти XIX в. было эмоциональным повествованием о прошлом России. В новое время постоянные глубокие симпатии автора к ней подкреплялись упорной дипломатической борьбой петербургского правительства за автономию Сербского княжества.

Предметом всеобщего поклонения сербов была русская воинская слава. Оно получило выражение в сочинениях Й. Раича, в “Повести жития славнаго и победоноснаго российско-императорскаго Фелдмаршала Графа от Суварова Римникской” (Буда, 1799), переведенной Н. Лазаревичем с немецкого языка на славяносербский, и в других изданиях.

Как уже отмечалось, в 1789 г., в разгар русско-турецкой и австро-турецкой войны, Й. Раич издал аллегорическую поэму “Бой змея с орлами”¹³, ставшую самым значительным явлением сербской поэтической культуры на народном языке сербов в XVIII в. Поэма прославляла победы России и Австрии над Турцией. Раич нарисовал образ русского солдата:

Зимой он рожден, и в снегу купан,
И солнцем, и морозом со всех сторон лупан.

Олицетворявшему Турцию “змею Мухаммеду” следует предупреждение:

Он зимы не пугается, и снегов не страшится,
Ни твоих молодцов, ни пушек не боится.

Под пером Раича русский солдат предстал закаленным, бесстрашным и стойким воином. В центре поэмы изображены два события: взятие русскими войсками Очакова и австрийскими – Белграда. Поэт особо отмечает содружество Екатерины II и Иосифа II:

У них дух один и сердце едино,
Войска их учены, и все стоят чинно.

И вот Очаковым овладела “сильная, славная Катя”. Она открывает путь к Дерданеллам, в ее руках – ключи от Дона, Днепра и Днестра, возвышается Херсон. “Черного моря госпожа грозит Буюкде-ру”. Все это вызывает у автора чувство восторга. “Пусть здравствует Катерина, всей России гордость”, – восклицает он. В поэме Ека-

терина II выступает как символ русской воинской славы, как целеустремленная и рачительная правительница, обеспечившая России господство на Черном море, и как благодетельница человечества.

В сочинении упоминаются екатерининские военачальники: Потемкин – “солдат неутомимый”, Суворов – “герой дивный”, Волконский – “храбрый воевода, по происхождению князь, генерал и славного рода”, Каменский. Раич заключает поэму молитвой за жизнь Екатерины II и Иосифа II. Он не упускает из виду и рядовых носителей победы, желая им здравствовать. В поэме Й. Раича получило самое сильное поэтическое выражение представление сербов о России – победительнице османской мощи.

В 1794–1795 гг. в Вене вышел четырехтомный труд Раича “История разных славенских народов наипаче болгар, хорватов и сербов из тмы забвения изятая и во свет исторический произведенная”. В рамках широкого славянского мышления историк неизбежно задумывался о месте России в европейском мире и среди славян. “Нынешнее Российское империи есть паче прочих государств в Европе наибольшее”, – писал сербский автор. Уже это определяло его вес и значение. В лице России Раич видел хранительницу общеславянского начала – церковнославянского языка, который он считал столь же древним, как еврейский и греческий¹⁴. Иллюзорные представления о древности церковнославянского языка и его слитности с Россией многие годы удерживали и будут удерживать часть сербских писателей от разрыва с ним. В этой позиции заключалось стремление сохранить преемственность и богатые традиции литературного процесса, а также устоявшиеся в веках русско-сербские связи.

Й. Раич был мыслителем консервативного склада, но с чувством современности. Его главные сочинения, проникнутые стремлением к сербскому самоутверждению, отмеченные славянским родолюбием и сознанием духовной силы и победоносной мощи России, получили у сербов в беспокойное время конца XVIII в. и позднее небывалый резонанс и прочно вошли в сербскую культуру как выражение духовного состояния сербского общества на пути к новому времени.

Принципиально новый взгляд на Россию выразил З. Орфелин в историческом труде “Житие и славныя дела государя императора Петра Великаго”. Сербский автор остановился на географическом положении России, осветил исторический путь страны, охарактеризовал ее современное писателю состояние. Он подробно раскрыл жизнь и дела Петра I, а также коснулся деятельности Екатерины II. Орфелин опирался на русские источники, российскую и западную литературу по истории и географии России, Европы и Азии. Всего в списке использованных им материалов значилось 46 позиций, ряд из которых включали многотомные издания. Для начала второй половины XVIII в. это была солидная научная основа.

Орфелин особо подчеркивал необъятность Российской империи, протянувшейся по долготе “мало не на пол-круга всего света”.

“Царство сие, – продолжал автор, – превосходит величиною втрое все протчия Европейския государства вместе составленные”. Сколь бескрайни просторы России, столь разнообразен ее климат, велики природные богатства и обильны земные недра. “Единым словом, – заключал Орфелин, – Россия имеет изобилие во всем том, чего человек требует”¹⁵. Историк обращал внимание на большие различия в культурах народов, населявших страну. В описании Орфелина уже природные условия и население свидетельствовали о богатстве, мощи и неповторимости России.

Природное изобилие приумножалось стараниями россиян. По словам автора, современная ему Россия торговала со многими странами Европы, с Закавказьем и Персией, с Левантом и Италией, с Китайской империей. Историк отмечал расцвет в стране “полезных художеств” и мануфактур.

С восхищением Орфелин писал о многолюдных российских городах, об их живописном расположении, своеобразной архитектуре, динамичной хозяйственной жизни, культурных учреждениях. В описании Москвы, которая, по словам автора, “причисляется наивящим во Европе градам” он особо выделил ее достопримечательности – Кремль, богатые торговые ряды, университет с гимназией, типографию, библиотеку, монетный двор, знаменитую царскую аптеку, а также пространные предместья города и 1600 его церквей. Орфелин показал Москву в подобающем ей величии и сиянии второй столицы российской державы.

Отмечая чрезвычайно благоприятное местоположение Петербурга, сербский историк величал его “великим купеческим магазином, превосходным пристанищем морской российской силы, презиящным императорским столичным градом и, наконец, преславным иногдашних Афинских муз обиталищем”. В монографии обстоятельно описаны достопримечательности Петербурга, подмечены роскошь и великолепие зодчества столичных предместий. Все в российской столице, по утверждению писателя, было достойно удивления и восторга¹⁶.

Среди достижений и успехов современной ему России сербский автор отмечал подъем науки и развитие образования.

Орфелин создал свой труд в разгар первой екатерининской русско-турецкой войны, начавшейся в 1768 г. Победы российского оружия на суше и на море дали ему основание высказаться о ней как о “предприятии”, “которое ныне всю вселенную в несказанном удивлении, а Малую Азию и всю Турецкую империю в крайнем трепете и ужасе содержит”¹⁷. И далее он писал о моральной поддержке России со стороны всех единоверных страдающих народов. Орфелин делал акцент на масштабности и широком резонансе успешной внешней политики России на Балканах.

С негодованием отвергая измышления некоторых иностранных авторов о якобы звериных нравах и обычаях россиян, сербский пи-

сатель утверждал, что в большинстве своем россияне, благодаря “наукам” и общению с “разумными и благонравными народами”, “причисляются наилучшим в Европе народам”¹⁸.

В труде Орфелина Россия начала второй половины XVIII в. выглядела как могущественная просвещенная страна, находившаяся на одном уровне развития с другими европейскими государствами, занимавшая высокое международное положение и игравшая важную роль в судьбах Европы. Орфелин внушал своим соотечественникам уважение к России, гордость за ее успехи и достижения. Его понимание российской действительности находилось на уровне знаний середины XVIII в. и не было свободным от идеализации и преувеличений. Созданный Орфелиным образ современной ему России имел значение не только в плане формирования сербского общественного мнения о ней, но и в плане пробуждения духовных сил сербов для решения собственных внутренних задач.

Орфелин впервые у сербов дал систематическое изложение прошлого России. Глава “Древняя Российская история”, охватывающая период с древних времен до XVIII в., несет серьезную идейную нагрузку. По словам автора, он преследовал задачу показать читателям, “коль в глубокой тме неучения и беспорядочного правления находилась Россия, и что Петр Великий был первой, который своим разумом и собственным своим трудом оную из такой тмы вывел на свет, на котораго без блистания великаго и удивления смотреть не можно”¹⁹. Однако фактический материал русской истории – древность русского народа, величие борьбы князей против нашествия Батыя, за освобождение от ордынского ига, значимость роли Руси в Европе и т.д. – все эти сюжеты неизбежно разрушили искусственную схему тьмы и диких нравов допетровского времени и повели автора по пути раскрытия истории Руси в ее сложности и противоречивости.

В центре внимания Орфелина были личность и дела Петра I. Сербский историк дал новую интерпретацию деятельности и исторической роли российского императора. В труде Петр I изображен как великий преобразователь России. В основу трактовки деяний царя была положена впервые обнародованная у сербов рационалистическая идея силы и могущества совершенного разума. Мотивацию действий Петра I Орфелин обоснованно видел в его патриотизме. Он вводил новшества, говорилось в книге, “к прославлению своего отечества”²⁰.

Орфелин обстоятельно описал жизнь Петра I, его внутреннюю политику, военные подходы. Монография содержит огромный фактический материал о государственных мероприятиях русского царя. Согласно концепции автора, озаренный светом знаний, он успешно использовал опыт образованных европейских народов и тем самым обеспечил невиданный подъем России.

Первым “старанием” Петра I Орфелин назвал организацию бое-способной регулярной армии. Связывая военную реформу царя с обеспечением безопасности России, сербский автор вместе с тем обоснованно отмечал ее воздействие на судьбы страны. Орфелин бегло упомянул о финансовой реформе как о факте коренной пере-стройки России.

В монографии показаны усилия Петра I, направленные на раз-витие торговли и промышленности, строительство каналов и благо-устройство городов. С большим удовлетворением историк писал о церковной реформе Петра I, правильно понимая ее нацеленность на ограничение веса и влияния высшего духовенства путем подчинения церкви государству. Эта сторона жизни была весьма актуальной для сербов, живших в Австрийской монархии под властью Карловацкой митрополии.

Орфелин много писал о славной роли Петра I в организации на-учных учреждений, развитии образовательной сети, искоренении предрассудков и обветшалых обычаев у населения. “Его царское ве-личество имел наипаче желание, – говорилось в труде, – приучить народ свой к обычаям и житию народов, коих он в своем путеше-ствии видел и сам у них учился”²¹. Эти вопросы также остро вставали в жизни сербов. Орфелин раскрыл содержание и показал влияние реформ Петра I на весь строй России, хотя их понимание было огра-ничено характером мышления того времени.

Сербский писатель нарисовал словесный портрет Петра I и рас-крыл черты его характера. “Природное его величество, которое из всего его состояния и вида сияло, како и быстротекущая на все стра-ны его очеса”, говорилось в книге, обнаруживали в нем человека особенного²². Многие в поведении русского царя были непривычны. Вот он, рассказывает сербский автор, смешавшись с солдатами, ро-ет окопы и возводит укрепления, выполняет обязанности бомбарди-ра, вот – с молотком и топором в руках трудится на верфи. Историк подчеркивал острый интерес царя к жизни, широту его взглядов, глубину познаний. Он отмечал в русском царе постоянное чувство долга перед отечеством и твердость в проведении преобразований. Автор восхищался его энергией и настойчивостью, любознательно-стью и трудолюбием, проницательностью ума и чувством нового. При этом Орфелин не скрывал и жестокости Петра I по отношению к тем, кто препятствовал осуществлению его замыслов. Художник по натуре, сербский автор создал образ царя в соответствии с поэти-кой барокко с ее приподнятостью, масштабностью и внутренним на-пряжением.

По мысли историка, Петр I воплотил в себе государственный ге-ний, нравственное величие, мощь и возможности человеческой на-туры. Все в труде побуждало к преклонению перед гигантской фи-гурой императора. Сербский автор заключал его словами: “Он имел в едином себе все достоинства, которые делают человека великим

перед Богом и пред людьми: а именно, был он совершенный *богочтец* и истинный сын христовыя церкви, по своему усердию и вере к богу и закону православному; был преславный *полководец* и храбрый воин по своим завоеваниям и победам, которые он над внутренними и над внешними своими неприятелями совершенно одержал; был *кораблечальник* за искусство свое в морском деле; был великий *государь* и великий политик чрез распространение и исправность своих намерений, и чрез свою крайнюю способность в управлении дел; был *государственный министр* от средствии, которых он умел употребляти ради приведения в цветущее состояние купечества, наук и всех художеств; наконец был *отец отечества* по благополучию, которым от него пользовались все его подданные, и о коем он всегда старался как об истинном совершенстве в своем правлении”²³. Орфелин славил Петра I как основателя новой России – страны, преобразованной на началах разума.

Сербский писатель использовал разнообразные литературные приемы барокко – театральность, обращение к античному материалу, гиперболизацию, принцип контраста и др. – благодаря чему исторический труд был написан как взволнованное повествование о полном драматизма возвышении великой славянской державы. Художественные начала, пронизывающие ткань сочинения, делали сочинение Орфелина более доступным для среднего читателя.

3. Орфелин посвятил труд Екатерине II, что свидетельствовало о его глубоком почитании великого государственного деятеля России. Сербский автор определил ее место в истории страны как продолжателя реформаторского почина Петра I. В “Посвящении” он подчеркивал, что Екатерина II “духом Великого Петра правительствует”, что “Петр Великий в Екатерине Второй воскресл, жив...”

По утверждению Орфелина, Екатерина II довела до высшей точки начатое Петром I дело возвышения России. Писатель с удовольствием отмечал широту деятельности императрицы, охватившей своим вниманием все, что было направлено “к охранению, расширению и пользе империи”. Среди конкретных дел Екатерины II была названа прежде всего ее законодательная инициатива по составлению нового Уложения, предполагавшая совершенствование законодательства. Орфелин подошел к просвещенческому пониманию законов как условия благополучия и благоденствия страны. Сербский деятель представил в “Посвящении” общее состояние науки и образования в России в начальный период царствования Екатерины II, исходя из посылки, что “наинужнейшее и наиболее полезное” – это освещенный наукой разум. Орфелин изобразил Екатерину II как представительницу европейского образования, покровительницу наук и сторонницу приобщения России к накопленным на Западе знаниям.

Среди заслуг Екатерины II в “Посвящении” упоминались привлечение в Россию многочисленных колонистов “для народного ум-

Рис. 7. Гравюра с портретом Екатерины II. Работа З. Орфелина

ножения”, “коммерция такожде с отдаленными Азии нациями завезенная и умножена”, успешная внешняя политика. Данная Орфелиным краткая, но емкая характеристика разносторонней деятельности Екатерины II естественным образом входила в его историческую концепцию развития России – неуклонного восхождения страны через овладение знаниями и европейским опытом.

Обращение З. Орфелина к России носило характер ее познания, раскрытия философской концепции необходимости и плодотворности обновления жизни с помощью знаний и утверждения пользы практического освоения богатого российского опыта.

Творчество Орфелина расширило восприятие сербами России. Его книги содержали не только новый фактический материал о ее жизни, но и нетрадиционное понимание ее места в прошлом и настоящем Европы. В изображении Орфелина Россия, освещенная светом разумного правления, выступала моделью возвышения страны. Писатель внушал сербам веру в движение к благополучию, дававшая людям духовную силу.

Мысли о России, высказанные Орфелином, получили дальнейшее развитие в сочинениях Досифея Обрадовича. Он не писал специальных работ о России, но неоднократно высказывался о ее прошлом и современном положении. Но если в 50-е годы он воспринимал ее традиционно сквозь призму церковно-проповеднической литературы, то с начала 80-х годов XVIII в. – с позиции Просвещения. Сербский деятель фиксировал внимание прежде всего на тех сторонах и сюжетах российской жизни, которые соотносились с его просвещенческими задачами.

Намечая пути решения принципиальных вопросов культурного развития своего народа, Обрадович выразил отношение к литературному наследию, церковнославянской языковой традиции, духовному взаимодействию сербов с другими народами, использованию инонационального опыта и пр. Так или иначе это касалось России.

В связи с реформой литературного языка сербов сербский просветитель обратился к литературно-языковой ситуации у русского народа. Рассматривая Россию как хранительницу общеславянского языкового начала, он вместе с тем с удовлетворением отмечал обращение “московитян” в литературе к своему “диалекту”.

На протяжении всей жизни Обрадовича привлекали эпоха и личность Петра I. Интерес к русскому царю зародился у него еще в бытность в монастыре Хопово. В зрелые годы его, как и Орфелина, привлекала преобразовательная деятельность императора. В силу значимости церковно-религиозного вопроса в сербском Просвещении сербский писатель неоднократно обращался в своих сочинениях к церковной реформе в петровской России. Он указывал на сокращение численности монастырей, отмечал крутое изменение их жизни, обращал внимание на частичную секуляризацию недвижимости и установление контроля государства над всем

имуществом монастырей. Обрадович полностью одобрял церковную политику русского царя. Убеждая соплеменников в бесполезности монастырей, он призывал “дух Петра Великого”. Писатель обращал внимание своих читателей также на его борьбу с предрассудками²⁴. Глава сербского Просвещения искал и находил в петровской России подкрепление своей линии на освобождение мирской жизни сербов от излишней опеки церкви и их сознания от “идолопоклонничества”.

В поле зрения Обрадовича была военная реформа Петра I. Писатель выразил понимание ее связи с Северной войной и глубокое воздействие на ход событий, прежде всего на военную победу России над Швецией. Говоря в книге “Басни” о петровской реформе армии, сербский деятель подчеркивал важность знаний, обучения, образования во всех сферах жизни. В том же сочинении он вскользь упомянул и об административной реформе Петра I. “Царь Петр Великий, – писал он, – учредил закон, чтобы на должности избирались добродетельные и образованные”. Сообразно своим гуманистическим представлениям о внесловной ценности человека, о значении его интеллектуального развития и нравственных качеств, а также своему идеалу “просвещенного” монарха, Обрадович выделил лишь тот аспект петровских указов об управлении, который наиболее отвечал нуждам его собственной просветительской пропаганды, а именно: необходимости учитывать деловые и нравственные качества людей при замещении должностей. Особую заслугу царя Обрадович видел в его культирно-преобразовательной деятельности. Писатель в своих книгах неоднократно воздавал хвалу в адрес русского царя – покровителя наук и образования²⁵.

Обрадович высказался о характере и историческом значении петровских реформ. Он понимал их как тяжелый процесс, полный борьбы и столкновений, в первую очередь с темным духовенством. Высоко оценивая преобразовательную деятельность Петра I, сербский мыслитель величал его “бессмертным законодателем и просветителем российским”. Обрадович прославлял имя, ум и доблести Петра I. Вызывая уважение к памяти царя, он писал: “Вся Европа и Азия видят и все лучше познают результаты трудов и подвигов, законов и учреждений Петра Великого”²⁶. Понимания важность для России нововведений Петра I, Обрадович вместе с тем идеализировал личность и деятельность императора. От него остался скрытым противоречивый характер петровских преобразований.

Обобщая опыт петровской России, глава сербского Просвещения утверждал принцип развития человека и общества, идею возможности и необходимости перемен и обновления, устранения старых, исторически изживших себя идеалов, обычаев, законов и порядков. Трактовка реформ Петра I в сочинениях Обрадовича имела глубокий смысл как конкретизированное проявление движущей силы просвещенного разума в эволюции человечества.

В лице Петра I, Екатерины II и Иосифа II сербский мыслитель нарисовал образ “просвещенного” монарха, способного совершенствовать общество на разумных началах. Подобно многим умеренным деятелям западного Просвещения, Обрадович видел только в “просвещенной” монархии силу, способную избавить человечество от “тирании, глупости и варварства”²⁷. Абсолютизация “просвещенной” монархии как ведущей силы социального прогресса была проявлением политической утопии сербского Просвещения.

В поле зрения Обрадовича была Екатерина I. Он изложил ее биографию, показав читателям как единомышленницу и преемницу Петра I. В связи с русско-турецкими войнами второй половины XVIII в. писатель неоднократно упоминал Екатерину II. В книгах “Советы здравого разума” и “Басни” он приветствовал успешное освобождение Россией территорий от османской власти. При этом он писал: “Известно, что римский император (Иосиф II. – И.Л.) и российская императрица за интересы своих царств с турками воюют, но тем не менее каждая благоразумная и человеколюбивая душа благословит имена тех, кого вечный промысл избрал в качестве своего орудия, чтобы уменьшить беспорядок, варварство, чуму, мрак суеверия и невежества и все злополучия, которые из них проистекают, со временем истребить из человеческого рода”²⁸. В 1789 г. в разгар войны России и Австрии против Турции Обрадович написал “Песню об избавлении Сербии”, в которой прославлял победы австрийского и русского оружия над османами. Осознав наличие у Екатерины II и Иосифа II своих государственных интересов, писатель, тем не менее, однозначно позитивно оценивал результаты их действий в отношении Турции для региона в целом. При этом он делал акцент на гуманистическом характере антиосманской политики. В те годы сербский деятель не проводил различия между политикой Австрии и России на Балканах, в действительности преследовавших разные цели.

В дальнейшем под влиянием действий российской дипломатии в поддержку угнетенных народов, роста международного влияния России и ее военных побед над Турцией, с одной стороны, и корыстных маневров Австрии в отношении сербов, ее поражения в войне с Турцией 1788–1790 гг. – с другой, Обрадович разочаровался в балканской политике Габсбургов и утвердился в мысли о том, что только Россия является союзником сербов в деле их национального освобождения.

В 1804 г. с началом общенародного Первого сербского восстания писатель приветствовал его “Песней на инсurreкцию сербов”, где впервые высказал идею создания независимого сербского государства. В 1807 г. он переехал в повстанческий Белград и выступил в руководстве восстанием последовательным сторонником военно-политического союза Сербии и России. Его позиция в отношении России получила выражение и в поэтическом творчестве. По слу-

чаю наступления нового 1808 года он написал два стихотворения в честь Александра I и русского дипломата Родофиникина, представлявшего Россию в Белграде. Обрадович прославлял их деятельность на благо Сербии.

В сочинениях Обрадовича русский материал был подчинен пропаганде ориентиров, ценностей и общественных идеалов Просвещения. Он использовался в качестве аргументации новационной деятельности его представителей на ниве интеллектуального и нравственного совершенствования сербов. Однако мысли сербского деятеля о насильственном освобождении сербского народа от власти Турции выходили за рамки умеренного Просвещения. В конечном итоге его взгляд на Россию как фактор военной победы повстанческой Сербии над османами и деятельность по укреплению военно-политического союза Сербии и России стали знаковым выражением кризиса национального Просвещения с его постулатом достижения всеобщего благоденствия только через духовное возрождение каждого человека и общества в целом.

Много места занимает Россия в книге Павле Соларича, ученика и единомышленника Обрадовича, “Новое гражданское землеописание” (Венеция, 1804. Ч. I–II). Это была первая у сербов научная работа, посвященная народонаселению, физической и экономической географии Европы, Азии, Северной и Южной Америки, Африки и Полинезии. Соларич создал ее по системе А.Х. Гашпари, составившего в 1778 г. одним из первых статистические таблицы с привлечением новейших данных.

Композиция книги состоит из общих разделов по континентам и страноведческих глав, российский материал присутствует в тех и других. Соларич прежде всего определил государственное устройство России: “Российское царство есть полное, неограниченное, основанное на престолонаследии лицами обоих полов по праву родства или назначению единодержавство”. Его поверхность, говорится в работе, составляет более 337 500 кв. миль, население исчисляется в 36 млн человек, а доходы достигают 50 млн талеров. Сухопутная регулярная армия страны насчитывает 250 000 штыков, балтийский флот – более 30, черноморский флот – около 20 кораблей. И все это со дня на день умножается, заключал автор²⁹. В сербской литературе впервые были приведены столь внушительные цифры, свидетельствующие о величине и мощи России.

Соларич подробно охарактеризовал европейскую часть Российского государства. В рамках физической географии он назвал ее протяженностью по долготе и широте, перечислил возвышенности и равнины, упомянул внутренние воды, особо выделив при этом изобилие, разнообразие и богатство природного мира.

Значительное место в книге занимает экономический материал. Соларич отметил хорошее состояние сельского хозяйства, развитие ремесла и промыслов, указал на наличие множества предприятий, в

том числе по производству качественного холста, парусов, корабельных канатов и многого другого. В сочинении говорится о живой внешней торговле, приносящей огромные доходы стране, перечисляются товары российского экспорта. Россияне плавают, сообщал автор, по всем европейским морям, торгуют со Средней Азией, Персией и Китаем. Важнейшими торговыми центрами европейской части России Соларич называл Петербург, в котором было сосредоточено более половины внешнеторгового оборота, Ригу, Архангельск и Одессу³⁰.

В “Землеописании” дана география народонаселения европейской части России. Автор перечислил религии, привел этнографические сведения, рассказал об образе жизни народов страны. Отмечая усилия государственной власти по развитию образования, он вместе с тем обратил внимание на большую потребность “в хороших образовательных учреждениях”. “Отсюда простой народ, – продолжал Соларич, – при всей достойной удивления обучаемости остается все еще очень суровым, невежественным и суеверным, еще более суровыми являются кочующие народы на севере и юге государства”³¹. Для представителя Просвещения вопрос образованности широких слоев населения имел особое значение.

Достоинством книги является характеристика главных российских городов конца XVIII в. Соларич описал наиболее значительные города Великороссии: Москву, Тулу, Воронеж, Нижний Новгород, Ярославль, Тверь, Великий Новгород, Вологду, Устюг, Архангельск. В книге приведены сведения о местонахождении каждого из них с определением долготы и широты, численности населения, количестве культовых учреждений, об основных направлениях хозяйственной деятельности и торговых связях, культурных достопримечательностях, отдельных исторических фактах, особенностях городской жизни.

Описывая Москву, Соларич замечал, что “она чрезвычайно велика и после Царьграда самый крупный город в Европе” с населением 150 тыс. (а по некоторым данным, 300 тыс.) жителей. Сербский автор представил ее как крупный культурный, торговый и ремесленно-промышленный центр. В 1793 г. одних купцов и торговцев, по его словам, насчитывалось здесь до 2655 человек. Москва разносторонне показана в книге Соларича. Но по данным “Географического словаря Российского государства”, составленного А. Щекатовым (М., 1801–1808. Ч. I–VII), ее социально-экономический облик в действительности был более масштабным.

Касаясь городского хозяйства Тулы, Соларич среди прочего указывал на нахождение в этом городе “важнейшего завода по производству оружия в России”. Нижний Новгород он назвал “главным внутренним портом государства Российского”, особо выделив “прославленный” Макарьев монастырь и близ него ежегодную ярмарку, собиравшую тысячи татарских, бухарских, пер-

сидских, армянских и калмыцких купцов. В отличие от среднерусских городов, переживавших хозяйственный подъем, Великий Новгород Соларич характеризовал как “убогий, плохо устроенный и скудообитаемый город”³².

В книге дано физико-географическое и административное описание Украины с небольшими экскурсами в историю казачества и характеристикой городов Киева, Полтавы, Нежина, Херсона, Черкаска, а также Таганрога и Азова. При этом Киев показан неадекватно его реальной величине, хозяйственному весу и историко-культурному значению.

Соларич отдельно изложил сведения о территориях, вошедших в состав Российской империи в течение XVIII в. в результате военных побед над Швецией, Турцией и разделов Польши, дал географическое описание и привел статистические данные о них. Здесь располагался Петербург.

Соларич достаточно подробно описал столицу и занятия ее жителей. По словам автора, этот “новый главный, престольный город Всероссийского единодержавства, весьма большой, правильно построенный и великолепный”, имеет 220 тыс. жителей (Щекатов называет цифру в два раза больше). В книге перечислены достойные внимания сооружения и достопримечательности: царский Зимний дворец, Летний дворец с садами, мраморный дворец, памятник Петру I, огромные склады, Адмиралтейство с военными верфями, крепость с главным собором, здание Двенадцати коллегий, монастырь св. Александра Невского (с 1797 г. Лавра. – *И.Л.*), Новодевичий монастырь и многое другое. Согласно Соларичу, в Петербурге действовало 31 учебное заведение. Автор особо отметил школу при Академии художеств с 300 студентов. Академия наук и университет, продолжал автор, располагали общей библиотекой, важными художественными и естественными собраниями, готторпским глобусом и обсерваторией. Город был местопребыванием Вольного экономического общества.

Соларич писал о работе в Петербурге большого количества процветающих предприятий по производству фарфора, бумажных обоев, зеркал, шелка, сахара, ситца, стекла, водки, пушек, канатов, по выделке кожи, обработке золота и серебра и др., не считая множества ремесленных мастерских. Петербург, в глазах Соларича, являлся главным торгом всех российских товаров. Он вел крупную торговлю с дальними странами, имел развитое судоходство. Но все это, с горечью замечал автор, “почти полностью находится в руках живущих здесь чужестранцев”³³. Соларич рассказал также о красивейших предместьях Петербурга с достойными восхищения царскими дворцами. В целом, Соларич всесторонне представил современное ему состояние столицы Российской империи.

Большое внимание сербский автор уделил азиатской части России, западной границей которой он считал реку Дон. Впервые в

сербской литературе была описана Сибирь. Особо отмечая бесчисленные богатства восточных пределов страны, Соларич назвал главные города здесь: Астрахань, Оренбург, Тобольск и Иркутск.

По данным Соларича, население азиатской России составляло всего 3–4 млн человек, “весьма различающихся по языку, вероисповеданию и степени просвещения”. Из городов наиболее крупным являлась Астрахань с 70 тыс. жителей, славившаяся рыболовным промыслом. Она вела “пространную” торговлю с Персией, Бухарой, Китаем и Индией. Оренбург представлен как знаменитый рынок азиатских товаров, особенно прибывавших караванами из Бухары и Киргизии. Екатеринбург назван главным средоточием горной промышленности Сибири. Через Тобольск, главное место азиатской России, шло живое движение европейских и китайских товаров, сюда прибывали также караваны из Калмыкии и Бухары. Этот город Соларич выделил как важнейший рынок сибирских мехов³⁴.

Научная книга Соларича была написана в тот период, когда еще не было разграничения между географией, статистикой и экономикой. Материалы о Российской империи были даны в труде параллельно с географией других континентов и стран, что позволило показать ее положение и уровень развития на земном шаре. Сербский автор описал физическую географию России в соответствии с уровнем географических знаний о ней конца XVIII в. Он включил основные статистические данные о народонаселении и отчасти экономике, проявив стремление показать хозяйственное использование природных ресурсов страны. При этом социально-экономические сведения сопровождалась иногда сравнениями и оценками. Соларич наметил территориальную организацию хозяйства России, отметив региональные особенности его и условий жизни населения. Однако книга сербского автора, помимо неточностей, имела существенный пробел – отсутствие сведений о крепостничестве и форме собственности промышленных предприятий.

Соларич видел Российское государство на подъеме: страна, располагавшая несметными естественными богатствами, наращивала хозяйство, упрочивалась на пути просвещения, росли, благоустраивались и хорошели ее города. В историческом плане правление Екатерины II действительно было временем поступательного развития Российской империи и ее укрепления. Для сербских читателей благодаря книге Соларича восторженные легенды о России обретали реальные, научно обоснованные очертания.

События в России начала 90-х годов XVIII в. получили отражение в одной из первых сербоязычных газет “Славенно-сербския ведомости”. Ее издателем был серб С. Новакович, известный предприниматель и придворный агент. Он купил венскую типографию Курцбека. “Ведомости” выходили с декабря 1792 г. до конца 1794 г. на смешанном языке с большой долей сербизмов и печатались гражданским шрифтом. Сербская газета находилась в тисках жесточай-

шей цензуры, следовала в фарватере австрийской официальной печати и черпала из нее материалы для своих публикаций. Исходными принципами газеты были консерватизм, легитимизм, верность габсбургскому дому. Она выражала расположенность к России, что совпадало с курсом Вены на союз с Петербургом. Значение газетной информации о России состояло в ее оперативности, своевременности и разноплановости.

Сербское периодическое издание выходило в годы нарастания революции во Франции, казни Людовика XVI и Марии Антуанетты, смещения устоявшихся государственных союзов, интервенции европейских дворов против Франции с ее устрашающим примером. Это было время второго частичного раздела Польши между Пруссией и Россией, польского восстания под руководством Т. Костюшко и русско-польской войны, завершившейся окончательной гибелью Речи Посполитой. К ведущим явлениям времени относилось возросшее влияние в международных делах России с ее мощной армией и военными победами. Все это в той или иной мере получило отражение в "Ведомостях".

Сербская газета регулярно освещала внутривосточное положение России. Она подробно писала о таких важных событиях в жизни русского двора, как обручение и бракосочетание великого князя Александра Павловича с принцессой Луизой Марией Августой Баденской, получившей отныне имя Елизаветы Алексеевны. Газета знакомила с законодательной деятельностью Екатерины II, держала в поле зрения назначения и перемещения видных официальных лиц в государственных учреждениях. Отдавая должное русскому военному искусству, сербское издание подробно рассказало о грандиозных торжествах, состоявшихся в Петербурге в 1793 г. по случаю годовщины заключения Ясского мира. Описывая великолепие празднества, газета подчеркивала тем самым значение этого мира для России. На страницах газеты помещались также материалы об экономической политике Екатерины II и состоянии хозяйства страны.

Большое место в сербской газете занимала информация о внешней политике России. Важным объектом внимания петербургского правительства оставалась в то время Турция. В 1793 г. состоялся обмен посольствами между Россией и Турцией. Этот акт получил подробное освещение в сербском издании. Новакович не поскупился в описании пышного приема российского посла в Константинополе в 1793 г. и турецкого в Петербурге. "Великолепным и сиятельным" назвала газета прибытие М.И. Кутузова в сопровождении свиты в составе 382 человек в турецкую столицу. Показывая заинтересованность во взаимодействии российского правительства и Порты, сербский орган вместе с тем отмечал твердость позиции Екатерины II в отношении Турции. Он сообщал, что императрица "крепко настаивает" на возвращении русских пленных, жестко держится касатель-

но таможенных тарифов, препятствует установлению прямой границы между Турцией и Польшей³⁵.

В поле зрения сербской газеты были европейские дела Екатерины II. На ее страницах получило отражение ужесточение позиции Петербурга в отношении Франции после казни Людовика XVI. Читатели были ознакомлены в изложении с указом императрицы от 19 февраля 1793 г., запрещающим всякое сношение с этой страной. Сербская газета не обошла вниманием сближение России и Англии перед лицом Франции, изложив, в частности, содержание англо-русской конвенции о взаимопомощи сторон в случае войны с Францией, обоюдном согласии при заключении мира и гарантии “покоя и безопасности” всей Европы. “Ведомости” информировали читателей о подготовке России к войне.

В 1794 г. Россия действительно была втянута в войну, однако не в составе антифранцузской коалиции, а с Польшей. Газета печатала сводки о действиях российской армии против польских повстанцев. Тональность этих заметок была подчас противоречивой. При упорном наименовании поляков “мятежниками” газета в то же время называла их полководца “славный оный Кошчиуско”. “Ведомости” содержала сведения о русских генералах, особо выделяя А.В. Суворова, военачальника “непобедимого российского воинства”. Сообщалось о щедрых наградах, которыми Екатерина II пожаловала генералов, офицеров и рядовых, отличившихся в польской кампании. По словам газеты, вознаграждения были столь значительны, “сколько французы своим генералам и офицерам за все время службы вместе с жалованием не давали”³⁶.

Сербская газета в целом достоверно информировала читателей о важнейших событиях в жизни России конца XVIII в. Как правило, она помещала сообщения без комментариев, лишь изредка позволяя себе выразить отношение к событиям с позиции поддержки родственной страны.

На протяжении XVIII в. по сербским информационным каналам, свойственным этому столетию, распространялся нараставший объем сведений о России. Это были эмоциональные устные и письменные рассказы побывавших в России людей разного положения и званий, многожанровая сербская литература, идейно неоднородная – от консервативного традиционализма до новаций Просвещения, научные сочинения, рождавшаяся периодика. Издания содержали характеристику ее географического положения – физических границ, пространственных размеров, климата, природных богатств. Сербь получили соответствующие уровню научных знаний того времени данные по истории России с древнейших времен до середины XVIII в. Широко была представлена современная жизнь страны: состояние хозяйства, условия проживания и быт населения, внутренняя политика правительства, его внешнеполитическая деятельность, образ царствующих особ, портреты отдельных государственных

ных деятелей, факты русской культуры. Имело место художественное осмысление отдельных аспектов и сюжетов российской жизни. И все это было окрашено глубоким расположением к великой стране.

Патриархальная часть населения питалась слухами, переработанными в соответствии с психологией и чаяниями простого человека. Народное видение России выражалось в песнях, в основе которых были подлинные сведения о ней. Это была традиция.

При всей разности взглядов сербов на Россию, общей чертой представлений о ней в XVIII в. было удовлетворение ее политикой в защиту православия, победами русского оружия над Турцией, поддержкой в разных формах угнетенных христианских народов. Россия воплощала в себе веру и надежды на лучшее будущее.

Восприятие России как хранительницы православия, связанные с нею чаяния балканских народов оказывали обратное воздействие на идеологическое обоснование балканского направления внешней политики Петербурга. Оно определялось двумя постулатами: защитой православной веры и освобождением христиан. Это было понятно, знакомо и близко христианскому населению Юго-Восточной Европы.

Информация, при всей ограниченности ее эпохой, была необходимым условием формирования доверия между народами и облегчала достижение их сотрудничества. Сербы вступали в бурный и полный судьбоносных событий XIX век, снабженные ценными знаниями о России и русском народе, что во многом определило на десятилетия вектор их внешней ориентации.

---

¹ *Остојић Т., Ђоровић В.* Српска грађанска лирика XVIII века. Из старих песмарица. Сремски Карловци, 1926. С. VI, XII, XXI, XXII.

² *Обрадовић Д.* Сабрана дела. 1811–1961. Т. I–III. Београд, 1961. Т. I. С. 153.

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 21–26, 56–58, 62–63, 85–87, 91–92, 276–277, 327 и др.

⁴ Там же. С. 279.

⁵ *Давидов Д.* Предговор // Стематографија: Изображеније оружјѣ илиричѣских. Фототип. изд. Нови Сад, 1972. С. 29; Стематографија. С. 28 об.

⁶ *Зелић Г.* Житие. Буда, 1823. С. 228.

⁷ Там же. С. 230 и след.

⁸ Там же. С. 193, 194.

⁹ Там же. С. 130.

¹⁰ Там же. С. 238, 253.

¹¹ Там же. С. 199–200.

¹² Там же. С. 224.

¹³ *Раић Ј.* Бой змая са орловы. У Бечу, 1789.

¹⁴ *Раић И.* История...В Виенне, 1794. Ч. I. С. 45–46, 236.

¹⁵ *Орфелин З.* Житие...В Венеци, 1772. Ч. I. С. 1, 2, 34.

¹⁶ Там же. Предисловие, б/с.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 42, 43.

¹⁹ Там же. Предисловие.

- 20 Там же. С. 237.
 21 Там же. С. 250.
 22 Там же. С. 218.
 23 Там же. Ч. II. С. 361.
 24 *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. I. С. 116, 688.
 25 Там же. С. 554, 556, 607; Т. II. С. 323.
 26 Там же. Т. I. С. 607; Т. II. С. 323.
 27 Там же. Т. I. С. 156.
 28 Там же. С. 303, 306, 424, 613.
 29 *Соларич П.* Ново гражданско землеописание. У Венеции, 1804. Ч. I. С. 402, 421.
 30 Там же. С. 402 и след.
 31 Там же. С. 407.
 32 Там же. С. 408, 409.
 33 Там же. С. 413.
 34 Там же. Ч. II. С. 92 и след.
 35 Славенно-сербския ведомости. 2.XI.1793. С. 326; 24.II.1794. С. 75, 76.
 36 Там же. 25.XI.1794. С. 391; 5.XII.1794. С. 404.

ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА ЧЕРНОГОРИИ В ОТНОШЕНИЯХ С РОССИЕЙ

В начале XVIII в., когда Петр I активизировал политику в Причерноморье, черногорцы обратили свой взор к России в надежде на ее поддержку в борьбе за свободу. Между Россией и Черногорией установились тесные постоянные контакты. Характер этих связей удивителен: с одной стороны, огромная держава, с другой – небольшая горная страна, как ее называли “Горное гнездо”, “Оплот свободы и независимости”. В основе этих связей лежала потребность во взаимной поддержке в борьбе против Османской империи. Российское правительство было заинтересовано в боевом сотрудничестве с черногорцами – их участии на стороне России в антитурецких войнах, которые на протяжении XVIII в. потрясали Балканы. Черногории была крайне необходима помощь в создании независимого государства.

В борьбе против агрессии Османской империи большую роль в Черногории играла православная церковь. Рождественский монастырь в Цетине стал духовным, а затем и политическим центром, значение которого увеличивалось в связи с тем, что он воспринимался как “общий светоч” народа.

Многочисленные войны, которые были вынуждены вести черногорцы, отстаивая свою свободу, тормозили экономическое развитие страны и задерживали ее культурный прогресс. После 1718 г., когда Венеции удалось отторгнуть небольшую приморскую территорию, Черногория была отрезана от Адриатического моря и оказалась почти в полной изоляции от внешнего мира. Во время османских нашествий были разрушены многие памятники культуры и уничтожены ценные рукописи. Прекратилось книгопечатание в ти-

пографии, открытой в 1493 г. на Ободе, где вышла первая южнославянская печатная книга на Балканах. Несколько раз подвергался разрушению и сам Цетинский монастырь. В 1692 г. он был превращен в развалины, когда османские войска под командованием Сулеймана-паши Бушати захватили Цетине. В 1701 г. монастырь был отстроен заново на месте сожженного старого.

Владыка Данило Шчепчевич Петрович (ок. 1670–1735) – первый наследственный правитель Черногории, основатель династии Петровичей Негошей, родился в Негушах в семье Шчепчана Калуджевича. В это время епископия Черногории как часть сербской православной церкви входила в состав Печской патриархии. Однако, чтобы получить посвящение в духовный сан, Данило поехал не в Печ, а в Австрийскую монархию, где нашел убежище патриарх Арсение III Чарноевич после Великого переселения сербов в 1690 г. В 1700 г. Данило был рукоположен митрополитом Скендерии и Приморья. Арсение III утвердил также его право духовной юрисдикции над православным населением Старой Черногории, Брды, Северной Албании и Приморья. На посвящении, совершившемся в торжественной и роскошной обстановке, присутствовало несколько архиереев¹.

Данило Петрович поставил своей основной целью налаживание в стране порядка, ликвидацию межплеменной вражды, кровной мести и объединение всех черногорских племен с брдскими. Право духовной юрисдикции над соседним православным населением позволило ему расширить рамки антиосманского движения, привлекая к участию в нем находящиеся под османским (а затем габсбургским) гнетом славянские народы. В организации борьбы Черногории большую роль играл также черногорский “збор”².

Энергичные действия Данило вызывали опасения у османских властей. Как гласит народное предание, туркам удалось его схватить, заковать в кандалы и держать в заключении, подвергая мучениям. Неминуемой смерти удалось избежать благодаря черногорцам, которые выкупили своего предводителя. Поддержка народа придавала митрополиту силы в борьбе за организацию сопротивления османской агрессии.

Черногорцы твердо держались православной веры. Отдельные попытки навязать им ислам или католичество встречали сильный отпор народа. В народной традиции сохранялась версия об истреблении митрополитом Данило потурченцев во время так называемой “Варфоломеевской ночи”. Позднее этот кровавый акт был воспроизведен митрополитом и выдающимся поэтом Петром II Негошем в поэтической форме в “Горном венце”. В действительности, вытеснение мусульман из Черногории было длительным историческим процессом. Это не стало организованной акцией, а происходило постепенно в ходе антиосманской борьбы путем истребления, вытеснения и обращения в христианство. В результате в границах Старой Чер-

ногории во второй половине XVIII в. население почти поголовно исповедовало православную веру.

Специфика социально-экономического строя Черногории и связанные с ним условия жизни населения оказали влияние на положение в ней церкви. После крушения средневековой Сербской державы, когда под напором османского нашествия народ был вынужден искать пристанище в горах, значительную роль в жизни черногорцев стали играть родоплеменные институты и обычное право, которое регулировало их поступки. В сознании людей превалировали такие ценности, как племенная солидарность, культ предков и пр., и меньшее место отводилось вероисповеданию и его обрядам. И хотя черногорцы свято хранили верность православной религии, они отнюдь не были фанатично преданы церкви. Специфика черногорской церкви не могла не сказаться на духовенстве. Хотя все священники назначались митрополитом, но и они, сохраняя связь со своим племенем, оставались верны его законам.

Вместе с тем религиозное сознание черногорского народа сохраняло церковные традиции средневековой Сербской державы (культ королей и династии), на основе которых митрополиты обуславливали легитимность своей власти, продолжая ее от Черноевича как последователя государственно-правовой традиции сербской династии Неманичей. Эта традиция стала идеологической основой борьбы Черногории против Османской империи³.

Черногорское духовенство приняло активное участие в защите отечества. Во время османских нашествий черногорские храмы подвергались разорению и ограблению. Поэтому нередко были случаи, когда на пороге храма священник должен был защищать с оружием в руках то, что дорого каждому черногорцу. В своем труде о Черногории П.А. Ровинский указывает, что многие священники принимали непосредственное участие в военных действиях. Во время сражений с турками можно было увидеть воина с крестом и ятаганом в руках. Многие священники отличились в боях⁴.

Православная религия в Черногории, так же как и повсюду в условиях османского гнета на Балканах, в значительной мере способствовала сохранению народного самосознания. Монастыри были очагами культуры. В них хранились рукописи и поддерживалась славянская письменность. При почти поголовной неграмотности населения священники как образованные люди пользовались большим уважением. В Черногории, как и в Сербии, функцию школы выполняли монастыри, где учителями выступали священники. Принять духовный сан посылали самых способных сыновей. Впоследствии ректор семинарии в Цетине Милан Костиц подробно описывал, как осуществлялось в то время народное образование: "Кто желал обучить своих детей грамоте, приготовить их к священническому сану, тот посылали их в монастырь или отдавал к старому священнику. Дети обыкновенно прислуживали в монастыре в качестве причетников и

учились читать и писать. Родители иногда платили за них. Плата обыкновенно давалась хлебом или съестными припасами... Часто в монастыре или у священника, если собиралось много учеников, то казалось, что была настоящая школа”⁵.

В начале XVIII в., после окончания войны Священной лиги с Османской империей (Черногория воевала на стороне Венеции) черногорцы оказались в тяжелом положении. Османские войска опустошили страну, продовольственные ресурсы были исчерпаны. Взаимодействие с Венецией не принесло Черногории никакой выгоды. В создавшихся условиях большим событием для нее стало установление политических отношений с Россией.

Весной 1711 г. в Черногорию прибыли царские посланцы с грамотой от Петра I, призывавшей южнославянские народы принять участие в войне против Турции. В ответ на этот призыв черногорцы начали военные действия против османской армии.

Война с Турцией имела для Черногории тяжелые последствия. Она пережила два опустошительных карательных похода османских войск. Митрополит неоднократно направлял посланцев к Петру I, чтобы сообщить о положении Черногории и получить материальную поддержку для продолжения борьбы. Однако по известным причинам эти действия были безрезультатными. Наконец, митрополит Данило послал в Петербург своего брата Дамяна Шчепевича, который отправился из Черногории в конце 1713 г. вместе с архидьяконом Максимом. В Москве к ним присоединились Богдан Попович и Сава Михайлович. На этот раз черногорское посольство встретили в Петербурге как официальную делегацию. При переговорах с ней были обещаны помощь Черногории и предоставление убежища тем черногорцам, кому грозило подвергнуться преследованию со стороны турок.

Как только османская армия покинула Черногорию, митрополит Данило решил лично отправиться в Россию. В конце 1714 г. он прибыл в Вену, где пробыл несколько месяцев в ожидании разрешения. 26 ноября (7 декабря) он отправил письмо Петру I, в котором, обрисовав тяжелое положение “сиротине православной” после трехлетней борьбы, спрашивал: заключать ли мир с Турцией или продолжать войну. Затем в конце декабря того же года во втором письме он просил ускорить присылку визы. Одновременно было направлено ходатайство канцлеру Г.И. Головкину о содействии в ее получении. При этом Данило указывал на тяжелое положение черногорского народа, который все потерял, сражаясь без всякой помощи извне. Не дождавшись ответа, митрополит на свой риск продолжил путь в Россию.

В Киеве Данило получил ответ от Головкина с разрешением прибыть в Петербург вместе с сопровождающими лицами. В связи с этим им было выдано 100 руб. на дорожные расходы. В апреле 1715 г. Данило приехал в Петербург. Ему была предоставлена ауди-

енция у царя, на которого он произвел приятное впечатление. В Коллегии иностранных дел митрополита просили изложить свои предложения в отдельной записке.

Предложения митрополита Данило сводились к следующему: 1) установление над Черногорией покровительства России, которая должна учитывать ее интересы при заключении договоров с Портой; 2) обращение к черногорцам с новой грамотой с выражением “благосклонности и благодарности” за героическое участие в антиосманской войне. Указывалось, что черногорский народ и впредь готов проливать кровь по призыву России; 3) возмещение ущерба, нанесенного имуществу населения Черногории, Брды и Герцеговины, награждение всех по заслугам (желательно также наградить “черногорцев в знак признательности 60 малыми и великими медалями”); 4) возвращение на родину тех “офицеров”, которые пожелают вернуться, оставшимся же обеспечить условия для жизни и службы; 5) возмещение убытков от покупки боеприпасов⁶.

3(14) мая 1715 г. митрополит Данило Петрович подал в Коллегию иностранных дел прошение, с которым ознакомился царь. В ответ ему была вручена грамота от 9 (20) июля 1715 г. Царь благодарил черногорский и другие балканские народы за участие в борьбе против Османской империи. Из-за изнурительной войны со Швецией Петр не смог наградить черногорцев, как того требовали их заслуги. Но все же он учел пожелания, высказанные митрополитом. Для Черногории были выделены церковные сосуды, книги, архиерейские и священнические одежды, а также 160 золотых портретов и 5 тыс. руб. “на вспоможение разоренным людям”. Лично митрополиту было предоставлено 500 руб. для возмещения военных долгов и 5 тыс. руб. на восстановление церквей и монастырей, а также 11 портретов и 160 червонцев для раздачи народу. Кроме того, Данило Петровичу было выдано жалованье и 3 400 руб. на дорожные расходы. Вместе с тем в грамоте царь обещал после заключения мира со Швецией, когда Россия оправится от военных издержек, не оставить Черногорию “царскою милостию”⁷.

По пути на родину митрополит Данило Петрович задержался в Москве в ожидании, когда будет закончена чеканка медалей. В ризнице Московской митрополии он отобрал необходимые предметы. По указу царя ему были выданы бесплатно из Печатного приказа богослужебные книги для монастырей и церквей, которые были разграблены и сожжены во время войны: 10 книг для церковной службы, 10 Евангелий, переплетенных по обряду с золотом, 10 Апостолов, 10 Псалтырей и др.⁸

Закончив дела, Данило выехал в Киев. Вместе со свитой ему было выделено 14 упряжек с 42 лошадьми. Каждый делегат ехал в отдельном экипаже. Их сопровождал проводник Петр Степанов, который хорошо знал местность и заботился о них в дороге. По пути следования черногорцам оказывали большое внимание и почтение на-

селение и местные власти городов и сел. Из Киева митрополит отправил письмо Г.И. Головкину с выражением искренней благодарности за прием и заботы⁹.

В Черногорию митрополит Данило прибыл в апреле 1716 г. На средства, полученные в России, он выкупил пленных, возвратил долги, а остальные деньги раздал нуждающимся. Был восстановлен Цетинский монастырь и кафедральный собор Рождества пресвятой Богородицы. Недостаток денег не позволил продолжить восстановительные работы. Все остальные церкви оставались в запустении¹⁰.

Миссия митрополита Данило Петровича имела большое историческое значение, способствовал укреплению русско-черногорских связей, которые становятся традиционными. Благодаря ей было положено начало покровительству России над Черногорией. Петербургский кабинет стал оказывать дипломатические посредничество и помощь черногорскому народу. В 1715 г. была установлена постоянная денежная субсидия Цетинскому монастырю (каждые три года по 500 руб.). В свою очередь черногорцы свято соблюдали данные ими обязательства и по первому зову России с оружием в руках принимали участие в войнах, которые она вела против Османской империи.

С этого времени Черногория стала успешно развивать политические отношения с Россией, становившиеся все более тесными в период усиления антиосманской борьбы. Они поддерживались по линии церкви – Цетинской митрополии. Благодаря этому церковные связи, получив особый характер, приобретают большое значение в развитии российско-черногорских взаимоотношений. В свою очередь политический компонент способствовал развитию церковных и культурных контактов. В этом плане большое значение приобретают связи Черногории с св. Синодом, который предоставлял средства на обновление разрушаемых во время османских нападений православных храмов, направлял церковные облачения и необходимые предметы для совершения богослужения, а также церковные книги и учебники. Черногорские митрополиты проявляли большую активность в укреплении связи с Российской империей. Совершая поездки, они налаживали отношения не только с представителями государственной власти, но и с различными церковными иерархами и учреждениями. В России они получали денежную помощь, церковную утварь и книги. Ее посещали не только черногорские правители, но и многие духовные лица. Черногорскому духовенству было разрешено собирать пожертвования в православных храмах. Этническая и языковая близость, единая православная религия способствовали упрочению взаимоотношений между двумя славянскими народами. Маленькая, но воинственная Черногория стала занимать видное место в российской политике на Балканах. Черногорцы приняли участие на стороне России и в войне против Османской империи в 1735–1739 гг.

После ее окончания османские власти возобновили карательные походы. Они опустошали пограничные села, убивали и уводили в плен мирных жителей. Православные храмы вновь подверглись разграблению и разрушению. В особенности пострадала Цетинская митрополия. Подгорицкие мусульмане захватили ее владения – земли, села, водоемы и рыболовные места на Скадарском озере. Они завладели также территорией с двумя церквями: Святой Троицы в Горичанах и Святой Богородицы в Кома¹¹. В свою очередь Венеция усилила натиск на Черногорию. Многие черногорцы, спасаясь от османских погромов и голода, уезжали на поселение в Россию.

Цетинскую митрополию после смерти Данило Петровича в 1735 г. возглавил митрополит Сава Петрович. В марте 1742 г. во главе черногорской делегации он прибыл в Петербург просить защиты и поддержки. Миссия Савы Петровича увенчалась успехом. Российское правительство выплатило субсидию Цетинскому монастырю за 21 год (1722–1743), всего 3 500 руб. Было выдано 3 тыс. руб. на вознаграждение народа и на восстановление церквей и монастырей, а также 1 тыс. руб. на дорожные издержки митрополита и его свиты. Со своей стороны Синод выделил два патриарших облачения, архиерейскую шапку и кроме того книги на сумму в 350 руб.¹²

Миссия Савы Петровича имела важное политическое значение. Россия продолжила выплату денежных субсидий Цетинскому монастырю, что способствовало укреплению русско-черногорских связей. В 1758 г. российское правительство предоставило Черногории помощь в размере 15 тыс. руб. При этом была выражена надежда, что “черногорский народ старание приложит учреждением меж собой доброго порядка и согласия, а паче снабжением себя потребными воинскими орудиями и введением... регулярства и доброй дисциплины”¹³.

Между тем положение в Черногории оставалось тяжелым. В стране сохранялись племенная разобщенность и кровная вражда, что препятствовало объединению народа для борьбы с агрессией Османской империи и происками Венеции. Не способствовала установлению “порядка и согласия” и международная обстановка. Не только Порты, но и венецианские власти чинили всяческие препятствия укреплению государственной власти в Черногории. Большие опасения у них вызывало налаживание регулярных отношений между Россией и Черногорией. Во время пребывания в Петербурге митрополита Савы Петровича венецианские власти закрыли для черногорцев доступ на приморские базары, что лишило их возможности покупать необходимые товары и порох. В свою очередь Порты непрестанно направляла против них карательные экспедиции, которые подвергали страну сильному опустошению. Несмотря на понесенные жертвы, черногорцы стойко продолжали сопротивляться османским войскам и отказывались платить дань. В 1756 г. им удалось отбить карательный поход боснийского везира Хаджи Мехмед-па-

ши. Но разоренная Черногория представляла страшную картину. Спасаясь от голода, черногорцы направлялись в Россию. Они пополняли ряды южнославянских выходцев, поселяясь на отведенных российским правительством землях.

Создавшиеся в Черногории тяжелые условия, необходимость постоянно отражать натиск Османской империи затрудняли духовное развитие народа. После прекращения книгопечатания издательское дело долгое время не удавалось восстановить. Народ оставался почти поголовно неграмотным. Тяжелые потери продолжала нести и православная церковь. В 60-е годы XVIII в. в черногорских селениях имелось 80 церквей и 12 монастырей с архиерейскими подворьями, в которых было 28 иеромонахов и монахов. Посетивший в 1766 г. Черногорию со специальной миссией поручик Михайло Тарасов нарисовал впечатляющую картину тяжелого положения в епископии Черногории. В своем сообщении правительству он писал: “Вышеобъявленные храмы божии (сколь мне случалось видеть)... весьма худого здания и пусты, так что ежели бы кто о том не дал знать, что оное бедное и беспорядочное здание избрано от них для приношения бескровной спасителю жертвы, то рожденному в христианской державе никак собою оного узнать не можно, потому что не имеет на себе ни креста (которого и соборные их церкви лишаются), ни внутри книг, кроме нескольких икон. Книги же (как я от черногорцев слышал) приходские священники тогда от митрополита берут, когда им священнодействовать нужда случится. В вышеупоминаемых их приходских церквах по римскому обычаю всегда растворены двери, и как у них у тех церквей сторожей нет, то пасутся близ оных церквей овцы и козы (как я от живущих в соседстве с черногорцами Венецианов слышал) нередко в церкви отдыхать заходят, от чего немалая нечистота. Следственно, что в оных церквах и священнослужение весьма редко бывает”¹⁴.

В это время в условиях усиления турецкого гнета на Балканах возрастает политическое значение Цетинской митрополии как одного из очагов антиосманского сопротивления. Ее авторитет особенно возрос у православных народов после ликвидации в 1766 г. Печской патриархии, на территории которой обосновались ставленники Порты. После этого Цетинская митрополия стала противостоять засилию греческого духовенства. Заявляя о себе как о преемнике средневекового Сербского государства, она выступала хранителем его традиций. Черногорским митрополитам, ориентировавшимся на Россию, удалось объединить вокруг себя часть старейшинского слоя – воевод, капитанов и др., что обеспечило им поддержку народа в борьбе за создание независимого государства.

В Черногории население сохраняло народные обычаи, язык и старые культурные традиции. Развитие культуры шло прежде всего в русле устно-поэтического творчества народа, в котором особое место занимали юнацкие песни. Большой популярностью пользова-

лись песни, посвященные Косовской битве 1389 г. и ее героям. Они поддерживали в народе надежды на воссоздание Сербского государства. В фольклоре получила распространение также русская тематика – совместная борьба с Россией против Османской империи, одержанные победы над турецкой армией и пр. Много песен было посвящено русским государям, в особенности Петру I.

Монастыри по-прежнему оставались единственными очагами образования. Эмигрировавший в 1757 г. в Россию серб И.С. Балевиц в своих “Записках о Черногории” писал: “В Черной Горе художников и школ никаких, кроме в Цетинском монастыре при архиепископской резиденции для обучения чтения и писания на славяно-сербском диалекте” (правильнее, языке. – *Н.Х.*). Помимо Цетинского монастыря, обучение производилось также в Станевичском и Брчельском монастырях. Ученики обучались по церковным и богослужебным книгам. Присланные из России книги стали для черногорцев первыми учебниками. Но их не хватало, поэтому они бережно хранились¹⁵.

На первых порах из-за отсутствия в стране светского школьного образования черногорцы отправлялись на учебу за границу. В 1757 г. впервые девять юношей были направлены для обучения в Россию. Сначала их зачислили в Киевскую духовную академию, но в следующем году перевели в Петербургский шляхетский сухопутный корпус. Затем на учебу в русские учебные заведения прибыло еще шесть черногорских юношей. Они поступили в Московский университет. Но из-за отсутствия подготовки черногорцы не смогли окончить кадетский корпус и вернулись на родину¹⁶. Если в XVIII в. в России получило образование незначительное число черногорцев, то в XIX в. их численность значительно возросла.

Митрополит Сава Петрович оказался неспособным возглавить борьбу за создание независимого государства. Эту роль взял на себя его племянник митрополит Василие Петрович, вынашивавший план создания “славяно-сербского” государства под покровительством России. Это был энергичный и умный человек, но лишенный амбициозности. Даже его недоброжелатели были вынуждены признавать его как решительного и умного политика – “человека действия”¹⁷. Василие Петрович трижды посетил Россию – в 1752–1755 и 1758 гг. – и скончался в Петербурге в 1766 г. во время третьей поездки. Прежде чем отправиться в Россию, он добился укрепления своего положения в Черногории: в 1750 г. печский патриарх Атанасие II посвятил его в сан митрополита, что открывало для него путь к установлению официальных связей с русским двором. Первая попытка по налаживанию контакта с Россией была предпринята Василие Петровичем еще в 1743 г., когда он вступил в переписку с российским резидентом в Стамбуле А.А. Вешняковым. Сообщая о положении в Черногории и претерпеваемых ею насилиях со стороны османских и вене-

цианских властей, Василие Петрович выразил надежду, что российский дипломат не оставит в беде черногорцев и поможет им “научением и защищением”¹⁸.

После посвящения в сан митрополита Василие Петрович стал исполнять обязанности экзарха “святейшего трона пекского, патриархии славяно-сербской”. Как доверенное лицо сербской патриархии отныне он мог рассчитывать всюду на почетный прием. Заручившись верительной грамотой сербского патриарха Атанасие II и трех митрополитов, Василие Петрович отправился в Россию. В Петербурге черногорский митрополит обратился с прошением о защите и оказании помощи Черногории к Елизавете Петровне, канцлеру А.П. Бестужеву-Рюмину, в Коллегию иностранных дел, вице-канцлеру М.И. Воронцову и др. Благодаря установившимся связям с русскими государственными деятелями ему удалось получить денежную помощь для Черногории. В ответ на обращение митрополита Елизавета Петровна продолжила выплату субсидии Цетинскому монастырю. Задержка с ней произошла потому, что после возвращения в Цетине митрополита Савы Петровича никто за денежной субсидией в Петербург не приезжал. Согласно указу Синода Московская синодальная контора выдала митрополиту Василие Петровичу деньги за 1743–1753 гг., всего 1666 руб. 66 коп. с четвертью. Кроме того, российское правительство пожаловало на восстановление черногорских церквей 5 тыс. руб. и лично Василие Петровичу 2 тыс. руб. в качестве вознаграждения за понесенные при поездке издержки. Василие Петрович получил от Синода также полное архиерейское облачение – украшенную бриллиантами панагию, а также книги. В составленном им списке, помимо церковных книг (евангелии, псалтыри, библии, катехизисы и др.), значились и учебники, в том числе 100 букварей¹⁹.

В это время в Черногории по мере создания органов государственного управления и суда увеличивалась потребность в образованных людях. В своем обращении к императрице митрополит Василие указывал: “Наш православный народ черногорский хотя и храбр есть, но, будучи лишен учения школьного, так что не умеет он обучать ни грамматике, в великой от того нужде находится. А резиденция наша убога и потому не в состоянии из своего имени школ завести”²⁰. Он просил помочь созданию на его родине малых славянских школ, по окончании которых возможно было бы учеников в Россию для “болшаго как церковнаго, так и воинским наукам обучения отсылать”. Во время второй поездки в Россию в 1758 г. он снова ходатайствовал о содействии школьному делу в Черногории. Российское правительство отпустило тогда Цетине на просветительные и церковные нужды тысячу червонцев²¹. Однако наладить в это время в Черногории школьное обучение не удалось. Все же привезенные Василие Петровичем книги способствовали развитию здесь образовательного процесса.

Но заветной мечтой Василие Петровича было добиться покровительства и поддержки России в достижении независимости Черногории и признания за ней роли центра, способного объединить на Балканах освободившиеся от османского гнета славянские народы. Стремясь заинтересовать русских государственных деятелей своим планом, он прибег к идеализации прошлого Черногории и ее современного положения. Так, в обращении к А.П. Бестужеву-Рюмину он утверждал, что черногорский народ никогда не был завоеван турками, а его страна всегда оставалась республикой, возглавляемой митрополитом²².

В своих обращениях, чтобы доказать главенствующую роль Черногории на Балканском полуострове как единственного свободного государства, он представил ее в виде могущественной страны. Идеи, высказанные Василие Петровичем, получили развитие в опубликованной им в России книге “История о Черной Горе” (1754 г.). Это была первая после уничтожения турками Ободской типографии печатная книга черногорского автора. Вслед за Ю. Крижаничем и Г. Бранковичем Василие Петрович выступил сторонником идеи славянской общности. По его замыслу, прототипом единого славянского государства должна была стать средневековая сербская держава.

Хотя “История о Черной Горе” написана из политических побуждений, эта книга представляет научный интерес как первое освещение черногорским автором героического прошлого своего народа. О многих черногорско-турецких битвах Василие Петрович узнал из первоисточников, а в некоторых и сам участвовал или слышал о них от очевидцев. В России книга была издана вторично в 1860 г., в виду “редкости этой книги и важности ее для истории Черногории” в “Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских”. Второе издание было напечатано в типографии Московского университета. Издание книги “История о Черной Горе” и общение черногорского митрополита с русскими государственными деятелями способствовали созданию у правительства и русского общества представления о черногорцах как о неподвластном Порте народе.

В 1754 г. митрополит Василие Петрович служил литургию в присутствии самой императрицы и выступил с поздравительным словом. Однако его внешнеполитические планы не встретили поддержки в Петербурге. В это время Россия, ввиду обострения отношений с Пруссией и затем участия в Семилетней войне 1756–1763 гг., не могла активно поддерживать Черногорию. Российское правительство опасалось, что это вызовет недовольство Османской империи. Вместе с тем правительство Елизаветы, заинтересованное в привлечении на военную службу черногорцев, принимало меры по организации переселения из Черногории. В отношении статуса страны Россия придерживалась твердой позиции: Елизавета рассматривала черно-

горцев как неподвластный Турции, свободный народ. Поэтому российское правительство требовало, чтобы черногорцы как вольные люди могли свободно быть пропущены через турецкие области. В апреле 1755 г. в ответ на сообщение митрополита об угрозе турецкого нападения и подстрекательстве венецианских властей российское правительство выступило перед Портой и венецианским Сенатом в защиту Черногории. Полученные черногорцами в 1758 г. 15 тыс. руб. сделали для них возможным укрепить свое влияние в Герцеговине и других пограничных областях, находящихся под османской властью²³. Часть денег пошла на обновление храмов.

В последней трети XVIII в. в период правления Екатерины II произошла решительная активизация восточной политики России. Стремясь укрепить позиции державы в Черноморском бассейне, императрица продолжила традиционную политику покровительства Черногории. В ответ на обращение в 1762 г. митрополитов Савы и Василие Петровичей с просьбой о защите Екатерина II отдала распоряжение Коллегии иностранных дел оградить черногорский народ “от чинимых им венецианцами обид”. Россия как православная держава, выступая против насильственной пропаганды католицизма, противодействовала также проводимой католической церковью политике униатства. В своем указе в Коллегию императрица потребовала принять меры к прекращению издания в Венеции униатских церковных книг славянской печатью и распространения их в Черногории²⁴. Черногория была поставлена в известность, что она может по-прежнему присылать нарочных в Россию.

По приглашению императрицы в 1765 г. в Петербург прибыл Василие Петрович. В число задач его миссии, помимо просьбы о защите от турецкой агрессии, входило ходатайство о поддержке черногорской церкви. “О награждении святых церквей к славе божией”, – так обосновывал свое обращение митрополит. В ноябре 1765 г. он присутствовал на литургии в придворной церкви. По окончании службы митрополит Василие в присутствии императрицы произнес речь. Но ему не довелось дождаться результата своей миссии. 10(21) марта 1766 г. он скончался и был похоронен с почестями в Петербурге в Александро-Невской лавре. На надгробии была выбита надпись: “На сем месте погребен преосвященный митрополит черногорский и орона сербского екзарх Василие Петрович, от роду имел 57 лет, а преставился марта 10-го дня 1766 года”. Спустя три месяца Синод направил в Черногорию денежную субсидию Цетинскому монастырю и церковную утварь. На родину возвратились также сопровождавшие Василие Петровича иеромонах Иосиф Вукичевич и иеродиакон Петр Петрович Негош – будущий правитель Черногории²⁵.

Митрополит Сава Петрович и другие представители черногорского народа, выражая благодарность Екатерине II за денежную поддержку, просили не оставлять их без “сильной протекции” и

“ежегодного пансиона”. Они обещали пред богом и монаршеским величеством “кровию нашу заслужить”, когда на это будет получено “повеление”²⁶. С началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. черногорцам представился случай выполнить свое обещание. Черногория приняла активное участие в войне против Турции.

В период правления Степана Малого (1767–1773) русско-черногорские связи стали развиваться в русле межгосударственных отношений. После его смерти политические отношения между Россией и Черногорией снова принимают церковную форму. Некоторое время верховная власть в стране оставалась в руках митрополита Савы Петровича.

В 1784 г. правителем Черногории стал Петр Петрович Негош, посвященный в высший духовный сан карловацким митрополитом Мойсие Путником.

Петр I Петрович обучался в 1764–1766 гг. в Александро-Невской лавре. Будучи широко эрудированным человеком, он много сделал для пополнения фондов библиотеки Цетинского монастыря, располагавшей богатой коллекцией рукописей и книг. В числе их имелись издания киевско-печорской, московской синодальной и других типографий. Благодаря его участию были приобретены труды античных классиков, а также современных европейских писателей. Наибольшее число книг было на русском языке. Петр I Петрович занимался и литературным творчеством. Его лучшие произведения – это послания, в которых он обращался к народу и представителям власти. Тем самым он стремился оказать влияние на общественное мнение, в частности предостерегая от такого пагубного патриархального обычая, как кровная месть. Митрополит работал также и над созданием истории Черногории. Небольшая часть его произведения была впоследствии опубликована (в 1835 г. в альманахе “Грлица”, Цетине)²⁷.

После прихода к власти Петр I Петрович возглавил борьбу за создание независимого государства и духовное развитие народа. “Неутомимый архиепископ Петр, которого народ причисляет к святым, – так характеризовал его деятельность М. Костич, – провел всю свою жизнь в величайших заботах о смягчении суровых нравов жителей, об истреблении кровной мести, возмущавшей спокойствие в стране, и о защите своего государства от врагов”²⁸. Сначала Петр I Петрович решил организовать при монастыре школу для обучения детей. Однако пришлось сосредоточить все силы на отпоре агрессии со стороны мятежного правителя Шкодринского пашалыка, вознамерившегося образовать независимое государство в Северной Албании и присоединить к нему Черногорию и Герцеговину. В июне 1785 г. Махмуд-паша Бушати во главе 30-тысячной армии вторгся в Черногорию. Несмотря на героическое сопротивление черногорцев, ему удалось пройти в центральную часть страны и подвергнуть разрушению Цетинский монастырь. Население было обложено данью.

Рис. 8. Митрополит Петр I Петрович Негош

В дальнейшем митрополит предпринял решительные действия по сплочению внутренних сил страны. Под его руководством черногорцы нанесли решительное поражение 35-тысячной армии Махмуда-паши у села Мартиновичи 11(22) июля 1796 г. Когда шкодринский паша в третий раз вторгся в Черногорию, он потерпел сокрушительное поражение в сражении при Крусах 22 сентября (3 октября) 1796 г. С этого времени Черногория становится фактически независимым государством. Черногорцы прекратили платить дань Порте²⁹.

Известие о победе черногорского оружия прогремело по всей Европе. В России оно было встречено с большой радостью. В октябре 1796 г. из Петербурга было направлено митрополиту Петру I Петровичу поздравление в связи со “знаменитой победой” при Мартиничах. Вице-канцлер П.А. Зубов выразил свое восхищение “благоразумным и мужественным предводительством” митрополита и храбростью воинов Черногории. Он писал: “Священное имя моей премилосердной го-

сударыни, аки некое знамение, служило к одушевлению народа черногорского в храбром поражении врагов его". Вице-канцлер заверил Петра I Петровича, что "надежда мужественного и храбростью славного народа черногорского на покровительство" России никогда не может быть оставлена без внимания императрицы³⁰.

Император Павел продолжил политику покровительства Черногории. Петр I Петрович был награжден высшей наградой России – орденом св. Александра Невского, а пятнадцать старейшин – золотыми медалями.

Однако Порта по-прежнему рассматривала Черногорию как часть Османской империи. В дальнейшем черногорцам приходилось неоднократно с оружием в руках противостоять османской агрессии, так как Порта не оставляла надежды вернуть сюзеренную власть над Черногорией. Тем не менее укрепление внешнеполитического положения Черногории создало условия для формирования государственной власти. Первым шагом в этом направлении явилось принятие 18(29) октября 1798 г. на Скупщине в Станевичах первого государственного кодекса Черногории ("Законник общи черногорски и брдски"), известного в национальной историографии как Законник Петра I, владыки черногорского. В качестве основной цели его введения ставилось разрушение родоплеменных обычаев и пресечение кровной мести. После этого было сформировано Правительство суда черногорского и брдского – высший судебный орган, который ведал также административными делами³¹.

Создание правительства увеличивало потребность в образованных людях. Это побуждало привлекать к участию в государственной деятельности иностранцев. Так, первым секретарем Народной канцелярии стал русский протоколист дьякон Алексей. Он завел по русскому образцу архив, установил порядок сохранять копии документов, проходящих через канцелярию. Алексей впервые сделал описания сражений при Мартиничах и Крусах, привел данные о численности воинов обеих сторон и расположении войск. Среди окружения митрополита упоминается также монах Федор Иванчик, русский по происхождению³².

В 1803 г. была принята вторая часть Законника. Из-за отсутствия в стране учебных заведений черногорцы по-прежнему отправлялись на учебу в другие страны, главным образом в Россию и Австрию. Петр I Петрович надеялся, что ему удастся организовать в Черногории школьное образование. Он считал необходимым основать в стране училище и типографию. При этом свои надежды митрополит возлагал на помощь России.

В ответ на его просьбу об оказании содействия в Черногорию были направлены книги и церковная утварь на 2 тыс. руб.³³ Но на открытие и содержание школы в стране, как и прежде, не хватало денег. Удалось только создать небольшую группу при Цетинском монастыре. Занятия велись не систематически, единой программы

не было. Юноши собирались после богослужения у митрополита, который обучал их чтению церковных книг, разъяснял непонятные слова, переводил прочитанное на сербский язык. Часослов и Псалтырь на церковнославянском языке по-прежнему оставались основными учебниками. Таким образом, просвещение в Черногории сохраняло церковный характер. Но в конце XVIII в. помимо церковных книг получают распространение светские издания³⁴.

Митрополит предпринял также усилия для восстановления храма Рождества пресвятой Богородицы в Цетине. На это он решил употребить субсидии, выплачиваемые Россией Цетинскому монастырю, на территории которого находился подлежащий реставрации храм. Эта обитель была варварски разорена и сожжена во время нашествия в 1785 г. Махмуда-паши Бушати (он пробыл в Цетине 20 дней), а ее церковная утварь была разграблена. Учитывая это, Синод не только выдал деньги за прошлые годы (всего 4 132 руб. 36 коп.), но и 1 тыс. руб. за шесть лет вперед³⁵.

После превращения Черногории в фактически независимое государство митрополит Петр I Петрович задумал создать обширное "славяносербское" царство путем объединения с Черногорией Боки Которской, Герцеговины, Дубровника и Далмации. Свои надежды при этом он возлагал на содействие России. Для реализации плана он направил одно за другим три посольства в Россию. Однако для осуществления замысла не было реальных возможностей. Результатом этих обращений явилось установление в 1799 г. ежегодной государственной субсидии в 1 тыс. червонцев "на полезные учреждения, посредством которых в народе упрочились бы христианские добродетели и доставлялись средства к образованию, возвышая благосостояние страны". На три первые субсидии удалось создать основные органы централизованной власти. Из этих денег митрополит оплачивал содержание высшего судебно-административного органа³⁶. Поддержка России не только способствовала сохранению в Черногории православия, но содействовала общему духовному развитию народа. В этом плане большое значение имели присылаемые из России печатные издания. Книги на церковнославянском языке стали служить для черногорцев первыми учебниками. Но попытки черногорских митрополитов наладить в стране при помощи России школьное образование не были реализованы в XVIII в. Тем не менее их деятельность не оказалась безрезультатной. Значительные успехи в этом деле были достигнуты в первой трети XIX в. В 1833 г. при поддержке России была открыта первая начальная школа и возобновлено книгопечатание.

В своем завещании, оставленном черногорскому народу 18 (29) октября 1830 г., митрополит заклинал свято хранить верность "благочестивой и христоролюбивой России", угрожая божьей карой каждому черногорцу, кто помыслил бы отступить от ее покровительства и надежды "на единородную и единоверную" Россию³⁷.

¹ *Дурковић-Јакшић Љ.* Митрополија црногорска никада није била аутокефална. Београд; Цетиње, 1991. С. 11–12; *Петровић Р.* Односи Русије са Црном Гором у XVIII веку: Трагом докумената. Београд, 1998. С. 7.

² *Станојевић Г.* Црна Гора у доба владике Данила. Цетиње, 1955. С. 38–43.

³ *Стојановић П.* Неки проблеми положаја и улоге цркве и црквене организације у Црној Гори // *Историјски записи.* Титоград, 1973. № 3–4. С. 292.

⁴ *Ровинскиј П.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1897. Т. II, ч. 1. С. 409.

⁵ *Костић М.* Школа и жизнь в Черногории // *Славянский ежегодник.* Киев, 1877. С. 191–192.

⁶ *Павићевић Б.* Владика Данило у Петрограду 1715 године. Титоград, 1984.

⁷ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 51–52, 53; Црногорско-руски односи 1711–1918. Књ. 1: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека. Подгорица; Москва, 1992. С. 44.

⁸ Политические и культурные отношения России... С. 54.

⁹ *Павићевић Б.* Владика Данило... С. 35.

¹⁰ Црногорско-руски односи... С. 44.

¹¹ Политические и культурные отношения России... С. 114.

¹² *Павићевић Б.* Владика Сава Петровић у Русији 1743–1744 године // *Историјски часопис.* Београд, 1963–1965. Књ. 14–15. С. 94–109; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 68–69; Црногорско-руски односи... С. 44–45.

¹³ Чит. по кн.: *Бажова А.П.* Указ. соч. С. 82.

¹⁴ Црногорско-руски односи... С. 63.

¹⁵ Там же. С. 39; *Поповић П.И.* Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1951. С. 314.

¹⁶ О зачисленици “црногорског шляхетства младих људи” у студенти Кијевске академије у 1757 году см.: Кијевска старина. Киев, 1901. Т. LXXII. Јанвар. Отдел 2. С. 6–7; *Бажова А.П.* Указ. соч. С. 193.

¹⁷ *Станојевић Г.* Митрополит Василије Петровић и његово доба (1740–1766). Београд, 1979. С. 72.

¹⁸ Политические и культурные отношения России... С. 119.

¹⁹ Там же. С. 177–179, 190, 196, 199, 223–224.

²⁰ Там же. С. 163.

²¹ *Ровинскиј П.* Черногория... СПб., 1915. Т. III. С. 277; *Царевскиј А.* По поводу славянского празднества в Черногории (400-летие православно-славянского кириллического книгопечатания). Казань, 1893. С. 30.

²² Политические и культурные отношения России... С. 185.

²³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: в 15-ти кн. М., 1962. Кн. VIII. С. 375.

²⁴ Политические и культурные отношения России... С. 268.

²⁵ Там же. С. 278–279, 283–284.

²⁶ Там же. С. 285.

²⁷ *Поповић П.* Црна Гора у доба Петра I... С. 318; *Лучић Ч.* Митрополит Петар Први Петровић. Титоград, 1991. С. 174–187.

²⁸ *Костић М.* Современное состояние школ в Черногории // *ЖМНП*, 1873. № 9. С. 3.

²⁹ *Павићевић Б.* Стварање Црногорске државе. Београд, 1955. С. 79; *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе. 1773–1796. Београд, 1962. С. 266–269.

³⁰ Политические и культурные отношения России... С. 374–375.

³¹ Формирование национальных независимых государств на Балканах: Конец XVIII – 70-е годы XIX в. М., 1980. С. 171–174.

³² *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе. С. 261–268; *Лукић Ч.* Указ. соч. С. 173.

³³ Политические и культурные отношения России... С. 379.

³⁴ *Костић М.* Школа и жизнь в Черногории... С. 193–194; *Поповић П.* Црна Гора у доба Петра I... С. 318.

³⁵ Политические и культурные отношения России... С. 379; *Димитријевић С.* Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // Споменик СКА. Сарајево, 1922. Т. 53. Књ. 45. С. 87.

³⁶ *Ровинский П.* Черногория... Т. 1. С. 613, 667.

³⁷ *Драгићевић Р.* Тестамент митрополита Петра I // Историјски записи. 1949. Св. 5/6. С. 243.

РОЛЬ РОССИИ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ БОЛГАР

С завоеванием Болгарии культура ее народа не только лишилась государственной поддержки – она была поставлена под угрозу гибели. Единственным реальным фактором ее сохранения стали народные культурно-исторические традиции, самосознание болгар как сложившейся этнокультурной общности. В эпоху турецкого порабощения речь шла об опасности обращения народа в другую религию – мусульманство, т.е. лишения его фактора духовной независимости – веры.

Судьбы болгарской культуры в решающей степени стали зависеть от силы сопротивления завоевателям широких масс населения и сохранения ими старой религии и элементов народной культуры. Православие сделалось символом верности своему народу, своему прошлому и готовности бороться за восстановление своего государства. Религия рассматривалась как нравственная опора общества. Сохранение христианской веры было одной из основных задач в условиях политического и духовного порабощения и отождествлялось с отстаиванием народного бытия.

В это тяжелое для болгар время все большее значение для развития Болгарии приобретал русский авторитет в различных сферах общественной жизни. Русское церковное и культурное влияние на болгарское общество в XVI–XVIII вв. получило доминирующее значение, в первую очередь благодаря православному духовенству. Московские государи посылали на Балканы своих специальных представителей для раздачи вспомоществования местным церквям и монастырям, поддерживали связи с прибывающими в Россию представителями православного духовенства.

Материальная помощь, которую Россия уже с середины XV в. начала оказывать православным церквям и монастырям в Османской империи, была очень велика. Русские государи щедро жертвовали на них, на откуп храмов, которым угрожала опасность быть превращенными в мечети, на богослужебные книги, иконы, церков-

ную утварь, материальное обеспечение дуверства, на выкуп из рабства пленных христиан и т.д. Особенно богато одаривались русскими царями Рильский монастырь и болгарские монастыри на Афоне — Зографский и св. Павла. Трудно переоценить значение антиминов для православия в Болгарии. Турецкое правительство запрещало болгарам строить новые церкви. Однако это препятствие преодолевалось с русской помощью — через доставку антиминов из России. Антиминс (“вместопрестоліе”) представлял собой четырехугольный плат из льняной или шелковой материи, на котором изображено положение Христа во гроб. По углам его помещались образы четырех евангелистов, а на верхней стороне вшивались частицы мощей. Антиминс, как и престол, освящались архиереем и раздавались в приходы. Он располагался на престоле под Евангелием. На нем совершалось освящение святых Даров во время литургии. Церковь считалась действующей, если в ней был антиминс. В 1707 г. в Болгарию был доставлен антиминс, освященный при Петре I¹.

Церкви и монастыри были едва ли не последними из оставшихся очагов культуры в болгарских землях. В первой половине XVIII в. самыми важными центрами духовной жизни болгарского народа были Афон (Святая гора), особенно Зографский и Хилендарский монастыри. Там наиболее слабо чувствовался гнет поработителей, дышалось свободней. Там копилась знания, впечатления и мысли.

Положение Афона как одного из центров христианской религии на Балканах определилось еще в X—XII вв. и сохранилось на протяжении всего периода османского господства. Здесь в расположенных по соседству греческих, русских, сербских, болгарских монастырях была ключом интенсивная культурная жизнь и происходил постоянный обмен ее достижениями. В свою очередь, монастыри славянских провинций под властью Турции имели с Афоном постоянные контакты.

Многие афонские монастыри, особенно Зографский и Хилендарский, поддерживали хозяйственные, церковные и культурные связи со странами вне Османской империи. Они имели имущество в Валахии, Молдавии и России, направляли группы монахов в Россию для собирания “милостыни”, которые возвращались оттуда, полные новых впечатлений и планов.

Проникновение русской культуры, в частности литературы, в болгарские земли тесно связано с ролью монастырей в духовной жизни болгарского общества. Часто в монастыри приходили из России монахи, книжники, иконописцы, главным образом из Киево-Печерской лавры.

Практика работы русских книжников по духовному просвещению своих братьев в южнославянских, в том числе и болгарских, монастырях имеет древние традиции, но особенно увеличилась в XVII—XVIII вв. Болгарские рукописи, содержащие русские языковые особенности, как и проникновение русских книг в болгарские

Рис. 9. Хилендарский монастырь

земли свидетельствуют о присутствии русских монахов и книжников, некоторые из которых оставили ценные приписки к своим книгам. Так, рукописный миней за ноябрь 1702 г. содержал приписку: “Первым начал эти святые минеи трудом и настоянием игумена Гавриила с братьями... рукою Герасима, иеромонаха, родом русина, лето 7210 (1702 г.)”². Как свидетельствует Василий Барский, монах, посетивший афонские монастыри в первой половине XVIII в., монашеские братства Хилендарского, Пантократорского монастырей и скита св. Троицы состояли в 1744 г. из русских, болгар, сербов, греков и влахов³. Кроме того, монастыри посещались (особенно во второй половине XVIII в.) разными светскими лицами, писателями и учителями из Российской империи, в том числе и Украины.

Для России Афон также имел большое значение. Из православных центров на Востоке он был особенно близок русскому сердцу. Русский монастырь св. Пантелеймона находился под покровительством московских государей. Он являлся посредником между другими монастырями на Афоне и Россией. Монашеское братство Пантелеймонова монастыря состояло в начале XVIII в. из болгарских и русских монахов, которые приходили из русских земель и имели связи с русскими монастырями. Этот русский монастырь своими связями с Рильским, Зографским и другими болгарскими монастырями был известен и почитаем и в некоторых болгарских областях. Болгарские паломники шли на Святую гору с целью увидеть не только болгарские монастыри Зограф и св. Павла, но и знаменитый русский монастырь св. Пантелеймона и русские скиты св. Андрея и св. Ильи, видеть русских иноков, единых по вере и крови. С середины XVI до начала XVIII в. этот монастырь получал щедрые дарения от русских царей (с Ивана IV по 1727 г.).

Из болгарских монастырей на Афоне наиболее известен был в России Зографский. Сохранились поминовения (книжечки со списками для поминовения усопших в церкви), в которые вписано много русских имен почитателей, дарителей, среди которых много представителей династии Романовых, знаменитых родов, а также духовных лиц, особенно украинских. Русские цари посылали на православный Восток так называемую “милостыню” о здравии и за упокой. Среди болгарских монастырей, куда направлялась эта благотворительность, помимо находившихся на Афоне, были Рильский и еще несколько крупных монастырей⁴.

Русские императоры делали ценные подарки болгарским монастырям. Так, на одном экземпляре сохранилась надпись: “В год 1718 я, иеромонах Парфений, был в царственном граде Москве в день Сретения с хрисовулом (грамотой. – *О.М.*) о подаянии. Меня привели к целованию руки великого царя Петра Алексеевича, самодержца, и он даровал нам это святое Евангелие для обители святых верховных апостолов Петра и Павла, что вблизи Тырнова и называется Погожским. Это для памяти читающим”⁵. При Елизавете Петров-

не в 1744 г. целый храм св. Георгия афонского болгарского монастыря св. Павла был украшен прекрасными русскими иконами. Екатерина II подарила Хилендарскому монастырю драгоценную причастную чашу⁶.

Но это были отдельные дары. В целом русская помощь болгарским монастырям во второй четверти XVIII в. была существенно сужена. Русское правительство приняло меры по ограничению потока просителей “милостыни” в Россию. В 1742 г. было решено давать “милостыню” только тем монастырям, которые имели русские дарительные грамоты и в одинаковом размере: раз в пять лет по 175 руб. на каждый монастырь. Это решение было неблагоприятно для монастырей в болгарских землях, так как такие грамоты имели наиболее известные в России христианские святыни. В списке упомянуты только монастыри на Афоне, в него не вписаны ни Рильский, ни какой-либо монастырь в болгарских землях⁷.

Обострение русско-турецких отношений также сказалось на положении монастырей на Афоне. Как свидетельствует Василий Барский, в монастыре св. Пантелеймона до 1735 г. “жили русы и болгары, но потом российским монахам стало неволью выходить из своего отечества в чужие страны, греки взяли власть. Русским, сербам и болгарам жить не попускают”⁸.

Но наибольшие последствия для культурного развития болгарского народа имело русское литературно-художественное влияние. Этот процесс протекал в нескольких направлениях: проникновение в Болгарию русских переводных и оригинальных произведений; широкое распространение русских печатных книг богослужебного характера; сильное русское языковое влияние на болгарский “книжный” язык; интерес русских писателей к болгарскому народу и его истории; интерес болгар к русской истории и литературе; русское влияние в болгарском изобразительном искусстве.

Одним из наиболее значительных культурных явлений в болгаро-русском общении в XVI–XVIII вв. был обильный наплыв русской печатной книги в болгарские земли. Проникновение русской печатной книги в Болгарию началось во второй половине XVI в. через афонские монастыри и усиливалось в последующие столетия. Главными их распространителями на Афоне, в болгарских землях были духовные лица, которые ходили в Россию за “милостыней”. Они покупали или получали в дар богослужебные книги и несли их в свое отечество. Церковные книги дарили русские цари, духовные лица, а также сами болгары. Имеются сведения, что в 1725 г. некая госпожа Мара подарила церкви св. Николая в Нише отпечатанный в России Псалтырь. Русское печатное Евангелие от 1782 г. подарил Хилендарскому монастырю кир Хубан из села (ныне города) Габрово в 1785 г. В 1758 г. трое болгар из Софийской околии купили русское печатное Четырехевангелие большого формата, изданное в Москве в 1753 г., и подарили

его храму Вознесения Христова (Св. Спас в Софии). София была основным местом в болгарских землях, где продавались печатные книги в XVIII в. Игумен Рильского монастыря Феофан подарил в 1756 г. экземпляр Толкового евангелия, отпечатанного в 1704 г. в Москве. В 1757 г. охридский архиепископ Дионисий обратился с письменной просьбой через русского резидента в Вене к императрице Елизавете Петровне и Священному Синоду прислать славянские богослужебные книги. Ему были посланы такие книги, а также Библии, Евангелия для десяти епархий⁹.

В Болгарии в настоящее время сохраняется огромное количество русских старопечатных книг в библиотеках, церквях, монастырях и частных собраниях. И это притом, что греческие монахи, объявив русские книги еретическими, периодически сжигали их. Так, по свидетельству Арсения Суханова, которого послали на Афон в 1650 г. собрать для исправления старые рукописи и книги перед готовившимся Собором, в Хилендарском монастыре сожгли тогда “московские” книги, а нескольких славянских иноков в Хилендаре подвергли заточению. Причем книг сожгли столько, что несколько дней на пламени от них пекли хлеба. По некоторым данным, также книжные автодафе греки устраивали и в XVIII в.¹⁰

Поскольку для растущих нужд болгарского народа печатных книг не хватало, в болгарских землях широко практиковалось переписывание русских печатных изданий. В крупных монастырях работали мастерские по переписыванию болгарских рукописей и русских печатных книг. Некоторые русские издания были столь популярны, что переписывались неоднократно: “Грамматика словенская правильная синтагма”, появившаяся в 1619 г., русское печатное издание сочинений Димитрия Ростовского, Илии Миниата и др.¹¹

Во второй половине XVIII в. переписывание вышло из монастырских стен, хотя основные переписчики по-прежнему работали в них. Рукописи и печатные книги переписывали в разных местах Болгарии монахи и светские лица – грамматика. В софийской государственной библиотеке имеется много подобных переписей, сделанных в различных местах в 60-е годы – конце XVIII в.

Русская печатная книга сыграла в Болгарии исключительно благотворную роль. Она заменила дорогие рукописные книги, содействовала как поддержанию литературной традиции, так и укреплению православной церкви, которой нужно было вести борьбу против католической пропаганды, в сферу которой была вовлечена и Болгария.

В XVIII в. русская книжная продукция увеличилась. Расширилось и ее распространение в болгарских землях. Русские печатные книги с приписками о покупке их в XVIII в. встречаются во всех краях Болгарии. Сохранившиеся смешанные и дамаскинарские сборники свидетельствуют о том, что в них много заимствований из русских печатных книг¹².

Особенно много материалов переняли болгарские книжники из московских печатных “Прологов” – сборников кратких житий святых, патериковых легенд, поучений и назидательных рассказов, расположенных по месяцам и дням года для чтения их в церквах.

В житиях, помещенных в “Прологах”, болгарин еще задолго до написания “Истории славяноболгарской” находил исторические сведения о своем прошлом, встречал рассказы о своем происхождении, о первых основах своего государства, о его былом величии, о своих мучениках за веру. Причем необходимо подчеркнуть, что сведения, содержащиеся в “Прологах”, читались с амвонов православных церквей, становились действительно известны каждому православному болгарину.

Например, каждый год 14 февраля и 11 мая в болгарских монастырях и церквах читались жития Кирилла и Мефодия. Так с течением времени образы основоположников славянской письменности все ярче сияли в сознании болгарина, связывали его с родным языком, письмом и с культурными достижениями славянства.

Вдохновляла болгар борьба Кирилла Философа против так называемой “триязычной ереси”, против тех, кто отрицал право на славянское богослужение. Позднее эта борьба стала знаменем болгар в противостоянии эллинизму и эллинизации болгарских земель, в борьбе за самостоятельную церковь, за национальную независимость и свободное государство.

Большое значение имело и житие первого славянского отшельника Иоанна Рильского, помещенное в “Прологах”, предназначенных для чтения 19 октября. По содержанию оно близко к житию, составленному в XIII в., которое встречается в болгарских рукописных сборниках. Сохранившиеся кое-где в болгарских монастырях, они оставались неизвестными широким народным массам, тогда как московские печатные “Прологи” были во многих городских и сельских церквах. Это житие заканчивалось обращением к святому о спасении его болгарского народа: “Сохрани непорочную веру, охрани весь народ, избави его от голода и гибели, сохрани его от нападения иноплеменников”¹³.

В московских печатных “Прологах” предусматривалось чтение 21 октября слова “О перенесении мощей св. Иллариона, епископа Мыгленского”. В нем наряду с важными историческими событиями прошлого болгарского государства сообщались сведения о его границах.

О славе Тырнова как царского города болгары узнавали из “Прологов” 14 октября (“Слово о преподобной Параскеве”) и 22 ноября (“Успение святого преподобного Михаила”).

Популяризация подвига софийского новомученика Георгия за веру и народ (он отказался принять ислам и его подвергли страшным истязаниям) в Болгарии и других славянских странах также главным

образом принадлежит “Прологам”. Не менее важное значение имело то влияние, которое оказывало это русское сочинение на богомольцев в те страшные времена, когда подвергались уничтожению их религия и народное сознание.

В “Прологах”, включавших жития Далмата (30 мая) и Исакия (2 августа), описывались сражения между болгарами и греками, в которых не одна победа увенчивала болгарское воинство. Читанные и услышанные с церковных амвонов, эти сочинения повышали у болгар чувство собственного достоинства, укрепляли их силы в борьбе против посягательств греческого духовенства.

Сведения о хане Круме и его наследниках болгарские богомольцы получали и в слове о греческих святых мучениках Мануиле, Георгии, Негре, Леонтии, Сионии, Гавриле, Иоанне и других 377 христианских мучениках. Оно было предназначено для чтения 22 января. С этого слова иеросхимонах Спиридон сделал перепись, которая называлась “О священномучениках, иже убиенных в Болгарии”, в его “Истории во кратце о болгарском народе словенском”¹⁴.

Многие материалы из “Прологов” неоднократно переписывались болгарскими книжками, например, “Поучения женам, чтобы были молчаливы”, слово Иоанна Златоуста “О злых женах”. Предпочтением пользовались среди болгарских книжников XVIII в. и “Поучение о вреде пьянства”, “Слово о небыде вдов и сирот”. Это был призыв к народу сохранять в чистоте свои нравственные принципы¹⁵.

Доказано, что Никифор Рильский, один из самых продуктивных болгарских книжников второй половины XVIII в., при написании сочинения “Златоустов маргарит” в 1767 г. использовал текст “Жития Алексия божьего человека” – текст “Пролога”, отпечатанного в Москве в 1735 г. Этот текст использовали поп Пунчо (1796 г.) и поп Тодор (1761 и 1772 гг.) в своих рукописных сборниках. Вообще повествование об Алексии имело непреходящее влияние на болгарский народ¹⁶.

Богатая древнерусская литература оказала влияние на болгарскую не только своими богослужебными и религиозными книгами, но также своими летописями и воинскими повестями.

В библиотеке Хилендарского монастыря находились переписи “Задонщины” и “Повести о Мамаевом побоище”. Необходимо подчеркнуть, что такое важное произведение древнерусской литературы, в котором прославляется мощь русского оружия, а Москву называют объединительным центром поднимающейся России, проникло в среду южных славян, что бесспорно имело положительное воздействие при создании культа России как их освободительницы.

Популярна у составителей сборников XVII–XVIII вв. была и “Повесть о падении Царьграда”. Современные исследования по-

казывают, что используемый болгарскими книжниками вариант “Повести” имел русское происхождение и восходил в основном к сочинению Нестора. “Повесть” пришла в Болгарию вместе с другими печатными книгами. Наибольшее же распространение получило московское издание 1713 г., в котором использовался текст в переработке А. Лизлова (вторая половина XVII в.). Это издание переписывалось книжниками подчас буквально. Болгарские читатели узнавали о росте военного могущества Московского государства, его славы, приобщались к основной идее автора “Повести”, что Москва – надежда всего славянского мира¹⁷.

О храбрости и военных победах Калояна и Ивана Асеня II рассказывает книга “Рай мысленный”, изданная в России Иверским монастырем в 1659 г. Огромное воздействие этой книги на болгарских книжников засвидетельствовано дошедшими до нашего времени несколькими переписями помещенного в ней “Сказания о Святой горе Афонской”. В ней автор Стефан Святгорец, которого некоторые источники считают болгаринном, с подчеркнутым восторгом рассказывает о победе царя Калояна над римлянами и их царем Болдуином, освобождении греков от власти Рима, о вероломстве византийского императора Михаила Палеолога, решившего погубить своего спасителя. Калояну удалось спасти ценой большой человеческих жертв. Он вернулся на родину, собрал огромное войско, вступил в греческие земли и покорила многие из них. Тогда греки заключили с римлянами унию с целью избавиться себя от болгар. Против этой унии выступили святгорские (афонские) монастыри. Их непокорство было жестоко подавлено римлянами, которые ограбили и сожгли башни Зографского монастыря. Погибли 22 монаха. Особенно воспитательное и нравственно-религиозное воздействие имели диалоги между озверевшими римлянами и преданными огню зографскими мучениками. В них ярко проявляется нравственное превосходство, твердость и мужество поведения болгар, которые умирали за свою веру и свой род, но не отрекались от них.

Эта напечатанная в Иверском монастыре повесть имела большое воздействие на болгарских книжников. Оно шло по двум линиям: как любимый печатный источник для переписи и как богатый источник исторических материалов для болгарских историков второй половины XVIII в. “Рай мысленный” в различных переписях (XVII – конца XVIII вв.) имелся в библиотеках афонских и Рильского монастырей¹⁸.

Новым элементом в болгарской книжности XVIII в. являются участвовавшие сведения о России, о важных событиях русской истории. Болгарские книжники были знакомы с этими событиями, особенно с русско-турецкими войнами, о которых оставили много интересных приписок, показывающих, что надежды болгарского народа были связаны с Россией как своей спасительницей.

Особенно много о русских написано во время правления Петра I.

В первой половине XVIII в. среди болгар широко распространяется биография Петра I, повествовательные и поэтические произведения о его победоносных войнах, песня “Радуйся, российский орел двуглавый!” и т.д. В своей автобиографии Партений Павлович с восторгом описывает Полтавскую битву, Петра Великого и мощь России, цитирует упоминаемую выше песню в переработанном автором виде. Рукопись Лесновацкого монастыря сообщает, что в 1711 г. безбожный турецкий султан начал войну с Москвой¹⁹.

Образ Петра не померк в глазах болгарских книжников и в конце века. В своем дамаскине поп Пунчо поместил “Повесть о царе московском Петре” (1796 г.), где выражал надежду, что русские всем сердцем желают освобождения болгар, и утверждал, что ни один государь не может победить “московца”, что от Бога русским определено “покорять все веры и язычников под свою власть” и что болгары “все время молят Бога избавить” их от “проклятых турок”. Основное содержание “Повести” касается истории крещения Руси и основывается на материалах русских летописей. Этот откровенный панегирик в честь русских монархов является своеобразной попыткой осмысления исторической миссии России в отношении болгар. К концу века относится и болгарская редакция южнославянской “Песни о Петре”, выдержки из которой встречаются в рукописи того времени, хранящейся в Народной библиотеке “Кирилл и Мефодий” в Софии²⁰.

В Болгарии получили распространение российские книги, напечатанные главным образом в типографиях Москвы, Львова и Киево-Печерской лавры. Очень характерно, что авторы и издатели книг в украинских типографиях имели конкретную цель – распространение своих изданий в славянских странах как “многонациональное славянское сокровище”²¹.

Русские печатные книги укрепляли славянское самосознание болгарского народа и понимание его родственных связей с русскими и украинцами.

Печатные книги на русском церковнославянском языке оказали воздействие на болгарский книжный язык, в результате чего в Болгарии оформилась так называемая церковнославянская языковая редакция, отчетливо появившаяся в восточноболгарских рукописях. Русские печатные книги, удовлетворяя нужды болгарского духовенства и церковного богослужения, были мощным оружием в борьбе болгарского народа против политики эллинизации, проводившейся греческими церковниками.

Наиболее распространенные учебные книги были связаны с грамматическими знаниями. Большинство на эту тему сочинений, которые встречаются в болгарских рукописях XVIII в., происходят от печатной грамматики русского церковнославянского языка Ме-

летия Смотрицкого. Она имела большое воздействие на составителей первых учебников по грамматике в Болгарии не только в XVIII, но и в XIX в. Видный болгарский просветитель и литератор Неофит Рильский использовал ее при создании своей “Болгарской грамматики”, отпечатанной в 1835 г. в Крагуеваце²².

Наряду с грамматикой Смотрицкого распространялись и другие русские грамматические сочинения. В 1788 г. в Калофере иеромонах Памво переписал из русской книги грамматическое сочинение, которое разъясняло понятия орфографии, просодии, этимологии и синтаксиса. Оно ввело много славянских терминов, даже термин “грамматика” был переведен как “письменица”.

Широкое распространение церковнославянского языка подвигло Марко Тодоровича, “булгара родом из Разлога”, издать в 1792 г. в Вене букварь церковнославянского языка, который использовался для обучения детей в болгарских школах. А штипский митрополит Дионисий Византиец составил греко-славянский разговорник²³.

Многие болгарские историки XVIII в. использовали преимущественно оригинальные русские сочинения и печатные книги или переведенные на русский язык. Автор знаменитой “Истории славяноболгарской” Паисий пользовался не только сохранившимися на Афоне грамотами болгарских царей, сочинениями Евфимия Тырновского и его последователя Григория Цамблака. В библиотеках Хилендарского и Зографского монастырей, где жил и работал Паисий, он имел возможность почерпнуть “книжной мудрости” русских, о которой говорит в своей “Истории”. Не случайно Паисий писал о процветании книжного дела в России. Для своего труда он применял “различные истории рукописные и печатные, что издавали русские и московцы особенно ради словенского (народа)”²⁴.

Источниками для труда Паисия стали русские издания книг: “Славянское царство”, вышедшее под названием “Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского”, далматинского историка начала XVII в. Мавро Орбина (СПб., 1722 г.); “Деяния церковная и гражданская” ватиканского хрониста XVI в. Цезаря Барония (М., 1719); “Феатрон или Позор исторический” протестантского епископа Вильяма Стратемана (СПб., 1724); “Стематогграфия” – пособие по славянской геральдике, созданное в 1741 г. выходцем из Македонии Христофором Жефаровичем и сыгравшее большую роль в становлении национального самосознания болгар; а также оригинальные сочинения известных русских и украинских писателей XVI–XVII вв. Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, известный свод житий церковного писателя Димитрия Ростовского, “Синописис” – впервые опубликованный в 1674 г. учебник русской и славянской истории Иннокентия Гизела. Исследователи считают, что русскими источниками “Истории славяноболгарской”

являются летопись “Повесть временных лет” монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, “Прологи” московского издания и Кормчая книга* – предположительно Рязанская Кормчая книга “Об отпачении римлян от Восточной церкви”²⁵.

Во времена Паисия Хилендарского на Афоне жил русский писатель архимандрит Паисий Величковский, оставивший яркий след в истории русской культуры. В 1746 г. он создал молдавско-славянскую аскетическую литературную школу, где переводились на книжные языки труды византийских писателей. В 1763 г. из-за притеснений греческого духовенства многие монахи славянского происхождения ушли в Молдавию, где Величковский стал игуменом Нямецкого монастыря близ Ясс.

К школе Величковского принадлежит болгарской историограф Спиридон, написавший в 1792 г. “Историю во кратце о болгарском народе славянском”. Русский литератор не только вызвал у Спиридона интерес к литературной работе, но и снабдил большим количеством русских источников, благодаря которым его сочинение напоминает “Историю славяноболгарскую”. Помимо трудов Мавро Орбина, Цезаря Барония, Паисия Хилендарского, источниками для его сочинения были Кормчая книга 1653 г. издания, “Камень соблазна” Или Миниата (1744 г.), “Рай мысленный” (1659 г.), сочинение Дмитрия Ростовского, из которых он приводит целые отрывки и цитаты²⁶.

Много написано о влиянии на творчество Софрония Врачанского сербской, новогреческой литературы, западноевропейской культуры и литературной мысли. Но только болгарский ученый Б.Ст. Ангелов вспомнил о бесспорном влиянии русской литературы на Софрония, показанное им самим в его сочинениях. Мы ограничимся только одним из первых произведений Софрония – Видинским сборником 1801 г. Софроний сам в послесловии написал, что

---

* Кормчие книги – сборники церковных и светских законов, являвшихся руководством при управлении церковью и в церковном суде некоторых славянских стран, а также соборных, апостольских и епископских посланий. Восходят к “Номоканону” – сборнику церковных правил, государственных постановлений и законов Византийской империи, относящихся к христианской церкви. Во второй половине IX в. “Номоканон” был переведен для болгарской церкви. В XIII в. был заимствован русской православной церковью, приспособлен к условиям Руси и получил название “Кормчие книги” (кормчий – “рулевой, управляющий”). На Руси они дополнялись нормами светского права. В конце XV – начале XVI в. Кормчие книги из-за большого количества разночтений подвергались пересмотру. Впервые Кормчая книга была издана в 1650 г. (так называемая Иосифовская), затем в 1653 г. – Никоновская (по именам патриархов) и в 1787 г. – так называемая Екатерининская Кормчая книга. Последнее издание – в 1816 г.

Кормчие книги являются важным источником по истории церкви, социально-экономического и политического строя, общественно-политической мысли, культурных связей восточных и южных славянских стран средневековья.

“слова” и поучения собрал из многих книг на “славянском” языке и записал их на простом болгарском наречии, потому что многие священники, монахи и простые читатели не понимали книжного языка. Так Софроний ясно определил источники, которыми он пользовался: книги, изготовленные “типографскими славянскими словами” – “Прологи”, до создания Видинского сборника издавались только в России и только Московским печатным двором²⁷.

Вторая половина XVIII в. была временем, когда в болгарской грамотной среде расширялся интерес к своей истории. В конце века в Болгарии пользовался большой популярностью русский перевод четырехтомного труда Штитера, изданный в 1771–1779 гг. и содержащий выписки из византийских авторов о прошлом русского и некоторых соседних ему народов, в том числе и болгарского. Но более ярко этот интерес был выражен Атанасом Нековичем, который по настоянию болгарских торговцев в Буде подготовил и отпечатал книгу “История славяноболгарского народа” (Буда, 1801), которая представляла собой переработку разделов по болгарской истории из многотомного труда Йована Раича с добавлениями и уточнениями из новых русских изданий²⁸.

Во времена турецкого ига в Болгарии, как и на всем Балканском полуострове, было сильным влияние русского изобразительного искусства. Оно осуществлялось посредством посещения русскими иконописцами афонских монастырей и их работе в них, посредством русских икон, попадавших и в болгарские земли, художественно изготовленных крестов и мощехранилищ, гравюр в печатных книгах.

О роли русских иконописцев на Афоне говорит тот факт, что с конца XVII в. каноническое наставление о том, как писать иконы, греческая “Эрминия”, дает рекомендации своим читателям, “как писать икону по-московски”. Это, по мнению А.Н. Грабаря, свидетельствует о том, что “русские, некогда ученики, стали учителями и сразу же начали играть ведущую роль в искусстве балканских христиан”²⁹. В XVII–XVIII вв. русские иконы буквально наводнили Афон.

В болгарские земли в XVII–XVIII вв. русские иконы попадали разными путями: дорогие, изысканной работы, дарили приезжавшим в Россию представителям болгарской церкви иерархи русской церкви, члены русской императорской фамилии и дворянство; иконы менее “искусного письма” покупали и брали с собой многочисленные русские паломники.

Однако основное количество русских икон шло на Балканы именно торговыми маршрутами, и начинались они в первую очередь

---

* “Эрминия или наставление в живописном искусстве”, составленное иеромонахом и живописцем Дионисием Фурноаграфитом, служила руководством для русских иконописцев и содействовала усвоению ими новых приемов живописи.

в крупнейших центрах народного иконописания Российской империи. Это были владимирские села Палех, Мстера, Холуй, где писали известные в свое время по всей России и вывозившиеся в другие православные страны в основном так называемые “расхожие” (т.е. “дешевые”, “расходившиеся” в народной среде) иконы “суздальских писем”, получившие свое “бытовое”, а затем перешедшее в русскую историографию название. Иногда их называют “краснушками” по сочетанию цветов. На юго-западе России таким центром народного иконописания было село Борисовка Курской губернии.

Русские иконописцы из этих сел издавна привозили свои изделия на продажу в балканские страны. В 1704–1705 гг. они приезжали группами по 15–16 человек, причем эти поездки не встречали препятствий со стороны турецких властей. Русские иконы продавались даже в самом Стамбуле. От налогового обложения они были освобождены. Но три года спустя ситуация изменилась, и русские крестьяне, привезшие на продажу иконы, были арестованы как лазутчики. После этого молдавскому и валахскому господарям было дано османским правительством распоряжение строго следить за лицами, приезжавшими из России. П.А. Толстой хлопотал об освобождении арестованных иконописцев. В разговоре с ним везир заявил, что много россиян со множеством икон ездят по всему государству, посещают Софию, Салоники и другие места. Количество русских икон исчислялось во “многие тысячи”. Несмотря на то что и русское правительство дало указание киевскому губернатору о закрытии границы для русских офеней и запрещении им торговать иконами в землях, находящихся в составе Османской империи, своих поездок русские иконописцы отнюдь не прекратили. “Многие жители Холуя и Палеха отходят со святыни иконами в дальние страны, то есть в Польшу, Славонию, Сербию, Болгары и прочия, и там они святые иконы променивали”, – писал в 1754 г. протоиерей Суздальского собора Ананий Федоров³⁰.

Под влиянием русской иконописи болгарские иконописцы в 1728 г. расписали церковь св. Атанаса в Арбани. Русское влияние заметно и в работах представителей Самоковской и других иконописных школ. Около 1725 г. в Россию уехал один иконописец из Карлово, который пробыл там два года, а вернувшись в Болгарию, расписал церковь в Калофере.

Одним из основных источников русского влияния на болгарскую иконопись второй половины XVIII в. были гравюры, в том числе и в русских печатных книгах. Первые гравюры, которые изображали Рильскую обитель или Иоанна Рильского, были изготовлены в России. В 1792 г. при содействии болгарских торговцев братьев Мустаковых московский гравер Николай Дьяконов создал гравюру с изображением Иоанна Рильского с житием. Многие российские гравюры с видом святогорских монастырей (Зографского и Хилендарского) изготовлены в Москве, Львове и Киево-Печерской лавре. В то

же время в болгарскую иконографию проникают изображения ряда русских святых (Борис и Глеб, Феодосий и Антоний Печерские, Дмитрий Ростовский и другие)³¹.

Русское культурное влияние в Болгарии многогранно. По мнению болгарского ученого Б. Пенева, нельзя назвать еще какое-либо общество, кроме России, которое так освежало бы и поддерживало духовную жизнь болгарских монастырей в XVIII в. Но наиболее сильным было русское и украинское культурное влияние, шедшее в Болгарию "по книгам московской и киевской печати". Оно благотворно отразилось в эпоху Болгарского возрождения³².

Значительный подъем русской политической, церковной и культурной жизни в XVIII в. обусловил явление, характерное для России и имевшее особенно важное значение для болгарского народа. Речь идет об оказании русскими официальными кругами и церковью помощи христианам, находившимся под османским господством. Помимо посылки большого количества книг, икон, церковной утвари, в это время было положено начало обучению болгар в Российском государстве. В этом отношении первенство принадлежало созданной в 1632 г. Киево-Могилянской академии. В ней в первой половине XVIII в. получили образование ряд болгар (Виктор Черняев, Арсений Стойков, Яков Иванович, Иван Попович, Арсений Иванов и др.). В Нежине и Москве обучались на духовников некоторые болгары. Вернувшаяся из России баба Фота открыла первую в Болгарии школу для девочек³³.

В XVIII в. в России усиливается интерес правительственных кругов и общества к истории и судьбе славянства. По распоряжению Петра I Савва Владиславич-Рагузинский перевел на русский язык и издал упомянутое выше сочинение Мавро Орбина "Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского". В ней выдвигалась теория скандинавского происхождения славян, к которым причислялись и такие неславянские народы, как германцы, турки. Орбин представлял "славянский народ" единым и грандиозным, обитавшим некогда на трех материках Старого света. Это сочинение стало одним из основных источников формирования славистических знаний в России³⁴.

Изучение происхождения и ранней истории русского народа не могло вестись изолированно от начальной истории всех славян, в частности южных. Большое значение для освещения общих проблем славянства имели труды В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова.

В "Истории Российской" (она была закончена в 1739 г., но издана лишь тридцать лет спустя) В.Н. Татищев отвел большое место древнейшей истории народов всей Восточной и Юго-Восточной Европы, в особенности славянам, рассказывал о расселении последних из Сирии, Малой Азии и Кавказа на восток и юго-восток, о появлении уже много позже наименования "славяне". Путь он касался особенностей внутреннего быта славян и даже их современного положения.

В главе “Южные славяне” автор не скрывал трудности скольконибудь удовлетворительно осветить древнюю историю этих народов ввиду скудости источников, имевшихся в его распоряжении, критиковал, теории происхождения славян Мавро Орбина. Здесь читателям сообщалось о тяжелом положении южнославянских народов в составе Османского и Австрийского государств³⁵.

Большое научное значение и общественное звучание получили труды М.В. Ломоносова. В “Кратком российском летописце” (СПб., 1760) и “Древней российской истории” (СПб., 1766) М.В. Ломоносов касался происхождения, языка, истории славян, их культурно-исторических связей на ранних этапах развития. Он писал о высоком уровне общественного развития древних славян, их “величестве” и силе. Исходя из концепции Нестора и ряда средневековых хронистов, Ломоносов излагал гипотезу этногенеза славян, позднее получившую название дунайской, или балканской³⁶.

Исторические труды М.В. Ломоносова, характеризовавшие итоги изучения древней истории славян в России к середине XVIII в., во многом определили развитие славистики в стране. Произведения Ломоносова, популярные в России, были известны и зарубежным славянским историкам, в частности сербу Й. Раичу.

Как уже отмечалось, во второй половине XVIII в. Россия тесные культурные связи поддерживала с сербами, что отчасти определило публикацию некоторых сочинений сербских авторов. В числе их был первый том “Истории разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов” Й. Раича (СПб., 1795). Этот факт свидетельствовал в очередной раз об интересе, проявлявшемся в России в этот период к славянам.

В труде Раича впервые систематически излагалась история всех южнославянских народов в их тесной связи между собой. Вторая книга этого тома называлась “О болгарском народе” и была посвящена истории болгар, о которых русские читатели знали очень мало. Как и М.В. Ломоносов, Й. Раич возвеличивал древних славян, говорил о достоинствах, высоких нравственных качествах современных южнославянских народов, об их тяжком положении под властью Турции. “Род сей болгарский по природе возрастом родствен, телом крепок, умы неизучен, нравы прост, в вере постоянен, в богатстве скуден. Зане ненасытное турецкое грабление, разными происками все имение их истощило...”, – такую характеристику давал автор современным болгарам³⁷.

В последней трети XVIII в. стали появляться некоторые произведения о положении славян в Османской империи, написанные по личным впечатлениям. В 1790 г. была издана книга П.А. Левашова, советника стамбульской миссии, которому после начала русско-турецкой войны пришлось испытать муки плена (в 1769–1770 гг.). Именно в качестве пленника ему довелось побывать в ряде балканских городов и селений (Филиппополе, Софии, Нише, Белграде и

др.). В своей книге он описал свои приключения, сообщая при этом краткие сведения о некоторых балканских городах, о встречах с болгарскими сербами. Это сочинение отличает резкая антитурецкая направленность³⁸.

Как следует из вышеизложенного, сведения о болгарском народе, его истории в России были скудны. На официальном уровне прямых контактов с представлениями болгарского народа еще не было. Однако расширение торговых связей болгар с Россией, усиление культурных, бытовых контактов с русскими в результате русско-турецких войн второй половины XVIII в., переселенческое движение болгар в Россию – все это способствовало усилению сношений между двумя славянскими народами, причем настолько, что для болгар стало необходимым знать русский язык. В 1801 г. был составлен болгаро-русский словарь³⁹.

Важным элементом духовной жизни болгар, свидетельствующим о широком распространении в болгарском обществе русофильских настроений, являлся образ России как “Деда Ивана”, призванного освободить Болгарию от ненавистного османского ига.

Отношение к России как к своей надежде и опоре начало складываться у болгар с первых веков османского ига. Россия оставалась единственной в мире независимой православной страной, все более растущей в своем могуществе. Представления об особой миссии России на Востоке возникли в среде болгар и благодаря позиции самого Российского государства, поддерживавшего христианство, оказывавшего материальную помощь немногим сохранившимся болгарским монастырям, особенно на Афоне.

Ряд источников, прежде всего некоторые из зафиксированных сюжетов устного народного творчества, позволяют предположить, что у болгар постепенно сложилось нечто вроде своеобразной системы легендарных представлений, в центре которых стоял образ России⁴⁰.

В XVIII в. благодаря росту русско-болгарских благотворительных связей и в результате многочисленных русско-турецких войн представления легендарного характера постепенно сменяет более достоверная информация. По мнению исследователей, именно на этом фоне и начал формироваться образ освободителя “Деда Ивана”. В этот период два типа мышления, по-видимому, некоторое время тесно переплетались, образуя своеобразный сплав мифологизированного и конкретно-политического сознания. Ярким примером этого может служить упоминавшийся выше известный памятник конца XVIII в. “Повесть о московском царе Петре”. По мнению автора “Повести”, после принятия христианства русские становятся богоизбранным народом, а их царь – непобедимым. Далее проводится прямая связь между особым статусом русских и возможностью освобождения болгар от владычества неверных⁴¹.

В XVIII в. в связи с ростом влияния России на Балканах среди болгар складывается исключительно положительный образ русского народа, что не могло не повлечь за собой формирования в среде рядового болгарского населения стабильных русофильских настроений, ставших уже к концу века одним из традиционных компонентов народной духовной культуры, завершившихся в XIX в. оформлением образа “Деда Ивана”.

¹ Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. М., 1880. Т. 1, ч. 2. С. 215; Снегаров И. Культурни и политически връзки между България и Русия през XVI–XVII в. София, 1953. С. 121.

² Ангелов Б. Из историята на руско-българските литературни връзки. София, 1972. С. 102.

³ Барский В.Г. Странствования Василия Григорьевича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1885. С. 623, 644, 659.

⁴ Снегаров И. Указ. соч. С. 37, 41.

⁵ Гюзелев В. Болгарский народ и Россия в XV – первой половине XVIII в. // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 24.

⁶ Снегаров И. Указ. соч. С. 121.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Барский В.Г. Указ. соч. С. 690.

⁹ Снегаров И. Указ. соч. С. 111, 112, 115; Гандев Х. Фактори на Българското възраждане // Проблеми на Българското възраждане. София, 1976. С. 41.

¹⁰ Ангелов Б. Из историята... С. 101; Снегаров И. Указ. соч. С. 102; Златарски В.Н. Нова политическа и социална история на България. София, 1921. С. 145.

¹¹ Ангелов Б. Из историята... С. 101.

¹² Атанасов П. Българо-руски литературни връзки през XVII и XVIII в. София, 1986. С. 70.

¹³ Там же. С. 94–96.

¹⁴ Там же. С. 97, 101–102.

¹⁵ Там же. С. 71–78.

¹⁶ Там же. С. 60–64, 66.

¹⁷ Там же. С. 82–88; Ангелов Б. Из историята... С. 105.

¹⁸ Атанасов П. Указ. соч. С. 97–98.

¹⁹ Ангелов Б. Съвременници на Паисий. София, 1964. Ч. II. С. 204–205; Он же. Из историята... С. 109.

²⁰ Ангелов Б. Български разказ за покръстването на русите // Известия на Институт за българската литература. София, 1958. Т. VI. С. 258–259.

²¹ Гюзелев В. Указ. соч. С. 25.

²² Атанасов П. Указ. соч. С. 52.

²³ Снегаров И. Указ. соч. С. 119; История на България. София, 1985. Т. V. С. 151.

²⁴ Паисий Хилендарски. Славянобългарска история. София, 1989. С. 173.

²⁵ Велчев В. Паисий Хилендарски. Епоха, личност, дело. София, 1981. С. 79; Ангелов Б. Паисий Хилендарски. София, 1985. С. 84–86.

²⁶ Диневков П. Из историята на българска литература. София, 1969. С. 137; Златарски В. История во кратце о българском народе славенском. Сочинися и списася в лето 1792 Спиридоном иеросхимонахом. София, 1974.

²⁷ Ангелов Б. В зората на българската възрожденска литература. София, 1969. С. 126; Атанасов П. Указ. соч. С. 149.

²⁸ История на България. Т. V. С. 151.

²⁹ Grabar A. L'expansion de la peinture russe au XVI–XVII siècles. Beograd, 1940 (Цит. по: *Рогов А.И.* Связи Руси с балканскими странами в области изобразительного искусства в XVI–XVII вв. // Советское славяноведение. 1979. № 3. С. 62).

³⁰ *Тарасов О.* Русские иконы XVIII – начала XX в. на Балканах // Советское славяноведение. 1990. № 3. С. 50; *Крылова Т.К.* Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709 гг.) // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 268.

³¹ *Гюзелев В.* Указ. соч. С. 27.

³² *Пенев Б.* История на новата българска литература. София, 1966. Т. II. С. 9; *Дылевский Н.* Рильский монастырь и Россия в XV–XVII веках. София, 1974. С. 17–18.

³³ *Гюзелев В.* Указ. соч. С. 27; История на България. Т. V. С. 107.

³⁴ *Моисеева Г.Н.* Славистика в России XVIII в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XVIII Международный съезд славистов. Докл. сов. дел. М., 1976. Т. 1. С. 511–512.

³⁵ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 210, 330–331.

³⁶ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. VI. С. 190–191.

³⁷ *Раич И.* История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов. СПб., 1795. С. 316.

³⁸ *Левашов В.А.* Плен и страдание россиян у турков или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царь-граде по объявлении войны... СПб., 1790.

³⁹ *Снегаров И.* Указ. соч. С. 119.

⁴⁰ *Державин Н.С.* “Дядо Иван” (Болгарская народная историческая легенда) // Племенные и культурные связи между болгарским и русскими народами. М.; Л., 1944. С. 103–109; *Макарова И.Ф.* Легендарные представления болгар о России в XV–XVIII в. // Балканские исследования. Вып. 16; Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX в. М., 1992. С. 130–140.

⁴¹ *Ангелов Б.* Български разказ... С. 259.

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ И БОЕВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

НА ЗАПАДЕ БАЛКАН

Петр I, определяя для России внешнеполитическую стратегическую перспективу, с самого начала рассматривал христианские народы Балкан как потенциальных союзников в противостоянии России и Турции¹. По окончании конгресса в Сремски-Карловцах и заключении перемирия с турками сроком на два года русский дипломат Б.П. Возницын сообщал 24 января (4 февраля) 1699 г. из Петроварадина в Москву, что он направил в Иерусалим старца Григорие для переговоров с патриархом Досифеем. Иерусалимские патриархи, имевшие агентов разных национальностей и положения в Стамбуле и других местах Османской империи, были хорошо осведомлены о ситуации в Турции и Восточном Средиземноморье. При этом они были расположены к России. Старцу Григорие было поручено выяснить у патриарха в связи с жесткой позицией Турции, “чтоб он сказал и отписал, что лучше: в миру ль с ними быть, или в войне, и буде в миру, на чем они с нами помирятся? Не станут ли просить тех городов (на Днепре. – *И.Л.*) или иного чего? И буде быть в войне, можем ли мы с ними одни воевать, и помогут ли и пристанут ли к нам греки, волохи, мултяне, сербы, болгары и иные православные народы, и мочно ль на них надежду иметь?”² Уже в конце XVII в. русская дипломатия разрабатывала вопрос о возможности совместных действий российской армии и угнетенных народов Балкан в случае войны с Турцией. Намечались новые формы внешнеполитических действий на юге. Параллельно проводился сбор сведений о южных славянах, географии их расселения, военно-морских знаниях, участии в антиосманской борьбе.

На Балканах тем временем атмосфера была наполнена ожиданием русско-турецкой войны. Этим во многом объяснялось развитие русско-сербских контактов. В начале века Россию посетили ряд видных сербов. В мае 1710 г. сербские полковники из австрийских пределов Йован Текелия, Вулин Илич и Хаджи Рашкович направили в Москву сотника Богдана Поповича с письмом, в котором говорилось об их готовности в случае войны России с Турцией выставить 10 тыс. сербов из габсбургских владений в по-

мощь русским войскам³. Обобщенную проникновенную характеристику положения и настроения православного населения на Балканах дал иерусалимский патриарх Хрисанф в письме Петру I в 1707 г.: “Весь православный народ под владением тиранским обретающийся, пребывает в великой бедности, скорби и нужде, и много не обретает утешения и отрады, кроме что по Бозе уповает без замедления видеть свободителя своего, новаго Мойсея, ваше непобедимое и державное величество...”⁴ Поэтому неудивительно, что с объявлением Турцией войны России, в преддверии выступления российской армии Петр I обратился 3(14) марта 1711 г. с грамотой к балканским христианам, призывая их к вооруженной борьбе против Турции.

Активную роль в подготовке грамоты и доставке ее на Балканы сыграл серб Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, переехавший в 1708 г. в Москву и ставший приближенным русского царя. На следующий день после подписания грамоты он направил письмо соплеменнику Михайло Милорадовичу, который занимался торговлей скотом в Валахии и Венеции. Владиславич-Рагузинский извещал о пожаловании Милорадовичу, а также Алексею Поповичу в Пече чина полковников русской службы с жалованием в 500 золотых червонцев. Владиславич приложил к письму экземпляры грамоты Петра I и просил Милорадовича отправиться в Сербию, Албанию и Черногорию, чтобы поднять население против турок. Милорадовичу надлежало также писать и другим верным лицам, в том числе капитану Алексию, чтобы тот поднял хорватов.

Милорадович вместе с капитаном Иваном Лукачевичем, выходящим из Подгорицы, посетили Черногорию, Албанию и Герцеговину. В Цетине они вручили грамоту черногорскому митрополиту Данило Петровичу Негошу. Черногорские воеводы и другие видные лица с воодушевлением восприняли призыв Петра I. Экземпляры грамоты были переправлены на Балканы также с помощью других лиц. Они были доставлены и сербским офицерам Текелии, Иличу и Рашковичу. К этим лицам неоднократно обращался Владиславич-Рагузинский, призывая сербов к выступлению против турок и соединению с русскими войсками в районе Дуная⁵.

7(18) мая 1711 г. Петр I, давая указы командующему русскими войсками фельдмаршалу графу Б.П. Шереметеву и В.В. Долгорукому о быстрейшем движении русских войск к Дунаю с целью опережения турецкой армии, ссылаясь при этом на обращения к нему с просьбой о скорейшем выступлении и с обещанием поддержки со стороны господарей Молдавии и Валахии, а также сербов. При этом Петр I наставлял: “И трудиться привлекать к себе волохов, мультян, сербов и прочих христиан”. В квартиру Шереметева был послан Владиславич-Рагузинский “для советов в тамошних делах”⁶. В его задачу входили консультирование командования по балканским вопросам и координация действий в случае выступления против турок

христиан. Начиная в 1711 г. кожный поход, Петр I не ограничился призывами к подвластным Порте народам, но и предпринимал практические действия, чтобы привлечь к России внутренние силы Турции и опереться на них в войне с нею.

Призывы, поступавшие из России, получили отклик среди угнетенных народов. В Черногории, Герцеговине и Албании развернулись антиосманские выступления. В рядах Милорадовича собралось около 30 тыс. представителей балканских народов. Русский торговый консул в Венеции Д.Ф. Бодис сообщал 18(29) августа 1711 г. Петру I о готовности христиан к восстанию: “Ежели крепкия ваши войска чрез Дунай пройдут, то учинятся во всей Румели, Македонии и в Греции бунты и вооружатся христиане на прогнание общаго врага христианов”. Печский патриарх Афанасие в грамоте Петру I от 13(24) июля 1711 г., выражая полную поддержку России, писал: “На никого иного не имамо надёжду, такмо на единого бога, пак на ваше пресветло царское величество...”⁷

Поход Петра I оказался неудачным. После заключения Прутского мира из Турции приходили тревожные сведения, и были серьезные опасения возобновления войны, поэтому приготовления к ней не прекращались.

Дважды султан объявлял войну России. В начале 1712 г. некий сербский поручик привез в Киев Б.П. Шереметеву новую грамоту вышеназванных полковников с подтверждением готовности сербов к совместным действиям с российской армией. Доходили слухи о согласии 20 тыс. сербов из австрийских пределов отправиться через Молдавию на театр военных действий. В ответ 25 марта (5 апреля) 1712 г. Петр I направил грамоту сербскому патриарху Афанасие с призывом “христианский народ ко избавлению от варварского ярма склонять”⁸.

Во время прутских событий связь русских официальных лиц с сербами из австрийских и венецианских владений и с черногорцами поддерживалась, кроме специальных посланцев, через Кантакузинов. Фома Кантакузин, спафарий Валахии, перешел в 1711 г. на русскую службу, получил чин генерал-майора от кавалерии и большие поместья. Он находился в Киеве и имел постоянные контакты со спафарием Михаилом и стольником Константином Кантакузинами. Связующую роль в отношениях с сербами играли также Бодис и официальный российский агент при Венецианской республике и других итальянских государствах М. Каретта.

После подписания очередного мирного договора с Турцией в 1712 г. канцлер Г.И. Головкин в письмах от 12(23) мая и 26 мая (6 июня) известил Михаила Кантакузина и сербских полковников, чтобы “приготовление к походу весьма отставить”. В правительстве воцарилась надежда, что на южных рубежах страны установится долгожданный мир. Но лишь в 1713 г. Россия и Турция подписали в Адрианополе устойчивый мирный договор. И все это время отряды

Милорадовича и черногорцев продолжали вооруженные действия против турок “з государевыми знамены”⁹.

Царские обращения к христианским народам Балкан в период прутской кампании с призывом поддержать российскую армию в исторической перспективе заключали плодотворные идеи, но в реальных условиях начала XVIII в., когда не сложились еще предпосылки для совместных масштабных действий России и угнетенных народов против Турции, они питались преувеличенными надеждами на боевое сотрудничество. Действия повстанцев были разрозненными и локально ограниченными. Скванность населения в немалой степени объяснялась отдаленностью театра военных действий русской армии, а также позицией Австрии и Венеции, препятствовавших вовлечению в войну южных славян и движению их отрядов в Молдавию.

И тем не менее подготовка Прутского похода и сам поход российской армии, сопровождавшиеся изданием грамот Петра I к балканским народам, обменом письмами между официальными и полуофициальными представителями России и видными лицами в разных краях Балкан, посылкой специальных курьеров, формированием добровольческих отрядов христиан и их вооруженным выступлением против Турции – все это создало новую психологическую атмосферу в Юго-Восточной Европе. Несмотря на неудачу прутской кампании Петра I, духовное состояние угнетенных народов характеризовалось пробуждением у них надежды на освобождение от власти Порты с помощью России и зарождением веры в нее.

В свою очередь прорусские настроения христианского населения способствовали дальнейшему повышению интереса официальной России к балканскому региону. И она шла по пути расширения отношений с населявшими его народами. Психологический фактор впервые становился существенным обстоятельством во внешней политике России, в данном случае на балканском направлении в условиях актуальности черноморской проблемы.

Слухи и вести о начавшейся в 1768 г. русско-турецкой войне распространялись среди балканских славян прежде всего православные монахи, свободно передвигавшиеся для сбора “милостыни” в пределах “своих” государств, и, как правило, хорошо информированные торговцы. Война была встречена на Балканах с волнением, пробудив у угнетенных народов надежды на освобождение от турецкой власти.

В российской действующей армии сражались полки, состоявшие из представителей православных народов, в первую очередь выходцев с запада Балкан, сербов и черногорцев. Такие воинские части существовали в России с 1725 г. Они участвовали в сражениях за Хотин, Каменец-Подольский, Фокшаны, Браилов (Брэила), в широко-масштабной кампании в Валахии и во взятии Бухареста.

Особенно отличились воинские формирования, которыми командовал генерал-майор И.М. Подгоричани (Подгоричанин). Черногорец по происхождению, он поступил на российскую военную службу в 1759 г. в чине полковника. В ходе Семилетней войны Подгоричани проявил себя при взятии Берлина. В 1766 г. он был произведен в генерал-майоры и пожалован земельными владениями. Через два года за участие в войне с конфедератами Подгоричани получил польский орден Св. Станислава. В 1769 г. он был признан в графском достоинстве. Екатерина II неоднократно отмечала в письмах к разным лицам его военную доблесть. Она писала, в частности, А.Г. Орлову: “Что же касается до его усердия и храбрости, также и искусства в военном деле, о том все не сомневаются”¹⁰.

Гусарские полки Подгоричани – Ахтырский, Сербский и Харьковский – в бою при Фокшанах (4(15) января 1770 г.) разбили 10-тысячную турецкую армию. Его части блестяще проявили себя в сражениях у Рябой могилы (17(28) июня 1770 г.), на реке Ларге (7(18) июля), на реке Кагуле (21 июля (1 августа)), где потерпела поражение 150-тысячная армия турок. За мужество, проявленное Подгоричани на Кагуле, Екатерина II выразила ему в рескрипте “удовольствие свое и признательность”. Полки генерал-майора участвовали также в осаде и штурме Браилова. В 1770 г. Подгоричани вышел в отставку в чине генерал-поручика¹¹.

Ахтырским полком в кампании 1770 г. командовал полковник С.С. Пишчевич. Граничарский офицер, он переехал, преодолев большие трудности, из Австрийской монархии в Россию в 1754 г. С.С. Пишчевич неоднократно выполнял секретные поручения российских властей, в частности по организации переселения южных славян в Россию, участвовал в польской кампании. В ходе русско-турецкой войны полковник-серб неоднократно был отмечен командованием¹². В дальнейшем Пишчевич получил чин генерал-майора. Он оставил воспоминания, занявшие достойное место в истории сербской литературы XVIII в.

Ряд славян за мужество и отвагу удостоились представления к наградам и производства в чины. Среди них были полковник Н.И. Чорба, премьер-майоры Г. Подгоричани, П. Вуич, П. Вукотич, секунд-майоры М. Губер, М. Чалинович, поручик М. Чернич и др.¹³ Южные славяне, вынужденные в силу сложившихся обстоятельств покинуть родительский край и нашедшие в России вторую родину, сражались против поработителей своего народа под российским флагом.

Как уже отмечалось, Екатерина II издала 29 января (9 февраля) 1769 г. грамоту греческому и славянским народам Балкан с призывом сбросить турецкое иго, защитить святую церковь и восстановить былую “вольность” вооруженным путем при поддержке России. Императрица торжественно объявила “верными и неложными друзьями” России “все те народы, кои в настоящей войне составят

ради собственной своей пользы, вольности и благополучия общее с нами дело"¹⁴. Она обещала представлять их интересы при заключении мира с Турцией.

В ходе войны командующий Первой армией П.А. Румянцев и адмирал Г.А. Спиридов обращались к сербским князям и к христианским народам Балкан в целом с призывами вступать добровольцами в российскую армию и подниматься на борьбу против турок, "чтоб возстановить в прежнее достоинство свое отечество"¹⁵.

Балканский план Екатерины II о соединении военных действий российской армии и массовых вооруженных выступлениях христианских народов Балкан против Турции опирался на общность государственных нужд России и интересов подвластных Порте христиан в ослаблении султанской империи. С началом русско-турецкой войны на имя Екатерины II и российских официальных лиц поступали предложения, как авантюрные, так и дельные, об освобождении христиан. Это подкрепляло императрицу и ее окружение в мыслях о готовности балканских народов к активной борьбе за освобождение от власти Турции вместе с Россией.

Петербургское правительство располагало сведениями общего характера о психологической обстановке в балканском регионе, заслуживающими внимания предложениями. Однако ему не хватало конкретных знаний о положении дел на местах, данных о населении, географических сведений, карт. Все это сказалось на развитии событий.

В подкрепление грамоты Екатерина II выделила солидную сумму денег и направила из Балтики в Средиземноморье флот, который вез десантные войска, артиллерийские орудия, ружья и прочее военное снаряжение. Главной, первойшей задачей эскадры Г.А. Спиридова была военная поддержка вооруженного выступления славян и греков. Подготовка и общее руководство масштабной операцией были возложены на графа А.Г. Орлова, находившегося в начале войны в Италии. Он сообщал Екатерине II, что подготовка восстания идет полным ходом. Он полагал, что вооруженные действия начнутся одновременно в Майне, Акарнании и Черногории. Орлов располагал сведениями, что в этих местах готовы выступить соответственно 25, 20 и 15 тыс. человек¹⁶. Екатерина II торопила Спиридова.

В 1770 г. П.А. Румянцев на основе мандата императрицы, выданного черногорскому архимандриту Григории Дрекаловичу, направил его на Балканы¹⁷. Здесь действовали и другие российские посланцы. На эмиссаров возлагалась пропагандистская и организационная работа на местах. Они были призваны ознакомить население с грамотой Екатерины II, привлечь добровольцев в российскую армию, поднять народ на вооруженную борьбу с турками.

Отклик сербского народа на русско-турецкую войну был в разных землях неодинаковым. В Белградском пашалыке еще в пред-

двери войны было беспокойно. С началом военных действий турки, не без оснований опасаясь волнений христиан, приняли меры для разоружения населения. Это сопровождалось насилиями и грабежами. Передвижения турецких войск в свою очередь приносили сербам неисчислимые бедствия. Сербские крестьяне, монахи, священники искали прибежище на австрийской стороне¹⁸.

В январе 1770 г. старорашкский кнез А. Рашкович и боснийский кнез И. Хаджилазаревич, узнав о намерении Екатерины II освободить христианские народы от “тиранства поганского”, обратились от имени сербского народа к ней с просьбой ввести российские войска на территорию проживания сербов. Они выражали готовность не только обеспечить армию провиантом, но и пролить “последнюю каплю крови” за церковь, православную веру и императрицу¹⁹.

Известия о победах русского оружия вызывали у сербов чувства радости и укрепляли веру в Россию. Однако присутствие повсюду турецких войск, проведенное властями разоружение райи, отдаленность театра военных действий от районов проживания сербов сдерживали их готовность и возможность включиться в борьбу против Турции. К тому же Сербия в 1772 г. поразила эпидемия чумы.

Прорусские настроения проявляли православные монахи, священники, даже граничары в пограничных с Турцией районах Австрийской монархии, в частности, в далекой от театра военных действий Лике в хорватской части Военной Границы. Связи с русскими поддерживали православные монахи через Триест и Котор. Австрийские власти, опасаясь усиления влияния России на своих подданных и их политической активности, сурово карали за “бунтарские речи”. В Среме, расположенном в соседстве с Белградом, сербы с воодушевлением встречали вести о победах русского оружия. Имели место случаи бегства граничар из Срема и Баната, а также жителей Земуна в Сербию и далее в российскую армию в Валахии. В целях предотвращения дезертирства из граничарских частей австрийские власти ужесточили контроль на границе с Турцией и Валахией, расквартировали в Банате регулярные немецкие и венгерские части и приняли меры по усилению надзора за православным населением на Военной Границе. Пойманные перебежчики сурово наказывались²⁰.

Сербы, проживавшие на северо-восточном побережье Адриатики, особенно в Боке Которской, несмотря на противодействие венецианских властей, с прибытием в феврале 1770 г. российского флота к греческим берегам пришли в движение. Участие славян-добровольцев в десантных операциях и морских сражениях российского флота получило массовый характер. Некоторые из них поступили на русскую службу.

По прибытии эскадры Г.А. Спиридова в порт Витуло на Майне здесь уже стоял на якоре купеческий корабль, капитаном которого был славянин Палекутий (Палекути), перешедший по приглашению

А.Г. Орлова на российскую службу. Корабль с 20 орудиями на борту получил название “Св. Николай”²¹.

Командирами в морских сражениях нередко были перешедшие на русскую службу славяне. В 1770 г. аттестаты российских офицеров получили Иван Войнович, капитан фрегата “Победа”, Марко Войнович, Иван Чувлич на фрегате “Слава”, Николай Кужавац на судне “Михаил Архангел”²². Славяне встречались среди командиров галер.

Блестяще проявили себя в морских операциях черногорцы Иван и Марко Войновичи, выходцы из Боки Которской. Майор Ив. Войнович во время кампании 1771 г., будучи капитаном фрегата “Св. Николай”, принимал участие в сражениях в Эгейском и Средиземном морях и был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1772–1774 гг. он командовал небольшой эскадрой. Лейтенант М. Войнович отличился в морских операциях 1771 г. на своем фрегате “Слава”. В следующем году он также был отмечен орденом Св. Георгия 4-й степени²³.

Рядом с регулярными российскими частями сражались отряды славянских добровольцев из западных районов Балкан. В 1770 г. капитаны И. Войнович (Кнежевич) и И. Белич проявили готовность вывезти на двух кораблях из Боки Которской волонтеров, пожелавших сражаться против турок. В 1769 г. на русскую службу поступил Марко Ивелич, собрав 900 добровольцев в городе Рисан в Боке Которской. Однако венецианцы рассеяли этот отряд, подвергнув разорению дома его участников. В 1773 г. неутомимый Ивелич вновь набрал 100 человек. На этот раз купленное им судно венецианцы отобрали. Тогда Ивелич нанял венецианское судно и тайно прибыл с волонтерами в эскадру Г.А. Спиридова. Добровольцы под командованием Ивелича участвовали в высадке десантов и в тяжелейших сражениях с турками, в том числе при Станчио и Будруме²⁴.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. всколыхнула славян на западе Балкан, вызвав наиболее живой отклик у сербского населения на всей территории его проживания. Большую активность проявили жители северо-восточной Адриатики. Это выразилось как в участии в составе регулярных частей в результате перехода на российскую службу, так и в добровольческом движении. Сербь внесли посильный вклад в сокрушение военной силы Турции на суше и на море. В совместных действиях российских регулярных частей и добровольцев крепло понимание сербами важности союза с Россией для их освобождения от власти Турции.

Немаловажное значение имела моральная поддержка сербским народом России. Екатерина II в идейном обосновании своей внешней политики, по крайней мере ее юго-западного направления, уделяла серьезное внимание вопросу, как выглядела Россия в глазах Европы. Императрица использовала из арсенала Просвещения принцип справедливости для утверждения геополитических интересов Российского государства.

Война России с Турцией 1787–1791 гг. сочеталась с австро-турецкой войной, что определило существенные особенности в позиции и поведении сербского населения, а также отличия в ситуации на местах. В этой кампании, как и ранее, в рядах регулярной российской армии сражалось немалое число южных славян – офицеров и рядовых. Еще в 1783 г. полки, состоявшие из представителей этих народов, были реорганизованы и слились с русскими соединениями.

Получила дальнейшее развитие военно-морская карьера Войновичей. Флотская судьба графа М.И. Войновича была связана с Черным и Каспийским морями: одно время он командовал Астраханской флотилией, в 1783 г. в чине капитана 1-го ранга – первым черноморским кораблем “Слава Екатерины”. В 1786 г. М.И. Войнович стал начальником порта Севастополя; в 1787 г., получив чин контр-адмирала, возглавил Севастопольскую эскадру. За боевые действия у берегов Румелии М.И. Войнович был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. В 1790 г. контр-адмирал стал командиром Каспийских морских сил; в 1796 г. – адмиралом российского флота. Он вышел в отставку в 1805 г.

Продолжил фамильную традицию Николай Войнович, закончивший в 1783 г. кадетский корпус. За мужество и отвагу, проявленные в морских сражениях, Н.Д. Войнович был награжден орденом Св. Владимира. Он служил в русском флоте до 1801 г., командуя кораблями “Св. Иоанн Богослов” и “Навархия”²⁵.

Многие представители сербского народа, находившиеся на российской службе, отличились в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Они были представлены к наградам и к повышению в чине. Среди них были генерал Текели, посмертно награжденный орденом Св. Владимира 1-й степени, генерал-майор Д. Неранчич, награжденный орденом Св. Владимира 2-й степени, подполковник М. Ивелич, награжденный тем же орденом 4-й степени, Н. Дживович, С. Достанич, награжденные орденами Св. Георгия 4-й степени, и др.²⁶ Российское правительство отметило их вклад в победу над Турцией.

Во второй русско-турецкой войне Екатерина II намеревалась применить на Балканах тактику, использованную в конфликтной ситуации 60–70-х годов. 17(28) февраля 1788 г. она вновь обратилась с грамотой к христианскому населению Балкан, призвав его “защитить веру и православную греческую церковь и возвести на степенъ благополучия народы христианские, страждущие от тиранства варваров”, подняться на борьбу с османским владычеством при поддержке российского оружия. Екатерина II выражала надежду, что “все исповедающие благочестивую веру избавятся на веки от ига варварскаго и господства агарян”²⁷.

Императрица планировала отправить в Средиземное море балтийскую военную эскадру. Командование русскими войсками и флотом в Средиземноморье было возложено на адмирала С.К. Грейга. Координацией действий должен был заниматься генерал-поручик

И.А. Заборовский, который прибыл в Триест. Война со Швецией помешала осуществлению этого плана. Тем не менее была проведена большая подготовительная работа по встрече флота и подкреплению корабельного десанта добровольцами из местного населения.

Для набора южных славян на русскую службу императрица распорядилась послать в Далмацию эмиссаров, в том числе российского подполковника графа М.К. Ивелича, который должен был действовать вблизи Дубровника, и др. Предполагалось также расположить Дубровник к поддержке России и использовать, в частности для перевозки волонтеров, зафрахтованные в республике суда. В Черногорию были направлены грамота Екатерины II и письма к митрополиту Петру I и “чинам тамошним” с призывом к антиосманскому выступлению. В Цетине прибыли русские офицеры полковник Тутомлин и премьер-майор Драшкович для организационной помощи черногорцам. В Приморье и Черногории действовал также майор русской службы Сава Миркович, выходец из Далмации. Он выполнял к тому же сложную миссию тайных переговоров со шкодерским пашой, находившимся в конфликте с Портой, с целью привлечения его к поддержке России²⁸.

Тем временем местное население южной и юго-западной частей Балканского полуострова с надеждой ожидало прибытия российского флота. 25 сентября (6 октября) 1788 г. И.А. Заборовский писал канцлеру А.А. Безбородко об ожидании христианскими народами Северной Адриатики с “нетерпеливостью” прибытия российского флота и их желании принять участие в вооруженных действиях против турок. “Всякой почти день приходящая толпы людей со изъяснением такового их разположения не допускают нимало сомневаться о готовности их к тому”. Русские представители благодарзвонно воздерживались от формирования добровольческих отрядов до прихода российской флотилии во избежание напрасных жертв со стороны подвластного туркам населения. Тем не менее М.К. Ивелич, не ограничивая сферу своей деятельности Далмацией и Дубровником, вербовал добровольцев в Герцеговине и Черногории. Он составил из славян корпус в 1300 человек и обеспечил его необходимой провизией. Добровольческое “войско” собрал также А. Неманич, служивший в русском флоте. И дубровчане, как сообщал И.А. Заборовский А.А. Безбородко в июле 1788 г., также проявили согласие оказать поддержку России не в последнюю очередь благодаря умелым действиям Ивелича, но втайне от турок²⁹. Все ожидали команды к действию.

Восстание южных славян на побережье Адриатики не состоялось: российская эскадра не прибыла. Тем не менее сербы Герцеговины и черногорцы, составив отряд численностью в 4 тыс. человек, провели ряд успешных операций против турецких гарнизонов. В рапорте Г.А. Потемкину о своей миссии М.К. Ивелич в ноябре 1790 г. свидетельствовал об “искренней приверженности к службе ея и.в.

всего славянского народа, коего храбрые подвиги противу турков довольно похвалить невозможно. Сколько же оные при нынешних военных обстоятельствах нужны и полезны для России, то вашей светлости более всех известно. Одно только то ко утверждению союза нашего с славенским народом сказать могу, что оной, безпристанная причина разорения того края подданным Оттоманской империи, удерживает сим самим по крайней мере до 40 000 военных турок и не допускает их присоединиться к главной их армии”³⁰. В ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг., несмотря на неблагоприятные обстоятельства, окрепли связи между Россией и славянскими народами западной части Балкан.

С австро-турецкой войной были связаны события, развернувшиеся в Сербии и Боснии. Иосиф II задолго начал подготовку к войне с Турцией. На Балканы были направлены тайные агенты для сбора разведывательных данных, вербовки на местах осведомителей и пропаганды австрийской политики среди христианского населения.

С Сербию посетили несколько разведывательных групп австрийских офицеров, которые собрали ценные сведения о состоянии турецких войск и установили связи с авторитетными христианами в городах и селах. Австрийская разведывательная деятельность проводилась также в Боснии, но она встретила здесь с непредвиденными трудностями ввиду большей строгости турецкой административной службы.

Результаты тайных миссий в Сербию австрийскому военному командованию казались столь успешными, что оно еще до начала войны с Турцией разработало план взятия Белграда с помощью завербованных в городе лиц, используя общее недовольство населения разнузданностью янычар в Белграде и неспособностью центральной власти покончить с анархией в городе и навести порядок в пашалыке. Дважды австрийское командование намечало операцию – в декабре 1787 г. и январе 1788 г. И всякий раз неожиданно обрушивающийся ураган опрокидывал эти планы³¹.

Объявляя в феврале 1788 г. войну Турции, австрийское правительство рассчитывало переложить ее тяжесть на плечи сербского народа. На берегах Савы и Дуная вяло проходила концентрация войск. Командование ограничивалось изданием фельдмаршальского патента, обращенного к сербам, и отправкой в пашалык лиц, способных поднять население на вооруженную борьбу против турок. Сам факт объявления Австрией войны Турции ободрил сербов, породив надежды на скорое избавление от ее власти. Антиосманские настроения подогревались агитацией в ходе трехкратной поездки по Сербии епископа Бачки Йована Йовановича. Все это работало на поддержку населением габсбургских войск.

Среди заброшенных в Сербию лиц был Коча Анджелкович, уроженец села Паневац близ Ягодина, видный торговец скотом, имевший широкие связи в селах долины Моравы. За полгода до начала

войны он с семьей бежал в Банат и вступил в числе первых в формировавшийся здесь фрайкор. С его появлением с небольшим отрядом добровольцев в феврале 1788 г. в Сербии началось восстание населения в ряде нахий. За короткое время территория между Дунаем и Савой на севере и городом Ягодином на юге оказалась в руках повстанцев. Отряды Кочи, насчитывавшие около 3 тыс. человек, контролировали пути, ведущие из Поморавья к Белграду.

Между тем австрийские власти тянули с форсированием армией Дуная, с юга двигались турецкие регулярные части. Были разграблены и сожжены крупные сербские монастыри Йошаница и Раваница, служившие опорными пунктами повстанцев. Все это вызвало распад добровольческих отрядов и бегство их участников по домам. Летом 1788 г. повстанческое движение под руководством Кочи Анджелковича прекратило существование. Сам он, по-видимому, попал в руки турок и подвергся жестокой расправе. Подъем и распад в первой половине 1788 г. в центральной части Сербии массового антиосманского движения, не получившего действенной поддержки с австрийской стороны, появление национального героя Кочи Анджелковича и его трагический конец – все эти события произвели неизгладимое впечатление на современников-сербов и оставили глубокий след в исторической памяти народа³².

Почти одновременно с развитием событий в долине Моравы и в Шумадии на западе Сербии развернул свою деятельность первый в этой войне фрайкор под командованием граничарского офицера майора Михаило Михалевича, который пополнился местными добровольцами. В задачу фрайкора входила блокада путей, ведущих из Боснии к Белграду. Но ввиду отсутствия австрийских войск в Сербии, их крупного поражения в Банате на фрайкор Михалевича, особенно после распада добровольческого движения под руководством Кочи Анджелковича, легла вся тяжесть военных операций в Сербии. Численность бойцов в фрайкоре достигла 3600 человек, в его операциях участвовали еще около 900 “нерегулярных” добровольцев. Более мелкими отрядами повстанцев нередко руководили духовные лица³³.

Только после безуспешных переговоров австрийцев с турками о мире летом 1789 г. австрийская армия под водительством маршала Лаудона форсировала Саву и Дунай. В результате длительной осады, в которой принимали участие и сербские фрайкоры, 8 октября 1789 г. пал Белград. Это стало вершиной австрийских успехов в войне с Турцией. Взятие Белграда вызвало ликование сербов. Австрийские войска заняли также несколько населенных мест в Западной Боснии. Но обострение отношений между Австрией и Пруссией вынудило Лаудона в начале 1790 г. поспешно повернуть на север для соединения с главными силами австрийской армии, сосредоточенной в Южной Венгрии и переориентированной теперь на противостояние Пруссии. Тяжесть войны с Турцией вновь взяли на себя фрайко-

ры. В начале 1790 г. они освободили почти всю северную Сербию. Однако удержать ее без поддержки регулярных войск долгое время они не могли.

Со смертью Иосифа II и вступлением на престол Леопольда II круто изменилась внутренняя и внешняя политика Вены. Новый монарх встал на путь заключения сепаратного мира с Турцией. В самой Сербии турецкие войска теснили фрайкоры, которые в течение весны и лета 1790 г. оставили долины Западной и Большой Моравы. Продвигаясь на север, турки сжигали села и опустошали землю.

Австро-прусская конвенция, заключенная в Рейхенбахе в июле 1790 г., обязала Австрию признать *status quo* в отношении Турции. Все это ускорило вывод австрийских войск из Сербии и роспуск фрайкоров. Согласно Систовскому (Свиштовскому) мирному договору, подписанному между Австрией и Турцией 4 августа 1791 г., Австрия обязалась вернуть Сербию Турции, Порта же гарантировала общую амнистию ее населению и признавала австрийское подданство за эмигрантами. С ним рухнули надежды сербов с помощью Габсбургов освободиться от власти турок.

Война сопровождалась массовой эмиграцией и передвижением сербского населения. В течение только первого ее года Сербию покинули по меньшей мере 80–100 тыс. человек. Сербы оставляли и Боснию. 1790 год был отмечен очередной волной переселенческого движения сербов. Охваченные ужасом турецкой расправы, крестьяне бежали за Саву в австрийские владения, скрывались в горах или сдавались на милость османов в надежде на спасение. В общей сложности из Сербии и Боснии эмигрировали тогда в Австрийскую монархию около 45–50 тыс. человек. По окончании войны встал вопрос о переселении герцеговинских беженцев в Россию³⁴. Из Стамбула поступали указания воспрепятствовать бегству населения из Западной Сербии, Шумадии, долины Моравы как с помощью силы, так и обещаний общей амнистии. В 1792–1796 гг. в Белградском пашалыке свирепствовала эпидемия чумы. Население перебиралось в восточные, более безопасные районы. Эпидемия захватила также Боснию. Это был очередной акт трагедии народа. Он привел к изменениям демографической карты Сербии, Боснии, Герцеговины и пограничных с Турцией австрийских пределов.

Австро-турецкая война 1788–1791 гг. фактически велась силами фрайкоров и добровольческих отрядов. Фрайкоры насчитывали более 15 тыс. бойцов, что в шесть раз превышало численность австрийских войск в Сербии и Боснии³⁵. Безрезультатность этой войны при массовых жертвах со стороны сербского народа оставила тяжелый след в сознании широких масс населения.

Тем не менее опыт, обретенный сербами в эти годы, не остался напрасным. Это было первое фактически самостоятельное, не

подверженное непосредственно планам, задачам и прямому руководству австрийского командования, хотя и связанное с политикой Австрии в регионе, массовое вооруженное выступление народа против османского господства. Оно стало прелюдией освободительного Первого сербского восстания. Однако это движение не имело тогда четко обозначенной политической перспективы. Фрайкоры по своему определению были призваны обеспечить переход Сербии и Боснии под власть Австрии. В обстановке отступления австрийских войск из Сербии проявились и иные настроения. Архимандрит известного монастыря Тронеша в Сербии Стеван Йованович, возглавивший массовое переселение сербов в монархию, архимандрит знаменитого монастыря Студеница Василие Радосавлевич и прота из Ягодина Йован Милович, будучи в Среме, в мае 1791 г. составили прошение, в котором была сформулирована первая программа автономии сербов в рамках Османской империи. Они предлагали, чтобы Сербии в мирном договоре Австрии с Турцией было обеспечено положение, подобное статусу Валахии, во главе с кнезом. С этим прошением Ст. Йованович отправился в Свиштов, но был задержан австрийскими властями и отправлен в Белград³⁶.

После заключения мира с Австрией и Россией Порта приняла меры с целью успокоения населения и стабилизации положения в Белградском пашалыке. В 1791 г. султан Селим III запретил янычарам проживание в Белградском пашалыке. В 1792, 1794, 1796 гг. были изданы ферманы, предоставившие пашалыку внутреннюю автономию. Значительно расширились права избираемых сербских властей (обер-кнезов и кнезов), было упорядочено налоговое обложение, разрешено возведение православных церквей и монастырей и пр. Турецкие власти практически утратили влияние на местах. Однако процесс восстановления сербами разграбленных и сожженных сел и хозяйства протекал на фоне не прекращавшихся столкновений турецких войск с янычарами, насилием со стороны разбойных групп и эпидемии чумы. Относительно мирное развитие и вовсе прекратилось в 1799 г., когда Селим III под давлением противника реформ видинского паши Пазванд-оглу, с одной стороны, и ввиду потребности в войсках для войны с Францией – с другой, был вынужден разрешить янычарам вернуться в Сербию. В 1801 г. в Белградском пашалыке власть захватили четыре янычарских начальника (дахиев). Разгул насилия получил небывалый размах.

В начале XIX в. общественные противоречия в Сербии достигли предельной остроты. Они получили разрешение в Первом сербском восстании 1804–1813 гг., оказавшем судьбоносное влияние на развитие всего сербского народа. В ходе восстания доминантой политического развития Сербии стал военно-политический союз ее с Россией.

- ¹ Подробно о формировании балканской политики Петра I см.: *Лециловская И.И.* Петр I и Балканы // *Вопросы истории.* 2001. № 2.
- ² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1868. Т. IX. С. 517.
- ³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 36.
- ⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. V. С. 632.
- ⁵ Политические и культурные отношения России... С. 31–32, 34–35, 37–38.
- ⁶ Письма и бумаги... М., 1962. Т. XI, вып. 1. С. 221–223.
- ⁷ Там же. С. 423; Политические и культурные отношения России... С. 36, 40–41.
- ⁸ Письма и бумаги... М., 1975. Т. XII, вып. 1. С. 147, 422, 423.
- ⁹ Там же. С. 422, 425, 531.
- ¹⁰ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. 1. С. 18–19.
- ¹¹ Политические и культурные отношения России... С. 293 и след.; *Русский биографический словарь.* СПб., 1905. Т. XIV. С. 188; *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами, с 1769–1774 год. СПб., 1866. Т. II. С. 41, 103, 118, 127, 175, 178; *Соловьев С.М.* Соч. М., 1994. Кн. XIV. С. 222, 223, 225.
- ¹² Политические и культурные отношения России... С. 320–322.
- ¹³ Там же. С. 298, 302, 303.
- ¹⁴ Там же. С. 292.
- ¹⁵ Там же. С. 296–297, 300–301.
- ¹⁶ *Соколов Ал.* Архипелагские кампании, 1769–74 года // *Записки Гидрографического департамента Морского министерства.* СПб., 1849. С. 240; *Собственноноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С.К. Грейга.* В Чесменский поход // *Морской сборник.* СПб., 1849. Т. II, № 10. С. 653.
- ¹⁷ Политические и культурные отношения России... С. 295, 299.
- ¹⁸ *Гаврилович С.* Вести о руско-турском рату 1768–1774. и његови одједи међу православнима на Балкану и у Хабсбуршкој монархији // *Југословенске земље и Русија у XVIII веку.* Београд, 1986. С. 144–147, 159.
- ¹⁹ Политические и культурные отношения России... С. 295–296.
- ²⁰ *Гаврилович С.* Указ. соч. С. 151 и сл.
- ²¹ Собственноноручный журнал... С.К. Грейга... С. 655.
- ²² Морской сборник. СПб., 1853. Т. IX, № 3. С. 286, 287.
- ²³ *Соколов Ал.* Указ. соч. С. 343, 356, 397, 398.
- ²⁴ Политические и культурные отношения России... С. 305 и след., 318; *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // *Југословенске земље...* С. 70.
- ²⁵ *Хитрова Н.И.* Указ. соч. С. 71.
- ²⁶ Политические и культурные отношения России... С. 361, 364–365.
- ²⁷ Там же. С. 335.
- ²⁸ Там же. С. 336, 337, 338 (примеч.), 339 (примеч.), 345. См. также: *Аншиков Ю.П.* Черногория, Северная Албания и Россия в 80–90-е годы XVIII века // *Југословенске земље...* С. 327, 328.
- ²⁹ Политические и культурные отношения России... С. 345, 350, 354, 359–360, 373.
- ³⁰ Там же. С. 350 (примеч.), 360.
- ³¹ *Историја српског народа.* Београд, 1986. Књ. IV, т. 1: Срби у XVIII веку. С. 357 и след., 362–364.
- ³² *Пантелић Д.* Кочина Крајина. Београд, 1930.
- ³³ *Историја српског народа.* С. 375.
- ³⁴ Там же. С. 378–379, 400.
- ³⁵ Там же. С. 400–401.
- ³⁶ Там же. С. 395.

УЧАСТИЕ ЧЕРНОГОРИИ НА СТОРОНЕ РОССИИ В ВОЙНАХ ПРОТИВ ТУРЦИИ

Объявление Турцией в ноябре 1710 г. войны России пробудило у черногорцев, как и среди других балканских народов, надежды на освобождение с помощью России. Митрополит Данило решил проявить активность по установлению с ней политических отношений. В феврале 1711 г. в Петербург был направлен Иван Албанез (настоящее имя – монах Моисей Митанович) с архимандритом монастыря Святого Михаила Глигорие. Черногорская делегация прибыла в столицу, когда в российских правящих кругах назрела идея привлечения христианских народов Балканского полуострова к борьбе против османского владычества. В грамоте Петра Великого от 3(14) марта 1711 г. содержался призыв к “праведной войне” и давалось обещание – “от нас милость и награждение”, а также привилегии “по услугам”.

Борьба черногорцев могла сыграть важную роль в противодействии Турции. Иван Албанез был принят на русскую службу в чине капитана. Ему было поручено доставить царскую грамоту вместе с письмом Владислави́ча-Рагузинского Михайло Милорадови́чу, находящемуся в Бухаресте. Последний должен был возглавить антиосманское выступление на Балканах¹.

Как уже отмечалось, весной 1711 г. царский полковник Михаил Милорадович вместе с капитаном Иваном Лукачевичем прибыли в Цетине. Важность их пребывания в Черногории состояла в том, что эта небольшая страна должна была стать центром антиосманского выступления на Балканах и способствовать вовлечению в борьбу соседнего христианского населения. По своему географическому положению и благодаря воинственности населения Черногория была удобной базой для отпора Османской империи. М. Милорадович стал рассылать грамоты по Черногории, Македонии, Боснии, Герцеговине и Северной Албании.

Черногорский народ горячо откликнулся на призыв России. Солидарность с ним выразили также представители Герцеговины. Началась подготовка к войне и формирование чет (отрядов). Черногорцы с большим энтузиазмом готовились к борьбе, о чем свидетельствуют многочисленные обращения черногорских старейшин к России. Однако объединительным действиям препятствовала разрозненность племен, переходящая порой во враждебные действия. Для решения всех важных вопросов было созвано совещание, на котором было решено всем дать присягу на верность русскому царю, потребовать заложников от ненадежных сельских общин и собирать деньги на военные нужды с монастырей и церквей. В качестве главнокомандующего был назначен М. Милорадович. Но в военных вопросах видную роль стал также играть митрополит Данило, при котором состоял Военный совет из представителей действующих на

поле битвы войск. По сообщению Милорадовича, всего выступило 29 800 бойцов, среди которых было 10 тыс. черногорцев².

В середине июня 1711 г. начались вооруженные действия. Так было положено начало военному взаимодействию между Россией и Черногорией. Военный театр охватывал пространство: Подгорица, Спуж, Гацко, Никшич (в Северной Албании и Герцеговине). Капитан Албанез командовал отрядом в Герцеговине. Он содержал две четы. К ним присоединились 800 добровольцев, пришедших сражаться за свой счет. Братья Данило–Дамян и Родион Негуши также расходовали на войну свои деньги. Но денежных средств не хватало. Только половина воинов имела ружья. Отсутствие пушек препятствовало начать штурм крепостей. Несмотря на нехватку вооружения и превосходство сил противника, османские войска потерпели поражение у Гацко. За короткое время была освобождена значительная территория. В боях были разрушены многие мусульманские селения. Были осаждены Никшич, Спуж, Подгорица и Жабляк. Укрывшиеся в крепостях турки были изолированы и не имели между собою связи. Объединенное выступление черногорцев и герцеговинцев не позволило Порте направить войска из Боснии и Герцеговины на фронт против России³.

Поражение русской армии на Пруте явилось тяжелым ударом для антиосманского движения на Балканах. Черногорцы не сразу узнали о заключении мира. Они продолжали сражаться на протяжении 14 месяцев⁴. Во время войны митрополит Данило направил несколько делегаций в Петербург, чтобы получить помощь для расширения военных действий. Первую делегацию возглавил Гаврило Милорадович (брат М. Милорадовича). В апреле 1712 г. был созван общечерногорский “збор”, на котором была провозглашена грамота. В политической части были определены автономное положение Черногории и ее взаимоотношения с Россией. Царь объявлялся сюзереном Черногории. Однако главной частью являлась военная конвенция, зафиксировавшая принцип, на котором в дальнейшем строились военные отношения между двумя государствами. Черногорцы выражали готовность на зов царя выступить с оружием в руках, но только “в своем крае”. Россия обязывалась предоставить им “свинец и порох”, а для тех, у кого нет оружия, “меч и ружье”. Воевать на чужой территории черногорцы могли только добровольно. Грамота была подписана М. Милорадовичем, но без санкции царя она не имела юридической силы⁵.

В середине 1712 г. по поручению всех черногорских кнезов и воевод, принятом на “зборе”, М. Милорадович отправился в Петербург. Но ему более года пришлось дожидаться царской аудиенции. В Петербурге решили, что он превысил свои полномочия.

После заключения мира с Турцией внимание России было поглощено борьбой со Швецией. Черногорцы тщетно ожидали царского ответа. Безрезультатным оказалось также третье посольство

в составе Славя Джакевича и Ивана Албанеза. В 1713 г. в Петербург отправилась группа лиц во главе с Дамьяном Счелчевичем Негушем, которая была принята в российской столице как официальная делегация. Россия обещала помощь Черногории и предоставление убежища тем черногорцам, которым угрожала опасность подвергнуться преследованию со стороны османов⁶.

Вступление Черногории на стороне России в борьбу с османской армией принесло тяжкие испытания черногорскому народу – черногорцам пришлось выдержать два нападения Турции. После того как черногорское войско во главе с митрополитом Данило Петровичем нанесло в 1712 г. при Царев-лазе поражение османской армии, Порты начала готовить новое нападение. Два года спустя против Черногории было обрушено многочисленное войско под командованием боснийского везира Нумана-паши Чуприлича. Только после ожесточенных боев ему удалось войти в Цетине. Второй карательный поход в 1714 г. был особенно опустошительным. Во время погрома погибло и было угнано в плен много людей, были разрушены церкви и монастыри, а утварь разграблена. Пострадал и Рождественский цетинский монастырь, который черногорцы восстановили после османского нашествия в 1712 г. Так трагически закончилось участие в русско-турецкой войне. Несмотря на это, Петр Великий остался героем в глазах черногорцев, которые понимали сложную обстановку, в которой он действовал. О нем слагали народные песни. Так возник культ Петра Великого⁷.

Участие Черногории в войне явилось переходом от церковных связей к военному сотрудничеству. Россия все более становилась главной опорой Черногории в отражении агрессии Османской империи.

В русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Австрия, заинтересованная в ослаблении Османской империи и расширении своей экспансии на Балканах, присоединилась к России. Участие Черногории в этой войне выразилось в развитии четнической (партизанской) борьбы, которая началась еще накануне. Черногорцы совершали нападения на мусульманские пастбища и селения и угоняли скот. Так, в июле 1736 г. в районе Никшича было угнано 4 тыс. голов скота. Совершались также нападения на торговые караваны, направлявшиеся в Рисан и Херцеговину, что наносило урон торговле и снабжению османских войск.

Черногорцы относились к четничеству как к юначеству. Это была одна из форм борьбы против социального и национального порабощения. Поскольку против мусульман выступали православные, то национальные противоречия усиливались религиозными. Но от четничества страдало и мирное население не только турецких владений (Герцеговины и Северной Албании), но и венецианских (Боки Которской). Война создавала благоприятные условия для четничества. Это вынуждало Порту оставлять более значительные силы в

этих землях для защиты от черногорцев. Таким образом, своими действиями Черногория удерживала часть османских сил, которые могли быть направлены на русский и австрийский театры военных действий⁸.

Брдские племена позже черногорских присоединились к антиосманской борьбе. Особую воинственность проявили Кучи, которые угнали в декабре 1736 г. большое число турецкого скота из района Подгорицы. Брдские племена приняли также непосредственное участие в военных действиях.

15 июня 1737 г. австрийский монарх Карл VI обратился с манифестом к христианским подданным Турции с призывом. Он прежде всего был адресован тем народам, которые проживали на территории по пути следования австрийской армии. Это были брдские племена: васоевичи, братоножичи, кучи, пипери, ровци, белопавлочи, пешивци и лутовци. Сербский патриарх Арсение IV Йованович Шакабента вел переговоры с венским двором и принял активное участие в подготовке выступления. Он призвал также черногорцев: “Вся страна восстала и воюет, – заявил патриарх. Его призыв не нашел отклика в Черногории, так как черногорцы не возлагали больших надежд на Австрию. Но брдские повстанцы присоединились к австрийским войскам. Летом 1737 г. австрийцы отступили из Сербии и восставшие были оставлены на произвол судьбы. После того как Австрия подписала сепаратный договор с Турцией, Россия, опасаясь новой войны со Швецией, была вынуждена пойти на заключение Белградского мира 1739 г.”⁹

После окончания войны Турция жестоко расправилась с повстанцами. Прежде всего Порта направила карательные экспедиции против участвовавших в войне вместе с австрийскими войсками брдских племен, подвергнув опустошению их территорию. В апреле 1740 г. испытали нападение кучи и албанское племя клименти. Что касается черногорцев, то первое время им удалось избежать турецкой расправы путем обещания быть лояльными и платить дань¹⁰. Однако их попытки укрепить связи с Россией вызвали недовольство со стороны не только Турции, но и Венеции. В 1742 г. Черногория подверглась вооруженному нашествию турок. В то же время против черногорцев усилила свой натиск Венеция. В качестве давления венецианский Сенат использовал закрытие для них всех приморских базаров, лишая тем самым возможности покупать необходимые товары и порох.

1(12) сентября 1742 г. черногорские старейшины обратились к русскому резиденту в Стамбуле А.А. Вешнякову с просьбой о защите от насилий, которые претерпевают черногорцы от османских властей со дня вступления Черногории в войну с Турцией по призыву Петра Великого. “Са слзами просимо, – говорилось в обращении, – нас избавити от насилovanja турецкаго”. Османы не только опустошали села, но и разоряли и грабили церкви и монастыри. В

тот же день митрополит Сава Петрович направил письмо А.А. Вешнякову. Он сообщил о нападении османских войск на Черногорию, о недоброжелательной политике венецианских властей в Приморье и просил ходатайствовать перед правительством об оказании поддержки. Со своей стороны митрополит Василие Петрович также просил А.А. Вешнякова о помощи, мотивируя тем, что Черногория подвергается мести со стороны Турции и Венеции за участие в войне на стороне России. Однако в это время, находясь в состоянии войны со Швецией, Россия стремилась не обострять отношений с Османской империей. Поэтому российское правительство ограничилось оказанием финансовой помощи, а А.А. Вешняков советовал черногорцам проводить сдержанную политику и воздерживаться от конфликтов¹¹.

В 50-е годы в Черногории происходило нарастание антиосманского движения, чему способствовала деятельность митрополита Василие по укреплению внутренних сил страны и расширению связей с Россией. Черногорцы отказывались платить дань. В ответ на это османские власти направляли карательные экспедиции. В условиях непрекращающейся османской агрессии и постоянных притязаний на черногорскую территорию Венеции в поисках защиты 30 мая (10 июня) 1751 г. черногорские старейшины направили ходатайство вновь назначенному в Стамбул российскому министру-резиденту А.М. Обрескову. В своем обращении они просили: "Превосходительный господин, заступи за нас... так как прежняя послы ... делывали, дабы мы от турецкаго насильства не истреблены были". Хотя в это время Россия вела изнурительную Семилетнюю войну, правительство Елизаветы Петровны впервые официально выступило в защиту Черногории перед Портой и Венецией. Однако Турция, чтобы заставить черногорцев платить дань, предприняла против них карательный поход, который возглавил боснийский везир Хаджи Мехмед-паша. Подвергнув опустошению страну, он потребовал от Черногории не воевать против Османской империи, платить дань и не принимать иностранных посланцев. Но жестокие карательные меры не сломили дух народа, от имени которого черногорские старейшины заявляли российскому правительству, что выражают "желание вместе сражаться против турок-османов"¹².

Интерес России к Черногории усилился в 60-е годы, когда в ее политике особое значение приобретают Балканы и Средиземноморье. После того как Екатерина II обратилась к балканским народам с призывом принять участие в совместных действиях против Османской империи, из числа христианских народов она особо выделила черногорцев. В своей грамоте она отмечала их храбрость и верность России, предложив вступить под русские знамена.

В это время Черногория находилась в трудном положении. Перед войной с Россией Порты, решив с ней расправиться, в сентябре 1768 г. обрушила на черногорцев огромные силы. Османские вой-

ска снова подвергли опустошению страну, но не смогли захватить Цетине. Одновременно Венеция направила карательную экспедицию против приморских общин – Майни, Побори и Браичи – и затем подавила восстание в Рисане. Она также закрыла границы с Черногорией¹³.

В 1767 г. Черногорию возглавил энергичный, ловкий политик и талантливый государственный деятель Степан Малый. Провозгласив себя царем Петром III и сосредоточив в своих руках власть в стране, он предпринял меры по сплочению внутренних сил, наведению порядка и начал подготовку к борьбе за освобождение соседних, подвластных Османской империи племен. Одновременно Степан Малый стал действовать по налаживанию связей с Россией. В декабре 1767 г. он направил своих посланников – печского архимандрита Авакума Милаковича и нишского архимандрита Григорие Дрекаловича – в российское посольство в Вене. Однако они были задержаны австрийскими властями на границе в Земуне, откуда были выдворены в Шумадию. Архимандрит Авакум не успокоился на этом. Он сбрил бороду, надел гражданскую одежду и под видом греческого торговца в начале 1768 г. прибыл в Вену. Там он пришел в российское посольство и, передав послу князю Д.М. Голицыну письмо Степана Малого, рассказал о делах в Черногории¹⁴.

Не дождавшись ответа от своих посланников, Степан Малый решил обратиться непосредственно к Екатерине II за помощью в расширении антиосманской борьбы на Балканах. С этой миссией в Петербург был направлен гусарский полковник на русской службе Яков Ездемирович со своим племянником Ефимом Беличем.

В то время российское правительство рассматривало Черногорию в качестве основного очага повстанческих действий на Балканском полуострове. Я. Ездемировичу было поручено обратиться к “лучшим тамошним людям” и Степану Малому, чтобы они подняли “оружие свое противу турков, яко непримиримых врагов православной церкви”. Он должен был также призвать к совместным действиям соседние христианские народы, в особенности православные. Екатерина II повелевала ему разъяснить все это Степану Малому, который благодаря популярности мог принести большую пользу. Получив такое важное задание, они выехали в Черногорию. На путевые расходы им выдали 800 червонцев. Е. Белич был произведен в поручики¹⁵. Но военное взаимодействие с Черногорией им не удалось установить.

Необходимо отметить, что отношение Екатерины II к Степану Малому было неоднозначно. Первоначально, узнав, что он выступил под именем Петра III, царица объявила его “обманщиком”. В Черногорию был направлен советник российского посольства в Вене Г. Мерк с царской грамотой. Он должен был передать ее черногорцам и разоблачить Степана Малого как самозванца. Мерк прибыл в Котор, но венецианские власти не пропустили его в Чер-

ногорию. Тогда российский посол в Вене Д.М. Голицын поручил архимандриту Авакуму отвезти царскую грамоту в Черногорию. Он написал также письма Василию Бркичу, последнему сербскому патриарху, перебравшемуся после ликвидации Печской патриархии в Черногорию, и митрополиту Саве Петровичу с разоблачением самозванца и обещанием помощи. Однако архимандриту Авакуму не удалось проехать в Черногорию. Венецианские власти расположили свои войска вдоль черногорской границы и никого не пропускали. С теми же, кто старался нарушить этот запрет, они обходились сурово. Если турецкие подданные выдавались османским властям, то других (вероятно, черногорцев) они казнили или ссылали на каторгу¹⁶.

В это время Черногории приходилось с трех сторон отражать османские силы, направленные из Никшича, Подгорицы и Плавницы. Степан Малый, добившись установления мира в стране и объединив племена, сумел организовать успешную оборону. Для черногорцев он был своеобразным олицетворением единства. С его именем они связывали успешное окончание освободительной борьбы. В ответ на требование османских властей о его выдаче они ответили отказом.

Когда Екатерина II получила сведения, что Степан Малый успешно возглавляет антиосманскую борьбу и пользуется популярностью среди народа, она решила воспользоваться им в качестве союзника с условием, что он не будет выдавать себя за Петра III. Первоначально в качестве кандидатуры для выполнения этой миссии она наметила генерал-майора И.М. Подгоричанина. Но командующий Средиземноморской экспедицией граф А.Г. Орлов сумел убедить Екатерину II, что эта миссия должна быть поручена истинно русскому – князю Ю.В. Долгорукову.

Летом 1769 г. после аудиенции у царицы под видом русского купца Баранникова князь Долгоруков прибыл в Италию, где встретился в Пизе с графом Орловым. Последний переправил его на греческом судне в Черногорию в сопровождении отряда в составе офицеров и 26 добровольцев-славян. Они высадились на адриатическом побережье вблизи Бара, где их встретили черногорцы. После утомительного перехода, который они с трудом преодолели, неся на себе “деньги, медали, порох, свинец и прочее”, в монастыре Брчеле Долгоруков встретился с сербским патриархом Василием. Он советовал ему обратиться к соседним христианским народам с призывом к борьбе против общего неприятеля. Затем он призвал всех прислать своих представителей на совет в Цетине.

6(17) августа 1769 г. в Цетинском монастыре состоялся “збор”, на котором была зачитана царская грамота, после чего собравшиеся были приведены к присяге Екатерине II. Затем произошла встреча со Степаном Малым, который прибыл в сопровождении своих сторонников. Черногорцы приветствовали его ружейными выстре-

лами. Долгоруков потребовал от него заявления, что он не является царем Петром III. В ответ на это Степан Малый заявил, что никогда не утверждал этого, что вызвало протесты среди народа. Этим обстоятельством воспользовались его противники, чтобы свести с ним счеты. Поэтому для обеспечения его безопасности Долгоруков посадил Степана Малого под арест.

В Черногории Долгоруков пробыл несколько месяцев. Его миссия была успешно выполнена, о чем он писал впоследствии: “Впрочем, что можно было, то моя экспедиция произвела. Паши окрестностей Черной Горы в армию не пошли, даже и босняки отговаривались, что неприятель при их границах”. Необходимо было покинуть Черногорию до наступления зимы, пока горы еще не стали непроходимыми из-за снежных заносов. Учитывая, что Степан Малый успешно руководит военными действиями, Долгоруков, как и было ему поручено, утвердил Степана Малого в качестве союзника России. Он, освободив его из-под ареста, вручил ему патент российского офицера и выдал русский мундир, а также передал весь привезенный порох, сукно и прочее. Степану Малому было оставлено письменное распоряжение о том, что ему поручается правление Черногорией. Степан Малый проводил Долгорукова через горный перевал, и затем тот на ветхом судне вернулся в Италию¹⁷.

Во время войны Черногория сковывала османские силы на границах с Герцеговиной и Северной Албанией. Черногорцы заняли Подгорицу, две крепости и несколько населенных пунктов в Северной Албании. В 1773 г. Степан Малый, незадолго до этого ослепший в результате несчастного случая, был убит слугою-греком, подкупленным турками. Военные действия Черногории были прерваны после заключения Россией Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.

В 80–90-е гг. Черногории удалось добиться значительных успехов в борьбе за утверждение своей независимости. Развитие торговли способствовало усилению единства черногорских племен и укреплению экономических позиций старейшин, поддержавших митрополита в деле отражения османского натиска и создания независимого черногорского государства.

В своей борьбе за свободу черногорцам пришлось столкнуться с агрессивней шкодринского паши Махмуда Бушати (он причислял себя к потомкам принявшего ислам сына Ивана Црноевича), который задумал целью образовать самостоятельное обширное государство в Северной Албании с включением Черногории. Таким образом, черногорцам пришлось вести борьбу не непосредственно с Турцией, а с одним из ее мятежных правителей. В июне 1785 г. Махмуд-паша подверг опустошительному нашествию Черногорию. Османские войска захватили Цетине, разрушили и ограбили монастырь и взяли заложников в качестве гарантии уплаты дани¹⁸.

Когда в 1787 г. Россия вступила в войну с Турцией в союзе с Австрией снова возник вопрос о привлечении к участию в ней христи-

анских народов Балканского полуострова. На этот раз наряду с Черногорией было решено установить связь с Махмудом Бушати. Вести переговоры поручили генеральному консулу в Архипелаге Д. Оливьери, который в феврале 1788 г. прибыл в Далмацию. Но он заболел и вместо него выехал майор русской службы Сава Миркович¹⁹.

Вернувшись в 1776 г. из России после изгнания, митрополит Петр I Петрович нашел страну еще не оправившейся после опустошительного нападения шкодринского паши Махмуда Бушати. Кроме того, голод унес многие жизни черногорцев. Но Петр I не помнил зла. На призыв Екатерины II к совместным действиям против Османской империи он ответил: “Черная Гора со времен еще предков наших имела и имеет чрезмерное усердие к России... Но ревность наша не престаёт пылать к оказанию услуг наших России и в настоящем случае...” Митрополит просил прислать грамоту царицы, боеприпасы, хлеб и направить русских офицеров и черногорских выходцев²⁰.

Первоначально (в мае 1788 г.) в Черногорию прибыло австрийское представительство в составе майора Филиппа Вукасовича и Людовика Пернета. Но черногорцы согласились выступить только тогда, когда получат одобрение России. Летом 1788 г. прибыл в Черногорию подполковник русской службы граф М.К. Ивелич. Затем к нему присоединились майор Драшкович и полковник Тутомлин. М.К. Ивеличу была поручена организация антиосманского выступления Черногории, Герцеговины и далматинского Приморья и привлечение к нему Северной Албании. Предполагалось, что Черногория совместно с Северной Албанией начнет вооруженные действия против Османской империи. К ним присоединятся соседние христианские народы – герцеговинцы и др. Для взаимодействия с ними должна была прибыть в Средиземное море балтийская эскадра для уничтожения турецкого флота.

На общечерногорском “зборе” в присутствии 2 тыс. человек была оглашена грамота Екатерины II с призывом к совместным действиям. Русским представителям предписывалось действовать в согласии с австрийской делегацией, поскольку Австрия являлась союзником России. 3(14) августа 1788 г. М.К. Ивелич обратился к герцеговинцам с призывом освободить Никшич. В своем обращении он указывал: “...сейчас наступило счастливое время, чтобы сбросить ярмо турецкое”. Герцеговинцы осадили Никшич и затем, собрав отряд в 4 тыс. человек, вместе с черногорцами стали сражаться против османских войск, отвлекая от главного театра военных действий 40-тысячное войско²¹.

В ходе переговоров Сава Мирковича с Махмудом Бушати удалось достигнуть предварительной договоренности. В свою очередь митрополит Петр I дважды встречался со шкодринским пашой, который заверил его в готовности воевать на стороне России. Однако

это были пустые заверения. Более того, дальнейшие переговоры закончились трагически. Они были прерваны после убийства в Северной Албании австрийских посланцев. Таким образом, попытка договориться с мятежным шкодринским пашой потерпела неудачу. Вместо союзника он снова становится противником Черногории.

Во время войны возросло влияние России в Черногории. Поэтому Австрия, обеспокоенная укреплением там ее позиций, потребовала, чтобы русские представители покинули Черногорию. Согласно договоренности, последняя входила в сферу австрийского влияния.

После расправы с австрийскими делегатами в Северной Албании Австрия втянула Черногорию в совместные действия против шкодринского пашы Махмуда Бушати. Помимо Герцеговины военные действия начались в Северной Албании – в районах Подгорицы, Жабляка и Служа. Под Служем сражались 300 австрийских солдат и 800 черногорцев против двухтысячного османского войска. Силы были неравные, поэтому османские войска потеснили союзников. Австрийцы бежали с поля боя, оставив черногорцев одних отражать турецкий натиск. В это время митрополит Петр I тщетно ожидал прибытия русских войск. Нападение Швеции на Россию и закрытие английских портов, необходимых для остановки балтийской эскадры, сделали невозможным ее приход на помощь черногорцам.

После заключения Австрией и Россией мира с Турцией (Свиштовский в 1791 г. и Ясский мирные договоры в 1792 г.) Черногории пришлось в одиночку защищаться от шкодринского пашы Махмуда Бушати. В ходе этой борьбы крепло единство черногорцев и брдян. Под предводительством митрополита Петра I их объединенные силы одержали в 1796 г. две блестящие победы при Мартиничах и Крусах. Во время последнего сражения погиб сам организатор похода, а его голова в качестве трофея была привезена в Цетине.

В XVIII в. русско-черногорские связи вступили в новый этап. С развитием между Россией и Черногорией политических отношений зародилось и крепло их военное содружество в борьбе против Османской империи. Во время антиосманских войн, которые на протяжении этого времени потрясали Балканский полуостров, черногорцы по первому призыву брались за оружие. Их вооруженные действия в Герцеговине и Северной Албании отвлекали от главного театра военных действий России на Балканах многочисленные османские силы. Хотя в силу целого ряда международных обстоятельств военным планам России не было суждено осуществиться, ее антитурецкие войны подрывали мощь Османской империи и создавали благоприятные условия для развития освободительного движения балканских народов, в том числе и черногорского. Не последнюю роль играла дипломатическая, финансовая и материальная поддержка России. Необходимо отметить героизм и мужество черногорского народа, проявленные в борьбе за создание независимого государства.

Освободительная борьба черногорского народа ознаменовалась в конце XVIII в. значительными результатами. Две славных победы в 1796 г. завершили длительную совместную борьбу черногорцев и брдян за достижение единства и утверждение фактической независимости Черногории, хотя Порта по-прежнему отказывалась признавать ее суверенитет. Другим значительным событием того времени было присоединение к черногорцам соседних брдских племен (пиперов и белопавличей), что явилось первым шагом на пути объединения с ней Брды.

¹ *Павићевић Б.* Владика Данила у Петрограду 1715 године // Зборник радова Михаилу Лалићу у почаст. Титоград, 1984. С. 14.

² *Богојавленский С.К.* Из русско-сербских отношений при Петре Первом // Вопросы истории. 1946. № 8/9. С. 30–32, 33–34; *Павићевић Б.* Владика Данила... С. 15–16, 21; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 40–41, 42.

³ *Богојавленский С.К.* Из русско-сербских отношений... С. 34.

⁴ *Павићевић Б.* Владика Данила... С. 21.

⁵ *Ровинский П.* Двухсотлетие сношений России с Черногорией (1711–1911 гг.) // К 500-летию начала книгопечатания у южных славян: Мемориальный сб. М., 1994. С. 59.

⁶ *Павићевић Б.* Владика Данила... С. 14, 17, 21 и др.

⁷ *Томић Ј.* Питање Царева лаза. Београд, 1933; *Драгићевић Р.* Неколико напомена о боју на Цареву лазу // Историски записи. Титоград, 1960. Св. 2. С. 351–369; *Томић Ј.* Поход Нуман-паши Ђуприлица на Црну Гору 1714 // Глас СКА. Београд, 1932. СXLVII.

⁸ *Станојевић Г.* Црногорска и брдска племена у вријеме аустријско-руског рата против Турске (1735–1739) // Историски записи. Титоград, 1962. Св. 3/4. С. 378–380.

⁹ Там же. С. 381–385; Политические и культурные отношения России... С. 99–100, 105.

¹⁰ *Станојевић Г.* Указ. соч. С. 391.

¹¹ Политические и культурные отношения России... С. 113–115, 116–122; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 66–67.

¹² Политические и культурные отношения России... С. 142–143, 196–197, 200, 204; *Бажова А.П.* Указ. соч. С. 80–81; *Томић Ј.* Турски поход на Црну Гору 1756 године // Глас СКА. 1913. ХСП; *Станојевић П.* Један докуменат о црногорско-турском рату 1756 године // Историски записи. Титоград, 1960. Св. 2. С. 314–320.

¹³ *Петровић Р.* Степан Малић – загадка историје (Рускији лжецарь в Черногории) // Пер. с серб. яз. С. Якича и А. Зырина. Белград, 1996. С. 84–126.

¹⁴ *Дурковић-Јакишић Љ.* Удео Цетињске митрополије у борби за успостављање редовног стања у Српској православној цркви // Српска православна црква 1219–1969: Споменица о 750-годишњици аутокефалности. Београд, 1969. С. 245.

¹⁵ *Петровић Р.* Степан Малић... С. 153–154; 177. “Памятная записка” Екатерины II, врученная Я. Ездемировичу.

¹⁶ *Дурковић-Јакишић Љ.* Указ. соч. С. 246, 247; *Драговић М.* Документи о Шћепану Малом // Споменик СКА. Београд, 1893. XXV. С. 39–40.

¹⁷ Петрович Р. Степан Малый... С. 174, 181; *Лециловская И.И.* Балканская политика Екатерины II // Вопросы истории. 1999, № 2. С. 33, 34.

¹⁸ *Аншаков Ю.П.* Черногория, Северная Албания и Россия в 80–90-е годы XVIII века // Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 322, 323.

¹⁹ Там же. С. 328.

²⁰ Политические и культурные отношения России... С. 338.

²¹ Там же. С. 339–340; *Аншаков Ю.П.* Указ. соч. С. 335.

УЧАСТИЕ БОЛГАР В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ

Сведений об участии болгар в войнах, которые вела Россия с Османской империей в первой половине XVIII в., крайне мало. О болгарях в рядах русской армии этого периода сохранились только отдельные упоминания. Известно, что в составе русских войск, принимавших участие в Прутском походе 1711 г., действовал болгарский воевода Волко, сын Маринчо, со своим отрядом из болгар, а на русской государственной службе состоял болгарин майор Тодор Недялков¹.

В 1735–1739 гг. военные действия враждующих армий велись на территории Молдавии, на левом берегу Дуная. Приближенность театра военных действий к болгарским землям, а также обращения командующего русской армией к балканским христианам вызвали приток болгар в ряды русской армии на молдавской территории. От имени императрицы Миних обещал тем, кто переселится на жительство в Молдавию, освобождение от податей и налогов на четыре года, а тем, кто вступит в русскую армию и будет сражаться в ее рядах, — на всю жизнь.

Эти призывы, а также победы русского оружия в Молдавии нашли отклик среди болгар и привлекли новых добровольцев. 23 сентября 1739 г. Миних сообщал, что при взятии Хотина русский гусарский полк “завербовал много народа, между которыми есть и болгары греческого исповедания, которые дошли до Бендер и за Дунай специально, чтобы быть принятыми на службу Вашего императорского величества”². Заключение Белградского мира положило конец притоку новых болгарских добровольцев. Количество тех, кто сражался в рядах русской армии в этой войне, неизвестно. Но учитывая, что театр военных действий был далек от болгарских земель, можно предположить, что оно было невелико.

Ситуация в корне изменилась во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда болгарские земли впервые оказались районом боевых столкновений между русской и османской армиями.

Объявление войны Турцией России разбудило надежды балканских народов на избавление от османского ига. Правящие круги России со своей стороны искали пути политической активизации христианских подданных Османской империи. Еще в преддверии войны

по приказу Екатерины II в Валахию, Молдавию и земли к югу от Дуная были посланы русские эмиссары с целью сбора сведений о настроении христианского населения, о важных турецких укреплениях, дорогах и т.п.

В два Дунайских княжества и Румелию был направлен подполковник русской армии, болгарин по происхождению, Назар Каразин. Он долго служил в армии, отличился как командир военно-инженерной части во время Семилетней войны³. В 1764 г. Каразин в чине секунд-майора ушел в отставку и поселился с семьей в своем имении в Киевской губернии.

Ухудшение отношений с Турцией и приближающаяся война заставили офицеров русского Генерального штаба вспомнить о болгарине Н. Каразине. Знание славянских и греческого языков, репутация отличного специалиста в области фортификационного искусства сделали отставного секунд-майора наиболее подходящей кандидатурой для той миссии, которую решил поручить ему граф Гр. Орлов. Н. Каразин был возвращен в армию уже в чине подполковника и с готовностью согласился “путешествовать до своего отечества Болгарии”. Основной целью миссии Каразина являлись подготовка восстания в тылу турецкой армии, изготовление чертежей и зарисовок наиболее важных турецких укреплений в Подунавье и выяснение вопроса о возможности привлечения болгарских добровольцев⁴.

Летом 1768 г. Каразин направился через Молдавию в Румелию под благовидным предлогом поездки в Софию, чтобы распорядиться наследством. Однако подозрительный князь Молдавии Гика задержал эмиссара и несколько недель продержал его “под наблюдением” в монастыре Куртя де Арджеш. Однако с помощью архимандрита Дамаскина, вопреки строгому режиму, Каразину удалось связаться с П. Кантакузином, одним из руководителей боярской партии прорусской ориентации в Валахии, что ему предписывалось еще в Петербурге, с целью выяснения ориентации оппозиции и размеров ожидаемой от нее вооруженной и экономической помощи⁵.

После “освобождения из молдавского плена” он отправился по первоначальному маршруту, и путь был полон опасностей. Каразину с большим трудом удалось добраться до Джурджу (Гюргево). С помощью болгарских рыбаков он переправился на противоположный берег и несколько дней находился в Русе. Попытки продолжить путь дальше не удалось. Лихорадочные приготовления турок к войне и банды разбойников на дорогах сделали его дальнейшее продвижение невозможным. Обратный путь Каразин завершил в Куртя де Арджеш, оттуда направился в Киев, а затем в Петербург, где результаты первой поездки подполковника получили одобрение. Ему поручили осуществить вторую поездку в Румелию.

Свою вторую миссию Н. Каразин предпринял уже в условиях начавшейся войны с Турцией. Вначале он отбыл в Киев со специальным рескриптом Екатерины II от 3(14) января 1769 г. и ее двумя лич-

ными письмами к П.А. Румянцеву и начальнику его штаба генералу Боткову, в которых излагались задачи, возложенные на подполковника. В Киево-Печерской лавре его снабдили документами на имя далматинского монаха Сямеона Путника, а в штабе выдали сотни воззваний к балканским христианам. Эти воззвания были тщательно спрятаны в полости посоха, в обложках и корешках церковных книг. В деревянной фляге были спрятаны чертежные инструменты. Чтобы избежать опасностей путешествия по долине Дуная, тайный посланник направился сначала в Польшу, а затем с помощью тамошних русских военных властей перебрался в Валахию. Здесь он передал П. Кантакузину грамоту Екатерины II к жителям княжества с призывом к совместной борьбе против Турции. Судя по многочисленным историческим сведениям, можно с достаточным основанием предположить, что Каразин прошел по направлению Видин–Враца–София–Ниш и оттуда неожиданно направился к Адрианополю. Но добраться до конечной цели намеченного маршрута – Стамбула – ему не удалось. Рано утром, когда на окраине Адрианополя эmissар снимал план местности, он был схвачен турками и брошен в тюрьму. Ему грозила страшная казнь – быть посаженным на кол. Однако с помощью надежных людей Каразину удалось не только бежать, но и захватить спрятанные до этого планы и схемы турецких укреплений, сделанные ранее. С несколькими болгарами он переправился на левый берег Дуная. Вскоре в штаб русских войск в Валахии прибыло около 3 тыс. болгар-добровольцев⁶.

В Валахии Н. Каразин в качестве русского эmissара вновь встретился с представителями местного боярства и высшего духовенства. В беседе с ним последние высказали мысли о более тесном военном сотрудничестве с Россией и передали грамоту Екатерине II “с просьбой об освобождении от османского владычества и присоединении княжества к территории Российской империи”⁷.

Позднее Каразин был назначен командиром одного из добровольческих отрядов, в котором насчитывалось 1 тыс. человек, из них 200–300 были болгарами. Военная карьера подполковника русской армии окончилась неожиданно во время осады Джурджу в декабре 1769 г. По неизвестным причинам (некоторые современники называют болезнь, другие – результат интриг против него) он был отправлен в отставку и уехал в подаренное ему Екатериной II имение с 500 “душами” крепостных крестьян в Харьковской губернии⁸.

Организовать “общее восстание христианского народа” против турок, к которому призывала русская императрица, не удалось. В самой Болгарии этот призыв не нашел отклика среди основной массы населения. Участие болгар в войне было стихийным, спонтанным. Их национальное и политическое сознание было еще недостаточно зрелым, борьба велась в этот период под лозунгом “крест против полумесяца”, который имел для славян глубокое национальное значение.

Политическая активность болгар обычно проявлялась в тех краях, которые превратились в театр военных действий. Многие болгары активно участвовали в добровольческих отрядах на стороне русской армии и в ее составе, оказывали существенную помощь как разведчики, поставщики провианта. С 1769 г. и в дальнейшем под влиянием военных событий притягательным центром и материальной базой сильного добровольческого движения в пользу России, возникшего среди балканских народов, являлась русская армия, действовавшая на балканском направлении под командованием П.А. Румянцева. В составе добровольческих полков и подразделений, действовавших в составе русской армии и сформированных на территории Молдавии в ходе этой войны, имелось много болгар, главным образом из Северной Болгарии и Добруджи, но были болгары и из южных районов. Так например, из протокола допроса болгарина Петра Илина Недялкова, произведенного в Галаце в 1769 г. русскими военными властями, явствует, что 60 человек из Пловдива и других мест Южной Болгарии переправились через Дунай и явились в русскую армию за Днестром. В образованном в 1769 г. Молдавском гусарском полку служили болгары Яков Тодоров, Юрко Стефанов, Андрей Танасиев и многие другие. Они были участниками взятия Бендер в сентябре 1770 г. Черносербский гусарский полк, свыше половины которого составляли болгары, принимал участие в битве при Фокшанах в январе 1770 г. Сотни болгар участвовали в сражении при Кагуле и Джурджу⁹.

Когда в результате военных действий весной–летом 1770 г. Первая русская армия под командованием Румянцева заняла позиции на левом берегу Дуная, в Измаиле, жители Несебра установили связи с русскими. Судовладелец Константин Желев и сын местного коджабашия (сельского старосты) Янаки организовали сбор продовольствия для русской армии и привлекли к участию многих несебровцев, даже несебровского владыку Макария. Их деятельность достигла такого размаха, что османскими властями был издан специальный ферман, предусматривавший тюремное наказание для каждого христианина, уличенного в сборе и хранении продуктов для русской армии.

Успешные действия русской армии на левом берегу Дуная, связанная с этим надежда на скорое освобождение от османского ига вызвали попытку восстания во Враце в 1769 г. Его руководители – Хаджи Никола, золотых дел мастер Цветко, его сын Никола и иеромонах Рильского монастыря Нифон были зверски убиты “в назидание другим”¹⁰.

В Видине и Видинской казе в феврале–марте 1773 г. готовилось вооруженное восстание. Но заговор был раскрыт, и 26 марта у стен Видинской крепости было казнено 34 человека, являвшихся, по-видимому, ядром заговора. Какие цели преследовали заговорщики, каковы были их планы, неизвестно. Болгарский ученый Хр. Гандев

связывает подготовку восстания с готовившейся переправой русских войск через Дунай и с планом русского командования предпринять “обеспокоительные действия” в тылу турок, чтобы отвлечь их внимание от Дуная. Эти действия начались с ранней весны 1773 г. Болгары этой области вошли в контакт с русскими отрядами, действовавшими на линии Крайова–Калафат–Оршова, и получили одобрение своему плану восстания. По-видимому, болгары надеялись поднять восстание в подходящий для них момент перехода русских войск через Дунай, когда видинский гарнизон покинет крепость в направлении либо Дуная, либо Шумена. Действительно, турецкий гарнизон Видина уже получил к тому моменту приказ пересечь Дунай при Калафате. Поэтому план восстания имел шансы на успех. Однако, по-видимому, до турецких властей дошли слухи о готовившемся заговоре и последовали неожиданные для заговорщиков расправы сначала в округе, а затем и самом городе. Неудавшееся восстание было потоплено в крови¹¹.

Не прекращались попытки возбуждения местного населения против турецких властей. В результате этого некоторые болгары в Силистринской, Никопольской и Свиштовской казах по совету своих старейшин и священников отказались явиться в турецкие гарнизоны на отработку ангарии на дорогах и мостах и в массовом порядке отправились к русским гарнизонам в Валахию¹².

В результате первого этапа войны русская армия овладела левым берегом Дуная от Килии до Калафата. В руках турок оставались только Джурджу и Турку Мэгуреле. За Дунай ежедневно отправлялись разведывательные группы. В отряде капитана Манолаци из 400 разведчиков почти половину составляли болгары. Они не только собирали сведения, необходимые командованию, но и приводили с собой целые группы беженцев. Зимой 1771 г. по льду они смогли перевести более 2 тыс. беглецов. Христиане-перебежчики составляли основной контингент для формирования новых команд в русской армии. Это было вызвано тем, что в это время во многих местах Украины и Новороссии свирепствовала чума и доставка пополнения оттуда была невозможна¹³.

Порта, со своей стороны, пыталась всячески воспрепятствовать переправке христиан на левый берег Дуная. Официальный ферман властям предписывал не допускать ни явных, ни тайных переходов райи за Дунай. Но это не смогло остановить поток беженцев на левый берег. Формирование новых добровольческих команд из добровольцев-перебежчиков продолжалось.

Однако положение русской армии в 1772 – зимой 1773 г. было трудным. Нерегулярное снабжение продовольствием и фуражом, многочисленные болезни, задержки с выплатой содержания стали причиной массового дезертирства. Эта ситуация, а также новые стратегические планы русского командования подтолкнули Румянцева к дополнительному привлечению добровольцев. К болгарам,

валахам, молдаванам, сербам и другим были направлены призывы “включаться в войска ее императорского величества Екатерины II”, которая “преисполнена” любовью к страдающим под азиатским игом христианам. Особенно большие надежды командование возлагало на болгар, в чьих землях (как предполагалось) будет решаться исход войны. И согласно русским документам того времени, из Силистры, Тутракана, Добрича и других мест на левый берег переправилось много добровольцев. Только в отряд А.В. Суворова в мае 1773 г. поступили 680 христиан, большинство из которых были болгары¹⁴.

В 1774 г. русская армия появилась со значительными силами на болгарской территории. Много болгар из Придунавья участвовали в добровольческих отрядах, а жители городов Силистры, Хырсово, Русе и др. воевали в рядах русской армии. Около 800 болгар-добровольцев принимали участие под командованием А.В. Суворова в большом сражении при с. Козлуджа. За проявленный героизм в борьбе против общего врага были награждены Дионисий Тодоров, Яков Тодоров, Тодор Мардарек, Яцка Тодоров, Юрко Стефанов, Савва Христов, Стефан Романов, Левко Петров и многие другие. Командирами добровольческих отрядов были капитан Манолаки, майор Вунч, Ив. Страцимирович и др. Русская армия достигла Балкан – до устья р. Камчия. Болгары участвовали в боевых действиях при Силистре, Хаджюглу, Базаре и в долине р. Камчия. Встречи болгар с русскими войсками в Добрудже и северо-восточной Румелии способствовали взаимному узнаванию. Русская армия, оторванная далеко от своих тылов, получала помощь местного населения при ремонте дорог, снабжении провизией и фуражом и перевозке боеприпасов. Болгары из Лудогорья последовали за русскими войсками и позднее поселились в Южной России¹⁵.

Болгары участвовали как добровольцы в этой войне не только на Дунайском фронте. В составе 11 добровольческих батальонов русского флота на Эгейском море под командованием Г. Спиридова было много болгар. Эти батальоны были сформированы в результате “Объявления” Спиридова 12(23) марта 1771 г. к христианским народам Балканского полуострова с призывом вступать добровольцами на русский флот. Оно интересно и тем, что это единственный известный документ того времени, в котором рассматриваются вопросы организации добровольческих частей русской армии и флота. Согласно “Объявлению”, каждая рота насчитывала 114 солдат и командиров. Пять рот объединялись в батальон во главе с его командиром (майором), одним знаменосцем и десятью связными для связи с ротами. Роты и батальоны пополнялись по принципу добровольности. Кроме того, командный состав всех степеней в них избирался. Выборный характер сохранялся в известной степени и за рядовыми.

Этот широкодемократический принцип, используемый командованием русского флота на Эгейском море при формировании до-

бровольческих батальонов в 1771 г., был тождествен традициям балканских народов в организации гайдуцких дружин для борьбы против османских угнетателей. Он не противоречил принципам единоначалия и основывался на сознательной подчиненности и дисциплине. Выбранные командиры всех степеней полностью пользовались правами и обязанностями единоначальников.

Организация, штат и принципы формирования добровольческих частей в составе русской армии и флота, действовавших на Балканском направлении и возникших на территории Молдавии и Валахии, были одинаковыми. Разница состояла только в том, что несколько батальонов для большего удобства объединялись в полк. Общее командование и руководство добровольческими батальонами и полками русской армии и флота осуществлялось в ходе этой войны соответствующими штабами соединений¹⁶.

Активизировали свои действия и многие гайдуцкие четы в районе Подунавья. У Никополя, Свиштова, Видина болгарам было роздано русское и трофейное оружие, которое они использовали против нерегулярных частей противника, турецких караванов с продовольствием и оружием. Гайдуки действовали наиболее активно в Видинском пашалыке и соседних с ним. Они овладели Драгоманским проходом и округой Вакарела, совершали набеги на окрестности Софии. Их действия заставили османские власти выделить регулярные части “для охраны румелийских проходов” и специальные отряды для защиты Софийской казны от нападения гайдуков. В Силистре и ее окрестностях, где болгары подвергались наибольшему притеснению со стороны османских властей и скитающихся по области банд, гремела слава нескольких смелых воинов – попа Марина, Вича, Недялко и других, которые разгромили османские разбойничьи шайки и вернули мирному населению награбленное. Во Врачанской и Видинской казах проявили себя четы Иванчо, Флоро, Ивана и Добрича. В то же время отмечалось и немало смелых нападений на вспомогательные и регулярные части к югу от Балкан – в Карловской, Калоферской и Клисурской казах¹⁷.

Война 1768–1774 гг. не принесла долгожданного освобождения болгарам. Тем не менее она укрепила их надежды на то, что великая славянская держава станет избавителем болгарского народа. Война стала настоящей боевой школой для многих болгарских патриотов, которые продолжили борьбу в ходе последующих русско-турецких войн. В народе их с уважением называли “капитанами”. Этот термин, заимствованный из греческого национально-освободительного движения, утвердился в связи с победоносными походами России против Османской империи и означал известный прогресс в болгарской политической мысли. В отличие от старых гайдуцких воевод “капитанами” назывались те, кто участвовал в русско-турецких войнах и перенял лучшие русские боевые традиции.

Ряд статей Кючук-Кайнарджийского мира определяли право населения областей, занятых русскими войсками в ходе военных действий окончившейся войны и возвращенных Порте, на беспрепятственное переселение в течение года в Россию. В результате эмиграция с Балкан, в том числе и из болгарских земель, в Россию приняла невиданный до того размах. Много болгар ушли с русскими войсками, стали переселенцами в южнорусских областях. Из них были сформированы новые части, в том числе и Болгарский гусарский полк. Они пополнили Бугское войско, Ольвиопольский кавалерийский полк, Екатеринославскую кавалерию. Вместе с другими переселенцами из Османской империи и бывшими “запорожскими казаками” болгары составили так называемое Черноморское казачье войско.

Все эти формирования принимали деятельное участие в следующей русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Как и в предыдущей войне, добровольцев набирали в основном из тех христианских беженцев, которые искали убежище на левом берегу Дуная. Из всех разоренных, подвергшихся тяжелым грабежам и кирджалийским насилиям балканских областей прибывали ежедневно сотни беженцев. Из них, а также из переселившихся ранее в Россию и Дунайские княжества было сформировано множество команд. В новосформированных 30 добровольческих отрядах, действовавших в 1788 г. на территории Дунайских княжеств, число болгар было значительным – более 2 тыс. человек. Некоторые из них участвовали в предыдущей войне и имели официальное звание (капитаны Христо, Николай Марко, Русо Болгар, Недялко и другие). Болгары-переселенцы – в составе Бугского войска – участвовали при штурме Очакова и Измаила. В отряде майора Соболевского сражалось 110 болгар – 4 капитана, 10 вахмистров, 9 знаменосцев и 87 рядовых. В команде майора Тауберга, которая несколько раз отражала атаки турок, было 26 болгар, в команде корнета Зирки – пять. За “проявленное усердие в боях” были награждены высокими боевыми отличиями Димо Русович, Танас Векович, Ян Самарин – за Очаков, а за Измаил – Перо Димитриев, Петко Цигулка, Атанас Пайсиков, Панайот Паниторов, Павел Вани, Юрий Дрянчев, многие другие получили медали за храбрость и были произведены в более высокие чины. Особым салютом и торжественной литургией была почтена память 130–140 болгар, похороненных в братских могилах. В боях при Фокшанах в июле 1789 г. и на р. Рымник в сентябре того же года участвовали болгары в составе 1,5-тысячного запорожского войска и добровольцы в составе 800 человек. В специальном рапорте А.В. Суворова по случаю победы при Рымнике в числе отличившихся своей храбростью фигурирует много болгарских имен¹⁸.

Когда речь идет об участии болгар во второй екатерининской войне, необходимо отметить участие и тех болгар-переселенцев из десятков полувоенных поселений, кто был мобилизован или добро-

вольно поступил в интендантские части. На своих телегах они перевозили продовольствие, обмундирование, фураж и другие материалы, столь необходимые армии. Жители Ольшанки, например, большей частью призванные в обозную службу, много сделали в дни Очаковского и Измаильского сражений. Семьи Малоковичи, Катанчевичи, Стойковичи и другие принесли много жертв во время нападения турок и суровой “очаковской зимы”. “Много добровольцев, скитаясь по бескрайней заледеневшей степи, пропали бесследно”, — отмечал летописец села¹⁹.

Победы русского оружия получили широкий отклик среди болгарского народа. Вновь, как и в предыдущей войне, усилилась деятельность гайдуцких чет. Своими действиями прославились в этой войне четы Видула в Карловской казе, Ненчо — в Габровской и Тырновской, Златю Кокарчооглу — в Сливенской. Некоторые из них переплывались через Дунай и отправлялись к лагерям русских войск²⁰.

В конце войны, когда последние бои велись в Северной Добрудже под командованием М.И. Кутузова и Репнина, число болгар-добровольцев увеличилось. В состав русской армии пришли новые подкрепления, перейдя фронт.

Необходимо отметить специфику этой войны — участие христиан-добровольцев не только в составе русской армии, но и в армии ее союзницы в этой войне Австрии. Много болгар-добровольцев вошло в состав “Свободного корпуса”, сформированного австрийцами из жителей балканских провинций Османской империи, пожелавших сражаться против турок.

---

¹ *Димитров Д.* Болгарское переселение в Украину и Крым // Сб. раб. студентов и аспирантов Ленинградского университета. Л., 1931. С. 5.

² *История на България.* София, 1985. Т. V. С. 95.

³ *Дружинина Е.И.* 200-летие Кючук-Кайнарджийского мира // *Etudes balkaniques.* 1975. 2. P. 85; *Семенова В.И.* Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. Т. 2. С. 347.

⁴ *Соловьев Е.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Т. 27/28. С. 282; *Дойнов Ст.* Българите и руско-турските войни 1774–1856. С., 1987. С. 14.

⁵ *Ульяницкий В.А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. Прилож. 32. С. 11.

⁶ *Дойнов Ст.* Указ. соч. С. 15–16; *Снегаров И.* Културни и политически връзки между България в Русия през XV–XVIII в. София, 1953. С. 94–95. Болгарский ученый Ц. Генов называет другую цифру — 2 тыс. чел. См.: *Генов Ц.* Българите и руско-турските войни XVIII–XIX век. София, 1987. С. 39.

⁷ *Виноградов В.Н., Семенова Л.Е.* Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII — начале XIX в. в свете материалов советских архивов // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8. С. 26–28.

⁸ *Грозданова Е.* Българите в руско-турските войни от втората половина на XVIII в. // България в света от древността до наши дни. С., 1979. Т. 1. С. 361; *Дойнов Ст.* Указ. соч. С. 28–29.

⁹ Боев Р. Военно-политическое сотрудничество между балканскими народами и Россией в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 // *Etudes balcaniques*. 1975. 2. С. 121; Семенова И.В. Указ. соч. С. 329, 342.

¹⁰ Грозданова Е. Указ. соч. С. 360, 361, 363.

¹¹ Гандев Хр. Един опит за въстание във Видин // *Проблеми на българското Възраждане*. С., 1976. С. 39–52.

¹² Дойнов Ст. Указ. соч. С. 49; Семенова И.В. Указ. соч. С. 349.

¹³ Дойнов Ст. Указ. соч. С. 32.

¹⁴ Там же. С. 34.

¹⁵ Семенова И.В. Указ. соч. С. 349–350; Генов Ц. Указ. соч. С. 41.

¹⁶ Боев Р. Указ. соч. С. 124.

¹⁷ Цветкова Б. Хайдутството в българските земи през 15–18 век. С., 1975. С. 63; Дойнов Ст. Указ. соч. С. 36; Генов Ц. Указ. соч. С. 41.

¹⁸ Семенова И.В. Указ. соч. С. 344, 348; Суворов А.В. *Документы*. М., 1980. Т. 2. С. 463–468, 480.

¹⁹ Дойнов Ст. Указ. соч. С. 50.

²⁰ Генов Ц. Указ. соч. С. 42.

ДУБРОВНИК И РОССИЯ

Сведения о Дубровнике стали поступать в Москву с конца XVII в. Дворянин Г.Г. Островский, состоявший в свите “Великого посольства”, посетил в 1697 г. по поручению Петра I Венецию с целью набора для русского флота славян – офицеров и матросов и ознакомления со славянскими землями северной Адриатики. Он сообщил в “Статейном списке”: “Рагузы город вольной Речи Посполитой (республики. – *И.Л.*) дань платят турком для вольного купечества”¹. Это была краткая и точная характеристика государственно-политического положения Дубровника – дань Порте в обмен на свободу торговли.

Развернутую характеристику положения Дубровницкой республики на рубеже XVII–XVIII вв. дал П.А. Толстой. 2(13) апреля 1702 г. царским указом он был назначен первым постоянным послом России в Турции. 29 августа (9 сентября) того же года посольство прибыло в Адрианополь (тур. Эдирне), где тогда находился двор султана Мустафы II, а уже в мае 1703 г. Толстой направил в Москву подробное описание Османской империи.

Относительно Дубровника проницательный русский дипломат в статейном списке писал: “Между сими преждедеченными послами в прошлых летох, сказывают, был посол при Порте Речи Посполитой Рагузской, и аще пред иными тот министр и невелик, но турки примали его честно за древность той республики и того ради, что приносил к ним денги, якобы обыкновенную дань на всякой год, зане имеют свою границу близ турок над морем Венецким, и бывал на аудиенции пред салтаном, как и иные послы, а та дань сбиралась с торгов тех же турок и с подданных оттоманских, когда в рагуском владении бывает сочинение торговли от турок, которые ходят с товарами чрез Италию, чрез Венецию, чрез Анкону, чрез королевство Неаполитанское, и того приносилось республике Рагузской великое богатство, и турки их и посла их за то по премногу любят и опасения от них ни в чем не имеют, понеже принцип малой и не может учинить никакого худа турком, и пребывает сей империи турецкой всегда в пределе спокойном, которой уже толико лет преминула и оби-

Рис. 10. Дубровник

дима никогда ни от кого не была, понеже всеми от всех защищаема суть". И далее посол продолжал: "Купцы рагузские во стране оттоманской во всем многия привилегии имеют, а особливо в пошлинах, что платят с товаров своих менши иных народов, и суть правы их пошрины по статьям по два со ста"².

Русский посол отмечал устойчивое расположение Порты к Дубровнику, выражением чего были прием дубровницкого посла с почетом и его аудиенция у султана наравне с дипломатами других стран. Толстой указал на материальную основу заинтересованного отношения султаната к маленькой республике: ее богатство и ежегодно приносимую туркам сумму денег, которую русский посол с оговоркой назвал "данью". Толстой раскрыл источники и условия благосостояния Дубровника – транзитная торговля и широкие привилегии дубровницких купцов на территории Османской империи. Он писал также и о добрососедских отношениях республики с окружающим миром.

В статейном списке говорилось далее о трудностях, которые пережила республика в связи с войной Священной лиги с Османской империей: "Ныне и при дворе салтанском посла рагузского нет. Сказывают, что у Порты и в прошлом году послан на рубеж Бошны ради договору вновь о данех, понеже з 20 лет, как рагужане турком уже дани обыкновенной не платили от начала сей последней войны, для такой причины, как стало убывать купечество в их стране для войн и напастей западных, и как стало убывать купечество, оскудевали и доходы, обаче во всем том, глаголют, что турки были благо-

дарны во время прошлые войны и доволствовались единою малою дачею, посланною к салтану, а ныне как учинился мир, хотят турки, чтоб платили им по древнему обычаю, но республика та пришла в состояние бедное от войны прошлых, и не могут равно платить по древнему обыкновению, и чаёт, что турки удовлетворяются половиною прежняго платежу, или и менши, и ныне договариваются о таком наклонении, которое, чаю, без сумнения будет договорено, а к народу рагузскому турки и ныне являются ласковы и милосердствуют о их скудостях болши, нежели соседи их порубежные християне, которые их привели в такую скудость”³. Отмечая падение торговли Дубровника из-за военных действий, Толстой указывал на настойчивые усилия турок востребовать с республики дань в довоенных размерах. Будучи уверенным в благоприятном исходе дубровнико-турецких переговоров по вопросу о размере и сроках уплаты дани в новых условиях, Толстой вновь обращал внимание на практический интерес султаната в республике и проистекающее отсюда особое расположение Порты к ней. В конечном итоге дубровчане и турки договорились об уплате дани Турции один раз в три года.

В петровское время важную и достоверную информацию о Дубровнике российское правительство получало также от Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского и состоявших на российской службе представителей дворянских семей города. В России было известно, что Дубровницкая республика находилась под верховной властью Турции, имела материальные обязательства перед ней, но при этом пользовалась самостоятельностью, торговыми привилегиями и покровительством Порты.

Внешнеполитический курс Дубровницкой республики был гибким и во многом скрытым как от султанского правительства, так и европейских дворов. С 1684 г. на протяжении почти столетия Дубровник находился под негласным покровительством Габсбургов, сохраняя при этом устоявшиеся отношения с Турцией. Республика пользовалась постоянным благоволением римского папы, рассматривавшего Дубровник как базу католического проникновения на Балканы. Умело используя противоречия между Венецией, Австрией и Турцией в Восточной Адриатике, Сенат Республики добился сохранения по Карловацкому миру 1699 г. границы с Турцией, что было важно для сухопутной торговли Дубровника с балканской глубинкой. Республика Св. Влаха умело ладила с Турцией и Австрией, Испанией и Римской курией, Францией и Англией⁴.

Щедрые подношения “вольного города” султану с его придворными и европейскими правителям, внушительный многовековой опыт сношений с внешним миром – все это помогало богатому Дубровнику лавировать, меняя покровителей и ориентируясь на наиболее сильного из них, и выстраивать нейтральную политическую линию во время военных конфликтов Турции и христианских государств. В 1745 г. Сенат принял “Положение о национальном море-

плавании”, согласно которому дубровницким судовладельцам запрещалось перевозить войска, оружие и боеприпасы воюющих сторон.

Характерной чертой внешнеполитической позиции Дубровника в XVIII в. было неизменное соперничество с Венецией за торговое преобладание в Адриатике. Отношения между ними были отмечены спорами, конфликтами, взаимной неприязнью. Однако дело никогда не доходило до войны. В напряженных ситуациях Дубровник неизменно пользовался поддержкой Порты, французского правительства и римского папы.

Установление дубровницко-российских отношений было связано с актуализацией южного направления внешней политики России и отвечало широкому международному курсу республики.

Начало практическим российско-дубровницким контактам было положено русскими дипломатами Е.И. Украинцевым и Д.М. Голицыным. Находясь в Стамбуле, они установили связь с дубровчанином Владиславичем, сыгравшим важную роль в поддержании и развитии отношений русских и дубровчан. Они получили регулярный характер в бытность в Турции П.А. Толстого.

С самого начала дипломатическая деятельность П.А. Толстого протекала в крайне сложных условиях. Турецкие власти, охваченные подозрительностью к российскому посольству и стремившиеся вытеснить его из страны, установили постоянный надзор за посольским домом. “И ныне, государь, живу на новом дворе в городе, – писал Толстой начальнику Посольского приказа Ф.А. Голловину из Адрианополя, – и на двор ко мне никакому человеку приттить невозможно, понеже от всюду видимо и чюрбачей (полковник. – *И.Л.*) у меня стоит с янычаны бутто для чести. И все для того, чтоб христиане ко мне не ходили”⁵. В течение года, будучи в Адрианополе, П.А. Толстой, не имевший в Турции известных ему лиц, находился в изоляции от внешнего мира. И тем не менее он представил правительству обстоятельное и исчерпывающее описание Османской империи на рубеже XVII и XVIII вв. Можно предположить, что посол получал нужные ему сведения от людей Рагузинского. Последний в 1702 г. был в переписке с Толстым, но лично они еще не встречались.

В сентябре 1703 г. российское посольство по возвращении султанского двора в Стамбул также переехало в турецкую столицу. Но и здесь при посольском дворе постоянно находился военный караул и русский посол был в неравном положении с послами европейских государств. Хотя круг общения Толстого в столице расширился, он получил возможность общаться с европейскими дипломатами (в 1704 г. Рагузинский познакомил его с секретарем французского посольства, в тот момент расположенного к России), русский посол остро нуждался в переводчиках, в постоянной достоверной информации о положении в Османской империи и надежной связи с Москвой.

В такой обстановке неоценимую помощь оказал Толстому Рагузинский, познакомивший его с дубровницким консулом в Стамбуле Лукой Баркой. Консул имел в турецкой столице обширные знакомства, был в курсе скрытой жизни и нравов султанского двора. Лука Барка вплоть до своей смерти, последовавшей в 1709 г., снабжал П.А. Толстого сведениями о внутреннем и внешнеполитическом положении Османской империи. Он имел также письменную связь с генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным.

Немаловажным обстоятельством принятия Лукой Баркой функции тайного информатора российского правительства было то, что его племянник Николай переехал в Россию и служил в Посольском приказе. Он жил в Москве в доме Рагузинского. Николай Барка был переводчиком при государственном подканцлере П.П. Шафирове на переговорах с турками при заключении Прутского мира, а также и позднее. Он выполнял и иные поручения внешнеполитического ведомства России.

В запутанной международной обстановке, когда Петр I терял одного союзника за другим, при постоянной неуверенности Москвы в позиции Турции и активных польско-шведско-татарских интригах в Стамбуле Лука Барка предоставлял Толстому конфиденциальную информацию разного характера, но прежде всего по главному, интересующему посла вопросу о позиции султанского двора в отношении России.

В конце 1706 г. Петр I получил от иерусалимского патриарха Досифея сообщение о заключении в тайне от России и всей Европы Альтранштедского мирного договора между Карлом XII и саксонским курфюрстом Августом II, бывшим одновременно польским королем, но детронизованным в 1704 г. Карлом XII. По этому договору Август II, союзник Петра I, отрекался от польского престола и брал обязательства порвать с Россией и Северным союзом. Лука Барка подтвердил заключение договора, назвав его "воровски учиненным". Этот мир был в центре внимания дипломатических кругов в Стамбуле⁶.

В марте 1707 г. в Стамбул прибыл везир крымского хана, который был торжественно встречен при султанском дворе. Голландские дипломаты и Барка информировали Толстого, что депутация была послана по проискам французского посла в Турции Ш. Ферриоля с целью получить у Порты согласие на выступление крымских татар против России⁷.

В том же году силестринский сераскер Юсуф-паша под влиянием дипломатических интриг Станислава Лещинского, шведского ставленника на польском престоле, исходатайствовал у Порты разрешение направить в Венгрию, Польшу и шведскую ставку Мехмета-эфенди с осведомительными целями. По приезде Мехмета-эфенди в апреле 1708 г. в Стамбул Лука Барка сблизился с ним и содействовал установлению дружеских отношений его с Толстым. Барка узнал

позднее и сообщил послу о переданных через турецкого посланца Юсуфу-паше, а затем и султану шведско-польских предложениях касательно заключения соглашения между Турцией и Швецией⁸.

Во второй половине 1708 г. Толстой ходатайствовал в придворных кругах об издании султаном указов, запрещающих крымскому хану совершать набеги на южные земли России. Такое “соизволение” было направлено в Крым. С ним ознакомился Барка, связанный с капи-кегаями крымского хана. Дубровницкий консул передавал русскому послу содержание доступных ему дипломатических документов и состоявшихся бесед. Весной 1709 г. Барка уведомил Толстого о происках против России в Стамбуле⁹.

С появлением настороживших Толстого военных приготовлений Порты посол пытался переключить ее внимание на Венецию. Он учитывал наличие в Стамбуле влиятельной группировки сановников, требовавших возвращения Мореи, уступленной Турцией Республике Св. Марка по Карловацкому миру 1699 г. Используя исконное торговое соперничество между Дубровником и Венецией, Толстой дал совет Барке, чтобы дубровницкий Сенат обратился к султану с жалобой на венецианских купцов¹⁰.

В сложнейших условиях П.А. Толстой, выполняя постоянные указания и напоминания внешнеполитического ведомства трудиться над тем, чтобы, “отчего боже сохрани”, не допустить войны Турции против России, искусно и вовремя нейтрализовал антироссийские намерения и действия высокопоставленных турецких сановников и европейских дипломатов. Исключительное значение для успешной деятельности посла имела своевременная и достоверная информация. Толстой с помощью огромных денежных сумм и дорогих сибирских мехов получал в это время секретные сведения от султанского имама, муфтия, реис-эфенди, тайного секретаря султана и главного переводчика Порты грека А. Маврокордато, но эти сведения, при всей их важности, не выходили за рамки государственных интересов Турции. Информация Луки Барки была свободна от таких ограничений.

О ценности и надежности получаемой Толстым информации свидетельствует ситуация, сложившаяся в конце 1707 – начале 1708 г. В это время в Москву поступали сообщения из разных источников – от украинского гетмана Мазепы, русских представителей в Европе, из западной печати – о подготовке Турции к войне с Россией. Известный исследователь петровской эпохи Н.И. Павленко считает, что то была провокация, подстроенная польской и шведской дипломатией, чтобы разжечь конфликт между Турцией и Россией¹¹.

В этот напряженный период П.А. Толстой, несмотря на недовольство его дипломатической деятельностью со стороны Петра I и Посольского приказа в связи с его усложнительными донесениями из Стамбула, в письмах Петру I и начальнику Посольского приказа Г.И. Головкину настойчиво повторял: “...у турок никакого приуго-

товления к войне не является”, “и до сего дня ниедина малейшая причина ко противности является”, “здесь в Константинополи ниединоного противного знаку к стороне великого государя ныне не является”, “здесь все смирно и противности никакия отнюдь ни в которую сторону не слышитца и ниедино малейшее приуготовление к войне видитца, но по всему показываетца глубочайшая тишина”¹². Такую уверенность в отстаивании своей позиции русскому послу давали знания о подлинных настроениях султана и его окружения. Немалая заслуга в его осведомленности, предотвратившей в тот момент обострение российско-турецких отношений, принадлежала людям Рагузинского и дубровчанину Луке Барке.

П.А. Толстой в донесениях в Москву отмечал, что “приятели” Рагузинского за свою деятельность никакой “заплаты” не требуют и не просят, оказывая ему помощь безвозмездно. Но Лука Барка за свои услуги, по всей видимости, нерегулярно, получал вознаграждения, порой в необычной форме. Так, в 1708 г. ему было выдано соболей на 200 руб. Толстой к тому же даровал ему “невольницу шведку”, из тех, что “плуты греки” присылали в Стамбул, но были отобраны у них послом¹³.

В круг посольских задач П.А. Толстого входило, помимо поддержания мира с Турцией, установление торговых отношений между Россией и Османской империей на договорной основе. Торговый путь из России на Балканы шел по суше через Молдавию и Валахию. Еще в 1700–1701 гг. во время русско-турецких переговоров в Стамбуле московские представители поднимали вопрос о плавании русских торговых судов через Черное море. На это турки высокомерно заявили, что “по Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится”¹⁴.

В 1704 г. везир согласился начать обсуждение вопроса о торговом договоре. Толстой подал турецкому правительству “мемориал”, написанный на латинском языке, с русскими предложениями. Документ был составлен не без помощи Рагузинского, от которого посол получил данные о французском и венецианском торговых соглашениях с Турцией. В том же году было отпущено торговое судно из Стамбула в Азов. Оно было отправлено от лица русского посла, но было зафрахтовано на деньги Рагузинского и загружено его товарами. В 1707 г. Толстой возобновил торговые переговоры с турецкой стороной. В Азов было отпущено второе судно, отправленное, как и первое, под дипломатическим прикрытием посла с товарами Рагузинского¹⁵. Толстой рассчитывал создать прецедент морскому торговому движению на Азов. Но для налаживания морским путем торговли России потребовались десятилетия, наполненные войнами и переговорами.

Дипломатическая деятельность в Турции была для русского посла настолько напряженной и ответственной, пребывание в Стамбу-

ле столь тягостным, что П.А. Толстой еще в 1706 г. просил царя заменить его. Но Петр I отказал. Предчувствия Толстого не обманули, его ожидали трудные времена. В августе 1709 г. он сообщил в Москву о подготовке Турции к войне с Россией.

После смерти Луки Барки консульское место в Стамбуле занял его племянник Лука Барка-младший. П.А. Толстой в письме канцлеру Г.И. Головкину от 20(31) июля 1709 г., отмечая высокие деловые качества нового дубровницкого консула, предложил привлечь его к агентурной работе. Сообщая о смерти Луки Барки-старшего, посол писал: "А по нем ныне является добрым работником в делах здешних племянник ево Лука, брат родной переводчика Николая Барки, которой ныне при вашем высокографском превосходительстве обретается. И аще ли изволиш, повели господину Саве Владиславичю, чтоб он отписал к предреченному Луке, дабы он равною мерою работал в делах царского величества, как и дядя ево покойной Луки, понеже оные господина Саву Владиславича имеют себе за патрона"¹⁶. Посредничество Рагузинского должно было стать гарантией надежности служения нового дубровницкого консула в Турции интересам России.

Лука Барка-младший также вошел в конфиденциальные отношения с российскими официальными лицами. В секретных донесениях он фигурировал под именем Макария Степанова. Информация Барки была тем обширнее и достовернее, что он являлся также переводчиком английского посольства и имел связи при султанском дворе.

В 1710 г. Лука Барка-младший сообщил в Москву через русского курьера о намерении Турции начать войну с Россией. Во время Прутской кампании он информировал канцлера Г.И. Головкина о настроениях высших турецких должностных лиц, ходе переговоров о заключении мира, требованиях турок. 3(14) июля 1711 г. Лука Барка писал Г.И. Головкину: "Министры теперь уже не говорят, что зачали войну для разорения новопостроенного города и для сожжения флота московского, но для того, чтоб войско московское выступило из Польши и проводить бы свободнее короля шведского короля оказались самыми трудными при заключении Прутского мира. Барка уведомил Г.И. Головкина о давлении Карла XII на султана после подписания мира. Он извещал Рагузинского в декабре 1711 г. о положении при дворе султана во время и после Прутского сражения, о смене везира Балтаджи Мехмед-паши, присках шведов в Стамбуле¹⁷. Это была информация особого значения, позволявшая российскому правительству адекватно выстраивать линию отношений с турками.

На протяжении 1712 г. отношения России и Турции были крайне напряженными. До ратификации Прутского мирного договора и исполнения российской стороной всех его условий послы

П.П. Шафиров и сын фельдмаршала полковник М.Б. Шереметев оставались в Турции в качестве заложников. П.А. Толстой с начала русско-турецкой войны находился в заключении в тюрьме Едикюле, известной в русской литературе как Семибашенный замок. В этих условиях роль Барки в своевременной информации российского правительства о положении в турецкой столице и в доставке корреспонденции русских послов в Петербург была особенно ответственной.

В конце 1711 – начале 1712 г. Шафиров с помощью Барки посылал Петру I письма, в которых с тревогой сообщал о намерении турок разорвать мир. Обеспокоенный угрозой вторичной войны с Турцией, царь стремился даже высокой ценой сохранить мир с Османской империей. Барка сообщал о ходе переговоров по поводу заключения нового договора. Они шли с трудом. “О чем ввечеру договаривались, – писал Барка, – о том поутру отговаривались”. Через дубровницкого консула поддерживалась конфиденциальная связь русской стороны с английским послом Р. Суттоном¹⁸.

Новый русско-турецкий договор был подписан в Стамбуле 5(16) апреля 1712 г. П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев в донесении Петру I высоко оценили роль Луки Барки при его заключении: “И далее принужденны мы позволить на такие пункты и егда и оных возмогли домогся чрез старание вышеупомянутых послов (английского и голландского. – *ИЛ.*), а особливо аглинского, також и чрез господина Луку Кирикова (о котором свидетелствуем, что не может более природной раб вашему величеству служить), ибо салтан и ево дворовые искали весма причины, за чтоб мочно сей трактат разорвать”¹⁹. В Петербурге были удовлетворены деятельностью Луки Барки.

По условиям договоров 1711 и 1712 гг. Россия лишилась права держать постоянного посла или посланника при султанском дворе. Учитывая это, Шафиров предложил Головкину для представления интересов Петербурга в Турции сделать Луку Барку, с его согласия, российским резидентом в Стамбуле после возвращения его, Шафирова, Шереметева и Толстого в Россию. “Он знает двор здешней с основания, – писал Шафиров, – и человек умной и о всех наших секретех сведом”. По существу речь шла о легализации деятельности Барки, который и до 1712 г. служил России за “жалованье”. В ноябре 1712 г. Петр I подписал “Верующую грамоту” Барке, считая, однако, “что лутче бы он мог службу свою являть не в публичном характере”. Назначение не состоялось. Русские послы договорились с Баркой, чтобы он и далее оставался тайным информатором российского правительства “за годовую дачю”²⁰.

Осенью 1712 г. в преддверии объявления новой войны России турки заключили Шафирова, Шереметева и Толстого, который был освобожден после подписания в апреле нового договора, со всем посольством в 20 человек в Семибашенный замок.

Послы поддерживали связь с внешним миром через Барку. С его помощью они направили 11(22) ноября Петру I письмо с сообщением о последних событиях и своей тяжелой участи. Относительно Барки они писали: “Итак повелите, ваше величество, с ним тайную корреспонденцию продолжать и, что ему делать, о том определить указом, також и милостию своею и годовою дачею против чина резидентского, которой мы ему обещали удовольствовать, и на расходы от дел перевести повелеть денег, ибо нам к нему отсюда ничего отнюдь послать невозможно, хотя из мяхой рухледи (мехов. – И.Л.) еще и есть у нас в остатке немало, а денег за росходы прежними и за разорением, ныне нам учинившимся, осталось самое малое число”²¹. Плодотворное сотрудничество русских официальных лиц с Лукой Баркой продолжалось до весны 1713 г. 24 марта (4 апреля) русские послы были освобождены из Едикуле и через неделю прибыли в Адрианополь для переговоров о возобновлении мира с Турцией. Адрианопольский мир был подписан с российской стороны полномочными послами Шафировым и Шереметевым 13(24) июня 1713 г.

Но в этот напряженный для России период Лука Барка отошел от информаторской деятельности. 5(16) апреля 1713 г. Шафиров и Шереметев сообщали Головкину: “Разве что и вам писал делное, а к нам все рассказы, и ни во что не хотел вступать, внушая нам, будто турки не мыслят о мире. И отбивал нас, чтоб мы о том и не промышляли. Что нам наводит сумнение, не послал своего по подущению. И для того, хотя я его представлял впредь в резиденты, видя нынешние его поступки, еще при нас здесь будущие, по нем не порука впредь, и надлежит вам мыслить о ком другом природном нашем...”²² Послы были обеспокоены бессодержательными рассказами надежного ранее информатора и ставили перед канцлером вопрос о его замене, притом русским человеком.

Петру I Шафиров и Шереметев доносили, что последние письма из Едикуле они были вынуждены отправлять через караульного – турка, рискуя при этом жизнью²³. Жалуясь после подписания Адрианопольского мира на отсутствие надежной связи с Россией, послы писали царю о “явных воровских поступках” Барки²⁴.

Шафиров и Шереметев не видели причины изменения поведения Барки. А между тем они сами в письме Головкину заявляли, что “на здешних людей весьма надеется невозможно. Хотя и явитца сперва усердный, а паче всего за денги и бога, и веру, и душу, и государя своего продать готовы. И все, что пишут и подают ведомости, надлежит весить на вески алмазные. А хотя что и явитца правдивое, то болше при том примешено будет рассказов – пахнет все денгами”²⁵. Конфликты с иностранцами, находившимися на российской службе или тайно служившими России, по финансовым вопросам были в то время нередки.

Шафиров, Шереметев и Толстой, лишённые полноценной информации (иерусалимский патриарх также вышел к этому времени

из доверия) и прочной связи с Россией, были задержаны турками до размежевания земель и установления российско-турецкой границы. Они выехали из Стамбула 14(25) сентября 1714 г. Только в 1719 г. в Турцию прибыл российский посланник А. Дашков, который в 1720 г. подписал договор вечного мира между Россией и Турцией.

Кроме семейства Барки были и другие дубровчане, выполнявшие курьерские и прочие задания российских официальных лиц. В июле 1708 г. “торговый человек рагуженин” Николай Павлов, приехавший в Стамбул из Москвы, привез Толстому собственноручное письмо Петра I²⁶.

В петровское время на российскую службу, в армию и особенно во флот поступило немало дубровчан. С начала дипломатической деятельности в Стамбуле П.А. Толстой остро нуждался в переводчиках, главным образом в знатоке турецкого языка. Эта задача решалась с помощью Рагузинского на месте, поскольку Ф.А. Головин писал Толстому, что “с Москвы... послать некого”²⁷. По этому вопросу Г.И. Головкин сообщал Петру I в 1706 г. следующее: “В Киев к нам от Петра Толстого присланный Рагузинин явился, о котором он писал, что он ево послал к Москве по писму Феодора Алексеевича (Головина. – *И.Л.*) для науки словенского языка, чтоб ему быть в переводчиках, а он де человек доброй и ему верной, и умеет совершенно турецкого, греческого, латинского, итальянского языков, отчасти и по-словенски; и я, государь, к Шафирову писал, когда он словенского языка выучитца, чтоб ево, удовольствовав, отпустил немедленно к Петру Толстому”²⁸. Конкретные сведения об упомянутом дубровчанине отсутствуют, кто он и как сложилась его судьба, неизвестно.

Во всяком случае верный российский интересам человек нашелся. Это был дубровчанин Флорио Беневени, которого Толстой в 1708 г. принял на службу в посольство переводчиком “языков ориентальных”. Беневени хорошо знал итальянский язык, который часто использовался в то время на Востоке в дипломатических делах, а также турецкий, персидский и татарский языки. Когда весь состав российского посольства во главе с Толстым в 1710 г. был посажен в Семибашенную крепость, среди арестованных был и Беневени. Заключение, проходившее в невыносимых условиях, продлилась полтора года. После Прутской кампании, по приезде в Стамбул Шафиров и Шереметев Беневени находился при них в качестве переводчика. С осени 1712 г. он в составе посольства вновь оказался в Едикуле. На этот раз заключение продолжалось полгода. Все это время Беневени стойко переносил трудности и заключения российской службы.

В 1714 г. Беневени вместе с Толстым приехал в Россию. Он был определен переводчиком в Ориентальную экспедицию Коллегии иностранных дел. В 1717 г., когда Петр I отправил гибкого и коварного Толстого в Италию, чтобы выманить царевича Алексея в Рос-

сию, Беневени сопровождал его в поездке. В качестве награды за успешное завершение миссии он был пожалован секретарем Ориентальной экспедиции.

Но в 1718 г. жизнь дубровчанина на российской службе резко изменилась. Петр I, влекомый мыслью найти путь на Восток в Индию для расширения российской торговли, включил в сферу дипломатической деятельности Среднюю Азию. Беневени был назначен посланником в Бухарское ханство. В сентябре он в сопровождении толмача и курьера выехал из Москвы. Путь пролегал через Персию, власти которой надолго задержали его в стране, поэтому лишь через три года он добрался до Бухары.

Российский посланник оказался в атмосфере междоусобной борьбы и мятежей в ханстве, непрочности ханской власти, антироссийских настроений бухарской знати, постоянной угрозы физической расправы. Над ним витала тень убитого в Хиве его предшественника князя А. Бековича-Черкасского. Но Беневени мужественно и терпеливо выполнял указания выданной ему инструкции. Была собрана важная информация, изложенная в традициях статейных списков. Посланник обстоятельно осветил положение Бухарского ханства.

В 1725 г. Беневени тайно бежал на Хиву, поскольку бухарская знать из антирусских побуждений его не отпускала, и в конце того же года приехал в Москву. Его посольство в Бухару продолжалось в общей сложности более семи лет. Находясь в чужих местах, в окружении недругов, в одиночестве, Беневени самоотверженно служил России. Но он устал.

В январе 1726 г. Беневени подал в Коллегию иностранных дел челобитную об отпуске на полгода для поездки на родину, в Дубровник. Он просил выдать ему из казны 2660 руб. для покрытия долгов и в качестве причитающейся ему платы за службу. Улаживание финансового вопроса затянулось на два года. Беневени было выдано 2 тыс. руб. И в конце 1728 г. он получил паспорт для выезда в Дубровник. Далее следы Беневени затерялись, и неизвестно, вернулся ли он в Россию²⁹.

В петровское время началась гражданская, а затем и военная карьера в России Иеронима Натали, происходившего из дубровницких нобилей. В 1716 и 1718 гг. Натали посетил с дипломатическими поручениями Стамбул. В 30-е годы он участвовал в войне против Турции. Натали проявил храбрость и военные знания, благодаря чему был удостоен чина полковника и вошел в круг первых сановников российского государства. В 50–70-е годы дело служения России продолжил его сын Петр Натали³⁰.

Поступившие в Дубровник сведения о России, ее военных успехах и выдающемся монархе Петре I вызывали в поэтических кругах города восторженное отношение к ней. Это получило выражение в ряде рукописных поэтических сочинений. В 1710 г. дубровницкий

поэт, иезуит, затем каноник И. Градич создал на народном языке поэму “Северное пламя”, которую преподнес Рагузинскому. В названии произведения был заключен аллегорический образ Петра I.

Градич, восхищаясь делами русского царя, писал, что они “известны всему миру”. Он предсказывал вечную славу его начинаниям, “пока будет солнце сиять и быстрые реки течь к морю”. Поэт прибегал к гиперболе, утверждая, что мир никогда не узнает таких доблестей и такого могущества, какими обладал Петр I. “Никогда солнце не откроет подобного ему героя”. Поэма завершалась строфами:

Живи, о славный царь, вовеки,
Живи! Да умножатся
Твои великие доблести
И твои славные подвиги!
Живи...
Всегда победитель, никогда не побежденный!
Доверши свои знаменитые дела
Поражением змея турецкого!
Пали и руби неверных,
Кто ненавидит правую истину;
Да захлебнутся они
В потоке своей крови.

Призывая Петра I защитить “честь правоверных” и освободить их из рабства, дубровницкий поэт в заключение желал московскому царю “вековечной чести и даров” и славного сияния “на этом свете и в раю”³¹.

Подвиги Петра I воспел также дубровницкий священник, известный своей образованностью, Стефан Ружич. В 1717 г. он написал на родном языке оду в честь русского царя. В посвящении автор писал, что в самом его имени заключено предсказание будущей славы. Провидением он был предназначен к прославлению России. Дубровчанин воспевал военные подвиги царя, его победы над Швецией. Но особенно он выделил преобразовательную деятельность Петра I, прежде всего распространение образования в народе. Ружич, как и Градич, выражал надежду, что царь разобьет Турцию, освободит христиан от мусульманского господства и возвысится как господин над всем миром³².

Петр I стал также героем оды на итальянском языке неизвестного автора. Он высокопарно изобразил русского царя посланцем небес, появившимся для утешения страждущего человечества. Эти торжественные сочинения остались свидетельством патетического восприятия России и ее гениального монарха представителями наиболее консервативной дубровницкой среды – католического духовенства.

При Петре I были установлены первые официальные контакты между Россией и Дубровницкой республикой. Для обеих сторон эти отношения не имели в то время стратегического значения, что определило их неустойчивый характер.

В 1709 г. Рагузинский известил дубровницкие власти о победе русских войск под Полтавой. В ответ ректор и Сенат направили царю по этому случаю поздравительное письмо, которое ушло из Стамбула в Москву только 28 августа 1710 г.³³

Петр I ответил благодарственной грамотой 16(27) апреля 1711 г., в которой говорилось о занятии русскими войсками Лифляндии и Карелии. Царь сообщал также об объявлении Турцией войны России. Он писал: “На которую войну мы, уповая на милость бога вышняго и на правосудие его и правость нашу в том, что нам и против сего вероломного христианского имяни наследственного неприятеля да поможет и не токмо турецкую гордость уничтожит, но и многих христиан от ига и тиранства варварского освободит, о чем мы не токмо войскам нашим и иждивением сокровища нашего, но и самую нашу персоною трудитися будем”. В грамоте выражалась надежда, что “всякий христианин, кого какой случай и оказия позовет, в таком главнейшем деле ради пользы всего христианства послужил против гонителя веры христовой...”³⁴ Это был призыв к поддержке России перед лицом Турции.

Но в военном столкновении России и Османской империи дубровницкие власти, не разделяя радужных надежд на ликвидацию султаната, приняли сторону Порты. Когда в августе 1711 г. черногорские повстанцы численностью до 15 тыс. человек обратились к Дубровнику с просьбой о помощи оружием, Сенат отказал им. И при этом он заверил турок в своей непричастности к повстанцам³⁵.

Но российско-турецкие отношения разрядились, и Сенат в 1717 г., возможно, не без влияния Рагузинского, который посетил Дубровник, выразил восхищение Россией и радость в связи с вестями “от славянского царя”³⁶. Слабая нить официальных дубровницко-российских отношений продолжила свое развитие.

Уже на начальной стадии взаимного ознакомления между Россией и республикой возник церковный вопрос. В 1716 г. Рагузинский выразил намерение воздвигнуть в саду собственного дома в Дубровнике православную часовню. Петр I, осознавая себя покровителем православных, поддержал его и ходатайствовал перед Сенатом о разрешении на строительство. Письмо царя встретило решительное сопротивление со стороны дубровницких властей.

Этот, казалось бы, незначительный эпизод отразил принципиальную позицию Дубровника в делах церкви. Власти жестко стояли на страже католической традиции республики. Они опасались в случае ее нарушения утратить расположение к себе римского папы. Существовала также угроза наплыва в Дубровник из венецианских и турецких пределов православных мигрантов, что означало бы увеличение торговой конкуренции. Наконец, допущение православия в жизни Дубровника облегчало распространение влияния России на окружающее республику православное население Приморья. Такая перспектива представлялась дубровницким властям тревожной и та-

ящей в себе сложности для отношения Дубровника с Портой. Вопрос о православном богослужении в Дубровнике будет присутствовать в дубровнико-российских отношениях на всем протяжении XVIII в., отягчая их³⁷.

Мысли о развитии морской торговли на юге страны не покидали российское правительство. В 1745 г. Коммерц-коллегия обсуждала проблемы черноморской и средиземноморской торговли. Она обратилась в Коллегию иностранных дел с просьбой обязать русского посла в Стамбуле А.А. Вешнякова собрать сведения о средиземноморских государствах и их торговле. Вешнякову предлагалось обсудить с "министрами" итальянских государств и Рагузы возможность организации прямой торговли русскими товарами в этих странах без англо-голландского посредничества. Но посол объяснил столичным чиновникам, что все упиралось в невозможность плавания иностранных судов в Черном море³⁸.

Ситуация принципиально изменится с заключением между Россией и Турцией в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора, установившего свободу торгового судоходства в Черном море и через проливы. Но путь к нему лежал через кровавую русско-турецкую войну.

Во второй половине XVIII в. стали отчетливыми признаками зката Османской империи. С ним возрастало давление Порты на Дубровник в целях использования его в своих военных интересах. С началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Дубровник был вовлечен в действия на стороне Турции, что вызвало резкое обострение российско-дубровнических отношений.

Весной 1769 г., не допуская возможности появления в Средиземном море российского флота, дубровницкий консул в Генуе обратился к местным властям с представлением о разоружении и конфискации 26-пушечного корабля с командой в 200 человек, зафрахтованного русскими купцами. Сенат одобрил действия своего консула. Генуезские власти секвестровали корабль³⁹. Но он был негласно снаряжен с ведома А.Г. Орлова и предназначался для уничтожения турецких судов. Поэтому действия дубровнических властей крайне насторожили российское правительство.

Екатерина II, разворачивая широкомасштабную кампанию по организации всенародного антиосманского восстания на Балканах и направляя для его поддержки в Средиземное море российский флот, сформулировала принципы действия русских эскадр. В рескрипте от 11(22) августа 1769 г. А.Г. Орлову, находившемуся в Ливорно и наделенному широкими полномочиями, она указывала: "Собственная наша польза требует неотменно делать различие между турками и подвластными им народами, дабы первых последними дома упражнять, следовательно же и надобно будет всячески остерегаться, дабы они нигде и ни под каким видом от нас озлобляемы не были". Императрица требовала при проведении операций строго различать

турок и угнетенных христиан, с тем чтобы не допускать ни малейшего недовольства со стороны последних. То же касалось судов нейтральных стран. В рескрипте командующему российской эскадрой адмиралу Г.А. Спиридову от 13(24) января 1770 г. Екатерина II предписывала проявлять “наиточнейшее уважение к коммерции и мореплаванию судов и кораблей всех христианских держав...”⁴⁰ В сложной международной обстановке военных лет Петербург проводил политику предельной осторожности в отношениях с нейтральными государствами, чтобы не спровоцировать, в частности, блокирования российских эскадр в Средиземном море.

В отношении Дубровницкой республики позиция российского правительства не была однозначной. В рескрипте от 5(16) июня 1770 г. на имя командующего третьей русской эскадрой контр-адмирал Арфа Екатерина II по поводу нее замечала: Она “состоит под протекциею турков и им дань платит... Правда, отрекается она от качества подданной и стороною забегала уже ко двору нашему с просьбою чтобы ея навигация от неприятельской отличена была”. Характерное для республики лавирование побуждало императрицу в разгар морской войны проявлять осторожность в отношении ее.

В вашеназванном рескрипте Екатерина II так определяла линию поведения контр-адмирала: “Сначала отозваться и обходиться с нею дружелюбно, полагая, что она, с своей стороны, не отречется от допущения кораблей наших и от учинения им за деньги всякой потребной помочи; в противном же случае можете вы оное себе по необходимости и силою доставить, трактуя тогда рагузския земли и кораблеплавание неприятельскими, но обыкновенным, однакож, порядком между просвещенными нациями, токмо чтоб сие сделано было с согласия графа Орлова”⁴¹. Екатерина II, рассматривая положение Дубровницкой республики как вассальное по отношению к Турции, вместе с тем допускала возможность оказания ею помощи русскому флоту на коммерческой основе. В случае отказа Дубровника она готова была квалифицировать его действия как враждебные. Конкретная оценка ситуации и решение вопроса были возложены на А.Г. Орлова.

В кризисные 60–70-е годы Дубровницкая республика пыталась использовать проверенную временем тактику маневрирования: с одной стороны, она стремилась обезопасить себя со стороны России, с другой – расплачиваясь за многовековое покровительство Порты, обслуживала военный флот Турции и занималась доставкой продовольствия в Стамбул. В свою очередь А.Г. Орлов, памятуя об инциденте в Генуе, занял в отношении Дубровника жесткую позицию, распорядившись по прибытии российского флота в Средиземное море задерживать его суда. Результаты досмотров подтвердили обоснованность такого шага.

Весной и летом 1770 г. в ходе Морейской операции дубровнические суда неоднократно были обнаружены в составе сопровождения

турецких флотилий. Шесть дубровницких судов находились при турецких кораблях, напавших на русский флот близ порта Навплион. Несколько судов республики были пленены русскими в период осады крепости Короны и взятия Наварина, где дубровницкие моряки обслуживали турецкую артиллерию. Четыре судна под флагом республики были захвачены во время Чесменского сражения. Дубровницкие судовладельцы и капитаны безрезультатно протестовали против конфискации их судов, ссылаясь на то, что они как граждане нейтрального государства имеют право перевозить продовольствие и другие незапрещенные товары⁴². Но так или иначе на деле они обслуживали военный флот Турции.

После Чесменского сражения летом 1770 г., показавшего всему миру мощь российского флота, перед ним были поставлены задачи блокирования с моря Стамбула, изоляции островов Ионического и Эгейского архипелагов от сообщения с турками и нанесения им чувствительных ударов на море. Однако постоянную блокаду Стамбула организовать не удалось, так же как и блокада Дарданелл оказалась слабой и недостаточной. В 1771 г. Орлов предложил новый план действий флота: для отвлечения турецких сил от Дунайского фронта пройти вдоль берегов Эгейского архипелага с регулярными и нерегулярными войсками. Усиленные флотские соединения (в 1770–1773 гг. в Архипелаге находились пять эскадр) предпринимали также локальные действия десантными и добровольческими силами на суше⁴³.

На этом этапе морской войны задержание русскими военными кораблями иностранных судов приобрело тотальный характер. На момент русско-дубровницкого замирения было конфисковано русской стороной 50 дубровницких судов⁴⁴.

Ввиду действий Дубровника по удовлетворению военно-морских нужд Турции командующий средиземноморскими силами России А.Г. Орлов в ноябре 1770 г. объявил через своего секретаря дубровницкому консулу в Ливорно, что Екатерина II считает республику неприятельской. Поэтому она дала распоряжение флоту конфисковывать все дубровницкие суда в открытом море и даже бомбардировать сам город⁴⁵.

В такой обстановке дубровницкий Сенат срочно отправил к Орлову делегацию для улаживания дубровницко-русского конфликта. Состоявшиеся в мае 1771 г. переговоры главнокомандующий русским флотом вел с позиции силы, потребовав от Дубровника выплатить 230 тыс. дукатов на содержание пяти российских военных кораблей и 30 тыс. лично ему. Сенат согласился на уплаты лишь 20 тыс. дукатов с условием возвращения конфискованных дубровницких судов и свободы плавания флота под флагом республики. Одновременно дубровницкие власти искали защиты у Австрии, Франции и Польши. Однако все их попытки найти поддержку в Европе не увенчались успехом⁴⁶.

В конфликтной ситуации начала 70-х годов активную позицию занимал ученый Руджиер Бошкович. Благодаря своей известности и европейским связям он деятельно отстаивал интересы Дубровника на Западе и влиял на политику республики. В мае 1771 г. Бошкович писал сенатору М. Ранине из Милана об опасности, которая могла бы грозить Дубровнику в случае приближения русских к границам республики. Он безуспешно обращался за помощью к Людовику XV и польскому королю⁴⁷.

Одновременно с переговорами в Италии Сенат направил в Петербург сенаторов Ф. Ранину и М. Тудисича. Они выехали из Дубровника в январе 1771 г. В Вене сенаторы старались склонить Марию Терезию и Иосифа II к поддержке Дубровника, но их усилия реального успеха не имели. Тудисич здесь заболел, и Ранина через Берлин, где он получил аудиенцию у Фридриха II, прибыл в Петербург один, снабженный рекомендательными письмами европейских дипломатов и видных лиц.

Фран Ранина долгое время занимал в Дубровницкой республике высокие посты, был опытным дипломатом. В Петербурге он должен был добиться возвращения Дубровнику конфискованных судов и признания за его флотом права на свободу плавания. Однако, находясь в российской столице, дубровницкий посланец изменил последовательность постановки актуальных для республики вопросов и настаивал прежде всего на свободе мореходства, оставив на будущее решение вопроса о возвращении Россией конфискованных судов. У Ранины была мысль потребовать возмещения ущерба Дубровнику, причиненного пленением судов. Однако он очень скоро убедился в нереальности своих претензий и отказался от них⁴⁸.

С самого начала Ранина столкнулся в Петербурге с твердой позицией российских официальных лиц. Канцлер Н.И. Панин отказался признать его в качестве посла Дубровницкой республики и рассматривал как резидента. Во время данной ему аудиенции Панин заявил: "Ее величество имеет много причин жаловаться на вашу республику. Она хотела рассматривать вас как друзей и дала такой приказ своему флоту, но ваша республика сделала ошибку, открыто примкнув к туркам"⁴⁹. В России Дубровницкую республику считали вассалом Порты и не видели необходимости вести с ней переговоры до окончания войны. Тем временем Сенат пошел навстречу требованию российской стороны наказать дубровницкого консула в Генуе и в феврале 1772 г. заменил его.

В течение года Ранина добивался аудиенции у Екатерины II. Но осенью 1772 г. в Петербурге стало известно, что под островом Корфу три русских военных корабля обнаружили несколько турецких и дубровницких судов, перевозивших 3 тыс. турецких солдат в Албанию. Кроме того, турецкая флотилия в составе 30 судов, из которых 10 принадлежали Дубровнику, направляясь в Сирию, у Патраса (Греция) атаковала русский флот. В сражении семь дубровницких

судов были сожжены и потоплены и три повреждены⁵⁰. Н.И. Панин вновь сделал выговор Ранине: “Ваша республика все время... надеется с помощью выдумок, комплиментов и красивых слов пустить пыль в глаза, а в действительности хочет враждебно вести себя против нас”⁵¹.

Ранина был дважды жалован к руке императрицы, встречался с А.Г. Орловым, когда тот в 1773 г. находился в Петербурге, но до переговоров об урегулировании дубровнико-российских отношений дело не дошло. В 1774 г. Ранина получил разрешение Сената покинуть российскую столицу. Не желая уронить достоинство республики, он, нуждавшийся в деньгах, отказался принять 1500 руб., которыми российское правительство награждало резидентов, покидавших страну, и довольствовался в качестве сувенира одним империалом. В Петербурге Ранине не удалось решить острые для республики вопросы, хотя была снята угроза обстрелов русской эскадрой Дубровника, как и высадки войск на территорию республики.

В январе 1775 г. Ранина, не заезжая в Дубровник, прибыл в Пизу, где находился А.Г. Орлов. Начался этап дубровнико-российских переговоров. Сенат поспешил обеспечить республике дипломатическую поддержку, обратившись с просьбой о посредничестве к Марии Терезии, ее сыну тосканскому герцогу и римскому папе. Они предприняли малозначительные шаги в поддержку Дубровника⁵².

На переговорах с Орловым, которые проходили уже после подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора, Ранина настаивал на свободе плавания дубровнических судов, включая Черное море, обложении товаров республики тарифами, действующими для других государств, уравнинии ее посланников при русском дворе с представителями других стран.

В свою очередь Дубровническая республика согласилась принять российского консула, уравненного в правах с консулами других государств, но с условием, что это будет русский человек и подданный России. Республика не желала видеть на этом посту “грека” (имелось в виду лицо православного исповедания из соседних с Дубровником областей) или представителя другой национальности. Притом консул мог защищать интересы только подданных России. Была достигнута договоренность о возведении православной капеллы в саду консульского дома. Ранина выплатил Орлову 4300 дукатов, запрашиваемых Россией в качестве возмещения стоимости корабля, некогда конфискованного на рейде в Генуе⁵³.

Стороны постепенно приходили к взаимному согласию. 18 мая 1775 г. последовало распоряжение А.Г. Орлова о свободе плавания дубровнических судов. В июне 1775 г. представитель республики в Вене Д. Ремеделли сообщил Сенату: “Г. посланник Ранина уведомляет меня, от 13 июня, что все покончено с главнокомандующим графом Орловым, исключая вопроса о национальности консула, каковой будет также решен в течение недели”. Через две недели Ремеделли

доносил Сенату о завершении переговоров Ранины с Орловым⁵⁴. Дело дошло до соглашения. Однако подписания официального документа не последовало.

А.Г. Орлов опубликовал в итальянской газете текст, датированный 20 июня 1775 г. В нем говорилось, что Екатерина II готова “забыть” прошлые дела Дубровника на следующих условиях:

1) соблюдения республикой впредь строго нейтралитета в случае войны России с любым другим государством;

2) принятия Дубровником российского консула, который будет пользоваться правами, уважением и льготами, как и консулы ведущих европейских государств;

3) открытия при доме российского консула православной часовни для отправления культа им, членами его семьи и другими российскими подданными.

К тексту прилагалось письмо с изложением антироссийских действий Дубровника во время войны.

Опубликованные А.Г. Орловым условия дубровнико-российского замирения носили общий характер и не включали оговорки, выдвигавшиеся Раниной. Орлов направил публикацию республиканским властям⁵⁵. Заложенные в ней принципы были реализованы в процессе дальнейшего развития дубровнико-российских отношений.

Несмотря на остроту конфликта между Россией и Дубровником в 60–70-е годы XVIII в., заметное место на российской государственной службе занимали выходцы из республики. Еще в правление Елизаветы Петровны несколько лет служил в русской армии Матвей Водолич. Но, видимо, не выдержав сурового климата заснеженной страны, он перешел затем на службу в испанскую армию, расквартированную в Италии. В 1750 г. началась военная карьера в России Петра Натали. Он быстро достиг чина полковника. За отвагу и преданность России, проявленные при взятии крепости Джурджу в 1771 г., П. Натали был награжден орденом св. Георгия 3-й степени. Екатерина II удостоила его собственноручным лестным письмом. В 1774 г. П. Натали с разрешения императрицы оставил Россию и поселился на родине. Он стал сенатором республики, был ее представителем в Которе. Умер Петр Натали в 1801 г.⁵⁶

На российской службе состояли три брата Стулли: старший – Марко был начальником одного из черноморских портов, второй – Степан достиг чина адмирала, младший – Дживо служил в армии. Степан Стулли совершил героические подвиги, участвовал в кампании 1812 г., был отмечен многими орденами. В 40-е годы XIX в. он посетил родственников в Дубровнике. По возвращении в Россию, по слухам, С. Стулли был отравлен недоброжелателями.

Высокого положения достиг в России дубровчанин Альтести. Он происходил из чиновной среды, воспитывался в Италии, где получил либеральное образование. В Стамбуле он познакомился с рус-

ским послом, который взял его к себе частным секретарем. Когда посол был отозван в Петербург в связи с разрывом отношений с Турцией, за ним последовал и молодой Альтести. В российской столице он обратил на себя внимание запиской, поданной в правительство. В ней говорилось о необходимости России иметь порт в Средиземноморье и указывалось при этом на выгоды, которыми обладал Дубровник. Альтести состоял при Министерстве иностранных дел и принимал активное участие в разделе Польши. Он находился в числе приближенных Екатерины II. При Павле он оказался в немилости и был даже заключен в тюрьму, откуда был освобожден со вступлением на престол Александра I. Убедившись в невозможности вернуть себе былое положение, Альтести продал свои огромные поместья и переехал на жительство в Горницу близ Триеста. Он часто бывал в Венеции, Вене и Париже. Умер Альтести в 50-е годы XIX в.⁵⁷ Служившие в России дубровчане своим преданным трудом в какой-то мере возмещали тот урон, который наносили стране их бывшие соотечественники в критические периоды российско-турецких отношений.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и сопровождавшие ее дубровнико-российские коллизии показали республиканским властям военную мощь, международный вес и возможность присутствия России в Средиземноморье. Сознание этого определило позицию республики в отношении России в последующие годы. В 1783 г. Сенат известил Петербург о назначении своим уполномоченным при русском дворе советника австрийского посольства Седлера. В 1784 г. дубровнические власти поздравили Екатерину II с успехами в освоении Причерноморья⁵⁸. Императрица, оценивая позицию республики в отношении России как доброжелательную, подписала в 1785 г. указ о назначении в Дубровник российского консула А. Джики.

Новые испытания российско-дубровнические отношения пережили в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Дубровник, сделавший вывод из конфликтной ситуации 60–70-х годов, прилагал усилия, чтобы утвердить свой нейтралитет. В преддверии и с началом войны между Россией и Турцией дубровнические власти разослали распоряжение капитанам судов, плавающих под республиканским флагом, о строгом соблюдении нейтралитета. Сенат предписал своему представителю в Ливорно в случае прибытия туда А.Г. Орлова или другого русского адмирала приветствовать его от лица республики. В сентябре 1787 г. Дубровник направил Екатерине II грамоту с выражением удовлетворения по поводу покровительства России и надежды на его дальнейшее продолжение⁵⁹.

Позиция России в отношении Дубровнической республики была определена в рескрипте Екатерины II от 7(18) марта 1788 г. на имя командующего российскими войсками и флотом в Средиземном море И.А. Заборовского. В связи с готовящейся операцией в документе говорилось: “Из Триеста еще вы должны будете отправить в Ра-

гузу человека верного и тамошния обстоятельства знающаго с грамотою нашею и с ответным письмом нашего вице-канцлера к правительству тамошнему на отзыв его, при самом начале войны учиненный. При доставлении того учините вы к правителям сим отзыв в общих выражениях, а на словах чрез посылаемаго человека дайте им разуметь, что ежели оне останутся к нам доброжелательны, не нанося в делах наших ни малого препятствия, то и может надеяться на уважение к ея флагу и охранение ея торговли. Инако же почтем ея за подданную Порты, следовательно, за неприятеля нашего. Надлежало бы ожидать, что после подобнаго внушения, да и при пособии силы, которую венский двор там имеет, сия республика не отречется нам благоприятствовать и не станет мешать в найме судов и тому подобном⁶⁰. Екатерина II связала уважение флага республики с ее благожелательным отношением к России.

14(25) марта 1788 г. императрица подписала грамоту дубровницкому Сенату с призывом поддержать вооруженные силы России. Тогда же вице-канцлер граф И.А. Остерман уведомил его об оказании Петербургом покровительства торговле республики и готовности защищать ее суда⁶¹.

Летом 1788 г. в Северной Адриатике находился подполковник российской армии М.К. Ивелич, задачей которого была подготовка славян к приходу русского флота и войск. Позднее в рапорте Г.А. Потемкину о своей миссии он писал: "Для удобнейшаго достижения успеха в моем предприятии перьвее всего старался я в силу данных мне повелений побудить тайным образом Республику Рагузскую к чинению нам всякаго вспоможения, к чему и удалось мне склонить ея даже до того, что Сенат ея дал письменное на то согласие"⁶². Однако в июле 1788 г. Сенат на деле отказался выделить Ивеличу пять судов для перевозки волонтеров⁶³.

Осенью 1788 г. стало очевидным, что российский флот в Средиземноморье не прибудет. В октябре в Ливорно состоялись переговоры Петра Натали, который теперь был сенатором республики, с Заборовским. Он пытался убедить командующего, что Дубровник не может активно помогать России, не подвергаясь опасности быть уничтоженным турками. Натали настаивал на уважении нейтралитета республики⁶⁴.

Дубровницкие власти в своих действиях старались учитывать российские интересы. Сенат запретил республиканским судам заходить в Стамбул, чтобы турки не употребили их в военных целях. Он оповещал о событиях в Турции как австрийского, так и российского консулов в Дубровнике. Республика не могла избежать давления со стороны турок (в город приходили суда с продовольствием для боснийских войск), но всякий раз Сенат оповещал русских официальных лиц о принудительном использовании турками дубровницких судов. В свою очередь русское командование, когда случались нападения на суда Дубровника корсаров, находившихся под его контро-

лем, осуждало подобные действия и требовало вернуть все захваченное дубровчанам⁶⁵.

В апреле 1792 г. Сенат поздравил Екатерину II с достигнутыми в результате войны успехами и заключением мира, а также благодарил за защиту Дубровника⁶⁶.

В период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. генеральная установка Дубровницкой республики была на строгий нейтралитет. Но на практике, испытывая давление как со стороны Турции, так и России, власти действовали по обстоятельствам, старались быть в доверии у Петербурга и сохранять лояльность Порте. Русские официальные лица позитивно оценивали позицию республики.

Победы русского оружия получили отражение в поэтической культуре Дубровника. Среди горожан пользовалась популярностью ода, автором которой был местный аристократ аббат Бернардо Заманя. Она была написана в 1788 г. по случаю взятия российскими войсками Очакова, считавшегося античной Ольвией. Ее торжественный пафос был выражен словами:

Ольвия побеждена; оплот берегов Борисфена
Необоримую мощь русской богини узрел.
Тотчас молва до Византия стен докатилась,
Страхом бессилия все переполняя сердца.
“Эй, разбегайтесь!” – кричит, мчится, подобна Минерве,
С громом богиня сюда, помощь фракийцам подать.

Это было проявлением живого интереса части дубровчан к России и ее успехам⁶⁷.

С 1788 г. в Дубровнике действовал российский консул граф Антон Джика (Гика), который занимал эту должность до 1800 г. Вопреки настояниям дубровницкой стороны, чтобы консулом был русский, петербургское правительство назначило на этот пост албанца, корнями связанного с Балканами и хорошо знавшего обстановку в регионе. Джика принадлежал к знатному роду. Он поступил на российскую службу еще в 1770 г. и принял участие в экспедиции флота в Эгейском архипелаге под командованием А.Г. Орлова. Затем он работал секретарем российского посольства в Неаполе. В 1793 г. Джика получил высокий чин статского советника.

Это был человек, владевший, кроме албанского и русского, сербскохорватским, греческим, французским и итальянским языками. Джика знал военное дело и мореходство, разбирался в финансовых вопросах. Его главной консульской задачей в Дубровнике было представление российскому правительству информации о положении в республике и вокруг нее. Источниками для его регулярных донесений в Петербург служили итальянские газеты, сообщения других российских консулов в турецких владениях, материалы дубровницких архивов, наконец, сведения, получаемые от местных лиц.

В донесениях Джики была всесторонне показана жизнь Дубровника. В 1792 г. консул составил сводный документ “Описание Рагузской республики”. В нем была дана характеристика ее географического положения и климата, занятия населения, хозяйства. Джика определял ее политическое устройство как аристократическую республику. Рассматривая финансовые возможности Дубровника, он называл основные источники доходов и статьи расходов. Консул указывал на его независимость от султана в финансовых вопросах. В “Описании” делались экскурсы в историю Дубровника.

Важнейшее место в донесениях Джики занимали дубровнико-российские отношения. Он считал целесообразным закупать здесь местное вино и оливковое масло, принимать на флотскую службу в качестве матросов и лоцманов местных жителей, фрахтовать дубровницкие суда. Дубровник, с его точки зрения, мог занять важное место в балканской политике России как опорный пункт для поддержания связей с православным населением Турции, набора матросов и лоцманов для российского флота, сбора сведений об Османской империи, а также как нейтральный порт.

Джика регулярно информировал Петербург о состоянии дубровнико-турецких отношений, определяя их как “протекцию” Порты Дубровнику при фактическом сохранении его внутренней и внешней самостоятельности. Она выражалась в защите республики от посягательств соседей, в различных привилегиях дубровчан, главными из которых Джика называл освобождение от уплаты торговых пошлин на территории империи и значительное снижение морских таможенных сборов. В донесениях постоянно присутствовала тема внутривосточного состояния Османской империи, волнений в ее владениях, особенно вблизи Адриатики, содержалась информация о выплатах Дубровником харача Порте, его размерах и церемониале приема дубровницких посланцев во дворце.

Консул обращал особое внимание на попытку Дубровника уравнять статус республики с другими государствами, упорное стремление представить ее в Европе не вассалом султана, а политическим субъектом, пользующимся его покровительством. В донесениях консула содержалась характеристика отношений Дубровника с Австрией и Венгрией. Обращаясь к дипломатической истории Дубровника, он подчеркивал умелое маневрирование республики между христианскими государствами и султанатом. Окончание русско-турецкой войны в 1791 г. и победа России вызвали в Дубровнике, по сообщению Джики, удовлетворение. Сенат выразил консулу “радость” по поводу успеха российских войск.

В донесениях второй половины 90-х годов возросло внимание Джики к хозяйственным вопросам. В 1795 г. консул отмечал подъем судоходства Дубровника, связывая его с покровительством Порты и нейтралитетом республики в войне европейских государств с Францией. В круг интересов консула прочно вошли Фран-

ция и ее активность на Балканах. Джика отмечал также возникшую для Дубровника угрозу в связи с проникновением Австрии на Балканы и переходом в 1797 г. под ее власть Далмации. Консул внимательно следил также за событиями в Боке Которской и на черногорской территории. Большое место в его донесениях конца века заняло освещение крестьянского восстания на юго-востоке республики в округе Конавле⁶⁸.

Дипломатическая деятельность А. Джики способствовала более глубокому пониманию российским правительством положения Дубровницкой республики, состояния дел в ней и вокруг нее. Поступавшие от консула сведения входили в информационную базу балканской политики России конца XVIII в.

Российско-дубровницкие отношения в начале XIX столетия складывались под влиянием двух факторов: активизации французской политики на Балканах, а затем и вторжения наполеоновских войск на полуостров и первого в истории русско-турецкого союзного договора 1799 г.

В конце 1801 г. российским генеральным консулом в Дубровнике, Далмации и Боке Которской был назначен К.К. Фонтон. В его задачи входило укрепление консульской службы в связи с пребыванием в Восточном Средиземноморье русской военной эскадры под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова и напряжением международной ситуации вокруг Черногории.

На рубеже веков стали налаживаться торговые отношения между Дубровником и Россией, чему предшествовала вековая история торгового освоения Россией Черного моря. В 1794 г. Коммерц-коллегия на специальном заседании, опираясь на поступавшие от Джики сведения, рассматривала вопрос о налаживании торговых связей с Дубровником. Она постановила ознакомить с предложениями российского консула екатеринославского и таврического губернатора П.А. Зубова, с тем чтобы он довел их до сведения местного купечества⁶⁹.

Тем временем в Дубровнике сложилась острая ситуация с продовольствием. В результате затянувшихся волнений крестьян в Конавле, дубровницкой житнице, а также обострения международных противоречий в Восточном Средиземноморье и военной экспедиции Наполеона в Египет, затруднившими сообщение с Левантом, откуда Дубровник традиционно ввозил пшеницу, республика оказалась перед угрозой продовольственного кризиса. По указанию Сената дубровницкий консул в Стамбуле Ф. Кирико просил российского посланника В.С. Томару ходатайствовать перед своим правительством о разрешении торговым судам Дубровника свободно плавать в Черном море. В феврале 1802 г. такое разрешение было получено, а вскоре – и с турецкой стороны⁷⁰.

В 1802 г. в Одессу прибыло первое дубровницкое судно, а в 1805 г. их побывало здесь уже 46. Таганрог, который среди иностранных купцов считался одним из наилучших портов для закуп-

ки пшеницы, в те же годы посетили 22 дубровницких судна. В этом городе интересы торговых компаний Дубровника представляли одесский купец Чуле, местные купцы Вучетич, Мельхиор Драшкович. Агенты дубровницких торговых компаний не только закупали здесь хлеб и транспортировали его, но и сбывали привезенные сюда мед и вино. Закупки хлеба в России стабилизировали продовольственную ситуацию в республике. Дубровницкие купцы занимались также посреднической торговлей русской пшеницей на рынках Западной Европы⁷¹.

Завязывание дубровницко-российских торговых связей побудило к созданию дубровницкого консульства в России. С 1804 г. по 1808 г. в Одессе консульские обязанности исполнял майор российской службы Феликс де Рибас, брат “устроителя” Одессы Иосифа де Рибаса. Он был близок к городским властям и известен в Петербурге.

Политические отношения между Дубровницкой республикой и Россией на рубеже веков в водовороте бурных событий в Средиземноморье и на Адриатике были неровными. Дубровник занял по существу антироссийскую позицию в вопросе о статусе Ионических островов. С прекращением существования Венецианской республики они перешли под власть Франции. Но в 1799 г. объединенные военно-морские силы России и Турции изгнали французов с островов. 21 марта (1 апреля) 1800 г. союзные державы подписали конвенцию, определившую правовое положение вновь образованной Республики Семи Соединенных островов. По инициативе российской стороны статус Республики был установлен “наподобие Рагузейской” – под верховной властью Порты при гарантии Петербурга. Ей были предоставлены в политической, внутренней жизни и торговле “преимущества”, которыми пользовался Дубровник. Но его консул в Стамбуле выступил против такого положения Ионической республики, опасаясь ее конкуренции в судоходстве и торговле⁷².

Дубровницкие власти были встревожены также расширением сферы российского влияния на Адриатике. Не случайно в первые годы XIX в. Сенат принял меры по ограничению православного богослужения в республике. В 1790 г. православные жители устроили вблизи Дубровника в частном доме молельню. Сюда время от времени прибывал из Герцеговины священник и вершил службу. В 1803 г. Сенат постановил, что герцеговинский священник может совершать богослужение в молельне лишь два раза в год в течение недели. Православные священники вообще подлежали вечному изгнанию из республики.

К.К. Фонтон потребовал от дубровницких властей объяснения по поводу этих действий. Сенат ответил, что постановление не касается капеллы в доме консула, где его семья и все подданные России могли присутствовать при богослужении. Фонтон, не удовлетворенный таким объяснением, обратился в МИД России⁷³.

На основании представлений Фонтонна, которому поступали жалобы на препятствия отправлению православными жителями церковных обрядов в Приморье, канцлер А.Р. Воронцов, исходя из понимания российским правительством своей миссии защищать православное население на Балканах, в том числе и в Дубровницкой республике, направил в 1803 г. в Сенат Дубровника протест против подобных притеснений. Фонтон, понимавший политический аспект церковного вопроса, добился признания законности православной церкви в Дубровнике и публичности богослужения. Не удивительно, что у него не сложились и личные отношения с должностными лицами города. Тем не менее Сенат назначил в 1803 г. аббата Бенвенути своим агентом при русском дворе⁷⁴.

Нарастание международной напряженности на Балканах отразилось во внутривластной жизни Дубровника на формировании группировок с разной внешней ориентацией. В городе возникла, в частности, аристократическая “русская партия”. Ее главой стал Карл Натали, сын Иеронима Натали, вернувшийся на родину. В эту партию вошли представители семей Геталдичей, Градичей и Замани⁷⁵. Это было признанием со стороны части общества позитивного значения российского фактора в жизни Дубровника.

Но большая часть нобилей склонялась в пользу единоверной Франции, с которой Дубровник имел традиционные связи (с 1757 г. в городе действовало французское консульство, в 1776 г. был заключен дубровницко-французский торговый договор), как гаранта сохранения полунезависимого статуса республики. Поэтому Сенат не скупился на поздравления по случаю наполеоновских побед. Местные поэты посвящали Наполеону свои творения.

Дубровницкая аристократия, привыкшая лавировать между европейскими силами, не уловила принципиального изменения международной обстановки на рубеже веков – наступления глобального общеевропейского кризиса, вошедшего в историю как эпоха наполеоновских войн. Были отвергнуты старые и, казалось, надежные приемы и методы дипломатической игры.

Российский поверенный в делах в Вене И.О. Анштегг в письме Воронцову в 1804 г. характеризовал неопределенное отношение дубровницких властей к занятию наполеоновскими войсками Барлетты и их приближению к Балканам как неизбежную позицию “маленького государства”, “которое неминуемо будет раздавлено при столкновении, и в случае, если его возьмут под защиту слишком рано, и если оно будет предоставлено собственным силам”⁷⁶. Международная обстановка складывалась не в пользу республики.

В 1805 г., особенно после поражения союзных австрийских и российских войск от наполеоновской армии 20 ноября (2 декабря) под Аустерлицем, ввиду экспансионистского курса Франции ситуация в Юго-Восточной Европе резко обострилась. В этих условиях

внешняя политика Дубровника становилась все более беспорядочной, предвещающая надвигающуюся агонию республики.

По Прессбургскому миру, заключенному в декабре 1805 г. между Австрией и Францией, габсбургская монархия уступила последней Истрию, Далмацию и Боку Которскую. Наполеон включил их в состав образованного Итальянского королевства. Дубровницкий Сенат, не оценив опасности такого соседства, продолжал направлять Наполеону поздравления с его очередными победами. В городе действовали и агенты английского правительства.

Важным событием для Балкан было прибытие в начале 1806 г. к острову Корфу российской эскадры под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина и появление в Боке Которской российских кораблей. Дубровницкие власти тщились сохранить нейтралитет и предупреждали российского представителя в Черногории С.А. Санковского, что ввод русских войск погубит свободу республики. Однако уже 6(18) мая 1806 г. Д.Н. Сенявин заключил важное соглашение с Сенатом, согласно которому в случае вторжения французских войск на территорию республики он соглашался впустить русский гарнизон в крепость и привлечь горожан к обороне города. Одновременно Дубровник обратился к Александру I с просьбой о защите и покровительстве⁷⁷.

Тем временем 15(27) мая 1806 г. французы неожиданно оказались под стенами Дубровника. Сенаторы дали себя обмануть лживыми заверениями генерала Лористона и вручили ему ключи от крепости. Через несколько дней над нею взвился французский флаг. Республика подверглась французской оккупации. Только тогда Сенат обратился к Сенявину и Санковскому с просьбой защитить ее.

К.К. Фонтон от имени посланника России в Стамбуле А.Я. Итальянского беседовал с высокопоставленными турецкими должностными лицами, тщетно убеждая их, что оккупация Дубровника является шагом к осуществлению захватнических планов Наполеона в отношении Османской империи. В это время шла борьба за Турцию между Россией и Францией, внимание Порты было приковано к Сербии, где продолжалось грозное антиосманское восстание. Поэтому турецкое правительство равнодушно отнеслось к вторжению французов в Дубровницкую республику.

Летом 1806 г. на ее территории развернулись тяжелые бои между русскими войсками, поддержанными черногорцами и жителями Боки, с одной стороны, и французским соединением и отрядом дубровчан – с другой. Дубровник, блокированный с суши и с моря, переживал тяжелые времена. В результате бомбардировок в городе были сожжены и разрушены 666 домов. Взять укрепленный город штурмом, чтобы изгнать оттуда французов, не представлялось возможным без жестокого кровопролития, многочисленных жертв и разрушений. Принимая все это во внимание, как и неопределенность позиции российского правительства в отношении Дубровника

в связи с Тильзитскими договорами, заключенными между Францией и Россией, Д.Н. Сенявин в июле 1807 г. снял осаду города и приказал войскам отступить. В Дубровнике и его окрестностях царил разоруженный, не хватало продовольствия, власти были деморализованы. В такой обстановке 31 января 1808 г. в Большом совете республики французский полковник Делор огласил декрет маршала Мармона, главнокомандующего французскими войсками в Далмации, о роспуске Сената. Это означало конец многовекового Дубровницкого государства⁷⁸.

¹ Статейный список – официальное донесение, отчет дипломата или лица, совершающего поездку за границу. См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 13.

² Русский посол в Стамбуле. Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. М., 1985. С. 92–93.

³ Там же. С. 93.

⁴ Дубровачка акта и повеље. Објавио Ј. Радонић. Београд, 1951. Књ. V. С. XVII, XVIII.

⁵ Цит. по кн.: Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 217.

⁶ Крылова Т.К. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709 гг.) // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 259.

⁷ Там же. С. 261.

⁸ Там же. С. 263, 269.

⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. VI. С. 500; Крылова Т.К. Русская дипломатия на Босфоре... С. 270, 274.

¹⁰ Крылова Т.К. Русская дипломатия на Босфоре... С. 272.

¹¹ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 227–229.

¹² Письма и бумаги... Т. VI. С. 498, 500, 504; Пг. 1918. Т. VII, вып. 1. С. 529.

¹³ Письма и бумаги... Т. VI. С. 499, 502; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 214.

¹⁴ Русский посол в Стамбуле. С. 145, примеч. 132.

¹⁵ Крылова Т.К. Русская дипломатия на Босфоре... С. 259, 260.

¹⁶ Письма и бумаги... М., 1952. Т. IX, вып. 2. С. 1001.

¹⁷ Письма и бумаги... М., 1956. Т. X. С. 770; М., 1962. Т. IX, вып. 1. С. 568, 569, 577, 605–606; М., 1964. Т. XI, вып. 2. С. 453.

¹⁸ Там же. М., 1975. Т. XII, вып. 1. С. 293, 294, 324; М., 1977. Т. XII, вып. 2. С. 443.

¹⁹ Там же. Т. XII, вып. 1. С. 494.

²⁰ Там же. Т. XII, вып. 2. С. 138, 395, 396, 462.

²¹ Там же. С. 461, 462.

²² Там же. М., 1992. Т. XIII, вып. 1. С. 420.

²³ Там же. С. 427.

²⁴ Там же. С. 403.

²⁵ Там же. С. 421.

²⁶ Там же. Т. VII, вып. 1. С. 633.

²⁷ Там же. СПб., 1893. Т. III. С. 85.

²⁸ Там же. СПб., 1900. Т. IV, вып. 2. С. 1108.

²⁹ Воловников В.Г. Введение // Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорно Бенвени в Персию и Бухару в 1718–1725 г. М., 1986. С. 12 и след.

³⁰ Макушев В.В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой. М., 1865. С. 17–18. См. также: Крылова Т.К. Рус-

- ско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М., 1940. № 10. С. 277.
- ³¹ Макушев В.В. Материалы... С. 15–16, прилож. IV.
- ³² Там же. С. 16–17, прилож. V.
- ³³ Дубровачка акта... С. XIX, 70–71.
- ³⁴ Письма и бумаги... Т. XI, вып. 1. С. 185.
- ³⁵ Дубровачка акта... С. 80, 81.
- ³⁶ Там же. С. XIX.
- ³⁷ Петкович К.Д. Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе // Русская беседа. 1859. Т. 3. Кн. 15. Смесь. С. 6–7; Макушев В.В. Материалы... С. 7–9.
- ³⁸ Комиссаренко А.И., Шаркова И.С. К истории русско-итальянской торговли в 40–50-х годах XVIII в. // Исторические записки. М., 1977. Т. 98. С. 316.
- ³⁹ Дубровачка акта... С. XXIII; *Foretić V. Povijest Dubrovnika do 1808. Zagreb, 1980: D. 2. Od 1526. do 1808. S. 257.*
- ⁴⁰ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. 1. С. 23, 122.
- ⁴¹ Там же. С. 129, 130.
- ⁴² Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 246.
- ⁴³ Соколов А. Архипелагские кампании 1769–74 года // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1849. Ч. VII. С. 311, 324, 332–333.
- ⁴⁴ *Foretić V. Op. cit. S. 268.*
- ⁴⁵ Добрянский С.Ф. К истории сношений Рагузской республики с Россией в XVIII–XIX веках (на основании архивных актов). М., 1910. С. 18.
- ⁴⁶ *Foretić V. Op. cit. S. 261–262.*
- ⁴⁷ Дубровачка акта... С. 352–353, 367, 394, 413.
- ⁴⁸ *Ivančević V. O dubrovačkom diplomatu Franu Ranjini (1713–91) // Historijski zbornik. 1972–1973. Zagreb, 1974. S. 222.*
- ⁴⁹ Цит. по кн.: Фрейденберг М.М. Дубровник... С. 248.
- ⁵⁰ Дубровачка акта... С. 418–419; *Foretić V. Op. cit. S. 264.*
- ⁵¹ Цит. по кн.: Фрейденберг М.М. Дубровник... С. 248.
- ⁵² Макушев В.В. Материалы... С. 25 и след.
- ⁵³ Дубровачка акта... С. 475; *Ivančević V. Op. cit. S. 223–225.*
- ⁵⁴ Макушев В.В. Материалы... С. 37.
- ⁵⁵ Дубровачка акта... С. 475–479; *Ivančević V. Op. cit. S. 225–226; Foretić V. Op. cit. S. 266, 267.*
- ⁵⁶ Дубровачка акта... С. 594, 640; Макушев В.В. Материалы... С. 18.
- ⁵⁷ Макушев В.В. Материалы... С. 19.
- ⁵⁸ Дубровачка акта... С. 573, 578.
- ⁵⁹ Там же. С. 573, 586, 587.
- ⁶⁰ Политические и культурные отношения России... С. 337.
- ⁶¹ Бажова А.П. Россия и югославы в конце XVIII–начале XIX века. М., 1996. С. 12–13.
- ⁶² Политические и культурные отношения России... С. 359.
- ⁶³ Дубровачка акта... С. 592.
- ⁶⁴ Там же. С. 593, 594.
- ⁶⁵ Дубровачка акта... С. 588, 589, 592, 593, 600.
- ⁶⁶ Там же. С. 608.
- ⁶⁷ Рукописная ода была опубликована В.В. Макушевым в кн.: Материалы... С. 132–133. Отрывок цитируется в переводе по кн.: Фрейденберг М.М. Русский консул в Дубровнике в конце XVIII в. (Материалы консульских донесений как исторический источник) // Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 173.

⁶⁸ Лучинина Н.А. Дубровник конца XVIII в. глазами русского дипломата // Общество и культура на Балканах в средние века. Калинин, 1985; Фрейденберг М.М. Русский консул в Дубровнике...

⁶⁹ Лучинина Н.А. Дубровницкая республика и Россия: от конфликта к взаимопониманию (российско-дубровницкие отношения в XVIII–начале XIX в.) // XVIII век. Славянские и балканские народы и Россия. М., 1998. С. 85.

⁷⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1960. Сер. I. Т. I. С. 174.

⁷¹ О Таганрогском порте и производимой в оном торговле до 1820 г. // Северный архив. 1822. Ч. II, № 2. С. 426; Фрейденберг М.М. Дубровник... С. 253–254.

⁷² Внешняя политика России... Сер. I. Т. I. С. 704; Foretić V. Op. cit. S. 439.

⁷³ Макушев В.В. Материалы... С. 43–44.

⁷⁴ Дубровачка акта... С. 652; Внешняя политика России... Сер. I. Т. I. С. 499; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века: Документы. М., 1997. С. 19; Макушев В.В. Материалы... С. 173–174; Петкович К.Д. Указ. Соч. С. 11.

⁷⁵ Лучинина Н.А. Дубровницкая республика... С. 87.

⁷⁶ Внешняя политика России... Сер. I. Т. I. С. 612.

⁷⁷ Дубровачка акта... С. 670; Макушев В.В. Материалы. С. 51–52, прилож. XVII. С. 153.

⁷⁸ Последний период существования Дубровницкой республики подробно освещен в кн.: Макушев В.В. Материалы.. С. 55 и след.; Он же. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867. С. 61; Тарле Е.В. Соч. М., 1959. Т. X. С. 267 и след.; Внешняя политика России... М., 1963. Сер. I. Т. III. С. 251, примеч. С. 699; Фрейденберг М.М. Дубровник... С. 255 и след.; Foretić V. Op. cit. S. 445–446 и др.

С БАЛКАН В РОССИЮ

СЕРБЫ В РОССИИ

XVIII в. в истории взаимоотношений сербского народа и России был отмечен массовыми переселениями сербов в российские пределы. Отдельные случаи миграции представителей этого народа в Московское государство имели место на протяжении веков. В петровское время было положено начало переселенческому движению.

Петр I, осуществляя широкую программу создания регулярной армии и флота, остро нуждался в квалифицированных кадрах. При этом особенно желательны были славяне ввиду их религиозной и языковой близости к русским. Как уже отмечалось выше, в 1697 г. в славянские земли Адриатики был направлен из Гааги капитан полка Ф. Лефорта Г.Г. Островский, состоявший в качестве переводчика в свите “Великого посольства”. Целями поездки были изучение тамошних мест и набор на русскую службу офицеров и матросов из славян. Еще находясь в Амстердаме, Островский завербовал пять матросов-славян. По поводу них Ф.А. Головин, входивший в состав руководства Великого посольства, писал Петру I из Амстердама: “Матрозы zelo угодны, что словенскому языку сисканы”¹.

Островский добрался до Венеции, собрал здесь важные сведения о Далмации, Боке Которской и Дубровнике, о славянах на венецианском флоте, борьбе Республики Св. Марка против Турции и участии в ней славян. Островский насчитал в Венеции среди славян 200–300 матросов и корабельных работников, готовых выехать в Россию “только б была им свобода от венецыйского Сенату”. Около десяти капитанов, имевших опыт вождения купеческих судов, в свою очередь выразили согласие поступить на русскую службу, “только б наперед дано было им жалованье по чинном, чем женам их в Венеции, живучи без них питатца”².

Представители южных славян тянулись к России в надежде на улучшение жизни и заработка. Украинцев сообщил Петру I 20 февраля (2 марта) 1700 г. из Стамбула о разговоре австрийского посла с везиром. Посол говорил, что у Австрии в то время ни с кем не было войны, поэтому жалованья наемным не платили “и те де начальные люди пошли многие в службу к вашему царскому величеству”³. По-

степенно в переселенческом движении представителей южных славян возрастало значение также мотивации православного и антиосманского содержания – желания жить в единой стране и участвовать в борьбе с турками. Но серьезным обстоятельством, сдерживающим переселение южных славян из западных земель Балкан в Россию, была политика Австрии и Венеции, препятствовавших эмиграции славянских подданных.

В 1702 и 1705 гг. Петр I издал манифесты общего характера с изложением условий приема иностранных офицеров в русскую службу. Им гарантировалось повышение по службе на один чин.

В начале века в Россию переехали на постоянное жительство ряд видных сербов. В 1704 г. в Москву прибыл сербский граничарский полковник Пантелеймон Божич, комендант г. Тител (при впадении реки Тиссы в Дунай), с рекомендацией иерусалимского патриарха Досифея. Как посланец сербов, живших в Австрийской монархии, он вел переговоры с начальником Посольского приказа Ф.А. Головиным о принятии сербами русского подданства. Однако массовый выход сербов из государства Габсбургов в Россию мог осложнить российско-австрийские отношения, что было нежелательно для Москвы в начале Северной войны. Сербам отправили церковные книги, которые были розданы православным офицерам в районах Подуванья⁴. Сам Божич связал свою судьбу с Россией.

В петровское время в числе первых сербов в Россию переехал Сава Владиславич, на русскую службу поступили братья М. и Г. Милорадовичи и др. Во время Прутской кампании российская армия пополнилась сотнями выходцев с Балкан и из Австрийской монархии. Только в части генерала Карла-Эвальда Ренне, которая участвовала во взятии крепости Брэила, насчитывалось 500 сербов, 500 молдаван и столько же казаков. Правда, после окончания военных действий часть сербов из австрийских владений вернулась на родину. С 1712 г. на русском флоте служил капитан М.Ф. Змаевич, родом из Пераста. Он энергично проявил себя в знаменитом морском сражении 1714 г. при Гангуте, командуя авангардом российского галерного флота. В дальнейшем Змаевичу суждено было стать адмиралом флота⁵.

В 1715 г. Петр I издал указ об отводе земель в Киевской и Азовской губерниях, образованных в 1708 г., для поселения молдавских, валахских и сербских офицеров и солдат и установлении им годового денежного и продовольственного содержания. В указе переселенцам было рекомендовано призывать в Россию своих земляков⁶.

После заключения Ништадского мира в условиях нового обострения отношений с Турцией Петр I предпринял меры по укреплению позиций России в Северном Причерноморье и охране ее рубежей. Правительство активизировало усилия по привлечению южных славян на российскую военную службу. По инициативе мигранта майора Ивана Албанеза Петр I издал в 1723 г. универсал с призывом к сербскому народу переселяться в Россию и вступать в создава-

емые гусарские сербские полки на Украине. Универсал гарантировал военным переселенцам содержание и жалованье соответственно чину, который они имели на австрийской службе. На содержание семей им выделялись “земли и угодья”.

Албанез отправился на места “увещевать” сербских офицеров и рядовых поступать на русскую службу. В 1724 г. по возвращении в Киев с ним прибыли 20 человек, много сербов (численностью с полк) изъявили готовность постепенно перебраться в Россию. Вербовка переселенцев, особенно в австрийских владениях, как и их проход через многие земли совершалась тайно. На конец 1724 г. Сербском гусарском полку числилось 177 человек – сербов и других выходцев из Дунайских княжеств и балканских земель. Реально Сербский гусарский полк оформился в 1727 г. Согласно решению Верховного тайного совета в его комплект была включена рота капитана Балюбаша, которая действовала еще на Пруте. Всего сербов насчитывалось 456 человек, включая команду майора Албанеза. Было решено дополнить их казаками до полной комплектации полка⁷.

Наиболее яркой личностью среди сербских мигрантов петровского времени был Сава Владиславич, вошедший в историю России как Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, или граф Рагузинский (1669–1738). Род Владиславичей происходил из Герцеговины. Лука Владиславич, перебравшись в Дубровницкую республику, приобрел здесь земельные владения, но затем стал заниматься торговлей. В окрестностях Дубровника и родился у него сын Сава. Он покинул Дубровник в юношеские годы, увлекшись торговлей во Франции, Испании и Венеции. По возвращении в турецкие владения Сава Владиславич обосновался в Стамбуле, где вошел в контакт с русскими послами. Он оказал огромную помощь в их дипломатической деятельности и налаживании связей с дубровчанами.

С начала 1708 г. Рагузинский навсегда поселился в России. Богатый человек, владевший европейскими языками, вкусивший атмосферу Запада, располагавший широкими связями на Балканах и в столице Турции, как нельзя лучше пришелся ко двору царя-реформатора.

В России Рагузинский занимался прежде всего торговлей. Еще в 1703 г. Петр I выдал ему жалованную грамоту на десять лет, которой предоставлялись право свободно торговать в России с уплатой пошлины наравне с русскими купцами, монополия на продажу в течение трех лет лисьего меха из Сибирского приказа, право ввозить в Россию и вывозить из нее товары через Азов, как и открывать в нем и других местах торговые дома и лавки. Грамотой повелевалось всем должностным лицам оказывать Рагузинскому всяческое содействие в его торговых делах. В 1705 г. Рагузинский выхлопотал новую жалованную грамоту, расширившую права ввозить и вывозить товары не только через Азов, но и через украинские города, а также другими путями⁸.

Главная торговая контора Рагузинского находилась на Украине в городе Нежине. Это был торговый центр богатых греческих купцов, которые сухим путем через Молдавию и Валахию везли в Россию предметы восточной роскоши и вывозили меха. Богатства Рагузинского прирастали благодаря монопольному положению на рынке и царским пожалованиям. Петр I всячески содействовал ему также с помощью заказов на поставку товаров для двора. Большие доходы Рагузинский получал от подрядов и откупов. Он поддерживал теснейшие деловые связи с казной, выполняя финансовые поручения правительства, занимался посредническими операциями. Рагузинский имел репутацию честного, обязательного и кредитоспособного коммерсанта в купеческом мире Западной Европы.

Деятельность Рагузинского далеко выходила за рамки хозяйственной сферы. Пользуясь широкими связями в Стамбуле, он следил за состоянием дел в Турции и делился своими наблюдениями с русскими высокопоставленными лицами. На рубеже 1708–1709 гг., предвидя неизбежность русско-турецкой войны, он писал начальнику Посольского приказа Г.И. Головкину из Москвы: “А что ко мне особливья друзья пишут, то все благополучно и к мирному разорению еще знаку нет... А я скоро ведомости не имею, токмо, по моему разсуждению, турки, услышав нынешнее состояние не токмо измену окоянного Мозель, но приближение толиких войск государевых и швецких х Крыму, то подлинно они будут готовиться, понеже никогда турки христианом не верят и будут иным разсуждением думать. А ныне великому государю войну показать не чаю, а подлинно, – богу весть”⁹.

В 1709 г. Рагузинский дважды встречался с Петром I, хотя и не состоял при армии во время Полтавского сражения. Царь отметил его заслуги, пожаловав тремя селами на Украине, конфискованными у сторонника Мазепы, и чином надворного советника. Так сербский мигрант стал полноправным российским дворянином.

Приближенный к Петру I, Рагузинский принял активное участие в Прутской кампании 1711 г. Как уже отмечалось, ему принадлежала идея царского обращения к христианским народам Балкан с призывом поддержать Россию в войне с Турцией. По указанию Петра I он находился в ставке командующего российскими войсками графа Б.П. Шереметева в качестве консультанта “для советов в тамошних делах”. Рагузинский участвовал в важнейших военных советах на Пруте. Через него поддерживались контакты с сербскими граничарскими полковниками в Австрийской монархии, готовыми содействовать русской армии, с российским полковником М. Милорадовичем, возглавившим антиосманское движение на Юго-Западе Балкан.

В начале 1711 г. при посредничестве Рагузинского Петр I установил тайную связь с господарем Молдавии Д. Кантемиром, выразившим стремление быть в союзе с Россией. Проявлял готовность к

этому и господарь Валахии Бранковяну. Рагузинский участвовал во встрече Кантемира с Шереметевым на Пруте. Он внес свой вклад в обмен подарками сторон, вручив Кантемиру 200 кошельков денег на первые расходы по набору молдавского войска и 300 кошельков для закупки рогатого скота для русской армии. Таким образом была оказана материальная поддержка русско-молдавскому союзу. В тревожные годы российско-турецких отношений, следовавших за Прутским миром, Рагузинский поддерживал связи с Кантакузинами, высокопоставленными лицами Валахии. Они, помимо всего, играли посредническую роль в сношениях России с сербами¹⁰.

Рагузинский трезво оценивал ситуацию на юге и не был расположен к неоправданным жертвам. Когда в начале 1713 г. в Москву прибыли представители сербского движения во главе с Милорадовичем и канцлер Головкин в связи с новым объявлением Турцией войны России решил вернуть их на Балканы для возобновления борьбы, Рагузинский воспротивился этому. Он считал, что движение было уже обескровлено. Сенат счел его доводы убедительными. Рагузинский оказывал реальное влияние на балканскую политику российского правительства.

Петр I щедро отблагодарил Рагузинского за его напряженную деятельность во врем Прутской кампании. В 1714 г. была продлена Жалованная грамота ему о свободе торговли в России еще на 10 лет¹¹.

В 1716–1717 гг. Рагузинский совершил поездку в Венецию, Далмацию и Дубровник. По его просьбе ему были выданы рекомендательные грамоты за подписью Петра I, в которых он именовался “иллирийским графом Владиславичем”. Как уже вошло в практику, он и на этот раз совмещал свои торговые дела с правительственными поручениями. Рагузинский выступал торговым и финансовым агентом России, по заданию царя занимался организацией практики молодых русских дворян, проходивших в Венецианской республике морскую службу. В Венеции и Далмации он вербовал славян для российского флота. В 1717 г. во время поездки Петра I во Францию Рагузинский состоял в его свите.

В 1718–1722 гг. Рагузинский продолжил пребывание в Италии. Он посетил Рим, где вел переговоры с папой об установлении письменной связи между Россией и Ватиканом. В связи с расширением дворцового строительства в Петербурге в задачу Рагузинского входила также закупка мраморных статуй. На него была также возложена царем обязанность опекать русских гардемарин, обучавшихся морской науке на галерах, а также живописцев Ивана и Романа Никитиных, находившихся во Флоренции¹².

Хорошо владевший пером Владиславич-Рагузинский занимался также литературной деятельностью. Именно он в 1722 г. по поручению Петра I перевел на русский язык труд далматинского аббата Мавро Орбина “Славянское царство”. Русская версия книги получи-

ла широкое распространение на славянском юге, оживляя сознание родства и целостности славян.

В петровское время Рагузинский много сделал для развития экономики России, организации специального образования молодого дворянства, строительства морского флота. Он внес вклад в укрепление торговых и дипломатических связей России с Европой, в налаживание отношений со славянскими народами Балкан. Он стоял у истоков балканской политики страны. Значительность фигуры Рагузинского не прошла мимо внимания А.С. Пушкина. Писатель изобразил его в кругу приближенных Петра I в неоконченном романе “Арап Петра Великого”.

Но кульминационный период дипломатической деятельности Рагузинского был впереди и пришелся на ответственнейшую миссию в Азии. В 1725–1728 гг. он возглавлял русское посольство в Китае. Формально оно должно было сообщить китайскому императору о смерти Петра I и восшествии на российский престол Екатерины I, но в действительности его задачей было урегулирование торговых отношений и пограничных вопросов между Россией и Китаем. Дипломатическая деятельность Рагузинского в Китае была сродни подвигу.

Посольство во главе с Рагузинским в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра выехало из Москвы в октябре 1725 г. и добиралось до русско-китайской границы с караваном, казенным обозом в несколько десятков телег под начальством государственного комиссара, почти 10 месяцев. Русско-китайские переговоры в Бэйпине (Пекине), тянувшиеся полгода, были изнурительными. Китайские власти, чтобы добиться от русского посольства уступок, подвергали его членов грубому нажиму, угрозам, шантажу, чередуя откровенное давление с посулами и лестью. Состоялось 48 конференций с китайской стороной, на которых в жарких спорах обсуждалось 20 проектов. Рагузинский, твердо отстаивая интересы России, на заседании Высшего совета китайского двора заявил, что “Российская империя дружбы богдыхана желает, но и недружбы не очень боится, будучи готова к тому и другому”. В 1727 г. посольство выехало из Бэйпина, но переговоры продолжились на границе.

Договор между Россией и Китаем был подписан в Нерчинске и ратифицирован в Кяхте 21 октября 1727 г. Согласно ему граница между Россией и Китаем в районе Монголии была установлена в соответствии с принципом *uti possidetis* (каждый владеет тем, чем владеет теперь). Российское правительство сохранило право отправки казенных караванов в Бэйпин. Кроме того, были установлены три пункта для пограничной торговли “меньшего купечества”. Договор вводил систему особых паспортов для переезда из одного государства в другое. Кяхтинский договор стал важной вехой в истории отношений России и Китая. Вплоть до середины XIX в. он служил их юридической основой.

Главная роль в заключении Кяхтинского договора принадлежала Рагузинскому, который в стесненных обстоятельствах защищал и отстаивал интересы России. За заслуги на дипломатическом поприще он получил чин тайного советника и был пожалован орденом Александра Невского.

В ходе русско-китайских переговоров на границе Рагузинский занимался и другими важными делами. Находясь в Бурятии, он добился упорядочения отношений царской администрации и местного населения. В 1727 г. Рагузинский заложил город Кяхту, который вплоть до второй половины XIX в. был главным пунктом торговли между Россией и Китаем.

Миссия в Китае, результатом которой были важные дипломатические успехи, сопровождалась личными потерями в жизни Рагузинского. Дети его умерли, а молодая жена, бросив его, вернулась в Венецию. Наследником богатств Рагузинского согласно завещанию стал его племянник¹³.

Верное служение России сербского мигранта Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского сочеталось у него с сознанием сопричастности судьбам соплеменников. В период военного конфликта России и Турции он был одним из инициаторов плана освобождения угнетенного населения Балкан путем совместных действий российской армии и повстанцев на местах.

В середине XVIII в. поднялась волна переселенческого движения сербов в Россию, главным образом из австрийских владений. Она была связана с демилитаризацией австрийскими властями отдельных участков Военной границы в районе Среднего Подунавья и переходом этих территорий под юрисдикцию венгерских властей. Границары-сербы, столкнувшись с угрозой превращения их в зависимых крестьян венгерских аристократов, предпочли покинуть родные места и искать лучшей жизни в России.

Одновременно русский двор проявлял готовность поселить в России сербов, стремившихся освободиться от всевозможных притеснений. Правительство рассчитывало с помощью переселенцев решить задачи охраны южных границ, хозяйственного освоения степного края и пополнения людскими резервами армии. Согласно рескрипту Елизаветы Петровны от 1752 г., растущее переселение сербов было для России "не безнужно и полезно"¹⁴.

Массовому переходу сербов в российское подданство предшествовала длительная дипломатическая подготовка. Когда острые вопросы были улажены между Петербургом и Веной, Елизавета Петровна издала 24 декабря 1751 (4 января 1752 г.) указ Сенату об определении земель для поселения сербов, вступивших в российское подданство и на службу. Императрица повелевала: "И потом велеть избираемым для такого поселения земли им, сербам, отвести и впрочем удобнейше возможных вспоможений им подавать, стараясь о том, чтоб они, пользуясь высочайшей нашей милостию, наилучче в

житье с своими фамилиями основаться могли и чтоб сей новоприходящей в нашу империю народ не токмо не огорчен и не отгоняем был в другую сторону, но по возможности оному показуемым благоволением и выгодами к нашему подданству и верности мог бы прихочен быть большим числом в наши границы на поселение приходить, от чего немалая польза нашей империи быть имеет”¹⁵. Елизавета Петровна придавала основательному обустройству сербов в России важное государственное значение.

В октябре 1751 г. в Киев прибыл первый отряд сербов во главе с полковником Иваном Хорватом в количестве 218 человек. К концу года здесь собралось уже 810 человек – военных, членов их семей и слуг. Мигранты привели с собой 445 коней, а сам Хорват – еще и 208 голов крупного рогатого скота. Весной 1752 г. прибыли еще около 70 семей, которые влились в отряд Хорвата¹⁶. В России он получил чин генерал-майора, а затем – и генерал-лейтенанта, офицеры же были подтверждены в чинах, которые ранее имели.

11(22) января 1752 г была издана Указная императорская грамота за подписью Сената на имя генерал-майора Хорвата – нормативный акт обустройства жизни и воинской службы новоприбывших мигрантов в России. Документ постановлял учредить четыре полка (два гусарских и два пехотных) “из православных сербского, македонского, болгарского и волосского народов” и определял для их поселения территорию на Украине под названием “Новая Сербия”.

Военнослужащие получали в “вечное и потомственное владение” землю и в мирное время “денежное жалованье” согласно чину. Оружие, униформу и коней они должны были приобретать и содержать за свой счет. В Новой Сербии запрещалось селиться другим пришлым людям, кроме представителей названных народов. На первых порах переселенцам для обзаведения всем необходимым выплачивались годовое “денежное жалованье” и суммы “за порции и рации” (на покупку продовольствия и фуража). В мирное время военным разрешалось заниматься торговлей, внутри России и за ее пределами, а также промыслами. В Новой Сербии можно было свободно отправлять культ, строить церкви и содержать школы “на своем коште”. В случае войны военным полагалось “жалованье полное с порциями и рационами”. Российское правительство в целом удовлетворило пожелания Хорвата о принципах обустройства сербских мигрантов, изложенные им по прибытии в Россию, и распространило их на представителей других православных народов¹⁷. Жизнь на новых землях была организована по типу военных поселений.

Массовое обоснование мигрантов в Новой Сербии было сопряжено с необходимостью решения множества проблем. Сложным вопросом было постепенное переселение с этой территории проживавшего здесь населения. Непросто складывались отношения между мигрантами, сознававшими свой привилегированный статус, и мест-

ными жителями, в основном беглыми крестьянами. Сербские офицеры во главе с Хорватом злоупотребляли своими правами в ущерб местному люду. В свою очередь поселенцы испытывали постоянную угрозу нападения гайдамаков – украинских казаков, которые грабили и разоряли сербские дворы. Мигранты конфликтовали из-за угодий с казаками Запорожской Сечи, которые не без основания видели в выделении Новой Сербии предвестник ликвидации Сечи. Рождало неудовлетворенность и недовольство мигрантов распределение земель между воинскими соединениями и внутри них между поселенцами¹⁸.

Общее руководство по организации Новой Сербии было возложено на главного коменданта артиллерийского генерал-майора Глебова, который руководствовался изданной в феврале 1752 г. “Инструкцией”. Он действовал в тесном контакте с Хорватом.

Новая Сербия подлежала ведению Сената. Она была создана весной 1752 г. с центром в Новомиргороде. На ее территории была построена укрепленная линия в целях безопасности и отражения набегов крымских татар и заложена крепость Св. Елизаветы, которая в дальнейшем стала городом Елизаветградом.

Вслед за сербскими мигрантами во главе с Хорватом из Австрийской монархии в 1752 г. в Россию “на службу и в вечное ея и.в. подданство” прибыли две группы переселенцев под начальством соответственно полковника Ивана Шевича (всего 178 человек) и подполковника Райко Прерадовича. Указом Сената от 5(16) апреля 1753 г. им была отведена пустынная территория между реками Бахмутом и Луганью на правом берегу Северного Донца под названием “Славяносербия”. Шевич и Прерадович получили чин генерал-майора. Славяносербия была устроена на тех же принципах, что и Новая Сербия, и подчинялась Военной коллегии. Непосредственное руководство делами Славяносербии было возложено на инженерного полковника Бибикова. Кроме того, при Киевской губернской канцелярии была учреждена Славяносербская комиссия, которая занималась вопросами обустройства сербских мигрантов в городе Славяносербске¹⁹. Российское правительство уделяло пристальное внимание налаживанию жизни переселенцев, чтобы предотвратить, в случае их недовольства, возможное возвращение на родину.

Люди Хорвата, Шевича и Прерадовича, соперничая между собой, активно вербовали на Балканах и в Австрийской монархии желающих поступить “на службу и в вечное подданство” царского величества. В 1760 г. население Новой Сербии и Славяносербии составляло более 26 тыс. человек, размещенных в 122 населенных пунктах²⁰. Сербь, составляя анклав компактного проживания на указанной территории, селились также под видом черногорцев, которым были выделены земли между Оренбургом и Ставрополем. Такая форма миграции в условиях противодействия Турции и Австрии выездку своих подданных в Россию облегчала сербам пересечение

границы, поскольку статус Черногории мог рассматриваться как спорный. Зажиточные сербские торговцы и ремесленники обустроивались также в украинских и южнорусских городах, а наиболее видные сербы – даже в столицах.

Как уже отмечалось, в 1727 г. был оформлен первый Сербский гусарский полк, который дислоцировался на Украине. В середине века мигранты составили несколько гусарских и пехотных полков и эскадронов.

На поселение в Новую Сербию и Славяносербию на практике принимались не только сербы, прежде всего выходцы из Австрийской монархии, и представители православных “болгарского”, “македонского” и “влашского” народов, как это предусматривалось в указах Елизаветы Петровны и Сената, но и иностранцы других национальностей и вероисповедания. В конце 1754 г. в Новой Сербии проживало 2225 лиц мужского пола – 257 сербов, 124 македонца (выходцев из Македонии), 57 болгар, 1676 владх, 32 немца, 79 венгров – и 1694 лица женского пола. В отряде Прерадовича насчитывалось в октябре 1754 г. 65 человек – рядовых “сербской”, “болгарской”, “венгеро-прусской”, “влашской”, “мадьярской”, “греческой”, “турецкой”, “македонской”, “еврейской”, “молдавской”, “татарской”, “шведской” этнической принадлежности. Но офицерский состав в соединениях Прерадовича и Шевича был исключительно сербским²¹.

Сербы служили и в других армейских соединениях. На российской военной службе было более 250 сербов-офицеров, в том числе 25 генералов, 17 полковников, 8 подполковников, 37 майоров²². По сравнению с продвижением по службе сербов-граничар в Австрийской монархии, где только единицы дослуживались до высших воинских чинов, в России сербам воинские звания были более доступны.

Сформированные из мигрантов полки были пестрыми по этническому составу, но назывались они по имени одного народа. Эти полки имели особый статус и отличались от регулярных частей разнородностью оружия, обмундирования, амуниции, поскольку военнослужащие приобретали их самостоятельно. В годы Семилетней войны четыре полка, выставленные Новой Сербией и Славяносербией, показали высокую боеспособность.

Массовость переселенческого движения встревожила австрийский двор, и Мария Терезия при всех добрососедских отношениях с Петербургом в 1752 г. специальным патентом запретила вербовку и переселение сербов из государства Габсбургов в Россию. Политика правительства получила поддержку со стороны карловацкой иерархии, которая, руководствуясь интересами местной церкви, в свою очередь чинила препятствия переезду сербов на жительство в Россию. Однако, несмотря на противодействие Порты, венского двора и венецианского Сената, в середине XVIII в. из разных районов Балкан и из Австрийской монархии тянулся поток беженцев, в основном православных, в Россию для поступления на службу и поселение.

Социальный облик жителей на новых землях характеризовался углублявшейся социальной дифференциацией. Старшие офицеры в новосербских полках превратились в крупных землевладельцев. Это были Цветановичи, Серезлии, Эрдели, Адабаши, Бутовичи и др. Богатство и власть генералитета и высшего офицерства соседствовали с нуждой рядовых. Притеснения, поборы, невыдача жалованья вызывали недовольство бедноты. В 1760 г. произошло вооруженное выступление рядовых против генерал-лейтенанта Хорвата и офицеров в Новомиргородском гарнизоне. Как показало расследование, Хорват присвоил 65 тыс. руб. казенных денег, предназначенных для выплаты жалованья. С восставшими жестоко расправились, а пятеро руководителей были казнены. Но и Хорват был лишен чина и имения и выслан в Вологду, где и умер²³.

Ситуация усугублялась общим процессом наступления крепостничества на новые, обживаемые земли и социальной напряженностью на Дону, Иргизе и Яике. Противоречия в среде переселенцев становились частью общественно-экономических процессов на юге и юго-востоке страны.

Сербские беженцы, приняв российское подданство, вливались в жизнь России. Но в XVIII в. многие из них еще сохраняли связь с изначальной родиной. Связующую роль играли, в частности, монахи, приезжавшие с Балкан в Россию за “милостыней”. Наиболее образованные мигранты участвовали в духовной жизни соотечественников.

Заметный след в культурном развитии сербов оставил Павел (Павел) Юлинац (1730–1785). Он происходил из граничарской офицерской семьи, получил образование в евангелическом лицее в Прессбурге (совр. Братислава). Поступив на российскую военную службу, Юлинац достиг чина подполковника и стал русским консулом в Неаполе. При этом он не терял из поля зрения соплеменников, остро чувствуя их духовные запросы и веление времени.

Постоянная борьба за утверждение своего положения в Австрийской монархии, желание уяснить свое происхождение, узнать родственные народы питали у образованных сербов интерес к истории. Ответом на него стала книга П. Юлинаца “Краткое введение в историю происхождения славено-сербского народа” (Венеция, 1765). Это была первая печатная работа, специально посвященная древней и средневековой Сербии. Она была написана на русском языке.

Юлинац опирался на “Историю Византии” Ш. Дюканжа. Точнее, он пользовался изданием, включавшим извлечения из этого труда. Оно вышло анонимно в Прессбурге в 1746 г. Но главным пособием для Юлинаца послужили выдержки из пятитомного рукописного труда “Славяно-сербские хроники”, написанного Джордже Бранковичем в конце XVII в. Выдержки из “Хроник” во многих списках и вариантах имели хождение в сербской среде. Юлинац пользовался узким кругом литературы и источниками из вторых рук, имел огра-

ниченые исторические и географические знания. Тем не менее его книга содержала систематизированное изложение сербской истории, была отмечена чертами нового отношения автора к материалу и отражала наметки критической исторической мысли.

Идейную основу книги Юлинаца составило стремление показать древность сербского народа, его значение в истории, величие его правителей. На протяжении 30 лет “Краткое введение” Юлинаца было единственным источником знаний по отечественной истории для сербов. На основе этого сочинения создавались краткие очерки сербской истории. Книжный материал о выдающихся деяниях народа в прошлом поддерживал сербов и вселял надежду на освобождение от тяжелой доли²⁴.

Имя П. Юлинаца вошло также в историю сербской литературы. Он ввел в нее жанр романа, правда, переводного. Обратившись к новой западноевропейской беллетристике, Юлинац перевел в 1776 г. на церковнославянский язык русской редакции известное историко-философское сочинение французского писателя Ж.Ф. Мармонтеля “Велизарий” (1767). Перевод вышел в Вене, и Юлинац из-за строгости австрийской цензуры был вынужден исключить знаменитую XV главу о веротерпимости, за которую автор в свое время подвергся преследованию Сорбонны. Юлинац использовал при издании книги церковную азбуку. Роман получил у сербов большой успех, а переводчик был удостоен Марией Терезией золотой медали²⁵. Сочинения российского офицера, дипломата содействовали вхождению сербской культуры в атмосферу нового времени.

Во второй половине XVIII в. произошли изменения в переселенческом движении сербов в Россию и в положении здесь мигрантов. В 1764 г. Екатерина II в целях интенсивного обживания южных территорий Российской империи учредила Новороссийскую губернию, включив в нее Новую Сербию и Славяносербию. Были сняты существовавшие ранее этнические ограничения на прием колонистов, и в Новороссии было разрешено селиться как подданным России, так и пришлым из-за рубежа. Для устройства жизни на новом месте колонистам предоставлялся ряд льгот. Был установлен порядок выделения мигрантам земли, в губернии поощрялось развитие ремесел и промыслов, особенно торговли с Крымом и Турцией, предусматривалась организация школьного дела с охватом всех детей. Все это означало конец положению Новой Сербии и Славяносербии как самостоятельных административно-территориальных единиц.

К ликвидации особого статуса территорий военных поселений российские власти побуждали также недостатки управления и неполная отдача от их функционирования. Считалось, что к 1764 г. на основании и подъем Новой Сербии государство израсходовало огромную сумму – 7 млн руб. В то же время созданные из поселенцев полки не были полностью укомплектованы, система военных поселений была подвержена финансовым злоупотреблениям и корруп-

ции. А случившееся в Новомиргородском гарнизоне волнение показало наличие в лице военной бедноты социальной взрывной массы, тем более опасной в соседстве с русскими и украинскими крепостными крестьянами.

В 1774 г. по завершении русско-турецкой войны и заключения Кючук-Кайнарджийского мира территория Новороссийской губернии была значительно расширена в Северном Причерноморье. В следующем году к ней была присоединена и Запорожская Сечь. В 1783 г. Новороссийский край был превращен в Екатеринославское наместничество. В его состав вошел затем и Крым. Во время посещения Екатериной II в 1787 г. Новороссии здесь насчитывалось 700 тыс. жителей. После заключения Ясского мира в 1791 г. в нее вошел Очаков, а в дальнейшем была присоединена Бессарабия. Население Новороссии достигло почти 1 млн человек. Но численность сербов в процентном отношении уменьшалась в силу как наплыва в Новороссию русских, украинцев и представителей зарубежных народов, так и ассимиляции сербов. Если в 1764 г. они составляли 3,22% населения Новороссии, то в 1775 г. – 0,67%²⁶.

Как отмечалось выше, воинские соединения, полностью или частично состоявшие из сербов и других южнославянских мигрантов, участвовали в войнах, которые Россия вела во второй половине XVIII в.

Переселение сербов в Россию небольшими группами и индивидуально продолжалось. Миграционный поток шел теперь в основном с Балкан, усиливаясь с окончанием русско-турецких войн.

В 90-е годы драматично сложилась судьба 200 сербских семей (более 1 тыс. человек) из Герцеговины. Приняв участие в войне с Турцией, они после ее завершения были вынуждены бежать сначала в Черногорию, затем в граничившую с ней Горную Морачу. Черногория с ее скудными ресурсами была не в состоянии обеспечить им сносные условия жизни. В 1794 г. беженцы обратились к Петру I Петровичу Негошу с просьбой о содействии переселению их в Россию или в австрийские, неаполитанские, венецианские владения. Однако наметившееся во второй половине 90-х годов сближение России и Турции в связи с наступательной политикой Наполеона в Средиземноморье, временный переход австрийской балканской политики к обеспечению существующего положения, прохладные отношения России и Черногории – все это заставило Екатерину II воздержаться от приема сербских беженцев.

В 1796 г. Петербург посетил герцеговинский сердарь М. Никшич, который был принят Павлом I. Новый император поддержал просьбу герцеговинцев и издал в 1798 г. грамоту о согласии поселить их в России. Но с заключением российско-турецкого союзного договора в 1799 г. этот вопрос остался открытым. Он был принципиально решен лишь в 1803 г. В Россию прибыли 22 семьи, которые были размещены

в Тираспольском уезде Херсонской губернии. В 1807 г. эти поселенцы составили “Вольную сербскую команду при Черном полку”²⁷.

Жизнь сербских военных мигрантов складывалась в России по-разному. Блестящую карьеру сделал П.А. Текелия. Родом из города Арада на юге Венгрии, он с 1741 г. начал службу в австрийской армии. В середине XVIII в. Текелия принял российское подданство и стал поручиком Сербского полка. В 1767 г. он за хорошую службу получил крупное имение в 3160 десятин земли. За заслуги в русско-турецкой войне и участие в операциях против казаков в ходе ликвидации Запорожской Сечи Текелия был пожалован еще 2565 десятинами земли²⁸. Текелия дослужился до генеральского чина и был награжден орденом Александра Невского.

Прихотливой была судьба сербского мигранта Семена Гавриловича Зорича. Настоящая фамилия его была Симеон Неранджич (Неранчич, Наранчич). Он родился в 1745 г. в Сербии. Усыновленный двоюродным дядей Максимом Зоричем, переехавшим с семьей в Россию и дослужившимся здесь до генерального чина, он принял его фамилию.

Исключительной храбрости офицер С.Г. Зорич отличился уже в годы Семилетней войны. Благодаря своей энергии и таланту он познал блестящие военные успехи в русско-турецкую войну. Но в результате тяжелых ранений Зорич попал в плен и отсидел четыре года в Семибашенном замке. В 1775 г. согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мира состоялся обмен военнопленными между Турцией и Россией, Зорич вернулся в Петербург. За проявленные героизм и мужество серб-российский офицер был удостоен ордена св. Георгия 4-й степени.

С. Зоричу было 30 лет, когда он стал адъютантом Г.А. Потемкина. В 1777 г. светлейший князь представил молодого красивого и изящного полковника Екатерине II. И Зорич оказался в милости у государыни. Вскоре он стал флигель-адъютантом, получил чин генерал-майора и осыпан щедрыми наградами. Основу его богатства составили земельные пожалования, среди которых было местечко Шклов в Могилевской губернии с 13 тыс. душ крестьян. Состояние С. Зорича оценивалось в два млн руб. Он получил известность за границей, став кавалером шведского, польского и мальтийского орденов. Ему посвящались литературные произведения. Милости и почести придали фавориту императрицы излишнюю уверенность в себе и пробудили дерзкие надежды на самостоятельную роль.

“Зорич был очень прост”, – так кратко и емко охарактеризовал А.С. Пушкин этого человека²⁹. Именно простодушие помешало Зоричу понять подлинную роль светлейшего при дворе. Не прошло и года, как он, столкнувшись с князем, “выбыл из случая”. Удаленный от двора, Зорич отправился за границу, а с 1778 г. постоянно поселился в Шклове, превратив его в центр великосветской жизни на западе России.

Гостеприимный шкловский дворец, полный роскоши и великолепия, жил шумной безалаберной жизнью. Бесконечные развлечения, балы, зрелища, маскарады, театральные представления, охота, крупная карточная игра проходили при многочисленном съезде гостей, среди которых была и знать из Петербурга и Москвы.

Желая придать своему имению блеск, Зорич купил в Петербурге солидную библиотеку и основал крепостной театр с постоянными драматической и балетной труппами. Кроме того, великосветские любители ставили в Шклове французскую оперу и русские спектакли. Зорич основал Шкловское “благородное” (фактически военное) училище с хорошо поставленной системой преподавания, в котором на его счет воспитывалось до 300 молодых дворян.

Два раза в год в Шклове устраивались ярмарки, на которые съезжались купцы из разных концов России. Зорич строил промышленные предприятия, давал всем и всякому деньги. При этом он продолжал формально служить, командовал Лейб-гусарским эскадром и Лейб-казачьими командами, временами вступая в конфликт с офицерами. Словом, это была широкая и беспечная натура.

В 1780 г. проездом в Могилев, куда она направлялась на встречу с Иосифом II, и на обратном пути Шклов посетила Екатерина II. Зорич построил к ее приезду “преогромный дом, богато убранный”, выписал из Саксонии фарфоровый сервиз стоимостью более 60 тыс. руб. Императрица осталась довольна пышным приемом, устроенным в ее честь бывшим фаворитом.

Зорич поддерживал постоянные связи с соплеменниками. А.С. Пищчевич, сын серба генерала С.С. Пищчевича, переехавшего из Австрийской монархии в Россию, писал в своих воспоминаниях о Зориче как об обожаемом “всеми сербами вельможе”. Побывав в 1783 г. в Шклове, А.С. Пищчевич вынес впечатление, что “сербы сюда ездят, как в России поселившиеся, так и из Цесарии”³⁰. И чувствовали они здесь себя вольготно. Ряд сербов учились в Шкловском училище. В 1787 г. в Шклов приезжали в разное время С. Текелия, племянник вышеупомянутого генерала П.А. Текелии, в будущем сербский общественный деятель и меценат, и дважды – далматинский архимандрит Герасим Зелич.

Зорич был осведомлен об интеллектуальной жизни соплеменников. Он пригласил в качестве преподавателей для своего училища двух наиболее образованных сербов – Досифея Обрадовича и Эмануило Янковича, писателя, популяризатора естественнонаучных знаний. На приглашение откликнулся лишь Обрадович, прельщенный обещанием Зорича открыть в Шклове типографию.

В 1787–1788 гг. Обрадович в течение полугода преподавал в Шкловском училище. Здесь он начал писать вторую часть автобиографического сочинения “Жизнь и приключения”. Однако Зорич был уже к этому времени весь в долгах, и об устройстве типографии не могло быть и речи. Обрадович покинул Шклов, рас-

продал привезенные книги и получив от Зорича на прощанье 400 руб. и лисью шубу. На эти деньги писатель издал в 1788 г. в Лейпциге вторую часть “Жизни и приключений” и “Басни”³¹. Пребывание в Шклове, солидная библиотека Зорича, театр, непосредственное общение с представителями разных слоев русского общества – все это способствовало расширению знаний сербского писателя о России. Не случайно, что русского материала особенно много в его “Баснях”. Так С. Зорич оставил след и в истории сербской культуры.

В 1782 г. в Шклове, проезжая через Могилев, останавливался Потемкин. Случайно князю открылись неблагоприятные дела здесь, связанные с выпуском авантюристами из Далмации, управляющими Шкловом фальшивых денег. Было проведено расследование. И хотя следствие признало Зорича непричастным к мошенничеству, в 1784 г. он был уволен с военной службы и за ним был установлен негласный надзор. Как ни велики были богатства Зорича, расточительный образ жизни привел его состояние к краху.

В 1796 г. Павел I вернул Зорича на службу, вверив ему гусарский полк и произведя в генерал-лейтенанты. Однако на этот раз Зорич, растратив казенные деньги и превысив власть над офицерами и нижними чинами, был привлечен к суду. В 1797 г. Павел уволил его с военной службы и повелел ему жить постоянно в Шклове. Разоренный и опозоренный Зорич умер в 1799 г. в кругу бедных родственников и прихлебателей. К этому времени Шкловское имение пришло в полное расстройство и было отдано в государственное управление. Училище, здание которого в 1799 г. сгорело, в конечном итоге было переведено в Москву в качестве Первого московского кадетского корпуса.

С.Г. Зорич познал в своей жизни головокружительный взлет, унижительные расследования и потерю репутации. Он упал в глазах Екатерины II, которая отозвалась о нем так: “Можно сказать, что две души имел: любил доброе, но делал худое, был храбр в деле с неприятелем, но лично был трус”³². Тем не менее Зорич вошел в историю не столько придворными успехами, сколько благодаря вкладу в развитие военного образования в России и личному участию в поддержании русско-сербских отношений.

На протяжении XVIII в. российское правительство ввиду нехватки образованных людей приглашало в страну специалистов разных профилей. Во второй половине столетия наряду с офицерскими кадрами отправились в Россию представители сербской интеллигенции. Среди них был Т. (Ф.И.) Янкович Мириевский.

Т. Янкович получил гуманитарное образование в Венском университете. В 70-х годах он был одним из тех, кто проводил школьную реформу Марии Терезии у сербов. Янкович перевел с немецкого языка ряд учебников для сербской молодежи, составленных авто-

ром школьной реформы в наследственных землях аббатом Фелбигером. В 1782 г. по поручению Екатерины II русский посол в Австрийской монархии Голицын пригласил в Россию для реорганизации школьного дела Янковича, теперь директора сербских школ в Темишварском Банате. Он участвовал в разработке плана школьных реформ 1782–1786 гг., став центральной фигурой на пути приобщения школьного образования в России к европейским стандартам. Член Российской академии наук Янкович руководствовался передовыми принципами педагогики³³.

На ниве просвещения трудился в России серб Г. Терлаич (Трлаич). Он получил образование в университетах Пешта и Вены. Переехав в конце XVIII в. в Россию, Терлаич стал профессором всеобщей истории Педагогического института в Петербурге. В начале XIX в., когда был основан Харьковский университет, он перешел на работу в это учебное заведение, но в 1811 г. умер.

Терлаич занимался также литературной деятельностью, поддерживая постоянные связи с соплеменниками. В 1801 г. писатель “перевел” для сербов на церковнославянский язык русской редакции роман М.М. Хераскова “Нума Помпилий, или Процветающий Рим” (1768), проникнутый рационалистическими идеями. Терлаич был видным поэтом, сочетавшим приемы классицизма и сентиментализма. Однако он выступал активным поборником развития сербской светской литературы на русском церковнославянском языке. Идеальным обоснованием такой позиции была убежденность, что церковнославянский язык является общим для всех славян, основой литературной связи сербов с русскими. “Славянский” язык Терлаича подвергся критике со стороны Досифея Обрадовича. “Это не для сербов крестьян...”, – утверждал он. Терлаич посылал книги сербам из Петербурга, в частности учебники риторики. По просьбе карловацкого митрополита Ст. Стратимировича он отправил ему в 1806 г. французские описания путешествий и сочинения Ж.Ж. Руссо в оригинале и русских переводах³⁴.

Терлаич способствовал укреплению русско-сербских культурных связей, хотя его разностильное писательское творчество на рубеже XVIII и XIX вв. из-за приверженности к русскому церковнославянскому языку отставало от запросов времени и потребностей развития сербской культуры.

Сербское присутствие проявлялось в русской жизни в разных формах. Известно, что в Архангельском соборе московского Кремля, храме-усыпальнице русских царей, имеются фрески с изображением сербских святых – князя Лазара, павшего на Косово поле в 1389 г., и “сербских чудотворцев” Савы и Симеона. Церковный интерьер всегда был неотъемлемой частью православной литургии, воздействуя на души и сознание верующих. В данном случае он создавал ощущение духовной целостности православного мира, причастности русских к судьбам единоверцев.

В XVIII в. в России получили распространение наиболее значительные произведения современной сербской литературы. З. Орфелин, работая над трудом о жизни Петра I, рассчитывал на его распространение в России. В пользу этого говорят использование автором русского языка и его примечания в тексте с объяснением, в частности, местонахождения известных сербских городов Сремски-Карловцев и Белграда.

Анонимная монография в количестве 400 экземпляров попала в Россию³⁵. Поскольку содержащееся в ней Посвящение Екатерине II было подписано венецианским книгоиздателем Д. Теодосие, она была воспринята в России как его труд. В 1774 г. в Петербурге “при Императорской Академии наук” вышло ее издание с дополнениями и исправлениями М.М. Щербатова и языковой правкой В.А. Троепольского. Сочинение, как это значилось на титульном листе, было “печатано иждивением” петербургского купца С. Копнина и иркутского торговца И. Байбородина. Монография была снабжена русскими издателями 29 иллюстрациями, представлявшими собой старые гравюры и планы³⁶.

В 1795 г. в России увидела свет первая часть труда Й. Раича “История разных славенских народов наипаче болгар, хорватов и сербов из тмы забвения изытая и во свет исторический произведенная” (Вена, 1794–1795. Ч. I–IV). Дальнейшая публикация сочинения была приостановлена в связи с вмешательством через митрополита Стратимировича сербского книгоиздателя Ст. Новковича в Вене, обеспокоенного конкуренцией своему изданию³⁷. В том же году Екатерина II наградила Раича золотым медальоном со своим портретом.

Переселенческое движение сербов в Россию было проявлением глубокого доверия их к единой славянской стране. При всех трудностях и противоречиях жизни в новых краях переселенцы получили землю, материальное обеспечение, свободу отправления культа. Случай возвращения мигрантов в прежние места проживания была исключением из общего процесса вживания массы мигрантов в новые условия. И тот факт, что на протяжении целого века был отмечен лишь один эпизод волнения военных колонистов, свидетельствует об относительном удовлетворении сербских поселенцев своим положением в России. Этому способствовал и тот факт, что сербские офицеры продвигались по службе, достигая высоких воинских чинов. Они щедро награждались правительством за военные заслуги.

Жизнь сербских мигрантов в России сопровождалась нарастающим процессом их естественной ассимиляции с русскими и украинцами. Это было сложное и неоднозначное явление. В глобальном разрезе утрата частью народа своих национальных черт была уроном для сербского этноса. В то же время постепенное слияние сербов с русскими происходило в результате того, что они попали в

близкую им по менталитету среду, которая не отторгала, а привлекала их. Ассимиляция части сербов с великим русским народом сделала их равнозначными участниками достойной истории России.

Особую страницу представляло переселенческое движение черногорцев в Россию. Тяжелые условия жизни в Черногории – голод и постоянная угроза его, карательные экспедиции турок – побуждали черногорцев покидать родину.

Активизация переселения черногорцев в Россию была связана с поездкой архиерея Василия Петровича в Петербург в 1752 г. Он предложил российскому правительству, в числе прочего, организовать выезд черногорцев в Россию, прежде всего для поступления их на военную службу. После русско-австрийской дипломатической переписки Мария Терезия согласилась предоставить черногорцам-мигрантам свободный проход через свои владения. Устройство черногорцев в России предусматривалось на тех же условиях, что и других православных выходцев с Балкан.

Первая партия переселенцев численностью около ста человек направилась из Черногории в апреле 1755 г. На австро-турецкой границе в Земуне она была задержана для прохождения карантина. В дальнейшем 30 человек перешли границу, а остальные рассеялись.

В то же время в Киев из Черногории прибыл поручик русской службы Николай Петрович, передавший в губернскую канцелярию письмо от цетинского митрополита с сообщением о готовности тысячи черногорцев перебраться в Россию. В связи с этим Сенат принял решение направить на австрийскую границу племянника митрополита Савы Петровича Степана Петровича, служившего в российской армии, с двумя офицерами. В их задачу входило разыскать и направить в Киев упомянутых 100 человек, а также встретить новую партию мигрантов.

Вторая группа черногорцев численностью около 80 человек прибыла на австрийскую границу в феврале 1756 г. Ее привел поручик русской службы Яков Эдмирович. Перейдя легально границу, группа направилась в Петроварадин и после неприятных перипетий была пропущена через австрийскую территорию. На путевые расходы мигрантов Сенат на первых порах выделил шесть тысяч червонцев.

Для организации переселения черногорцев в Россию на места, а также в Трест были направлены российские эмиссары. В Киев в 1756–1759 гг. прибыли партии черногорцев в несколько десятков человек. Всего за эти годы в Россию переселилось 1499 человек, что обошлось петербургскому правительству в 42 168 руб. 3/4 коп. Среди них были выходцы не только из Черногории, но также из Герцеговины, Боснии, Албании и Далмации, выдававшие себя за черногорцев. Это облегчало им проход через австрийскую и венецианскую территории.

В связи с Семилетней войной российское правительство в ноябре 1758 г. приостановило организованный вывод черногорцев в Россию.

Для поселения черногорцев была выделена территория между Оренбургом и Ставрополем. Они обустроивались также в Новой Сербии и Славяносербии. Черногорцы составили несколько эскадронов, которые сражались в Восточной Пруссии. Они служили также в Сербском, Ахтырском, Молдавском, Венгерском и других полках, отличившихся во время русско-турецких войн. Черногорцы были также во флоте. Имена И. Подгоричани и Войновичей вошли в историю русской воинской и морской славы³⁸.

В результате массовых переселений выходцев из Юго-Восточной Европы в Россию петербургское правительство в целом решило ряд важных задач. Благодаря созданию из мигрантов новых боеспособных полков была укреплена людскими резервами российская армия, на юге возведены новые укрепленные линии, появились дополнительные крепости, ставшие впоследствии городами. Мигранты способствовали подъему хозяйства степной части страны, его вовлечению в экономическую систему России. Выдающиеся представители сербского народа внесли значительный вклад в разные сферы российской жизни, показав высокие образцы военного искусства, дипломатии, культурной деятельности. Мигранты сыграли положительную роль как в решении актуальных задач внутреннего развития страны, так и в поддержании и развитии русско-сербских связей.

---

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. I. С. 658; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 11 и след.

² Политические и культурные отношения России... С. 15.

³ Письма и бумаги... Т. I. С. 794–795.

⁴ Там же. М., 1975. Т. XII, вып. 1. С. 428; Политические и культурные отношения России... С. 26–27.

⁵ Письма и бумаги... Т. XII, вып. 1. С. 321; Политические и культурные отношения России... С. 42, 46–49.

⁶ Политические и культурные отношения России... С. 50–51.

⁷ Там же. С. 68, 70, 71; Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1889. Т. 69. С. 922–924.

⁸ Письма и бумаги... СПб., 1889. Т. II. С. 207–209; СПб., 1893. Т. III. С. 307–310.

⁹ Там же. М.; Л., 1948. Т. VIII, вып. 2. С. 917.

¹⁰ Там же. Т. XII, вып. 1. С. 424; Кочубинский А. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румунами // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете (Далее: ЧОИДР). М., 1872. Кн. 2. С. 43, 53.

¹¹ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1896. Ч. II. С. 244.

¹² Там же. С. 217, 239; Политические и культурные отношения России... С. 53, 56.

¹³ О жизни и деятельности Саввы Владиславича-Рагузинского см.: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994.

¹⁴ Политические и культурные отношения России... С. 158.

¹⁵ Там же. С. 151.

¹⁶ Там же. С. 150. *Рудяков П.* Сеоба Срба у Русију у 18. веку. Београд, 1995. С. 33–34.

¹⁷ См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. С. 556–558; Политические и культурные отношения России... С. 153–156.

¹⁸ *Рудяков П.* Указ. соч. С. 42, 43, 49.

¹⁹ Политические и культурные отношения России... С. 173, 180–185; *Рудяков П.* Указ. соч. С. 63.

²⁰ *Рудяков П.* Указ. соч. С. 77.

²¹ *Кабузан В.М.* Заселение Северного Причерноморья (Новороссии) в XVIII веке (1719–1795) // Советская этнография. 1969. № 6. С. 34; *Рудяков П.* Указ. соч. С. 68, 71.

²² Историја српског народа. Београд, 1986. Кн. IV, т. I: Срби у XVIII веку. С. 249.

²³ Политические и культурные отношения России... С. 264 и след.; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 154.

²⁴ *Радојчић Н.* Облик првих модерних српских историја // Матица српска: Зборник за друштвене науке. Нови Сад, 1951. Св. 2.

²⁵ *Деретић Ј.* Српски роман. 1800–1950. Београд, 1981. С. 61–62.

²⁶ *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 37.

²⁷ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 366 и и след., 378, 382–383, 399 (примеч.); Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века: Документы. М., 1997. С. 13–15, 18, 34–35.

²⁸ *Рудяков П.* Указ. соч. С. 50.

²⁹ *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 182.

³⁰ Жизнь Александра Пишчевича, им самим описанная. 1764–1787. Ч. 1-я // ЧОИДР. 1885. Январь–март. Кн. 1. С. 28.

³¹ *Обрадовић Д.* Сабрана дела. 1811–1961: в 3-х т. Београд, 1961. Т. I. С. 281, 282.

³² Русский биографический словарь. СПб., 1916. Т. 7. С. 468.

³³ Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 424; *Матль Й. Ф.* Янкович и австро-русские связи в истории народного просвещения // XVIII век. Л., 1975. Вып. 10. С. 76–81.

³⁴ *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Т. II. С. 281; *Павић М.* Историја српске књижевности класицизма и предромантизма. Класицизам. Београд, 1979. С. 55, 438.

³⁵ *Бошков М.* Житије Петра Великог у Бакмајстеровом часопису 1778 године: Прилог проучавању руске рецепције // Споменица о 250-годишњици рођења Захарије Орфелина. Београд, 1976. С. 90, 97.

³⁶ Житие и славныя дела Петра Великаго. СПб., 1774.

³⁷ *Веселиновић Р.* Српска историографија XVIII века // Српска штампана књига 18. века. Каталог. Београд, 1963. С. 50–51.

³⁸ *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // Югословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БОЛГАР В РОССИЮ

Эмиграция болгар на север от Дуная в соседние страны, в том числе и русские земли, – непрерывный процесс, продолжавшийся на протяжении всего периода, пока болгарский народ находился под османским игом. Это было одной из форм протеста против иноземного господства. Волны болгарских переселений способствовали взаимному ознакомлению и расширению связей между двумя народами. В истории заселения болгарами российских, в основном южнорусских, земель следует различать несколько периодов, связанных с событиями в истории Болгарии и России.

Начиная с XVI и особенно в XVIII в. шел постоянный процесс переселения вначале отдельных лиц, а затем и целых групп болгарских беженцев в Россию. Они селились в основном в различных местах южных областей империи. Часть из них служила в войсках, но большинство оседало на предоставляемых свободных землях и занималось земледелием, ремеслами и торговлей.

В XVIII в. многие духовные лица прибывали в Россию за так называемой “милостыней”. Но не только духовные, но и миряне обращались за “милостыней” к Москве. Кроме того, в Россию ходили сами или с духовными лицами-просителями торговцы, ремесленники, переводчики с греческого языка и оставались здесь. Некоторые из них имели свои дома в Москве. В 1708 г. была проведена перепись всех “греков”, живущих в Москве. Среди них имелись и переселенцы-болгары¹. Одним из духовных лиц, переселившихся в Россию в начале XVIII в., был софийский епископ Караджи вместе со своей семьей, впоследствии известные как Каразины².

Во время освободительной борьбы украинского народа в 1648–1654 гг. под предводительством Богдана Хмельницкого в поименных списках запорожского войска встречается много болгарских имен и фамилий. Большая масса болгарских пришельцев на Украине служила в рядах казачества, другие же занимались земледелием, ремеслом и торговлей³.

О том, что на землях к западу от Днепра, по которым шли дороги из Киева в Стамбул, среди христиан, бежавших из Османской империи, жили и болгары, свидетельствует и рукописный сборник русских трактатов конца XVII – начала XVIII в.⁴

В 1680 г. Константинопольской патриархией было учреждено в г. Нежине, расположенном на дороге Киев–Москва, Нежинское торговое греческое братство. В XVIII в. оно было преобразовано в греческий магистрат, просуществовавший до 1873 г. Многие переселенцы-христиане, не бывшие греками, в том числе и болгары, записывались в члены этого братства. Сохранились документальные свидетельства этому.

В 1711 г. по случаю войны с Турцией правительство издало указ, согласно которому “грекам” в Нежине предлагалось покинуть Рос-

сию, а тем, кто останется, воспрещалось выезжать из “Малороссии” и переписываться с чужбиной. Нежинцы послали Петру I письменную декларацию, в которой говорилось, что они желают остаться и не будут переписываться с заграницей. К этой декларации был приложен список из 135 человек православных иноземцев. Среди них были названы и болгары, например “Константин Иванов, Димитрий и Апостол, болгаре человеки”. Во второй декларации нежинских колонистов от 20(31) марта 1711 г. имелись отдельные рубрики для греков, валахов, молдаван и сербов. В “Реестре сербов, живущих в Нежине”, указаны Константин Димитриев и его челядник “болгар человек”, а также Николай Ничов, Ананий Войнов, живущий в Нежине 22 года, Недялко Димитров (10 лет), Недялко Динник (10 лет), Стати Иванов Стойчю (16 лет) и еще многие колонисты, поселившиеся в Нежине во второй половине XVII в.⁵

По данным ведомостей от 5(16) июля 1765 г. и 3(14) апреля 1769 г., болгарские торговцы, жившие в Нежине, были в основном выходцами из Софии, Пловдива, Плевена, Русе, Ямбола, Костура, Тырнова, Охрида, Струмицы и Варны. Некоторые болгары эллинизировались, хотя их имена ясно говорят об их происхождении⁶. В ведомости за 1769 г. как греческие купцы значатся Дмитрий Иванов из Рущука (Русе), Ян Юрьев и Костаки Юрьев из Тырнова, Иван Младе и Иван Федулов Болгар из Македонии⁷.

Со времен Петра I российское правительство предпринимало шаги по заселению южных окраин Российского государства людьми, могущими нести пограничную службу. Из пробирававшихся в Россию сербов, валахов, молдаван и болгар создавались гусарские полки. Однако в этот период наиболее многочисленными были сербские и валахские переселенцы. О болгарх в рядах русской армии в петровское время сохранились только отдельные упоминания.

Политику Петра I по заселению южных окраин России выходцами-христианами из Османской империи продолжили и его преемники. Русско-турецкая война 1735–1739 гг. имела отзвук среди поработанных Портой народов. В эти годы по Балканскому полуострову прокатилась волна антитурецких выступлений. Они захватили и болгарские земли⁸. Эти восстания были потоплены в крови. Спасаясь от мести османов, сотни болгар, сербов и греков бежали в Молдову навстречу русской армии. Ее командующий Б.К. Миних, сообщая о большом числе волонтеров, вступивших в гусарские полки и Молдавский корпус на территории Молдовы, отмечал, что среди них “...есть и болгары греческого вероисповедания, пришедшие из Бендер и из-за Дуная нарочно для принятия Вашего императорского величества высокославной службы”⁹. После окончания войны многие из них ушли вместе с русской армией в пределы России.

В царствование Елизаветы Петровны вопросу охраны и заселения южных областей Российского государства представителя-

ми единоверных народов, которые могли бы одновременно служить и их обороне, было уделено первостепенное внимание. Стала широко практиковаться система вывода иностранцев офицерами и полковыми чиновниками, которые для этой цели получали разрешение отправляться за границу¹⁰. Но только с середины XVIII в., когда началось официальное заселение чужеземцами южных областей России, можно говорить о переселении болгар как о нарастающем процессе, хотя по своим размерам оно значительно уступало сербскому.

Переселение болгар в Россию усилилось почти одновременно с созданием в 1751–1752 гг. сербских военных поселений. Еще до прибытия И. Хорвата с отрядом в Россию с ним в Вене встречался российский посол Бестужев-Рюмин, который после этой беседы сообщил своему правительству, что “православные народы сербы, македонцы, болгары и вlahи желают служить... кровью и оружием” русской императрице¹¹.

Согласно перечневой ведомости, составленной в октябре 1751 г., среди прибывших в Киев переселенцев значились сербы, македонцы, болгары, валахи, “новопривезенные из Венгерской области”¹². О наличии болгар среди мигрантов того же года свидетельствуют и приложения к именному указу императрицы от 24 декабря 1751 г.¹³

В состав корпуса И. Хорвата в 1752–1754 гг. было включено 620 семей болгар и валахов. Достоверных сведений об этой группе сохранилось мало. Известно лишь, то эти люди вышли из Османской империи с целью поселиться на землях Польского королевства. “Но прибыв на место и увидев, что там свободных хлебопашцев не было, переселенцы... узнали об особых милостях, пожалованных ново-сербскому водворению”. Поселили их вместе с сербами в Новой Сербии. Дальнейшая судьба этой группы болгар неизвестна. Как свидетельствует А.А. Скальковский, уже в середине XIX в. память о них сохранилась только в топонимике – часть Новомиргорода именовалась тогда “Болгарией”¹⁴.

Имеются данные, что среди поселенцев Новой Сербии в декабре 1754 г. было 57 болгар. В Славяносербии в 1756 г. в списке полка генерал-майора Шевича, который состоял из 534 чел., числилось 20 болгар. Столько же болгар было в полку генерал-майора Прерадовича¹⁵.

До 1756 г. в Новой Сербии содержались Сербский, Венгерский, Грузинский и Молдавский полки, которые, по свидетельству А.А. Скальковского, пополнялись только завербованными или добровольно записавшимися сербами, болгарами, грузинами и молдаванами¹⁶.

В течение Семилетней войны было решено сформировать еще четыре полка, среди них отдельный Болгарский, который и был создан в 1760 г. Его организацией занимался С. Пишчевич, заместитель Прерадовича. Он выбрал главной квартирой селение на грани-

цах “Малороссии”, Новой Сербии и “Польской Украины” и стал вызывать туда иностранцев. Офицерами в полку были сербы¹⁷.

В годы правления Екатерины II переселение иностранцев, в том числе и болгар, разрасталось. Манифест от 4 декабря 1762 г., которым призывались иноземцы на поселение в Россию, последовавшая за ним серия указов о правах и привилегиях иностранных колонистов в России, а также учреждение “Опекунства иностранных поселенцев” определенно показывали, что впредь правительство не удовлетворится только военными поселениями, что настало время действовать в гораздо больших масштабах. Это время стало началом постоянного и довольно значительного переселения болгар в Россию.

В 60-е годы XVIII в. на поселение прибыло добровольно 66 болгарских семей. Мужчины были зачислены в гусарские полки¹⁸. В 1763 г. вышла из пределов Османской империи еще одна группа болгар, гораздо меньшая. Часть из них (28 человек) осела во владениях Киевско-Братского монастыря, где они арендовали участки земли, другие перебрались в Черниговскую губернию¹⁹. В 1765 г. 36 болгарских семей из местечка Богданов Дол в Софийской казе, бежавших от притеснений османов, поселились в окрестностях Киева, где занимались садоводством, виноградарством, ремеслами²⁰. За ними приезжали другие группы болгар.

Массовое переселение болгар в южные области России происходило во время русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 годов. Это было обусловлено как ситуацией, сложившейся в болгарских землях, так и политикой российского правительства. Южные области, освобожденные от татар и турок вследствие успешных войн этого периода, особенно нуждались в земледельческом населении, которое обрабатывало бы новые пустующие земли. Здесь же создавались города, также нуждавшиеся в жителях. Немаловажную роль играло стремление русского правительства заселить эти области именно христианскими славянскими народами, чтобы ослабить мусульманский элемент. Вот почему, несмотря на то, что вызов иностранцев в Россию был прекращен с 1766 г., христиане-переселенцы из балканских мест привлекались для поселения в южных областях государства. “Вызыватели”-вербовщики становятся одной из характерных фигур во время русско-турецких войн второй половины XVIII – начала XIX в.

В самом начале войны в 1768 г. турки сформировали для борьбы с русской армией особый полк из болгар, сербов, валахов, молдаван под командованием Скаржинского. Однако этот полк перешел на сторону России. Одна часть сдавшихся была тогда же отведена в тыл и поселена в Новороссийских степях. Другая была оставлена при армии и только после заключения мира разделила судьбу своих товарищей.

Из новых поселенцев был образован Молдавский гусарский полк, которому были отведены земли по рекам Черный Ташлык, Синюха и левому берегу Буга. Несколько севернее впадения Черного Ташлыка в Синюху ими был занят поселок Ольшанка, а при впадении Мертвовода в Буг – Соколы, старое запорожское поселение, впоследствии Вознесенск²¹. Это положило начало большой болгарской колонии в Херсонской губернии. Болгары-ольшанцы, поселившись на землях, отведенных прежним выходцам из Османской империи (молдаванам и валахам), тотчас же вошли в состав образованного в 1769 г. Бугского казачьего войска²².

В 1773 г. около 400 жителей села Флатарь²³ под Силистрой, занятой русскими войсками, обратились к графу П.А. Румянцеву с просьбой содействовать их переселению в южнорусские земли. Граф поручил майору Штеричу с 72 гусарами сопроводить их от берегов Дуная до крепости Святой Елизаветы. К этой группе присоединились переселенцы из других мест: из-под Рушука, Видина, даже из Добруджи. Они были также поселены в Ольшанке. Часть ольшанцев так и называлась “добруджанцами”²⁴. Те болгары, которые воевали под командованием Румянцева, также населили Ольшанку. Им были обещаны графом 30-летняя льгота и выгодные для поселения земли.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г. много болгар убежало в Валахию и Россию. В Добриче тогда не осталось ни одной болгарской семьи²⁵.

Спасаясь от турецкого гнета, болгары, естественно, рассчитывали на лучшие условия жизни. Многие из них преодолевали длинный и трудный путь, чтобы добраться до России, поверив обещаниям правительства. Так, по окончании войны 1768–1774 гг. П.А. Румянцев заверил болгар, воевавших в его армии, что под покровительством русской державы они найдут покойную жизнь. Поэтому, оставив свои дома не только за Дунаем, но и в Дунайских княжествах, они переселились в пределы России.

Однако в действительности мигрантов ожидало разочарование: голая степь, удаленность от городов – вот что зачастую было в самом деле. Да и обещанными льготами они пользовались только восемь лет. Местные власти чинили произвол, в поселениях царил казарменный режим. Поэтому многие из переселенцев, пользуясь близостью границы, пытались вернуться обратно. Немало болгар, поселившихся в Ольшанке, бежали через реку Буг в Голту, бывшее турецкое урочище, а другие – через реку Синюху в Польшу, а оттуда в Турцию. По распоряжению русского правительства беглецов перехватывали, и тогда пойманным отрезали косички (которые носили все болгары) и отдавали их в солдаты, в регулярные войска, а по выслуге уже всей службы возвращали опять на места нового жительства²⁶. Нередки были случаи, когда пойманных отправляли за сотни километров вглубь России, чтобы пресечь новые попытки возвращения на родину²⁷.

Вообще бегство было явлением довольно обычным в Новорос-сии. Многие из переселенцев-болгар бежали в Запорожскую Сечь, где рядовые казаки относились к беглецам сочувственно. Здесь они, как и местные запорожские казаки, занимались сельским хозяйством, различными ремеслами или торговлей и принимали участие в военных походах. В списках казачьих команд, участвовавших во многих походах, есть не одна болгарская фамилия²⁸. Это происходило до 1775 г., до ликвидации Запорожской Сечи. Однако большинство переселенцев обустроивались на новых местах и навсегда оставались в России.

В 1783 г. ольшанцы, по приказу князя Потемкина, образовали специальные отряды и приняли охрану р. Буг. Как только в 1787 г. начались военные действия, ольшанские поселенцы вошли в организованный из “задунайских выходцев” полк и принимали участие в штурме крепостей Измаил и Очаков²⁹. Ольшанцы – самая большая группа болгар на территории бывшего Советского Союза, которые в своем быту спустя более двух веков хорошо сохранили традиции и свой родной язык³⁰.

В 1775 г., после окончания войны, в южные области России переселились солдаты и командиры добровольческих батальонов русского флота, действовавшего в Эгейском море. В их составе было много болгар. Переселение происходило исключительно добровольно, на выгодных для них условиях. Русское правительство позаботилось об образовании детей этих переселенцев. Указом Екатерины II от 17 апреля 1775 г. в Кронштадте был создан специальный кадетский корпус для иностранных юношей – детей солдат и командиров этих батальонов. В том же году было принято 100 молодых людей болгарского, греческого и сербского происхождения, а также выходцев из Далмации³¹.

Официальное разрешение свободно торговать в России, данное Портой своим подданным по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, усилило болгарскую эмиграцию в Нежин, Москву и южнорусские города. Среди наиболее видных болгарских торговцев, которые именно во второй половине XVIII в. переселились в Россию, были братья Априловы, Иван Денкоглу, Феодосий Иовчен, Андрей Хаджиоглу. Москва стала центром торговли с болгарскими землями. Здесь многие болгарские торговцы открыли свои конторы, имели свои дома. Все ошутимее нарастало число болгарских торговцев и ремесленников в Нежине. По мнению некоторых исследователей, число болгарских колонистов здесь достигло к концу XVIII в. одной трети всего населения города³².

Точных сведений о количестве переселенцев-болгар до начала XIX в. не существует. Сохранились лишь отрывочные данные, но они позволяют определить число болгар, переселившихся в Россию в последней трети XVIII в., как довольно значительное.

В 70-е годы напряженные отношения с Портой потребовали от русского правительства принятия определенных мер для укрепления южных границ. С этой целью Потемкин, ставший с 1774 г. управляющим Новороссийской губернией, осуществил целый ряд мер по реформированию административной, хозяйственной и военной жизни Новороссии. Одним из намерений князя было создание гусарских полков по национальному признаку. Он писал Якоби, бывшему в то время командиром Новосербского полка: “чтобы и прочие полки (наряду с сербским. – *О.М.*) составлены были из народов по своему названию, что с Молдавским, Волоским и Булгарским легко учиниться может, а в других же хотя первый эскадрон собрать национальный”³³. Это предписание Потемкина интересно тем, что оно свидетельствует о пребывании в пределах России значительного числа болгар.

По указу от 24 декабря 1776 г. из поселенных полков было организовано девять национальных гусарских полевых полков, в том числе и Болгарский. Общая численность этих полков составляла 6696 чел.³⁴ По неизвестным причинам Потемкин впоследствии отказался от своего намерения иметь в составе русской армии национальные полки, и в 1777 г. Молдавский гусарский полк был пополнен болгарскими, пришедшими из Силистры³⁵. Но в находившихся в Киевской губернии Болгарском и Македонском полках в 1778 г. насчитывалось 442 человека³⁶.

После преобразования кавалерии и организации из поселенных полков регулярных кавалерийских частей многие болгары вошли в состав Ольвиопольского легкокоянного полка³⁷.

Следующая волна болгарского переселения была связана русско-турецкой войной 1787–1791 гг. По признанию самого султанского правительства, в канун войны, когда большие группы покоренных народов были мобилизованы рыть окопы, укреплять старые крепости или перевозить строительный и другие материалы, из внутренних районов убежало 7–8 тыс. семей, в основном жители Македонии и Фракии. Султанский ферман, из которого почерпнуты эти сведения, свидетельствует, что только небольшая группа из этого числа нашла пристанище в Молдове, остальные ушли в российские земли³⁸.

В эти годы на территориях, занятых русскими войсками, оседало много болгарских купцов, ремесленников и крестьян. Многие остались в Бессарабии и после ухода оттуда русской армии. Они селились в городах Рени, Измаил, Бендеры, Аккерман, Кишинев, Килия или на землях молдавских бояр. Но до заключения Бухарестского мирного договора 1812 г., когда Бессарабия отошла к России, их положение было сложным – они находились в Бессарабии как иностранные “бенажеры”, т.е. выходцы, пользуясь непрочным покровительством господаря, занимались земледелием, виноградарством и садоводством³⁹.

По подсчетам А.А. Скальковского, в Бессарабию с 1769 по 1791 гг. прибыло около 2 тыс. болгар⁴⁰.

Большое число болгар было поселено в Херсонской губернии. Во время второй екатерининской русско-турецкой войны “из разных мест по р. Дунаю было приведено 831 семья болгар для поселения по левому берегу Днестра, во вновь приобретенной от Порты области”. Однако разместить здесь всех не удалось: 58 семей убежали в Молдову, а 287 семей, “сомнительных и склонных к побегу”, были поселены по левому берегу р. Буг. Последним, по докладу графа П. Зубова от 12 октября 1794 г., было выдано 13 282 руб. 50 коп. в беспроцентную ссуду с обязательством погасить ее в течение трех лет по прошествии десятилетней льготы⁴¹.

В 1790 г. ряды Бугского войска пополнились членами пятисот болгарских семей. Им так же, как и другим чинам Бугского казачества, правительство даровало личные и поземельные права⁴². Точных данных о количестве болгарских переселенцев этого периода нет. От этого времени на территории Молдавии, Украины и Южной России не известно ни одного села⁴³.

После заключения Ясского мирного договора (1792 г.) началась новая волна переселения болгар. Одни из них переходили через Дунай и селились в новоустроенных городах: Тирасполь, Новые Дубоссары, Григориополь. Другие добирались морем до Крыма и Херсона. Много болгар, главным образом купцов и ремесленников, осело в городах Новороссии.

В 1794 г. на месте турецкого укрепления Хаджи-бей была основана Одесса. В 1795 г. графом П. Зубовым были разработаны “Два положения о устройстве в г. Одессе и окрестностях оного селений единоверных нам народов”⁴⁴. В этом же году на краю Одессы была создана колония Арнаудовка. Начало ей положили 900 арнаудов, которые после войны 1787–1791 гг. ушли из Румелии по Черноморскому побережью⁴⁵. Во время османского владычества арнаудами называли жителей Западной Македонии. С этого времени всех болгар, переселявшихся из Османской империи в конце XVIII в., по повелению императрицы поселяли в степь вокруг Одессы⁴⁶. В самой Одессе многие болгары стали купцами. Так создавалась болгарская колония в Одессе⁴⁷.

Следует отметить, что переселение болгар в мирное время происходило нелегально. По условиям Кючук-Кайнарджийского и Ясского мирных договоров и до заключения Бухарестского мира 1812 г. право на свободное переселение в Россию получали только жители Дунайских княжеств: в течение одного года после первого и четырех месяцев после второго. Однако переселение продолжалось, но путем тайного бегства⁴⁸. Переходы по собственному почину – нередкое явление в последние годы царствования Екатерины II⁴⁹. Переселение христиан из других областей Османской империи в Россию не предусматривалось никакими договорами. Российские дипло-

маты в Османской империи получили самые серьезные распоряжения воздерживаться от вмешательства в вопросы переселения. Это особенно заметно во времена царствования Павла I⁵⁰.

С 1799 г. российское правительство ввиду договорных отношений с Портой не могло официально вывозить болгар, желавших переселиться в Россию. Но оно разрешило местным властям принимать всех, кому удастся добраться до российских пределов, поселять их на пустующих землях и помогать в обустройстве на новом месте.

Это было актуальной мерой, поскольку с конца XVIII в. случаи бегства из внутренних областей Румелии в земли на север от Дуная приняли значительный масштаб еще по одной причине – борьбы аянов за власть и кирджалийских смут. Поджоги и разграбления десятков болгарских сел сопровождались массовым выселением жителей в два Дунайских княжества и южнороссийские земли⁵¹. Но наиболее остро эти процессы проявились в 1800–1806 гг., когда они, по свидетельству современников, стали причиной массового переселения болгар в Россию⁵².

¹ Снегаров И. Культурни и политически връзки между България и Русия през XV–XVIII в. София, 1953. С. 54.

² Дойнов Ст. Българите и руско-турските войни. 1774–1856. София, 1987. С. 13.

³ Дойнов Ст. Русско-турецкие войны второй половины XVIII – первой трети XIX в. в политической судьбе болгарского народа // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 28.

⁴ Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1731–1823. Одесса, 1836. Ч. 1. С. 10.

⁵ Снегаров И. Указ. соч. С. 55–56.

⁶ Дойнов Ст. Русско-турецкие войны... С. 29.

⁷ Сохань П.С. Очерки истории украинско-болгарских связей. Киев, 1976. С. 46.

⁸ История на България. С., 1985. Т. V. С. 91–92.

⁹ Шульман Е. Русско-молдавское содружество (1735–1739 гг.). Кишинев, 1962. С. 47.

¹⁰ Шишмарев В.Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975. С. 37.

¹¹ Занетов Г. Българските колонии в Русия. София, 1891. С. 180–181.

¹² Кабузан В.М. Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX в. М., 1976. С. 84.

¹³ Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. № 9919.

¹⁴ Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 3.

¹⁵ Кабузан В.М. Указ. соч. С. 88; Дойнов Ст. Руско-турските войни... С. 29.

¹⁶ Скальковский А.А. Хронологическое обозрение... С. 55.

¹⁷ Попов Н.А. Военные поселения сербов. // Вестник Европы. 1870. Т. III. С. 611–612.

¹⁸ Семенова И.В. Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. Т. 2. С. 325;

¹⁹ Скальковский А.А. Болгарские колонии... С. 4.

²⁰ Сохань П.С. Указ. соч. С. 54.

²¹ Шишмарев В.Ф. Указ. соч. С. 52; Семенова И.В. Указ. соч. С. 342.

- 22 *Державин Н.С.* Болгарские колонии в России. С., 1914. Т. I. С. 9.
- 23 Название этого болгарского села у разных авторов дается по-разному: Флатор (*Сохань П.С.* Указ. соч.), Алтафар (*Дойнов Ст.* Русско-турецкие войны...), Алтафар (*Генов Ц.* Българите и руско-турските войни XVIII–XIX век. София, 1987. С. 31; *Бернштейн С.Б.* Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX вв. // Советское славяноведение. 1980. № 1. С. 46). Мы даем название этого села по первому печатному упоминанию: *Скальковский А.А.* Опыт статистического описания. Одесса, 1836. С. 5.
- 24 *Лобачевский В.* Бугское казачество и военные поселения // Киевская старина. 1887. Т. XIX. С. 596; *Скальковский А.А.* Болгарские колонии... С. 5.
- 25 *Велики К.* Браилските бунтове, 1841–1843. София, 1968. С. 19.
- 26 *Лобачевский В.* Бугское казачество... С. 596–597.
- 27 Материалы для оценки земли Херсонской губернии. Херсон, 1886. Т. 2. С. 294.
- 28 *Сохань П.С.* Указ. соч. С. 49–50.
- 29 *Димитров Д.* Указ. соч. С. 10.
- 30 *Бернштейн С.Б.* Основные этапы переселения болгар в Россию в XVIII–XIX вв. С. 47–48.
- 31 *Боев Р.* Военно-политическое сотрудничество между балканскими народами и Россией в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 г. // *Etudes balkaniques*, 1975. N 2. С. 127.
- 32 *Гюзелев В.* Болгарский народ и Россия в XV – первой половине XIX в. // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 31–32; *Дойнов Ст.* Българска емиграция от втората половина на XVIII и първото десетилетие на XIX в. в земите на север от Дунава // В чест на академик Димитър Косев. София, 1974. С. 81–90.
- 33 *Семенова И.В.* Указ. соч. С. 342.
- 34 Там же.
- 35 *Миллер Д.* Заселение Новороссийского края и Потемкин. Харьков, 1895. С. 35.
- 36 *Сохань П.С.* Указ. соч. С. 54.
- 37 *Семенова И.В.* Указ. соч. С. 342.
- 38 *Дойнов Ст.* Българска емиграция... С. 84.
- 39 *Скальковский А.А.* Болгарские колонии... С. 12–13.
- 40 Там же. С. 4.
- 41 *Писаревский Г.* Из истории иностранной колонизации в России. М., 1909. С. 338–339.
- 42 *Скальковский А.А.* Болгарские колонии... С. 6.
- 43 *Бернштейн С.Б.* Указ. соч. С. 48.
- 44 *Писаревский Г.* Указ. соч. С. 339.
- 45 *Хаджиниколова Е.* Българските преселници в южните области на Русия. 1856–1877. София, 1987. С. 24.
- 46 *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение... Ч. I. С. 243.
- 47 *Скальковский А.А.* Болгарские колонии... С. 6.
- 48 *Гроссул В.Я.* Дунайские княжества в политике России 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 27–28.
- 49 *Шишмарев В.Ф.* Указ. соч. С. 37.
- 50 *Грачев В.П.* Към въпроса за преселването на българи в Русия в началото на XIX в. (1800–1806 гг.) // Българското възрождане и Русия. София, 1981. С. 277.
- 51 *Мутафчиева В., Виану А.* Феодални размирници в Северна България в края на XVIII в. и началото на XIX в. и тяхното отражение във Влахия // Българско-румънски връзки и отношения през векове. София, 1965. Т. I. С. 224–234 и др.
- 52 *Александр I, Наполеон и Балканы.* М., 1997. С. 29–40, 107–116, 204–208.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVIII в. взаимоотношения славянских народов Юго-Восточной Европы и России получили динамизм и новые черты. В начале столетия они носили еще инерционный характер, продолжая многовековую историческую традицию связей южных и восточных славян. Актуализация контактов была обусловлена усилением потребностей угнетенных славян в надежном и сильном союзнике для освобождения от власти Турции и достижения равноправного положения во владениях Австрии и Венеции, с одной стороны, и осознанием российским правительством интересов страны на Балканах, формированием балканской политики России — с другой. В основе этих тенденций, событий и явлений лежали процессы, связанные с переходом Юго-Восточной Европы и России к новому времени с его пробуждением к самостоятельной исторической жизни угнетенных народов, выдвижением новых национальной задач перед Россией и славянами Юго-Восточной Европы, скрещением международных противоречий в балканском регионе в условиях включения его в процесс развития европейской рыночной экономики.

Связи славянских народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII в. выступали в комплексе внутренних и международных проблем. Их содержанием были взаимная поддержка в противоборстве с мощной и агрессивной Турцией, взаимодействие в укреплении позиций славян перед лицом Австрии и Венеции и упрочении престижа России на международной арене, взаимопомощь в решении внутренних задач.

В развитии русско-южнославянских отношений в XVIII в. выделяются три этапа: петровское время, 30–50-е и 60–90-е годы. При возрастающей активности контактов эти этапы характеризовались различной степенью их интенсивности и доминанцией разных форм.

В условиях многообразия отношений славянских народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII в. ключевым звеном этой системы в первой четверти столетия был Прутский поход Петра I. Россия в этой кампании впервые в истории открыто объявила своими союзниками в противоборстве с Турцией подвластные христианские народы султаната и получила поддержку со стороны населения Черногории, Герцеговины и Северной Албании. Славяне убедились в готовности и способности России, несмотря на военную неудачу Петра I, стать опорой в их стремлении к улучшению жизни. Середина века была отмечена войной России и Австрии с Турцией при участии Черногории на стороне союзников, завершившейся незначительными успехами Петербурга, и подъемом переселенческого движения балканских славян в южнорусские края и на Украину. Время правления Екатерины II характеризовалось наступательной политикой петербургского правительства в отношении Османской империи, хотя обе русско-турецкие войны тех лет были развязаны Портой при подстрекательстве западных государств. Победы России над Турцией, возвысившие ее как главный внешнеполитический фактор на Балканах, усилили тяготение южных славян к России и способствовали дальнейшему укреплению и расширению многообразных контактов между ними.

В системе отношений православных славян Юго-Восточной Европы и России особое место занимали церковные связи. Традиционные в своей основе, они в XVIII в. стали обретать новые свойства. Церковные контакты Черногории с Россией в силу особенностей ее государственного и политического устройства получили в этом столетии одновременно и политический характер. Связи сербской церкви на Балканах и в Австрийской монархии с Россией, направленные не только на решение церковных задач, ограждение сербов от давления католицизма и ислама, но и на улучшение положения народа в целом, также несли на себе печать политических интересов. Местная православная церковь на западе Балкан, в противовес протурецкой позиции Константинопольского патриаршества, под верховной юрисдикцией которого с середины XVIII в. она находилась, была традиционным, верным приверженцем России. В свою очередь покровительство православной церкви было одним из путей распространения политического влияния России в этом регионе. Долгое время православная церковь оставалась главным действующим лицом в контактах России и единовременных славян.

Культурное развитие православных славян Юго-Восточной Европы в XVIII в. в силу их длительного духовного застоя, масштабы и силы русской культуры и безвозмездной помощи России протекало под мощным воздействием русского фактора. В первой половине столетия культурные связи развивались в устоявшемся виде с превалированием церковных и околоцерковных форм. С 60-х годов в культурах южных славян в результате изменения духовных потребностей людей стали проявляться, в большей или меньшей степени, черты, свойственные культурному типу нового времени. Происходили изменения и в культурной жизни России. Результатами этих процессов были возрастание светского компонента в русско-славянских культурных связях, обогащение форм и включение их в общеевропейский процесс духовного общения народов.

В фольклоре, литературе и исторических трудах южнославянских народов утвердился образ России как центра православия, защитницы и покровительницы христиан, томящихся под турецким гнетом. Идеино продвинутые мыслители воспринимали Россию под углом зрения облагораживающего действия на общество знаний и разума.

Католическая часть балканских славян оставалась еще в культурной изоляции от России, открытие ею русского духовного богатства станет достижением национального возрождения, развернувшегося в следующем столетии.

Стержнем взаимодействия славянских народов Юго-Восточной Европы и России была балканская политика российского правительства. Ее родоначальником был Петр I. Именно он сформулировал в 1697 г. триаду актуальных задач России в черноморском бассейне: открытие и обеспечение для страны южного морского пути, освобождение от власти Турции балканских христиан и ослабление Османской империи. Эти задачи сохраняли стратегическое значение в российской внешней политике на всем протяжении XVIII столетия. Петербургское правительство решало их военными методами ввиду могущества и "задиристости" мировой султанской державы и в соответствии с характером самой эпохи.

Принципиальными особенностями балканского направления внешней политики России были поддержка ее угнетенными народами региона, исходившие с их стороны импульсы к ее активизации, стремление российского правительства в свою очередь опереться на эти народы. В отличие от Австрии, которая также старалась привлечь на свою сторону южных славян в ее противоборстве с Турцией, но при этом преследовала задачу присоединения к монархии

территорий по среднему Дунаю, на побережье Адриатики и западнобалканских земель, Россия не задавалась целью территориальных приращений на Балканах. Екатерина II видела способ решения балканского вопроса путем вытеснения Турции из Европы и образования на юге и в центре Балкан государства под протекторатом России.

На протяжении всего времени турецкого господства славянские народы не покидали надежда на освобождение. С победами России над Турцией появились проекты создания на Балканах государственных образований славян под ее покровительством. При всей разности таких проектов они были ориентированы на воссоздание в том или ином виде, естественно, с временной модификацией, с помощью России полунезависимых государств-преемников средневековых монархий. В последние десятилетия XVIII в. складывавшаяся новая общественная ситуация в Юго-Восточной Европе вызвала к жизни в интеллектуальной среде южных славян освободительную мысль национального типа. Разная по обстоятельствам появления и зрелости, она явила собой понимание самостоятельных задач своих народов, что не исключало вопроса о внешней поддержке и союзниках. Новое осознание назревших задач сочеталось с пониманием роли России в обновлении жизни южных славян.

Борьба с Турцией была насущным делом как для России, так и для угнетенных балканских народов. Следуя инициативе Петра I, Екатерина II с началом войн с Турцией в грамотах призывала христиан оказывать поддержку российской армии, обещая содействие в освобождении от турецкого ига. Эти призывы были продиктованы суровой необходимостью совместных действий, но заключали в известной степени преувеличенную оценку возможностей России не с точки зрения ее военного потенциала, а с точки зрения серьезных интересов европейских держав в этом регионе.

Поддержка угнетенными славянскими народами России в ходе русско-турецких войн значительно расширилась во второй половине XVIII в. Этому способствовали действия в 1769–1774 гг. в Средиземноморье российского флота и приближение фронта военных действий к болгарским землям. В войне 1787–1791 гг. сербское население на западе Балкан было вовлечено в вооруженные действия против турок в контакте с австрийской армией. Поддержка балканскими славянами российских войск была посильным вкладом этих народов в победу России над Турцией. Антиосманские действия славян в разных формах способствовали углублению структурного кризиса Османской империи и формировали

опыт активного организованного сопротивления угнетательскому режиму, подготавливая народы к массовой освободительной борьбе, развернувшейся в XIX столетии.

В XVIII в. участие славян в русско-турецких войнах на стороне России при относительной массовости не имело всеохватывающего размаха. Это объяснялось организационной неготовностью народов к масштабным действиям, отсутствием национальных лидеров, для запада Балкан – отдаленностью театра действий российской армии. Участники вооруженной борьбы действовали на историческую перспективу своих народов, в то время как реальные последствия антиосманских акций на местах были сопряжены с людскими жертвами и материальными потерями, связанными не столько с вооруженными выступлениями, сколько с последующими карательными операциями турецких властей. Российское правительство, насколько позволяли ему обстоятельства, дипломатическими мерами стремилось оградить повстанцев от расправы турок и путем оказания материальной помощи восполнить понесенный ущерб. В Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. впервые был включен пункт об амнистии по воинским преступлениям.

Все виды русско-южнославянских связей находились в тесном взаимодействии, оказывая влияние друг на друга. Церковные и идейные контакты создавали особую атмосферу взаимного доверия, охватывавшую мир культуры. Духовная жизнь православных славян с неизменным присутствием в ней России была необходимой предпосылкой реальной поддержки ее в военные годы. Боевое сотрудничество скрепляло заинтересованность друг в друге.

Тяжесть положения славянских народов в сочетании с идеализированным восприятием России, с одной стороны, и заинтересованная позиция петербургского правительства, видевшего целесообразность решения с помощью переселенцев ряда внутренних и внешних задач, с другой – делали Россию притягательным центром для христианской эмиграции с Балкан. Групповые переселения славян, преимущественно сербов, в Россию начались в петровское время. С середины XVIII в. переселенческое движение славян из Австрийской монархии и с Балкан в Россию получило массовый характер. Являя собой неприятие славянскими народами угнетательских режимов, оно в то же время усиливало гуманный аспект балканской политики Петербурга.

Опора на Россию имела важное значение для поддержания жизни, сохранения этнической индивидуальности и развития угнетенных славянских народов Юго-Восточной Европы. Связи с балканскими славянами положительно

сказывались и на разных сторонах российской действительности. В условиях неадекватности, политических интриг и прямого противостояния России ряда западноевропейских государств это были стратегические союзники Петербурга в черноморском и средиземноморском бассейнах перед лицом Турции, хотя в XVIII в. союзническая миссия этих народов на практике только начинала проявляться. В результате массовых переселений славян в Россию были основательно пополнены людскими и материальными резервами ее военные силы и хозяйство, укреплены южные рубежи страны, ускорено обустройство пустоовавших степных земель. В XVIII в. русско-южнославянские связи расширили пространственную сферу внешнеполитической активности России и способствовали укреплению ее позиции в европейском мире.

Общеввропейская обстановка в конце XVIII столетия и новые внешнеполитические задачи России в связи с обострением международных противоречий на Балканах обусловили изменение курса петербургского правительства в отношении Османской империи. Оно перешло к поддержке целостности Турции и установлению дружественных отношений с ней. Со своей стороны и Порты под влиянием агрессивной политики наполеоновской Франции в Средиземноморье стала активно искать сближения с Россией. В начале 1799 г. Россия и Турция подписали первый в истории их отношений союзный договор. Но разразившееся в 1804 г. в Белградском пашалыке всенародное освободительное восстание сербов, получившее региональное значение, открыло новую страницу в истории Балканского вопроса, политики России в Юго-Восточной Европе и отношений с ней южнославянских народов. Началась другая жизнь Балкан. Она была подготовлена событиями, достижениями и утратами XVIII века.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. (И.И. Лециловская)	3
<i>Глава I</i>	
ПОЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В XVIII ВЕКЕ	8
Сербы под властью Турции и Австрии (И.И. Лециловская)	8
Демографические особенности Боснии и Герцеговины (И.И. Лециловская)	19
Южные славяне в Далмации и Боке Которской. Дубровницкая республика (И.И. Лециловская)	22
Черногория (Н.И. Хитрова)	29
Болгарский народ (О.В. Медведева)	38
<i>Глава II</i>	
БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ (В.Н. Виноградов)	57
Россия и Турция: начало противоборства	57
Азовские походы, Великое посольство и мир с Турцией	60
Трагедия на Пруте	71
Упрочение связей с южными славянами при преемниках Петра I	78
Война 1768–1774 гг. и судьбы южного славянства	94
Греческий проект Екатерины II	106
Укрепление влияния России в Юго-Восточной Европе	115
<i>Глава III</i>	
ЦЕРКОВНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ	133
Россия и духовное развитие сербского народа (И.И. Лециловская)	133
Россия в сознании сербов (И.И. Лециловская)	152
Церковь и культура Черногории в отношениях с Россией (Н.И. Хитрова)	174
Роль России в духовной жизни болгар (О.В. Медведева)	191
<i>Глава IV</i>	
РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ И БОЕВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН	210
На западе Балкан (И.И. Лециловская)	210
Участие Черногории на стороне России в войнах против Турции (Н.И. Хитрова)	225

Участие болгар в русско-турецких войнах (О.В. Медведева)	236
<i>Глава V</i>	
ДУБРОВНИК И РОССИЯ (И.И. Лециловская)	246
<i>Глава VI</i>	
С БАЛКАН В РОССИЮ	277
Сербы в России (И.И. Лециловская)	277
Переселение болгар в Россию (О.В. Медведева)	298
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (И.И. Лециловская)	308

Научное издание

**СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
И РОССИЯ В XVIII ВЕКЕ**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *Э.Д. Алексеева, А.Б. Васильев,*
Г.В. Дубовицкая

Подписано к печати 27.12.2002
Формат 60 × 90^{1/16} Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 20,0 Усл.кр.-отг. 20,0 Уч.-изд.л. 22,6
Тираж 600 экз. Тип. зак. 3908
Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru
Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"**

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 5-27-91

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3432) 55-10-03

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 46-56-20

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90

220012 Мясск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00

113105 Москва, Варшавское ш., 9, строение 1Б (книжная ярмарка "Центральная", 5 этаж); 737-03-33 (доб. 50-10)

117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79

103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96

630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60

630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга-почтой"); (код 3832) 35-09-22

142292 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой"); (13) 3-38-80

443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга-почтой"); (код 8462) 37-10-60

199034 Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62

191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65

199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11

194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 24-47-74, факс (код 3472) 24-46-94

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон 241-03-09

E-mail: akadem.kniga@g23.relcom.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

WWW. AK-Book. naukaran.ru

---

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: [initsiat @ naukaran.ru](mailto:initsiat@naukaran.ru)
Internet: www.naukaran.ru*
